

ПСИХОЛОГИЯ
СОЦИАЛЬНЫХ
ЯВЛЕНИЙ

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ГЛОБАЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ

Ответственные редакторы:

А. Л. Журавлев, Д. А. Китова

ИНСТИТУТ ПСИХОЛОГИИ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

Российская академия наук
Институт психологии

Психологические исследования глобальных процессов

предпосылки, тенденции,
перспективы

Ответственные редакторы:
А. Л. Журавлев, Д. А. Китова

Издательство
«Институт психологии РАН»
Москва – 2018

УДК 159.9

ББК 88

П 86

Все права защищены.

*Любое использование материалов данной книги полностью
или частично без разрешения правообладателя запрещается*

Рецензент:

доктор психологических наук, ведущий научный сотрудник ИП РАН,
профессор *А. В. Сухарев*

Коллектив авторов:

Предисловие — *А. Л. Журавлев*; Место введения, Заключение — *А. Л. Журавлев*,
Д. А. Китова; гл. 1, 16 — *В. А. Соснин*; гл. 2, 3, 15 — *А. Л. Журавлев*, *Т. А. Нестик*;
гл. 4, 5, 19 — *Д. А. Китова*; гл. 6, 8 — *Т. В. Дробышева*, *А. Л. Журавлев*; гл. 7, 10, 13 —
А. Л. Журавлев, *А. В. Юревич*; гл. 9 — *М. И. Воловикова*; гл. 11 — *А. Л. Журавлев*,
В. А. Кольцова; гл. 12 — *В. П. Позняков*; гл. 14 — *А. А. Гостев*; гл. 17 — *Т. А. Нестик*; гл. 18 —
А. А. Грачев; гл. 20 — *Д. А. Китова*, *М. А. Китов*; гл. 21 — *М. И. Воловикова*, *А. Л. Журавлев*

П 86 Психологические исследования глобальных процессов: предпосылки, тенденции, перспективы: Коллективная монография / Отв. ред. *А. Л. Журавлев*, *Д. А. Китова*. — М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2018. — 448 с. (Психология социальных явлений)

ISBN 978-5-9270-0364-8

УДК 159.9

ББК 88

Работа посвящена острой проблеме современного общества — трансформации психологии и поведения людей в условиях глобальных процессов, а также психологическим технологиям воздействия на человека, группы и общество в целом, анализу психологических детерминант глобальных процессов. Авторы проводят изучение феноменологии проблемы, выявляют психологические предпосылки возникновения и развития нового научного направления — исследования глобальных социально-психологических процессов, раскрывают макропсихологические, групповые и личностные детерминанты развития глобальных процессов; рассматривают влияние информационных технологий на массовое сознание и поведение в условиях развития глобальных процессов, раскрывают механизмы воздействия, в том числе и стратегического, на массовое сознание и поведение людей.

*Работа выполнена по Государственному заданию
ФАНО РФ 0159-2016-0006*

© ФГБУН Институт психологии РАН, 2018

ISBN 978-5-9270-0364-8

Содержание

Предисловие	5
Психологические предпосылки, тенденции и перспективы развития глобальных процессов (вместо введения)	8

Раздел 1

Информационно-психологические предпосылки глобальных процессов

Глава 1. Интернет-технологии в основе трансформации массового сознания и поведения	27
Глава 2. Психологические факторы негативного отношения россиян к новым технологиям	36
Глава 3. Групповые факторы обмена знаниями: функции и механизмы	49

Раздел 2

Экономико-психологические предпосылки глобальных процессов

Глава 4. Экономические потребности в основе глобальных процессов	67
Глава 5. Предприимчивость как фактор развития глобальных процессов	97
Глава 6. Система факторов экономического сознания в условиях вторичной экономической социализации	116

Раздел 3

Социально-психологические предпосылки глобальных процессов

Глава 7. Коллективные смыслы как предпосылка личного счастья	135
Глава 8. Социальная психология города в современных условиях	148
Глава 9. Психологический потенциал государственных праздников	159

Раздел 4

Макропсихология российского общества в условиях глобальных процессов

Глава 10. Психологические аспекты поиска российской национальной идеи	169
Глава 11. История и современное состояние российского менталитета	183

Глава 12. Социальная психология российского предпринимательства	200
--	-----

Раздел 5

Глобальные вызовы современности и психологические факторы противодействия

Глава 13. Избыточное неравенство доходов как угроза безопасности современного общества	217
Глава 14. Психологические технологии и механизмы глобальной манипуляции	233
Глава 15. Психологические аспекты глобальных рисков и отношение к ним в обществе	250
Глава 16. Психолого-мировоззренческие концепции противодействия терроризму в условиях глобальных процессов	266

Раздел 6

Социально-психологические условия и перспективы глобальных процессов

Глава 17. Глобальная идентичность в условиях развития современного общества	281
Глава 18. Жизненные ориентации человека в макропсихологическом проектировании общества	293
Глава 19. Роль предпринимательства в развитии глобальных процессов	316
Глава 20. Психологические критерии в структуре моделей государственного управления	333
Глава 21. Место нравственной элиты в общественной жизни современной России	351
Заключение	364
Литература	368

Предисловие

В Институте психологии РАН на протяжении многих лет проводятся комплексные психологические исследования. В их научное основание заложены два целостных подхода — многоуровневый *онтологический* и *антропологический*, в центре которого находится человек во всем многообразии его характеристик, от нейрофизиологических основ психики до ее проявлений в социальном взаимодействии. Одной из ведущих тенденций современных онтологических исследований в ИП РАН выступает разработка основ макропсихологии, ориентированной на исследование психологических проблем современного общества в целом (Журавлев, Юревич, 2014; Ушаков, Журавлев, 2008; Дробышева, Журавлев, 2016; Журавлев, Нестик, 2016а; Соснин, 2016). В эту сферу исследований входит множество проблем общественного развития, такие как нравственное состояние общества, социальное самочувствие населения, психология управления инновационными процессами, обеспечение психологической безопасности граждан, социально-психологические исследования коррупции и т. д. Наиболее актуальным и значимым фокусом исследований социальных явлений, способным привести к полномасштабным изменениям в жизни всего общества, выступает психология массового поведения больших социальных групп. Как известно, поведение больших социальных групп способно вывести общество как на качественно новый виток развития, так и, без надлежащего внимания к нему, втянуть его в социальные катастрофы и даже свергнуть в хаос.

В период развития информационных технологий (появления современных информационных продуктов, разработанных с использованием Интернета и средств мобильной связи) и одновременно снижения издержек, обуславливающих доступность технологий основной массе населения, происходит формирование новых социальных, экономических и культурных ситуаций развития. По-

всеместное распространение информационных технологий вносит решающий вклад в укрепление социальных связей, способствует объединению людей в самые разнообразные группы и общности, формирует новые социальные нормы и модели поведения, которые выходят за рамки географических и политических границ, трансформирует привычные механизмы и схемы функционирования массовых процессов. В связи с этим массовое поведение больших социальных групп обретает ранее неведомые психологические особенности. Например, ярко проявляет себя проблема массовых протестных движений населения, которые могут быть спровоцированы манипулятивным усилием недобросовестных с социально-этической точки зрения (или даже с точки зрения психического здоровья) лиц, ориентированных на получение собственной выгоды. Посредством такого воздействия может управляться массовое социальное поведение как отдельных социальных групп, так и глобальных сообществ. Это воздействие чаще всего используется для дестабилизации определенных социальных, политических, этнических групп или территорий, может доходить по своему эмоциональному накалу до информационных войн и, как показывает мировой опыт, даже перерастать в прямую военную агрессию против суверенных геополитических субъектов.

В связи с меняющейся социальной, технологической и психологической ситуацией развития современной цивилизации, самые разнообразные вопросы социально-политической и экономической обусловленности локального характера, которые возникают в границах одного государства, могут распространяться (иногда мгновенно) за его пределы и обретать характер глобальный. Таким образом, в современном мире возникает и актуализируется вопрос: что же может предложить современная психологическая наука для воздействия на общественные процессы с учетом их глобальной специфики и, возможно, даже для управления ими? Нам особенно важно понять, какие психологические механизмы лежат в основе возникновения и распространения общественных психологических явлений, каковы механизмы воздействия и управления массовым сознанием и поведением глобальных социальных групп, функционирующих в масштабах государства и/или крупных международных сообществ.

Цель монографии — постановка новых научных и научно-практических проблем общественного характера, осознание вызревающих направлений психологических исследований глобальных процессов, прогнозирование актуальных отраслей соответствующего психологического знания, а также оценка возможностей их разви-

тия в условиях зарождения и протекания глобальных процессов, релевантных общемировым тенденциям развития. По большому счету, задача этой монографии состоит в том, чтобы не только показать суть происходящих в России общественных процессов, но и выявить интегральный психологический потенциал современного российского общества и даже сработать на опережение динамически развивающихся социально-экономических ситуаций жизнедеятельности в условиях глобальных изменений... что чрезвычайно сложно.

Психологические предпосылки, тенденции и перспективы развития глобальных процессов (вместо введения)

Глобализация, возникшая изначально в сфере экономических отношений, сохраняет свою экономическую детерминацию, но, в связи с расширяющимися возможностями электронных средств коммуникаций, неуклонно распространяется на различные сферы человеческой жизнедеятельности. Практически ни одно современное государство не свободно от влияния глобальных процессов и не может считать себя закрытой и/или самодостаточной системой. Неуклонно растет и усиливается влияние крупных транснациональных корпораций на национальные экономики, увеличивается скорость перемещения капиталов, создаются предпосылки к разрушению устойчивых экономических систем, изменяется традиционный уклад жизни людей, трансформируются многие мировоззренческие позиции, культурные ценности и поведенческие стереотипы.

Рассматривая глобализацию как доминирующую тенденцию современного мирового развития, одни специалисты видят в ней позитивные социальные аспекты. Так, А. Тойнби и Д. Икеда утверждают, что мы являемся свидетелями возникновения единой цивилизации, зарождение которой начиналось в технологических границах западного мира, но сегодня существенно обогащается духовно, благодаря общему вкладу всех исторических субъектов региональной политики (Тойнби, Икеда, 1998). С этой позицией согласен и У. Андерсон, определяющий глобализацию как «поток конвергирующих сил, которые создают подлинно единый мир» (Anderson, 2001, с. 122).

Другие исследователи более осторожны в своих оценках или же очень негативно оценивают будущее глобализации и остерегают человечество от превращения культурного многообразия современной цивилизации в унифицированную, «серую казарму „макдональдсов“, дешевых сникерсов, джинсов, компьютерных игр и оболваниваю-

щих телевизионных сериалов» (Арсентьева, 2008, с. 8). Об опасности такой унификации, утверждения на Земле одного культурно-исторического типа, говорил еще Н. Я. Данилевский: господство одной цивилизации, одной культуры лишит человеческий род разнообразия, которое является необходимым условием совершенствования и развития любой цивилизации (Данилевский, 1991).

Осторожное отношение к процессам глобализации сопряжено и с возможными техногенными и экологическими проблемами, которые могут быть ими порождены и уже порождаются. У. Бек, немецкий социолог, особую известность которому принесли работы по комплексному исследованию современной глобализации, обращает внимание человечества на возможность глобальных катастроф. Он отмечает, что технологические достижения влекут за собой глобальные проблемы и угрозы, и это формирует «глобальное общество риска» (Бек, 2001). Автор не далек от истины: в ряду *глобальных угроз* современности уже широко выделяются такие проблемы, как: истощение природных ресурсов, глобальные изменения климата (неизвестной этимологии), многочисленные природные и техногенные катастрофы, бесконечное загрязнение окружающей среды, не всегда подконтрольное распространение в мире оружия массового уничтожения, связанное с этим разрастание террористических угроз, бездумное преследование частных национальных и/или корпоративных интересов ограниченным кругом лиц и т. д. Таким образом, наличие глобальных угроз, необходимость всеобщего противодействия этим угрозам и понимание возможных последствий подобных катастроф для продолжения жизни на Земле — все это становится примечательной особенностью современного этапа мирового развития. А. Печчеи отмечает, что разнообразные и разноуровневые проблемы, связанные с глобализацией, «сцепились друг с другом... опутали всю планету, а число нерешенных проблем растет, и они становятся все запутаннее» (Печчеи, 1980, с. 7).

Есть и третья точка зрения на развитие глобальных процессов. Она сопряжена с эволюционной оценкой происходящего и носит относительно нейтральный характер. В качестве примера можно привести позицию В. А. Рюмина, рассматривающего глобализацию как исторический процесс, который начался в конце XV—начале XVI в. и связан с эпохой великих географических открытий. Этот процесс продолжился и в XVIII в. как порождение промышленной революции и проявление единого мирового пространства, созданного рынком и обменом. Конец же XX в., когда информационные технологии начали размывать территориальные границы и сокра-

тились расстояния между странами, является очередным, третьим этапом развития глобальных процессов (Рюмин, 2003).

Существуют и оригинальные оценки и трактовки современного развития глобальных процессов. Так, например, бывший сотрудник британских спецслужб Д. Колеман, автор книги «Комитет 300», утверждает, что вся власть в мире уже давно находится в руках тайного мирового (т.е. глобального) правительства и все человечество обслуживает его узкие интересы (Колеман, 2003).

Тем не менее, какие бы оценки, ожидания и прогнозы ни порожились глобальными процессами у современных исследователей (см., например: Россия в глобализирующемся мире..., 2007), все они согласны с тем, что современный мир переживает некий *критический период* перехода от эпохи «доглобальной» к эпохе «глобальной», определяющийся разными исследователями по-разному: «точка бифуркации», «точка невозврата», «переходный период», «эпоха неопределенности» и т.д.

Все исследователи согласны и с тем, что глобализация – это объективный и неизбежный процесс в истории человечества и нет таких сил (за исключением непредвиденных глобальных катастроф), которые могли бы остановить его. Он порожден не умом и волей тех или иных «глобализаторов» и протекает вне зависимости от желания и воли его противников или сторонников (Касюк, Манохин, Харичкин, 2016, с. 169).

Объективно возможны разные, в том числе и взаимоисключающие, варианты осуществления глобализации – как по ее целям, так и по конкретным путям и средствам их достижения.

Специалисты едины и в оценке глобализации не столько как сформировавшейся реальности, сколько динамично *формирующейся*, – открытой, многокомпонентной и многоуровневой системы, системообразующие факторы которой вырабатываются в самом процессе формирования глобального мира (Арсентьева, 2008).

Здесь сложно не согласиться с мнением, что разработка феномена глобализации обладает небольшой историей, если считать со времени постановки глобальных проблем, а сам термин имеет возраст менее двадцати лет. Поэтому пока объективно трудно ожидать наличия завершенной, целостной и системной научной картины данного явления (Барлыбаев, 2008).

Конечно, рано говорить о точном и всесторонне выверенном определении глобализации в силу еще не сформировавшихся реалий этого процесса. К тому же, «определение глобализации осложняется тем, что научные исследования отражают различные ракурсы видения

глобализации, которые различны для специалистов разных отраслей знания и зависят от целей исследования, идеологических ориентиров и т. д.» (Касюк, Манохин, Харичкин, 2016, с. 168). Рано говорить и о раскрытии сущности понятия, его содержательных и структурных элементов, реализации методологических принципов, прикладных направлений исследования и управленческих принципов воздействия на протекание этих процессов, так как и в самой глобализации, и в возможностях ее научного анализа еще много неопределенностей и «белых пятен».

Со своей стороны, хочется добавить, что глобализационные процессы благодаря интернет-технологиям обретают еще и мощные *психологические мотивы развития*, а источником глобальных процессов становится каждый пользователь глобальной Сети. И если ранее «глобализация подталкивалась в основном державами-гегемонами и их ТНК, то теперь этот процесс приобретает мощные собственные движущие силы с новой системой мотивации» (Коллонтай, 2002, с. 27). И эти новые движущие силы глобальных процессов связаны с тем, что «глобализация относится к сжатию мира и интенсификации *мирового сознания как единого целого*» (Robertson, 1998, с. 399).

Такое понимание проблемы становится одним из важных оснований для психологических исследований глобальных процессов. В этой связи *для социальных психологов возникает множество областей исследования психологических аспектов использования Интернета*, которые характеризуются многочисленными преимуществами, угрозами и даже непредсказуемыми последствиями развития социальной реальности. Поэтому исследование виртуальной среды стало первичным источником психологического анализа глобальных процессов. Данной проблеме посвящен первый раздел монографии, отражающий их информационно-психологические предпосылки.

Интернет как всемирная система объединенных компьютерных сетей, с широкими возможностями сохранения и передачи информации, в начале XXI в. поставил перед человечеством проблемы, с которыми оно сталкивается впервые. Влияние Интернета *на массовое сознание и поведение больших социальных групп* населения велико во всех регионах мира, а его осмысление пока еще не может дать однозначных ответов.

Интернет стал источником *новых моделей взаимодействия общества и государства*. В виртуальном пространстве возникли новые политические практики воздействия на массовое сознание и поведение населения. Эти политические практики обусловлены не только

спецификой Интернета (возможностью прямой коммуникации, минуя посреднические роли, в частности, контроль властных структур), но и оказывают огромное влияние на особенности и тенденции развития массового поведения и на современные политические процессы в целом.

Как правило, сетевая организация массовых выступлений людей (социальных движений) связана с политико-идеологическими, экономическими и религиозными проблемами их взаимодействия с властными структурами своих государств. Причиной порождения базовой психологической мотивации таких выступлений, как правило, является нарушение *принципа справедливости* (в представлении масс) в идеологической, экономической и национальной политике властных структур (Массовое сознание и поведение..., 2016). «Эта реальность пока не оформлена, поэтому очень сложно говорить о законодательном регулировании информационного пространства... То есть не только национальные государства и не только правительства, не только народ как выразитель суверенитета, согласно прежним теориям, являются политическими акторами, но, благодаря распространению сети Интернета, возникают новые центры притяжения власти, новая элита. Возникает новая модель демократии — электронная демократия, или „демократия участия“» (Лобза, 2002, с. 149–150). Появляются новые политические практики, в основе которых лежит прямая коммуникация между гражданами. Особенно важно разобраться с этими новыми тенденциями с позиции социальной психологии.

Развитие информационных технологий в конце XX—начале XXI вв. привело к образованию *глобального информационного общества*. В этом процессе главную роль играют СМК, которые могут функционировать в Интернете без контроля со стороны государственных структур. Основная проблема — это изменение роли государства в этих процессах. Изучение роли СМИ и новых информационно-коммуникационных технологий «в настоящее время является одним из самых перспективных направлений в политической теории и междисциплинарных исследованиях» (там же, с. 148). Тем не менее, в современной психологической науке очень мало внимания уделяется анализу групповых факторов обмена знаниями в условиях глобализации и перспективам формирования нового научного направления, связанного с исследованием психологических особенностей развития глобальных процессов в Интернете.

Если отталкиваться от возможностей современного Интернета, то следует отметить, что он является новой сферой социальной ре-

альности, которая опосредует общественные процессы и выступает их своеобразным психологическим отражением. Необходимы исследования новых социальных реальностей, возникающих в Сети, изучение их влияния на психику человека.

Для адекватного понимания данной ситуации было бы полезно начать с рассмотрения социальных возможностей Интернета в самых разных сферах жизнедеятельности общества – в торговле, науке, искусстве, здравоохранении (Воронцова, 2015).

В экономической сфере, например, это может быть создание интернет-магазина, который обладает следующими преимуществами перед аналогичным классическим магазином: небольшой стартовый капитал или его полное отсутствие; возможность работать в домашних условиях и значительно экономить на аренде офиса, торговых и складских помещений; самостоятельная организация рабочего графика, выходных дней и отпуска; комфортные условия труда без строгого дресс-кода и офисной одежды; возможность работы в любом месте, где есть Интернет; отсутствие необходимости тратить время на дорогу к офису и обратно; высокая степень автоматизации, позволяющая минимизировать штат сотрудников. Кроме того, многие направления бизнеса в Сети (создание сайтов, дизайнерские услуги, научные исследования и т. п.) дают хорошую прибыль уже после первого клиента (Бизнес в Интернете..., 2017, с. 2).

В политической сфере преимущества интернет-технологий не менее очевидны. Прежде всего это возможность выхода на глобальный уровень, пересекая государственные границы и минуя правительственные структуры. В частности, всемирный масштаб приобретают современные протестные движения. Только в один день (например, 16 октября 2011 г.) демонстрации против экономического неравенства прошли в 850 (!) городах Европы, США, Канады, Австралии и Японии. При этом участников вдохновляли разные цели и идеалы. Но общий политический и психологический знаменатель был очевиден: рядовых людей – американцев, греков, арабов, русских и многих других – не устраивал сложившийся порядок вещей, поэтому они требовали перемен (Массовое сознание..., 2016).

В сфере образования и науки Интернет становится мощным рычагом развития. Так, в «Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года» одной из важнейших задач определено «расширение использования информационных и телекоммуникационных технологий для развития новых форм и методов обучения, в том числе дистанционного образования и медиаобразования, создание системы непрерывной

профессиональной подготовки в области информационно-коммуникационных технологий» (Воронцова, 2015, с. 447).

При изучении *проблемы мотивации интернет-пользователя* представляет интерес вопрос о том, что дает (или не дает) работа в Интернете для развития личности, чем обогащает сферу ее социального взаимодействия (общения) и что дополнительно вносит в технологии достижения профессиональных целей. Такой социально-психологический анализ позволяет трактовать социальные процессы в Интернете как информационные продукты, содержание которых есть проявление интересов и способностей отдельно взятого человека или группы лиц, которые позволяют пользователям Сети достигать следующих задач: создавать сообщества, объединяющие единомышленников по частным или относительно общим интересам; проводить тематические форумы и телеконференции в режиме онлайн; организовывать профессиональную деятельность (интернет-опросы, интернет-магазины, медицинские консультации и др.).

Подобный подход к исследованию глобальных процессов переводит внимание психологов на *мотивы деятельности пользователей Сети, связанные с удовлетворением потребностей конкретных субъектов*. Например, О. Н. Арестова с соавт. (Арестова, Бабанин, Войскунский, 2017) приводят следующие виды мотивов:

- *деловой мотив* предполагает поиск конкретной информации, необходимость контактов и взаимодействия с определенными людьми, консультаций и др.;
- *познавательный мотив* связан с получением новых знаний; это могут быть информация, идеи и мнения, визуальные и слуховые образы или новые сервисные возможности для бизнеса;
- *коммуникативный мотив* (мотив общения) отражает потребность в социальном взаимодействии, которая характеризуется поиском новых знакомств, обретением нового круга друзей и единомышленников;
- *корпоративный мотив* (мотив сотрудничества) предполагает профессиональное сотрудничество, обмен результатами деятельности, совместное решение рабочих проблем;
- *мотив самоутверждения* связан с желанием реализовать свои возможности, получить оценку своего творчества со стороны значимых людей или экспертов;
- *мотив рекреации* (игровой мотив) направлен на восстановление работоспособности после трудового дня, овладение новыми видами деятельности, тренировку способностей и проверку своих возможностей;

- *мотив аффилиации* проявляется в потребности принадлежать к определенной группе (сообществу), занимать значимое место в группе, разделять ее ценности и следовать им;
- *мотив самореализации* выражает осознанное стремление к реализации собственных творческих возможностей (познавательных, коммуникативных, музыкальных и т. д.);
- *мотив саморазвития* связан с возможностью удовлетворения познавательных способностей, общения с компетентными людьми, создания в Сети новых продуктов (интеллектуальных, музыкальных, художественных и т. п.).

Выделенные виды мотивов репрезентируют основные описанные в психологии виды *мотивационной направленности личности*: продуктивную, социально-коммуникативную, познавательную, развивающую. А Интернет, в свою очередь, становится источником удовлетворения всех этих потребностей.

Как уже отмечалось выше, в основе глобальных процессов определяющую роль играет экономический фактор. В связи с этой позицией, наше внимание также должно быть обращено на *экономико-психологические предпосылки развития глобальных процессов*.

При таком подходе вновь встают вопросы. В какой степени транснациональные идентичности, связи и пространства укрепляются и бросают вызов существующим социальным структурам в сфере экономики (Шебанова, 2010)? Возможно ли, что транснациональные корпорации «в сущности, создадут параллельные властные структуры» по отношению к традиционным правительствам (Глушенко, 2005, с. 75)? Будет ли усиливаться возрастающая мобильность интеллекта («циркуляция умов»), станет ли Интернет каналом импорта–экспорта культурных образцов, освобождения культурного и социального капитала от территориальной референции, трансграничного обмена социальным опытом и профессиональными навыками (Migration and Development..., 2013)? Как будет видоизменяться человеческий капитал (культура его использования и развития), «который имеет возможность воплотиться как на уровне масс, так и в проектах современных политических элит, обладающих наиболее мощными рычагами влияния на общественные процессы» (Шебанова, 2010)? Придет ли на смену «преобладавшим ранее принципам доминирования принцип квалификации, обеспечивающей включенность в транснациональные элитные сети» (Шебанова, 2010, с. 221)? Возможно ли «преодоление позиций разделения на „своих“ и „чужих“, что будет обуславливать интеграцию в институциональные структуры не „своих“ государств, а „лучших“» (Боммес, 2005)? Возможна ли

социально-экономическая «консолидация на основе транснациональных структур и вне логики национальных границ, позволяющая преодолевать отсталость традиционных систем», – в частности, экономических (Шебанова, 2010, с. 219)?

С экономической точки зрения активность человека в Интернете является новым видом деятельности, который сочетает в себе психологические свойства и особенности традиционно выделяемых видов деятельности. Как любая деятельность, она имеет свои цели и мотивационную основу, что находит отражение в анализе социальной психологии российского предпринимательства. При этом цели экономической деятельности остаются неизменными как в реальной практике, так и в Сети, а вот мотивы использования интернет-технологий, выступая новыми психологическими явлениями, – структурными элементами экономической деятельности, ранее неизвестными по своему психологическому содержанию, – переводят анализ происходящих перемен из различных социальных сфер деятельности в лоно *психологической науки*.

В современном российском обществе сложились два самостоятельных подхода к подготовке человека к экономической деятельности. Первый подход – это формальное обучение молодежи в системе профессионального и вузовского образования, а второй сопряжен с экономической социализацией, которая включает в себя развитие способности к присвоению экономического опыта, его переработке и воспроизводству. Процесс экономической социализации человека сопряжен с традиционным отсутствием в России системы формирования общепринятых экономических ценностей и нормативных моделей экономического поведения. В условиях отсутствия такой системы человек вынужден осваивать социально-экономическую среду лишь на основе собственного опыта, что может приводить к различным психологическим трудностям. Российское общество крайне остро нуждается в институтах экономической социализации личности, которые могли бы оказать позитивное влияние на стабилизацию экономической ситуации и развитие института предпринимательства.

В свою очередь, развитие института предпринимательства позволит решить многочисленные социально-экономические проблемы: противостоять монополизации рынка, снизить уровень безработицы, ускорить научно-технический прогресс, способствовать формированию среднего класса и т. д. Развитие предпринимательства через целенаправленное формирование предпринимательских навыков может в значительной степени определять реальный тип

экономического поведения человека, служить интеграции россиян в мировое экономическое, политическое, социальное и культурное пространство, должно стать важнейшим направлением концепции государственной политики.

Переход от командно-административной системы к рыночным отношениям, осуществленный в современном российском обществе, требует формулировки проблемы изменения экономического сознания личности и группы в условиях вторичной экономической социализации. Проблема соотношения психологических и социальных факторов разного уровня (макро- и микросреды) в различные периоды развития российского общества остается по-прежнему открытой. В монографии ставятся вопросы о роли активности личности и группы в совладании с изменяющимися экономическими условиями российского общества. Рассмотрение экономико-психологических позиций осуществляется через обращение к процессу формирования и развития социально-экономической микросреды в России как к личностной и социальной проблеме.

Анализу *социально-психологических предпосылок глобальных процессов* посвящен третий раздел монографии. В связи с глобализацией в жизни каждого человека происходят различные изменения. Это и столкновение различных культур в рамках одной человеческой жизни, и возможность виртуального взаимодействия и общения с представителями различных стран, «когда культурные, политические, экономические и правовые границы перестают совпадать» (Бек, 2003, с. 27), что вынуждает говорить и о «специфике космополитического самосознания, связи локального и глобального, дистанцировании от собственной культуры, принятии многообразия других, утрате значимости национальных идентичностей, принадлежностей, лояльностей» (Йоррке, 1997, с. 263). Для понимания психологических предпосылок происходящих изменений считаем необходимым исследовать особенности потребностей, мотивов, эмоций, личностных характеристик человека (например, предприимчивость) и его психологических ресурсов, способствующих как его адаптации, так иногда и усилению глобальных процессов, ведущими из которых выступают экономически обусловленные мотивы. Среди экономических мотивов можно выделить потребность личности в экономическом благополучии. Это и экономико-детерминированные цели, которые присущи практически каждому молодому человеку, и экономическая неустроенность основной массы населения, и необходимость адаптации к рыночным условиям в период вторичной экономической социализации. Все эти проблемы находят отражение во втором разделе монографии.

С социально-психологических позиций глобализационные процессы тоже вызывают много вопросов. Произойдет ли принципиальное изменение форм взаимодействия различных национальных культур, опирающихся прежде всего на свое историческое прошлое? Каковы будут последствия современной перестройки индивидуального и коллективного сознания (Шебанова, 2010)? Как будет существовать «общая, разделяемая всеми убежденность, на фоне которой происходит институционализация глобальных норм, — например, транснационализация холокоста» (Бек, 2003, с. 40)? Можно ли будет говорить о чувстве глобальной ответственности в едином мировом сообществе, в котором, возможно, уже не будет существовать отдельных, самостоятельных государств (Levy, 2001, с. 37)? И т. д.

Для ответов на эти вопросы было бы целесообразно, на наш взгляд, обратиться к рассмотрению психологических особенностей современных социальных изменений, связанных с влиянием на развитие глобальных процессов групповых психологических феноменов. В первую очередь было бы интересно понять общие коллективные смыслы, которые могут выступить предпосылками личного переживания, что позволит рассмотреть мотивационный и эмоционально-чувственный потенциалы личного в социальном, а социального — в развитии глобального взаимодействия людей. Не менее интересен анализ вопросов, связанных с историческими предпосылками и современными тенденциями урбанизации как склонности людей к объединению в большие социальные общности. С пониманием психологической сущности коллективных психологических особенностей, лежащих в основе сплоченности общностей, лежит и присущее человеку желание делиться с окружающими радостными событиями. В нашем конкретном случае поиск будет вестись через психологический потенциал государственных праздников, через анализ значения праздников для личности и общества. Все эти проблемы раскрываются в третьем разделе монографии, который посвящен социально-психологическим предпосылкам глобализации.

Макропсихологическое состояние российского общества в условиях глобальных процессов проанализировано в четвертом разделе монографии на основе обращения к макропсихологическим тенденциям общественного развития. В рамках данной темы также возникает большая совокупность вопросов. Ожидать ли россиянам «нарушения привычной логики межгосударственных взаимодействий» (Бредникова, Кайзер, 2004, с. 37)? Как быстро процессы глобализации будут вынуждать правительства «включать в повестку новые вопросы, мобилизовать новые группы электората, по-иному фор-

мулировать понимание интересов граждан и приводить порой к государственным преобразованиям» (Khagram, Riker, Sikkink, 2002, p. 19)? Будет ли усиливаться транснационализм, и «будут ли транснациональные сообщества все сильнее влиять на деятельность, отношения и идентичности все большего числа людей» (Castles, Miller, 2003, p. 221)? Что можно предложить российской власти с позиции психологической науки в глобальном взаимодействии трех основных парадигм развития цивилизации — западной, восточной и российской (Массовое сознание..., 2016, с. 19)? Способен ли Интернет искоренить веру в якобы естественную уловку (artifice) в виде «общества» и поощрить саморефлексию различающихся между собой и переплетенных друг с другом типов современности (Бек, 2003, с. 32), или же можно утверждать, что «в психологическом измерении, вопреки стереотипам, идея „Родины“ не потеряет смысла, а напротив, обретет дополнительный смысл „пространства ответственности“» (Migration and Development..., 2013)? Будет ли усиливаться чувство причастности к макропсихологическим событиям у рядового населения (феномен соучастия является важнейшим социально-психологическим фактором воздействия Интернета на массовую аудиторию, как и феномен сочувствия)?

Все эти вопросы пока не имеют ответов, но обращение к анализу макропсихологического состояния современного российского общества, изучение психологических аспектов поиска российской национальной идеи, сущностных психологических характеристик и психологических факторов становления и развития российского менталитета, — все это позволяет выявить тенденции и наметить перспективы развития общественных процессов в условиях глобализации. Целью четвертого раздела, конечно же, является выделение психологических факторов в структуре глобальных макропсихологических процессов.

В продвижении к пониманию обозначенных выше вопросов существенную поддержку могут оказать обращение к проблемам избыточного неравенства доходов в современном обществе, выделение системы факторов, определяющих внутреннее противоречие глобальных процессов, которое, на наш взгляд, состоит в нивелировании культурных особенностей, с одной стороны, и в сохранении национальной и культурной самобытности государств как субъектов исторического процесса — с другой.

Немало полезного в поисках ответов на глобальные вызовы современности могут дать научные исследования социальной психологии российского предпринимательства и анализ возможных

точек практического приложения результатов этих исследований. Глобальные проблемы обостряют актуальность общенациональных смыслов, главными среди которых являются объединяющие нацию идеи, в различных социогуманитарных науках получившие собирательное обозначение «*национальная идея*». Неминуемо встает вопрос: в чем именно эта идея может заключаться? Поиску макропсихологических маркеров российского общества в условиях развития глобальных процессов посвящен четвертый раздел монографии.

Социокультурные и социально-психологические детерминанты глобальных угроз и возможностей противодействия им представлены в пятом разделе монографии. Здесь можно найти анализ психологических последствий избыточного неравенства доходов, психологических технологий манипулирования сознанием человека, глобальных рисков и отношения к ним в современном российском обществе. Ведется поиск путей противодействия глобальным вызовам.

В этом направлении тоже возникает ряд трудноразрешимых проблем: как сильно возрастут в Сети технологии манипуляций? Получат ли серьезное распространение негативные информационные технологии «*Модель провокации*», «*Модель провокационного шума*», «*Модель открытого диалога*»? Как быстро будет распространяться интернет-информация и будет ли эта информация снижать эффективность традиционных СМИ? Какие технологии будут использоваться среди лидеров протестных или деструктивных движений? Какие информационные стратегии станут адекватным ответом в условиях надвигающегося глобального кризиса? Какие информационные источники и как будут определять развитие современной цивилизации? Что в этой связи может предложить психологическая наука?

Интернет-пространства не только создают новые возможности для развития человеческого сообщества, но могут таить в себе и угрозы как личностному, так и общественному развитию и благополучию. Через социальные сети Интернета, минуя официальные каналы, возможна организация массовых мероприятий и групповых выступлений, прямая трансляция идейных, религиозных и других ценностных представлений, включая оппозиционные (и провокационные), для мобилизации протестных движений. Властным структурам необходимы новые технологии управления этими процессами в интересах стабильности функционирования государства в радикально изменяющихся условиях.

Важная социально-психологическая проблема исследования угроз, исходящих из виртуального пространства, сопряжена с воз-

растными особенностями пользователей Сети. В исследованиях этой проблематики специалисты уделяют особое внимание составу интернет-аудитории, в том числе и в нашей стране (Овчинников, 2005; Чугунов, 2000; Вершинин, 2001; Vartanova, 2004). Изучать интернет-аудиторию в России начали со второй половины 1990-х годов, когда число пользователей превысило полмиллиона человек. Данные об их социальном составе в настоящее время свидетельствуют о следующем. Во-первых, молодые, образованные и обеспеченные в материальном плане пользователи интернет-сетей — привлекательный объект внимания организаторов массовых социальных движений по самым разным основаниям (политическим, экономическим, религиозным, деструктивным и др.); во-вторых, политическое, экономическое и культурное влияние интернет-пользователей, проявляющих реальную социальную активность, начинает в разы превышать долю социальных активистов в общей совокупности населения страны; в-третьих, динамичность и открытость интернет-аудитории позволяет успешно представлять в Интернете и реализовывать в том числе и такие идеи и убеждения, *которые не нашли бы поддержки у большей части населения.*

«Есть основания говорить о том, что состав аудитории и технические возможности превращают Интернет в уникальную среду с совершенно новым уровнем свободы, открытости и коммуникации» (Лобза, 2002, с. 222). Эти данные имеют важные следствия не только для изучения социально-психологических (прежде всего групповых) и индивидуально-психологических (личностных) факторов использования интернет-технологий, но и для анализа психологических опасностей виртуального пространства для еще не окрепшего юношеского сознания. Данные позиции актуализируют проблему *стратегий противодействия глобальным информационным угрозам* молодежной аудитории Сети и снижению негативных социальных последствий этих угроз.

Исследование глобальных угроз должно ориентироваться и на поиск путей и способов противодействия им. Изучение *социально-психологических стратегий противодействия глобальным угрозам* также предпринято в пятом разделе монографии. Психологические основания нравственного развития, выстраиваемые на синергии принципов «морального релятивизма», отражающих особенности российской культуры, и принципов «морального универсализма», имеющих всеобщее значение для любой культуры и каждого человека, стали основой осмысления проблемы. В частности, рассмотрены возможности психолого-мировоззренческого противодействия тер-

поризму в современном мире, духовно-нравственные технологии противодействия глобальным манипуляциям в мировом информационном пространстве, место нравственной элиты в общественной жизни современной России и мирового сообщества, уделено внимание развитию личностных ресурсов молодежи как фактора противостояния глобальным рисками и угрозам. Таким образом, психологические стратегии противодействия глобальным угрозам связаны с осмыслением человеком своего места в жизни общества, с пониманием сложной природы общественного устройства и его динамики, с формированием ответственности перед настоящими и будущими поколениями, со стремлением к позитивному вхождению личности в мультикультурную социальную среду современного мира.

С конца прошлого века в условиях непрерывного усиления международных интеграционных процессов мировое сообщество начало остро осознавать необходимость координации и регулирования мировых глобальных процессов. Такое понимание уже стало очевидной необходимостью и даже успело обрести практическую реализацию в деятельности международных организаций — Организации объединенных наций, Большой семерки, Большой двадчатки, Всемирной торговой организации, Содружества независимых государств, Европейского союза, Евразийского таможенного союза и др.). Однако до сих пор остается пока не до конца понятным, какие концепции, принципы, технологии и механизмы должны быть положены в основу глобального регулирования. В этой связи в рамках нашего исследования становится целесообразным говорить о необходимости развития социально-психологических концепций воздействия на большие социальные группы трансконтинентального уровня, а возможно, и управления ими.

В заключительном, шестом, разделе монографии рассматриваются социально-психологические условия и перспективы глобальных процессов. Первый вопрос, который возникает при таком подходе, связан с осознанием роли психологических технологий воздействия на глобальные процессы, второй — с пониманием универсальных психологических принципов регулирования, которые будут интегрировать в себе содержание гуманистических концепций и концепций сотрудничества. Данные позиции анализа касаются многих актуальных проблем, в том числе: концепций глобального развития, возможности формирования общемирового сообщества и глобальной идентичности, проблемы жизненных ориентаций человека, роли предпринимательства в усилении глобальных процессов,

различных психологических ресурсов социально-экономического взаимодействия.

Все поставленные выше и другие вопросы пока не имеют ответов. Новая проблематика, возникающая на пороге тысячелетий и связанная с использованием интернет-технологий в воздействии на массовое сознание и поведение, становится объектом самого пристального профессионального внимания и исследования представителей социогуманитарных наук, — в частности, социальной психологии. Главная проблема двуедина и базируется на решении двух вопросов: угрожает ли глобализация национальным суверенитетам государств и способна ли она привести — через преодоление или разрушение многочисленных политических, экономических, правовых и культурных барьеров и границ — к созданию глобального мирового сообщества?

Раздел 1

**ИНФОРМАЦИОННО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ
ПРЕДПОСЫЛКИ
ГЛОБАЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ**

Глава 1

Интернет-технологии в основе трансформации массового сознания и поведения

Прежде чем обсуждать влияние современных интернет-технологий на социополитическую ситуацию в России, в том числе на массовое сознание и поведение больших групповых образований, необходимо сказать несколько слов о возникновении информационно-сетевом обществе в России и его влиянии на все социальные, экономические и политико-идеологические процессы. Воспользуемся рядом базовых работ западных исследователей, посвященных развитию Интернета (см., напр.: Castells, 2004, 2009; Ling, 2008; и др.).

Информационные сети и сетевое общество: основные положения

Коммуникационные информационные сети (виртуальные сети) — это контакты людей, которые созданы и рассредоточены во времени и пространстве (Monge, Contractor, 2003). Эти потоки сетевой информации, циркулирующие через каналы связи между индивидуальными пользователями, являются базовыми психологическими каналами в сети. Сетевая коммуникация в Интернете определяется возможностями предлагаемой провайдером программы, которая задает цели и правила функционирования. Информационные сети могут конкурировать или сотрудничать между собой. Сотрудничество основано на развитии взаимовыгодных связей между сетями. Конкуренция заключается в способностях одних сетей «преодолевать» функционирование других.

Социальные сети Интернета включают новых пользователей и новые контакты в процессе социальной организации при относительной независимости от властных силовых центров. Виртуальные сети, основанные на современных электронных технологиях, превратились в наиболее эффективную форму организации соци-

альных связей, благодаря главным особенностям сетевых коммуникаций: гибкой мобильности и живучести и гибкости сетевых структур: они позволяют перестраиваться в соответствии с изменениями внешних параметров среды и с сохранением своих целей при изменении своих компонентов.

Все эти технологии и их возможности используются людьми (глобальными субъектами, государствами, различными социальными группами и индивидуальными пользователями этих сетей) для реализации конкретных целей: политико-идеологических, экономических и культурных, включая межличностные потребности (Чугунов, 2000; Овчинников, 2002).

Коллективные массовые действия социальных движений в сетевых структурах Интернета имеют целью внедрить новые «инструкции» и «новые коды» поведения в сетевые программы (Castells, 2004, p. 34).

В работе М. Кастельса «Власть коммуникации» (Castells, 2009) рассматривается общая проблематика власти как феномена в сетевой компьютерной цивилизации в начале XXI в. Приводятся выводы и обозначаются тенденции развития мировой цивилизации на перспективу, в том числе и в сетевом компьютерном сообществе. В работе содержатся обширные статистические данные состояния общественного сознания и психологических установок народов более 60 стран мира.

Сфера властных взаимоотношений в современном мире изменилась в двух аспектах. Во-первых, основное внутреннее противоречие транснациональной глобализации состоит в нивелировании культурных особенностей, с одной стороны, и в сохранении национальной и культурной самобытности государств как субъектов исторического процесса — с другой. Во-вторых, властные структуры уже организованы и функционируют в сетевых структурах Интернета, несмотря на продолжающееся доминирование авторитарных структур управления.

В этой связи возникает вопрос: как властные полномочия реализуются в сетевых структурах, какие факторы включены в базовые структуры общества и во властные взаимоотношения?

Способности участников виртуальных сетей (и государств, и оппозиции в широком смысле) разрабатывать, обосновывать и транслировать властные установки генерируют основные цели сетевых программ, которые формируются в различных вариантах и культурных контекстах. Кастельс является сторонником создания *глобальной культуры*, которая объединит национальные культуры отдель-

ных государств, не подавляя их (Castells, 2009, p. 51–53)¹. Другими словами, по мнению современных специалистов, есть потребность создавать глобальную культуру, которая внесет свой специфический вклад в «культурные идентичности» государств. Например, сторонники глобализации по западному сценарию С. Лаш и К. Лури (Lash, Lury, 2007) утверждают: для того, чтобы глобализация мира осуществилась и стала доминирующей, необходимо оценить различия отдельных культур и включить их специфические культурные особенности в глобальную культуру. Однако возникает вопрос – как именно?

Аналитический обзор проблематики, связанной с развитием интернет-технологий в России, представлен в работе Е. Вартановой «Русское сетевое общество» (Vartanova, 2004). Она отмечает, что концепт «информационное общество» в применении к российским обстоятельствам помогает лучше понять существующую ситуацию.

Основной конфликт, возникший на рубеже тысячелетий, был вызван противоречиями политики центральной российской власти и необходимостью выживания страны, удовлетворения базовых интересов народа. Он был связан с размерами страны, с экономическими противоречиями, с мультикультурной спецификой и с тенденциями децентрализации.

Идея использования высокого потенциала Интернета в воздействии на массовое сознание и поведение больших социальных групп была поддержана российскими интеллектуалами – учеными, журналистами, общественными деятелями. Однако их упования на прогресс в России в связи с развитием Интернета были связаны с признанием ведущей роли в этом Запада – США, государств Европы и ряда государств Азии. В то же время была надежда, что пользователям России Интернет принесет ряд выгод и в политическом, и в социальном плане (в социальной коммуникации и в сфере межличностных контактов). Идея «взаимности», прямой коммуникации между государственными структурами и гражданами вызвала наивные политические представления и ожидания среди российской интеллигенции (Овчинников, 2002; *Виртуальные надежды...*, 2002). До сих пор остро стоит проблема защиты

1 Однако принцип глобализации в реальной международной политике и идейном противоборстве основных исторических субъектов предполагает доминирование западной цивилизационной парадигмы развития, ориентированной на разрушение национальных идентичностей традиционных коллективистических государств, к которым принадлежит и Россия.

в СМК и Интернете национальной культурной идентичности народа России.

Одна из причин, почему российские граждане отнеслись к Интернету с таким энтузиазмом, объясняется просто: возможности личных коммуникаций и общения без идеологических ограничений. Студенты, школьники и активные профессионалы являются основными пользователями новой информационной среды. Частный бизнес, особенно банки и сервисные компании, представляют активную силу продвижения информационных технологий. Интернет в России взял на себя роль важного политического коммуникатора. Для политической российской элиты (особенно оппозиционной) возникли новые возможности манипуляции общественным сознанием и поведением людей. Однако политическая информация, распространяемая по сетям Интернета, остается, как утверждает Е. Вартанова, под жестким контролем государственных структур России.

Динамика возникновения оппозиционных протестных движений в сетевом информационном пространстве

Динамику протестных движений за социальную справедливость в виртуально-сетевых структурах Интернета можно рассматривать в аналитическом плане с трех позиций (Juris, 2004, p. 342): технологий, способствующих активности протестных движений, организационных форм активности социальных движений и политической модели взаимодействия между активистами этих движений.

Проследим логику становления глобальных движений за социальную справедливость. Они возникли в виртуальных сетях как альтернативный политический проект, основанный на выражении различных форм борьбы (локальных и глобальных) против разрушительных тенденций корпоративной глобализации.

Во-первых, эти движения действительно глобальны. Осуществляя координацию и коммуникацию через транснациональные сети, их активисты смогли принять участие в различных сферах международной политики государств и в кампаниях протеста в различных регионах мира: например, кампании против североамериканского договора о свободной торговле (NAFTA), против многостороннего договора об инвестировании (MAI), межнациональный форум за гуманизм против неолиберализма, движение за глобальное сопротивление в Каталонии и т. д. (см.: Juris, 2004, p. 341–345).

Во-вторых, эти движения являются информационными. Используются различные протестные тактики: массовые представления уличного кукольного театра, уличные карнавалы, силовые сопротивления действиям полиции и т.д. Насилие как силовая форма коммуникаций является еще одной формой символической коммуникации. Примеры таких тактик распространяются глобальными сетями: воспроизводятся, трансформируются и поддерживаются традиционными СМК на различных уровнях.

В-третьих, глобальные протестные движения организуются вокруг гибких децентрализованных сетей, отражающих доминирующую логику информационной среды. Практически они составляют различные сетевые формы, включая иерархические «повторяющиеся» модели и более децентрализованные конфигурации (многоканальные) на локальных уровнях.

Виртуально-сетевые практики организационных форм протестных движений

Интернет предоставляет социальным движениям не просто технологическую структуру, — его сетевая структура подкрепляет организационную логику политической активности. Децентрализованные гибкие сети составляют доминирующие организационные формы движений за глобальную справедливость.

Теоретики «Нового социального движения» (NSM) давно утверждают, что, в отличие от централизованных вертикально интегрированных движений рабочего класса, движения феминисток, экономические и студенческие движения организованы вокруг гибких дисперсных сетей (Cohen, 1985; Cohen et al., 2000; Collins, 2001; Gerlach, 2001; McAdam, 2003; Nine, 1970). В целом социальные движения — это комплексные культурные явления социальной активности, выражающиеся во внутренней дифференциации, спорах и противоречиях различных сетевых движений.

Культурные противоречия движений, выражающие идеологию (антиглобализм или антикапитализм), стратегии (организация саммитов или локальные движения), тактики (насилие или ненасилие), как и организационные формы принятия решений (структурные решения или неструктурные, согласие или голосование), — это и есть культурная политика сетевых структур протестных движений. Их противоречивая логика зачастую приводит «к борьбе на поражение», к разладу в рамках общего обозначения «социальные движения за глобальную справедливость» (Juris, 2004).

Самоорганизация виртуальных сетей: социальные движения как возникновение политического тренда и культурного идеала

Интенсивное развитие виртуальных сетей – это не просто конкретная организационная цель. Это также важная культурная цель сама по себе. Самовоспроизводящиеся, развивающиеся и автономно управляемые сети становятся в определенном смысле культурным явлением и идеалом.

Данный идеал обеспечивает не просто эффективную модель политической организации протестных движений, но выступает также как модель реорганизации общества в целом. Доминирующую тенденцию, лежащую в основе многих социальных движений, можно охарактеризовать как анархическую или «либертанскую» (например, PGA – Network Organizational¹).

Классические анархистские принципы, такие как автономия, самоуправление, федеративное устройство, прямое действие, прямая демократия, являются наиболее важными ценностями радикальных движений за социальную справедливость. Их сторонники, используя новые сетевые технологии и практики коммуникации, координации и самоорганизации, создают новые организационные формы на основе сетевых структур, которые представляются в качестве символов возникающего политического и культурного идеала.

Вместе с тем социальные движения за глобальную справедливость являются исключительно противоречивым социально-политическим феноменом. Так, сторонники марксистских и социально-демократических взглядов ратуют за возврат к национальному государству как центру контроля над глобальной экономикой. Другие движения поддерживают интернациональную форму глобализации снизу (Breche et al., 2000). В этом случае транснациональные движения представляют возникающее глобальное гражданское общество. Активисты движений либеральных сетей Интернета рассматривают социальные движения как политическую альтернативу государству. Многие активисты экологических движений и воинствующие сторонники антикапитализма делают акцент на локальных проблемах. Другие разделяют взгляд на успех децентрализованных интернет-се-

1 PGA (People's Global Action), или «Глобальная акция масс», — это международная сетевая структура, которая была основана в 1998 г. стихийными движениями, принимавшими участие в межконтинентальной встрече за гуманизм против неолиберализма, организованной в Испании годом ранее.

тей как глобально координированных, автономно самоорганизующихся движений (Juris, 2004, p. 356).

Объединяет различных представителей социальных движений одно – стремление *помогать людям устанавливать демократический контроль над своей повседневной жизнью* (Melucci, 1989). Социальные движения, переходя от сопротивления и противодействия к альтернативным политическим проектам, вращаются вокруг двух форм участвующей демократии: одна связана с политическим представительством во властных структурах, другая – с гибкой координацией и прямым участием в децентрализованных сетевых формированиях. Политические партии, профсоюзы и формальные организации гражданского общества действуют на основе представительской логики, а социальные движения функционируют как лоббистские группы, используя стихийное массовое давление на институциональные структуры, которые, в конечном счете, вырабатывают и обеспечивают выполнение политических предложений. В этом отношении Дж. Джурис, видный исследователь глобальных социальных движений, высказал императивное пожелание: «Движения, партии и профсоюзы должны действовать вместе, каждая сторона должна участвовать, занимая свою нишу и выполняя различные, но взаимодополняющие роли» (Juris, 2004, p. 356).

Некоторые сетевые движения формулируют более радикальную цель – *преодоление и рынка, и государства*. Прямые демократические формы деятельности оппозиции были исторически связаны с локальными (национальными) контекстами, новые сетевые технологии и практики способствуют появлению инновационных экспериментов с массовой демократией, координируемой на локальном, региональном и глобальном уровнях. В этом смысле следует согласиться с мнением Джуриса: «низовые сетевые структуры и движения можно рассматривать как “демократические лаборатории”, продуцирующие политические нормы и формы, наиболее приемлемые для информационной эры» (ibid., p. 357).

Анализ виртуально-сетевых практик организационных форм протестных движений, самоорганизации виртуальных сетей и социальных движений как «раскрутки» политического тренда помогают понять психологическую динамику их функционирования.

Перспективы дальнейших исследований

В первую очередь необходимы исследования психологии восприятия виртуального пространства и психологических последствий наход-

дения человека в этом пространстве. В России такие исследования пока фактически отсутствуют, в отличие от международной практики. Оправданно проводить их социальным психологам совместно с психофизиологами и со специалистами других общественных дисциплин (по аналогии с исследованиями проблем наркомании: Соснин, 2013).

Кроме того, необходимы масштабные исследования мотивации пользователей Интернета, социопсихологической таксономии их групповых образований. Данные этих исследований будут давать ориентиры психологического управления массовыми групповыми процессами в стране и полезны в практическом плане.

Естественно, необходимы и мониторинговые исследования отношения населения к различным сферам социальной жизни общества в связи с новыми реалиями. Эти исследования пересекаются с исследованиями социологов. Подобные макропсихологические исследования способствуют более глубокому пониманию мотивации массового поведения, в том числе протестного поведения больших социальных групп.

Прикладные социально-психологические исследования — пока не разработанная область психологической науки, которая требует участия психологов и представителей правоохранительных структур. Это прежде всего разработка системы социально-психологического сопровождения, воздействия и влияния на социальное поведение больших социальных групп (социальный контроль, психологическая поддержка, обратная связь, противодействие и т. д.). Особенно важно наметить проблематику психологии взаимодействия правоохранительных структур с массовыми выступлениями населения.

Во-первых, необходим анализ *массового поведения* в экстремальных ситуациях с риском для жизни, его объяснение и понимание с позиции новых подходов, изучение эффектов повышения групповой солидарности и трансформации групповой идентичности в условиях угрозы жизни. Показано, что коллективное поведение в экстремальных ситуациях в большей степени характеризуется социальностью (взаимопомощью, сохранением порядка, уважением к детям, старикам и женщинам), а не индивидуальной инстинктивной конкуренцией (в соответствии с классическими теориями). Эти параметры массового поведения необходимо и практически разрабатывать, и использовать в прикладном плане.

Во-вторых, нужен анализ деятельности правоохранительных структур государства с позиции новых подходов в выполнении сво-

их профессиональных функций по обеспечению общественного порядка.

Академические социальные психологи проанализировали и обобщили научно-исследовательскую информацию по проблематике взаимодействия правоохранительных структур государства с социальными движениями, вопросы о необходимости работы со стихийными массовыми выступлениям населения и управления массовыми процессами в новых условиях. Проведение прикладных исследований в этой сфере главным образом берут на себя академические психологи (В. А. Соснин, А. П. Назаретян и др.), которые не могут предоставить технологии практического решения этих задач (оперативных, тактических или технических), поэтому многое будет зависеть от деятельности аналитических *структур правоохранительных органов и их реагирования*.

В целом исследования с позиции теории социальной идентичности имеют большие перспективы для разработки прикладных аспектов воздействия на массовое поведение.

Глава 2

Психологические факторы негативного отношения россиян к новым технологиям

Растущая скорость изменений в сфере технологий делает актуальной проблему их осмысления современным человеком, повышает востребованность осознанного, рефлексивного отношения общества к технологиям и их регулированию. Технофобия как негативное отношение к передовым технологиям может рассматриваться в качестве естественной реакции общества на «шок будущего»: темпы технологического прогресса опережают формирование способности членов общества осмысливать изменения и вырабатывать социальные соглашения по поводу использования новых технических возможностей.

Технофобия как культурный и психологический феномен

Возникнув в конце XVII в. в ответ на промышленную революцию, технофобия проявляется и в последующие века, вызываемая объективными факторами: в XIX в. – сокращением рабочих мест в связи с механизацией; в XX–XXI вв. – автоматизацией труда, использованием оружия массового уничтожения (газовые атаки Первой мировой войны, уничтожение Хиросимы и Нагасаки атомными бомбами США во Второй мировой войне), ростом масштабов техногенных катастроф, экологическими последствиями применения химических и биологических технологий. С появлением Интернета к этим факторам добавились угрозы, связанные с кибер-преступностью, а также с расширяющимися возможностями слежения за человеческим поведением и контроля над ним с помощью цифровых технологий (Россия..., 2007; Солдатова, Нестик, 2013).

По оценкам исследователей, около половины людей в современном мире подвержены тем или иным формам технофобии (Brosnan, 1998). У коллективных страхов по поводу технологий есть объек-

тивные причины. Между появлением новой технологии и обнаружением ее негативных последствий нередко проходит много времени. Примером этого может служить асбест, который до выявления его вредоносности на протяжении десятилетий принято было считать абсолютно безопасным, инертным и рентабельным материалом (Гребенщикова, 2011). Трудности прогнозирования последствий новых технологий усугубляются отсутствием социально-гуманитарной экспертизы научных открытий, а также отсутствием в научном сообществе единой позиции по поводу социальных последствий технологий (Гаранина, 2012).

В массовом сознании образ «опасной технологии» был закреплен и получил широкое распространение благодаря кинематографу: вспомним такие киноэпопеи, как «Терминатор», «Матрица», «Обитель зла», «Крикуны», противостояние естественного и искусственного в блокбастерах «Я – робот» и «Аватар». Техно-оптимизму науки противостоит техно-пессимизм научной фантастики, находящий свое выражение в книгах и комиксах, фильмах, компьютерных играх и т. п. (Dinello, 2005). Неудивительно, что негативное отношение к новым технологиям может быть устойчивым, даже несмотря на позитивное их освещение в СМИ (Metag, Marcinkowski, 2014).

Исследования свидетельствуют о существовании кросс-культурных различий в уровне технофобии. На заре распространения Интернета в США тревогу перед компьютерами испытывали 34% студентов, тогда как в Японии и Индии соответственно 58% и 82% (Weil, Rosen, 1995). Такие различия могут быть связаны не только с уровнем технологического и экономического развития страны, но и с ее культурой (Zakour, 2007). В частности, долгосрочная ориентация снижает воспринимаемую трудность овладения технологией, тогда как избегание неопределенности (Журавлев, Нестик, 2010б) повышает ее; индивидуализм ослабляет влияние значимых других на отношение к технологии, а маскулинность культуры увеличивает ожидаемую пользу от использования технологии (Osiceanu, 2015).

Согласно наиболее часто цитируемому определению, технофобия – это, во-первых, внутреннее сопротивление, возникающее у людей, когда они думают или говорят о новой технологии; во-вторых, страх или тревога, связанная с использованием технологии; в-третьих, враждебные или агрессивные установки в отношении новой технологии (Brosnan, 1998). Данный феномен имеет когнитивные, эмоциональные и поведенческие компоненты. Он складывается из: 1) негативно окрашенных представлений о новой технологии в целом и о ее воздействии на общество; 2) тревоги в связи с теку-

шим или превосходящим взаимодействием с ней; 3) самопорицания во время пользования технологией. Исследования С. Торпа и М. Броснана выявили у клинических технофобов симптомы, сходные с переживаниями арахнофобов при контакте с пауками (Smith, 2016).

Технофобия более характерна для женщин, чем для мужчин (Войскунский, 2004; Гранина, 2012; Gilbert, Lee Kelley, Barton, 2009). Возможно, это связано с гендерными различиями в подходах к освоению новых технологий.

Как показывают исследования ВЦИОМ и Pew Research Center, готовность к использованию новых технологий прямо связана с уровнем образования и доходов (Нанотехнологии..., 2008; Smith, 2016). Технофобия связана с рядом личностных характеристик, таких как уровень тревожности, когнитивный стиль и – в наибольшей степени – самооффективность (Kennedy, Funk, 2016). Интерес к новым технологиям связан с рядом личностных характеристик по шкалам «Большой пятерки». Он более характерен для респондентов с высоким уровнем открытости к новому и интроверсией и менее – для людей с высокой сознательностью (ibid.).

Исследования технофобии у пользователей Интернета показывают, что она негативно связана с количеством часов непрерывного использования, однако не обнаруживает никакой связи с общей частотой пользования Интернетом (Joiner, Gavin, Brosnan, 2012). Иными словами, особенностью технофобии является негативное отношение к технологии при невозможности устранить контакт с ней.

Социально-психологические механизмы отношения личности к новым технологиям

Отношение к новым технологиям включает в себя когнитивные составляющие (представления о возможностях и ограничениях технологии, процессе ее создания и применения), эмоционально-оценочные (степень значимости технологии для личности или группы, а также выраженность и знак оценки ее использования), поведенческие составляющие (готовность личности и группы к их использованию в тех или иных ситуациях).

В своем исследовании феномена технофобии М. Броснан связывает готовность пользоваться технологией с оценкой ее полезности для решения конкретной задачи. Воспринимаемая полезность, в свою очередь, определяется предшествующим опытом, оценкой трудоемкости освоения технологии, а также уровнем тревоги, кото-

рый зависит от испытываемого чувства удовольствия при использовании технологии, а также от самоофективности (Brosnan, 1998).

Подобно отношениям между людьми, отношение к новым технологиям можно рассматривать как более или менее доверительное. Под доверием технике А. Б. Купрейченко понимает специфическое психологическое отношение человека, выражающее его представления, эмоциональные реакции и готовность к выполнению профессиональных задач с помощью техники (Купрейченко, 2014). Как показывают исследования А. А. Обознова и А. Ю. Акимовой, доверие технике может различаться по оценке ее надежности, т. е. стабильности и исправности работы, а также по оценке личностью собственной способности управлять ею (Обознов, 2016). По-видимому, технофобию можно охарактеризовать как более или менее выраженное недоверие к технике. Однако с учетом того, что технофобы не могут полностью исключить пользование технологией, следует предположить, что отношение к технологии как к социально опасной может сочетаться с высокой оценкой собственной способности к ее использованию.

Новые технологии включены в систему психологических отношений личности (Позняков, 2013), в систему социальных представлений о будущем (Емельянова, 2013, 2016а; Нестик, 2014а). Социально-психологический контекст технофобии становится очевидным, как только мы перестаем рассматривать пользователей новой технологии как пассивных реципиентов технического прогресса и признаем в них активных участников формирования технологии. Именно такое понимание отношения к технологии и глобальным технологическим рискам предлагают конструкционистская и интеракционистская парадигмы, получившие широкое признание в культурной антропологии: это концепция социального конструирования технологии В. Байджкера и Т. Пинча (Pinch, Bijker, 1987), модель «одомашнивания» технологии Р. Сильверстоуна, а также акторно-сетевая теория Б. Латура (Silverstone, 2006).

Согласно концепции социального конструирования технологии, новая технология обладает интерпретативной гибкостью: затронутые ею социальные группы взаимодействуют друг с другом, наделяя новый продукт или услугу различными смыслами, изменяя представления о том, какими должны быть дизайн, функциональность и правила использования инновационного продукта. Межгрупповое взаимодействие может носить форму конфликта или подчинения интересов одной социальной группы интересам другой (например, при переходе к массовому производству производителя ламп

приняли стандарты, навязанные производителями электроэнергии).

Другой пример «переговоров» приводят Т. Пинч и В. Байдджер в связи с распространением велосипеда. Постепенно на место «мужской» модели с большим передним колесом пришла более привычная для нас форма велосипеда, разработанная для женщин и подростков (Pinch, Vijker, 1987).

В создании новых технологий и научного знания на глобальном уровне активно участвуют непрофессиональные группы. Часть из них оказываются затронутыми технологиями и успешно мобилизуют социальное партнерство, привлекая к своей проблеме внимание спонсоров, СМИ, ученых и чиновников. Например, это нередко удается ассоциациям пациентов, страдающих от одной и той же болезни. Вместе с тем существуют группы отверженных или «сирот», интересы которых не учтены в сложившейся социально-экономической системе, и они пытаются защищать эти свои интересы, создавая альтернативные инновационные сообщества. Типичный пример – глобальные и национальные сообщества интернет-хакеров (Callon, Rabeharisoa, 2008). Конструирование представлений о новых технологиях на групповом уровне наиболее интенсивно происходит в пользовательских сообществах при обмене опытом.

Обмен техническими знаниями в пользовательских сообществах имеет свою специфику, хорошо подмеченную Н. В. Богатырь как «кризисное прочтение технологии» (Богатырь, 2012). Совместный поиск решения в конкретной проблемной ситуации здесь часто сосредоточен на определении контекста произошедшего, угадывании малозначимых на первый взгляд деталей, когда устройство рассматривается как уникальная комбинация характеристик пользователя, особенностей технологии и условий эксплуатации. Переговоры между релевантными социальными группами приводят к стабилизации отношения к технологии и к формированию «технологического фрейма», т. е. устойчивой воспроизводимой системы социальных представлений о конкретной технологии и ее месте в обществе (Богатырь, 2012; Klein, Kleinman, 2002).

В концепции Р. Сильверстоуна аналогичный процесс описывается как «одомашнивание» технологий, аналогичное тому, как 10 тысяч лет назад человек приручал домашних животных. Доместикация понимается как совместное творчество (Нестик, Журавлев, 2011, 2016), в ходе которого пользователи публично конструируют технологию, создают культуру ее потребления (Silverstone, 2006). В рамках доместикации технологии в домохозяйстве или организации осуществляется целый ряд процессов (Heidenreich, Wittkowski, Handrich, Falk,

2015): ее присвоение (переговоры по поводу возможного использования и приобретения), инкорпорация (нахождение конкретного места для технологии в доме), объективация (включение в рутинные процедуры, домашние ритуалы, т. е. во временную структуру жизнедеятельности), а также конвертация (разработка способов использования технологии для подчеркивания своей социальной идентичности, т. е. то, как мы говорим об этой технологии и показываем ее другим). В масштабах всего общества одомашниваемая технология проходит путь от удовольствия для избранных к повседневной необходимости (Pantzar, 1997).

Исследователи выделяют несколько стадий принятия новых технологий обществом. Технологии сначала выступают в качестве «игрушек»; затем они становятся «зеркалом» для самого общества, когда собственно техническая сторона продукта делается привычной, отходит на второй план, и внимание пользователей сосредоточивается на его полезных свойствах, переходит с формы на передаваемое содержание; наконец, на третьем этапе своего развития технология начинает использоваться как форма искусства. Именно так, по мнению П. Левинсона, менялось отношение к средствам звуко- и видеозаписи (Levinson, 1985).

Как видим, положительное или отрицательное отношение к технологии может быть парциальным, т. е. касаться отдельных ее сторон, или генерализованным, оно может быть связано с той или иной стадией ее «одомашнивания» в семье или на работе.

Технофобия может возникнуть на разных стадиях развития самой технологии, каждая из которых олицетворяется разными социальными группами пользователей. При этом отношение к технологии опосредовано отношениями с другими людьми, социальной идентификацией и социальным сравнением.

Технофобия и технофилия являются разными способами социального конструирования и одомашнивания технологий, предполагающими разное видение места технологии в своей жизни и обществе. Это подтверждается исследованием цифровой компетентности, которое было выполнено в 2013 г. при поддержке компании Google среди родителей российских подростков (N = 1209) совместно с Аналитическим центром Юрия Левады по специально разработанной методике Фонда Развития «Интернет» (Солдатова, Нестик, Рассказова, Зотова, 2013). Данные проведенного эмпирического исследования позволяют сделать вывод о том, что технофобия и технофилия проявляются не столько в интенсивности пользования Интернетом, сколько в разных профилях интернет-активности и разных мо-

делях цифровой компетентности. Пользовательский опыт и навыки технофобов связаны в основном с поиском информации, тогда как ядром модели цифровой компетентности у технофилов является использование Интернета как средства общения. Иными словами, для технофобов технология не связана с другими людьми, она как бы «заслоняет собой» социальный мир. Это существенно снижает возможности технофобов по конструированию и «одомашниванию» новых технологий. Они «выключены» из жизни пользовательских сообществ, реже берут на себя активные социальные роли в интернет-пространстве, в качестве пользователей они исключены из совместного творчества (Нестик, Журавлев, 2011), из процессов обмена опытом и обсуждения места новой технологии в обществе. Это проявляется и в их отношениях с собственными детьми: по сравнению с технофилами, технофобы значительно реже обсуждают опыт пользования сетью с ребенком, реже интересуются успехами и проблемами детей при овладении интернет-технологиями (Нестик, Солдатова, 2016; Солдатова, Нестик, 2016).

Психологические особенности новых технологий

Межличностные и межгрупповые взаимодействия, в ходе которых «одомашниваются» новые технологии, определяются не только личностными и групповыми особенностями, но и характеристиками самой технологии. В частности, психологическая специфика новых технологий тесно связана со степенью их включенности в процессы групповой идентификации и социального сравнения. Пока сфера применения технологии не создает угрозы для групповой идентичности и не влияет на соблюдение этических ценностей, отношение к ней является нейтральным или даже позитивным. К таким технологиям можно отнести нанотехнологии, новые способы получения и хранения энергии, автоматизацию производства и транспорта, а также, по-видимому, некоторые когнитивные технологии. Недавно проведенное исследование показывает, что примерно 50% опрошенных американцев в будущем согласились бы сесть в машину, управляемую искусственным интеллектом. Однако есть технологии, которые респонденты меньше всего готовы принять: использование геной инженерии, применение роботов для ухода за пожилыми родителями, свободу полетов для частных дронов, использование людьми имплантированных в мозг электронных устройств, потребление в пищу продуктов, выращенных в лаборатории (Smith, 2016). Ярким примером зависимости отношения к технологии от ее влия-

ния на поведение, регулируемое групповыми ценностями, стали очки расширенной реальности Google Glass. Как только стало очевидным, что обладатели этих очков получают возможность записывать и транслировать действия окружающих, нарушая границы между «частным» и «публичным», первоначальная популярность этого гаджета тут же сменилась общественным осуждением.

Значимость психологических особенностей технологии хорошо видна по различному отношению к нанотехнологиям и биотехнологиям в массовом сознании. Угрозы и преимущества от использования обоих типов технологий являются вполне сопоставимыми. Между тем, нанотехнологии принимаются более позитивно, тогда как отношение к биотехнологиям остается крайне настороженным.

Одна из особенностей нанотехнологии состоит в том, что она «устраняет» первичные природные качества материалов, обладающие социально закрепленным значением: при необходимости один и тот же материал может изменить цвет, форму и функциональные свойства (Аршинов, 2010). Иными словами, вещи, созданные с применением нанотехнологий, становятся «текучими», их свойства в данный момент определяются вкусами, интересами конкретных людей. Возрастает субъективность, воспринимаемая и осознаваемая спроектированность окружающего личностью мира. Нанотехнологии могут радикально изменить мир, однако последствия их применения остаются незримыми, им трудно найти соответствия в жизненном опыте. При этом нанотехнологии не включены в процессы групповой идентификации и межгруппового сравнения, не меняют поведение людей в сферах деятельности, регулируемых этическими ценностями и нормами. Это объясняет, почему 41% опрошенных россиян плохо понимают, что такое нанотехнологии, но около 50% ожидают положительных последствий от их применения (Зарубина, 2015).

Совсем иначе обстоят дела с биотехнологиями. Темпы роста рынка биотехнологий составляют 20–30% в год. Около 60% рынка составляют биофармацевтические препараты и биомедицина, 28% – биоматериалы промышленного назначения и только 12% – агропищевая продукция (Куксон, 2016). Несмотря на то, что пищевые продукты являются незначительной частью глобального рынка биотехнологий, коллективные страхи связаны именно с пищей (повышенная токсичность и аллергические реакции на трансгенные белки, особенно у детей до 4 лет; риск возникновения рака и мутагенных последствий длительного употребления в пищу ГМО и т. д.). Действительно, темпы развития индустрии генномодифицированных продуктов кажутся ошеломляющими. С 1996 по 2013 г. мировые площади посе-

вов генномодифицированных культур возросли более чем в 100 раз. Наиболее активно ГМО используются в США, где более 90% посевных площадей заняты трансгенными сортами растений (Разумовский, 2015). Более половины всех генномодифицированных зерновых (54%) выращивается в Южной Америке, Азии и Африке (Куксон, 2015). Проведенные за последние 10 лет эмпирические исследования не выявили вреда для организма человека от употребления в пищу ГМО. Опасность ГМО связана не столько с пищевыми, сколько с экологическими и агротехническими рисками (сокращение биологического разнообразия, изменение состава почв, ухудшение качества сельхозугодий и т. д.). Подавляющее большинство россиян считает, что генномодифицированные продукты могут представлять опасность для здоровья. Согласно исследованию ВЦИОМ, проведенному в мае 2014 г., 54% россиян не стали бы покупать содержащие ГМО продукты. Согласно опросу ВЦИОМ, проведенному в октябре 2014 г., 82% респондентов считают, что ГМО вредят здоровью и подлежат запрету. При этом лишь 55% знают, как расшифровывается аббревиатура ГМО (Иваненко, 2011; Кругликова, 2016; Максименко, Пичугина, Шмигирилова, Панкратова, 2016). Риски, связанные с биотехнологиями, имеют ряд психологических особенностей, делающих их релевантными для межгруппового взаимодействия и подстегивающих формирование коллективных страхов.

Чем объясняется такое внимание общественного сознания к ГМО-технологиям? Во-первых, чрезвычайно важной психологической особенностью биотехнологий является их участие в подтверждении групповой идентичности. На протяжении тысячелетий технологии производства, приготовления и потребления пищи регулировались не столько экономическими соображениями, сколько национальными традициями. Не случайно появление генномодифицированных продуктов и различных искусственных пищевых добавок в России оказалось сопряжено с формированием иерархии продуктов, дифференциации пищи на «свою» и «чужую». Например, продукты без сои не только стоят дороже, их производители еще и делают ставку на традиционность бренда, аутентичный вкус и запах (Кравченко, 2014). В массовом сознании «свои» продукты ассоциируются с традиционными биотехнологиями, «чужие», напротив, воспринимаются как продукты зарубежного производства с неестественными вкусовыми качествами, сделанные с применением вредных технологий. Кроме того, в ходе социального расслоения по уровню доходов и качеству жизни потребление экологически чистых продуктов становится маркером принадлежности к благополучным слоям общества.

Во-вторых, контакт с «искусственными» продуктами неизбежен, но регулируется не государственными или научными стандартами, а исключительно самим индивидом. Поколения россиян, выросшие в советское время, привыкли к тому, что государство контролирует качество сельскохозяйственных продуктов и формирует единые стандарты в области питания. Вместе с распространением неоллиберальной биополитики и стандартов превентивной медицины ответственность за болезни переносится с государства на самого человека. Положительные или отрицательные последствия потребления продуктов, полученных с применением медицинских и биологических технологий, зависят не от заботы государства, а от личного выбора каждого (Зарубина, 2015).

В-третьих, биотехнологии напрямую затрагивают базовые ценности общества: вопросы жизни и смерти, определения границ между человеческим и нечеловеческим, нормальным и ненормальным. В общественном сознании телесное связано с нравственным. С одной стороны, в биотехнологиях видят возможность продления жизни, а с другой — угрозу невиданных ранее болезней и вырождения.

Отдельного внимания заслуживает проблема отношения личности и группы к социальным и психологическим технологиям (Журавлев, Нестик, 2011). Кем-то психологические технологии могут рассматриваться как своего рода панацея от жизненных трудностей или гарантия карьерного успеха, а кто-то относится к ним с крайним недоверием, как и к технологиям в целом (Dinello, 2015; Kass, 1993). Задача построения психологической типологии отношения личности и группы к социальным технологиям (в частности, собственно психологическим) остается до сих пор нерешенной.

Специфика *психологических технологий* состоит в том, что их применение представляет собой межсубъектное взаимодействие даже в тех случаях, когда одна сторона рассматривает другую лишь в качестве объекта. Большинство психологических технологий представляет собой преимущественно личностное и высококонтекстное знание, а их применение является социальным взаимодействием и в ряде случаев даже сотворчеством. Кроме того, психологические технологии, как и любое социальное знание, являются частью групповой идеологии: они создаются и используются конкретными людьми, идентифицирующими себя с конкретными социальными группами. Большой интерес представляют групповые цели авторов и «пользователей психологических технологий», а также культурно-исторический контекст появления таких технологий. Например, для понимания возможностей и ограничений технологий психоло-

гического воздействия в массовых коммуникациях (Психологическое воздействие..., 2014) важно учитывать, что они первоначально разрабатывались для проведения политических кампаний и военных психологических операций, служили инструментом во взаимодействии «победитель—побежденный». С позиции социальной психологии чрезвычайно важной задачей является прояснение роли, которую играют в создании и использовании психологических технологий внутригрупповые и межгрупповые процессы. Речь идет о социальной категоризации и социальном сравнении, о выраженности групповой идентичности и зрелости самосознания группы, о групповых ценностях и нормах, регулирующих использование той или иной психологической технологии.

Нами было показано, что технофобия и технофилия являются социально-психологическими феноменами, возникновение которых невозможно объяснить одними только личностными характеристиками пользователей. Технофобия имеет когнитивные, эмоциональные и поведенческие компоненты. Наряду с индивидуальными факторами (самоэффективность, открытость новому опыту, уровень тревожности, пользовательский опыт, эмоциональное состояние и др.), на формирование технофобии оказывают влияние межличностные (общение с коллегами, друзьями и родственниками по поводу технологии), групповые и межгрупповые (столкновение интересов различных релевантных групп в связи с появлением новых технологий, групповые стереотипы, т. е. представления о типичных пользователях данной технологии, ее разработчиках и т. д.), а также социетальные (массовая культура и СМИ, уровень технологического и экономического развития страны, кросс-культурные особенности) факторы.

В заключение хотелось бы наметить несколько направлений, в которых изучение феномена технофобии представляется нам наиболее перспективным. Во-первых, это исследование отношения личности и группы к новым цифровым технологиям, пока еще только проникающим на российский рынок или находящимся в разработке: 3D-принтеры, расширенная реальность и технологии телеприсутствия, последствия использования Big Data для контроля над пользователями, формирование Интернета вещей, в перспективе – возникновение нейронета. Понимание того, как конструируются представления об этих новых технологиях, не только имеет практическую ценность для инновационных компаний, но и позво-

ляет найти способы преодоления технофобии в масштабах крупных социальных групп и всего общества, открывает путь к формированию рефлексивной и ответственной позиции «цифрового» гражданина перед лицом технологических рисков.

Во-вторых, развитие семантического Интернета, искусственно интеллекта и проникновение экспертных систем в повседневную жизнь ставят еще один вопрос о том, как формируется отношение к технологии в ситуации, когда сама технология выступает активным «субъектом» отношений. С развитием умных сред и Интернета вешей идея «технического субъекта» перестает быть метафорой. Представьте себе увиденную вами картину в музее, которая начинает присылать вам письма, или холодильник, который следит за калориями в вашей пище и не открывается, потому что, как ему сообщил ваш смартфон, вы не сделали сегодня достаточного числа шагов. Развитие цифровых технологий ставит вопрос не только о доверии человека к машине, но и о более широкой гамме психологических состояний, которые ранее считались характерными только для межличностных отношений.

В-третьих, малоизученной остается роль групповых и межгрупповых факторов в возникновении и трансляции технофобии. Неясны механизмы трансляции отношения к технологии от старожилков к новичкам внутри малых групп: трудовых и образовательных коллективов, внутри семьи и дружеских компаний. По-прежнему мало известно о том, как на отношение к технологиям влияет множественная групповая идентичность пользователей, их представления о других пользователях, разработчиках, инвесторах и других заинтересованных сторонах новой технологии. Большой интерес в связи с этим представляют социально-психологические факторы, влияющие на формирование образа технологии в пользовательских сообществах и социальных сетях. Наши данные, как и исследования других специалистов, указывают на то, что было бы ошибкой связывать технофобию с низкой технической и цифровой грамотностью пользователей. Овладевая новыми технологиями с разными целями, различные группы пользователей конструируют разные технологические фреймы – коллективные представления, оправдывающие и закрепляющие доверие или недоверие к технологии.

Наконец, все большую актуальность приобретает изучение различных способов участия пользователей в создании новых цифровых продуктов и услуг. Формируется новая парадигма бизнес-моделей и способов взаимодействия с пользователем, при которой он из потребителя превращается в полноправного создателя (Ramaswamy,

Ozcan, 2014; Verleye, Jaakkola, Helkkula, Aarikka Stenroos, 2015). Могут ли быть технофобы включены в эти практики? Как они реагируют на вовлечение в диалог и сотворчество через новые цифровые услуги? Какую роль при этом играют другие пользователи? Некоторые исследования позволяют предположить, что неудачный опыт такой совместной деятельности может приводить к технофобии (Heidenreich, Wittkowski, Handrich, Falk, 2015). Очевидно, что с развитием цифрового мира технофобия превращается из традиционной проблемы инженерной психологии во все более актуальную социально-психологическую проблему, возникающую и проявляющуюся в межличностном и межгрупповом взаимодействии.

Глава 3

Групповые факторы обмена знаниями: функции и механизмы

Управление знаниями как объект психологического исследования

Наступление эпохи «экономики знаний», когда технологии, интеллектуальная собственность, знания и способности персонала, общая способность организации к обучению превращаются в основную форму активов — интеллектуальный капитал, выдвинуло новую тему для социальной психологии: психологические аспекты управления знаниями в группах и организациях.

В поле зрения экономической и организационной психологии попадают новые феномены экономического поведения: интеллектуальное предпринимательство, поведение индивидуальных и корпоративных потребителей на рынках знаний, инвестиционное поведение на рынках интеллектуального капитала, конфликты по поводу интеллектуальной собственности и др.

Знания становятся экономическим объектом, а обмен ими — видом экономической активности, влияющим на отношение к другим категориям экономического сознания: нередко финансовые и материальные активы могут оцениваться ниже, чем интеллектуальные.

Одним из следствий растущей значимости знаний и организационного научения в экономике стало использование управления знаниями как одновременно и новой функции управления, и как особого вида совместной деятельности. Управление знаниями представляет собой систему мероприятий, процедур и норм корпоративной культуры, поддерживающих приобретение и создание, описание и систематизацию (кодификацию), хранение и востребование, передачу и использование знаний в организации. Само знание при этом понимается не только как информация, готовая к тому, чтобы быть высказанной или записанной в виде суждений, алгоритмов и правил. Знание может быть неявным, т. е. трудно вербализуе-

мым интуитивными оценками, опытом и навыками, которые не осознаются самими их носителями. Поэтому, с точки зрения И. Нонака и Х. Такеучи, обмен знаниями в совместной деятельности представляет собой взаимопревращение явных и неявных знаний (Nonaka et al., 2001; Nonaka, 2004; Gourlay, 2006): в ходе социализации (обмен неявными знаниями), экстернализации (превращение неявных знаний в явные), комбинирования (обмен явными знаниями) и интернализации (превращение явных знаний в неявные).

Роль этих процессов в современных организациях столь велика, что для управления ими стали выделяться специальные должности: менеджер по управлению знаниями, начальник отдела внутренних знаний и т. п., а сама эта деятельность превращается в самостоятельную профессию (Lengnick-Hall, Lengnick-Hall, 2002). Показателями эффективного управления знаниями могут служить, например, отслеживание тенденций за пределами организации (например, сравнение своей организации с передовыми компаниями); освоение сотрудниками навыков творческого мышления и применения нестандартных подходов; организация пилотных проектов, в ходе которых опробуются новые подходы к разработке продуктов и/или предоставлению услуг; внедрение специально разработанных систем и процедур, обеспечивающих упорядочение важных знаний, их сохранение и доступность для тех, кто в них нуждается и может использовать; постоянная разработка новых способов и технологий для обмена знаниями внутри компании (Marquardt, 2001).

Знания несводимы к информации, т. е. к данным, имеющим лишь потенциальное значение для принятия решения. Выделяют три важных различия между информацией и знанием: знание тесно связано с его носителем; знание сложнее передать, чем информацию; знание сложнее понять и усвоить (Smalla, Sage, 2006). Согласно Ф. Дрекке, руководствуясь информацией, мы способны судить, какую часть знания следует усвоить; знание — это производное от информации, основанное на ней убеждение (Dretske, 1981).

Наряду с индивидуальным знанием, выделяют организационное знание, которое охватывает как индивидуальные знания, так и коллективную память сотрудников (Smalla, Sage, 2006; Ходкинсон, Сперроу, 2007). Неоднократно предпринимались попытки создать классификацию организационных знаний. Наиболее известными в области управления знаниями являются классические работы японских исследователей Нонака и Такеучи. Именно их определения двух форм знания — скрытой и явной — используются наиболее часто. Явное знание — это то, которое может быть выражено в виде

слов и цифр и передаваться в формализованном виде на соответствующих носителях. Неявное знание — это знание, которое не формализуется и может существовать лишь вместе с его обладателем — конкретным человеком или группой лиц (Нонака, Такеучи, 2003). Определение неявного знания восходит к концепции личностного знания М. Полани, который утверждал, что мы знаем больше, чем можем сказать (Полани, 1985). Позднее Нонака и Такеучи описали это личностное, неявное знание как состоящее из технических навыков, умственных моделей и интуиции. Обе формы знания возникают изначально как индивидуальное знание, но для того, чтобы быть использованными для существенного улучшения деятельности организации, они должны быть преобразованы в организационное знание (Нонака, Такеучи, 2003).

В лаборатории социальной и экономической психологии Института психологии РАН Т. А. Нестиком совместно с И. В. Никитенко было проведено исследование с целью выявления содержания представлений руководителей и специалистов российских компаний о феномене «знания» (Нестик, 2009). Как показали результаты контент-анализа, знания ассоциируются не только с информацией, но и с личными качествами, властью, общением, карьерными возможностями, нормами и ценностями. Для большинства опрошенных «знания» ассоциируются с личными качествами сотрудника (31,6%); с источниками знаний (16,5%); личным опытом (12%). Таким образом, знания — это не просто информация, они неотделимы от отношений личности с другими людьми, включают в себя личностные смыслы, когнитивные и эмоциональные компоненты, т. е. имеют социально-психологическую природу.

На протяжении нескольких десятилетий знания являются предметом исследования для целого ряда научных направлений в социальных науках. Так, в области экономических наук изучается влияние интеллектуального капитала и обмена знаниями на экономическую эффективность отдельных организаций, альянсов и рынков, роль знаний в формировании национальной и мировой экономики (Мильнер, 2003; Нонака, Такеучи, 2003; Эдвинссон, 2005). В рамках социологии знаний рассматриваются социокультурные и политические аспекты формирования и трансляции знаний в современном обществе (Бергер, Лукман, 1995; Лиотар, 1998; Манхейм, 2000; Bloor, 1991; Latour, Woolgar, 1986; Нугаев, 1997).

В психологии знания изучались в разных контекстах. В рамках когнитивной психологии наибольшее развитие получили исследования универсальных психологических механизмов порождения

и репрезентации знаний (Александров, 2006; Величковский, 2006; Ребеко, 1998; и др.). В дифференциальной психологии рассматриваются индивидуальные особенности когнитивных процессов (Холодная, 2004; и др.). В педагогической психологии особое внимание уделялось проблеме усвоения знаний (Гальперин, 1985; Нурминский, Гладышева, 1991; Талызина, 1975; и др.). В рамках социальной и исторической психологии науки исследуется роль социально-психологических механизмов, таких как ролевое распределение в научном коллективе, оппонентный круг и т. д., в создании научного знания (Аллахвердян и др., 1998; Ярошевский, 1995). Еще одно направление работ связано с изучением психологических особенностей экспертной деятельности, экспертных сообществ и технологий (Мкртычян, 2002; Червинская, 2008, 2009; Экспертиза в современном мире, 2006).

Специфика социально-психологического подхода к психологии знаний состоит прежде всего в том, что основное внимание здесь уделяется межличностным и межгрупповым факторам порождения, формирования и передачи знаний. Предметом социальной психологии знания являются, во-первых, особенности отношения к знаниям у индивида, проявляющиеся в результате его включения в отношения с другими людьми (например, ориентация эксперта на передачу своих знаний другим членам своего трудового коллектива); во-вторых, процессы порождения и трансформации знаний в межличностном и межгрупповом взаимодействии (например, механизмы обмена неявными знаниями как между сотрудниками, так и между подразделениями в ходе совместной деятельности); в-третьих, групповые характеристики и феномены, влияющие на порождение, распространение и использование знаний, несводимые к характеристикам отдельной личности (например, групповые ментальные модели, феномен группового давления, групповая рефлексивность, т. е. склонность первичного трудового коллектива обсуждать и анализировать опыт совместной деятельности, извлекать уроки из прошлого и т. п.).

В зарубежной социальной психологии проблема знаний изучается прежде всего в области психологии организаций. Здесь можно выделить три наиболее интенсивно развивающиеся векторы исследований: организационное научение, информационное направление в теории малых групп, психология управления знаниями. В рамках теории организационного научения основное внимание уделяется когнитивным и групповым механизмам, содействующим преобразованию организации в обучающуюся, постоянно преобразую-

щую себя на основе собственного опыта (Арджирис, 2004; Marshall et al., 2009). В рамках информационного направления в теории малых групп исследуются групповые механизмы принятия решений, порождения и переработки знаний. С опорой на социокогнитивную парадигму изучаются различные формы «группового знания» как ключевого фактора эффективности совместной деятельности: групповые когниции, транзакционная память группы, коллективный разум, командные ментальные модели, групповая рефлексивность (Moreland, Argote, 2003; Schippers et al., 2007; Weick, Roberts, 1993; et al.). В рамках психологии управления знаниями основное внимание уделяется психологическим факторам готовности сотрудников к генерированию знаний и обмену ими, таким как доверие, характеристики организационной культуры и т. п. (I-Chieh, Yi-Shun, 2008; Liu, 2008).

В российской психологии данные проблемы только начинают изучаться. В этой связи можно выделить два направления, одно из которых тяготеет к инженерной психологии, другое – к социальной и экономической. В рамках первого изучаются психологические аспекты инженерии знаний, т. е. получение знаний от экспертов и их представление в доступном другим виде – как базы знаний, экспертной системы (Журавлев, Нестик, 2008; Червинская, 2008, 2009). В рамках второго изучаются внутриличностные, межличностные и групповые факторы обучающего взаимодействия и обмена знаниями в организации (Журавлев, Нестик, 2008; Журавлев, Нестик, Никитенко, 2009; Нестик, 2006, 2009; Нестик, Никитенко, 2006).

Основные теоретические подходы, сложившиеся в социальной психологии управления знаниями

В современной социальной психологии управления знаниями можно выделить три основных теоретических подхода: политический, сетевой и социокогнитивный, представленный концепциями организационного научения, коллективного интеллекта и транзакционной памяти.

Политический подход сосредоточен на изучении процессов социального влияния в ходе генерации, передачи и легитимации знаний, роли конкуренции за власть в обмене знаниями (Alvesson, Kärreman, 2001; Deetz, 1994; Lyon, Chesebro, 2011). Опираясь на работы М. Фуко и П. Бурдьё, исследователи данного направления показывают, что обнаружение, кодификация и ценность знаний в организации определяются позициями участников в организационной структуре.

Знания социально конструируются сообществами как ресурс в политической борьбе.

При сетевом подходе обмен знаниями рассматривается с позиции структурных и содержательных характеристик социальных сетей внутри и между организациями (Burt, 1999, 2003; Krackhardt, 1992; Reagans, McEvily, 2003; Borgatti, Cross, 2003; Kilduff, Krackhardt, 2008). В качестве ключевого фактора эффективности управления знаниями здесь изучается разнородность сетей, их сила и слабость, а также накопленный сторонами уровень доверия.

Социокогнитивный подход ориентирован на изучение процессов превращения индивидуальных знаний сотрудников в коллективные. Наиболее популярными сегодня в рамках данного подхода являются три концепции: организационного научения Д. Шона и К. Арджириса, группового разума К. Вика и транзакционной памяти М. Вигнера и Р. Мореленда.

Организационное научение вошло в теорию организаций усилиями Дж. Марча и Г. Саймона, которые рассматривали его как процесс адаптации организации к меняющейся среде (March, Simon, 1958). Позднее Арджирис и Шон предложили модель «двойной петли» научения: помимо корректировки своих действий на основании заранее установленных стандартов (одинарная петля научения), успешные организации способны к переосмыслению и обновлению самих стандартов деятельности (двойная петля). Научение в данной концепции не сводится к индивидуальному опыту, оно невозможно без взаимной интерпретации и групповой рефлексии, коллективного экспериментирования, наблюдения и систематизации новых знаний и поиска способов их применения. При научении основная трудность связана с наличием групповых защитных механизмов, поддерживающих позитивную самооценку и самонепротиворечивость членов трудового коллектива (Арджирис, 2004; Клаттербак, 2008; Argyris, Schon, 1978). Представители данного направления рассматривают управление знаниями как один из элементов «обучающейся организации» (Сенге и др., 2003; Marshall et al., 2009). Важным, на наш взгляд, преимуществом данного подхода является анализ знаний как непрерывного процесса, а также признание возможности генерации и передачи в организации ошибочных знаний: часто мы «наступаем на одни и те же грабли» не потому, что не можем вспомнить и осознать свой опыт, а потому, что не можем забыть усвоенные ранее знания, которые уже неэффективны.

К концепции организационного научения и самообучающейся организации близка теория организационного интеллекта, который

понимается как способность организации задействовать все свои интеллектуальные ресурсы и направить их на реализацию миссии (Albrecht, 2003). В ряду многочисленных моделей организационного интеллекта, предложенных в социальной психологии и теории организации за последние 15 лет, наиболее популярной является концепция «группового разума» К. Вика. В ее основе лежит коннекционистская парадигма когнитивной психологии: знание содержится не в отдельных «ящиках картотеки», а в связях между ними, и тем самым торможение и активация примитивных клеток, объединенных в нейронную сеть, делает возможной переработку очень сложной информации. Малая группа или организация могут быть представлены как носители коллективного разума, формирующегося в сетях отношений, подобных нейронной сети в человеческом мозге (Sanderlands et al., 1987). Однако элементами такой сети являются не сами индивиды, а их действия. Вик выделяет три таких элемента: 1) сами действия, т. е. групповые вклады каждого участника в совместную деятельность; 2) представления участников о совместной деятельности, т. е. о том, как они взаимосвязаны в работе над общей задачей; 3) субординация, т. е. согласование участниками своих действий с их представлением о деятельности в целом.

Коллективный разум понимается Виком как «осмотрительные», «умелые» взаимосвязи между действиями в социальных системах: «это скорее метод, чем содержание, скорее структурирование, чем структура, скорее процесс построения связей, чем сами связи» (Weick, Roberts, 1993). Конкретными проявлениями коллективного разума является скорость реагирования команды на события, внимательность членов команды, степень понимания ими взаимозависимостей в совместной деятельности. Коллективный разум «интериндивидуален»: каждый участник совместной деятельности видит только часть целого. Его развитие происходит тремя основными путями. Во-первых, за счет регулярной совместной рефлексии командного опыта и его экстраполяции на будущее. Во-вторых, за счет большего согласования действий между участниками совместной деятельности: действия участников на самых ранних этапах работы над задачей должны учитывать взаимодействие на более поздних стадиях. В-третьих, за счет передачи старожилками команды своего опыта новичкам: рассказывая о своем опыте и организации, участники команды получают возможность вспомнить множество конкретных примеров «умелых» совместных действий, тем самым расширяя репертуар образцов эффективной совместной деятельности в различных ситуациях. В подобных рассказах происходит обмен

ноу-хау, неявными знаниями, интуитивными догадками, представлениями о скрытых причинно-следственных взаимосвязях в совместной деятельности.

Наконец, знания сотрудников можно рассматривать как транзакционную память, т. е. разделяемую членами группы систему кодирования, хранения и востребования информации, совокупность индивидуальных систем памяти, объединенных системой внутригрупповой коммуникации (Wegner, 1987). Это еще одна концепция, широко используемая в психологической литературе, посвященной управлению знаниями. Преимуществом данного подхода, на наш взгляд, является анализ знаний сотрудников как знаний межличностных, формирующихся в ходе межличностного взаимодействия в совместной деятельности. Как указывает М. Вигнер, транзакционная память несводима к сумме индивидуальных знаний и убеждений участников совместной деятельности: каждый член команды видит эту систему со своей точки зрения, но не знает о том, как ее видят другие. Транзакционная память влияет не только на то, что помнят участники команды, но и на то, как они видят окружающий группу мир: задачи совместной деятельности, организационный контекст и т. д. Она развивается по мере того, как члены команды получают опыт взаимодействия и формируют представление о сфере экспертного знания друг друга. Определяя, кто является хранителем тех или иных знаний, участники совместной деятельности могут использовать два критерия: во-первых, это сфера знаний, в которой член команды является экспертом, а во-вторых, это так называемое «обстоятельное знание» — знание о том, в какой ситуации, при каких обстоятельствах группа получила те или иные знания и опыт. Сегодня теория транзакционной памяти все чаще используется в социальной психологии для изучения обмена знаниями в организациях, так как позволяет увязать между собой социокогнитивный и сетевой подходы (Brandon, Hollingshead, 2004; Lewis et al., 2007; Palazzolo, 2011).

Социально-психологические факторы управления знаниями

К организационным факторам управления знаниями можно отнести инновационную бизнес-стратегию, зависимость стоимости компании от интеллектуального капитала, длительность бизнес-циклов и скорость обратной связи, получаемой сотрудниками в ответ на свои действия, наличие корпоративной базы знаний и степень регламентированности процессов обмена знаниями, наличия системы

обучения и развития персонала, стимулирования инновационной деятельности работников и др.

Вместе с тем, существуют психологические факторы, часто не принимаемые во внимание при разработке и внедрении систем управления знаниями. Среди них можно выделить: индивидуальные (например, мотивированность сотрудников на профессиональное развитие), межличностные (например, уровень межличностного доверия), групповые (например, референтометрическая и коммуникативная структура трудового коллектива), межгрупповые (например, степень аутгрупповой дискриминации и внутригруппового фаворитизма при обмене знаниями), профессионально-психологические (например, осведомленность сотрудников о возможностях, предоставляемых ИТ-системами, и оценка уровня собственной компетентности в работе с ними), организационно-психологические (например, характеристики корпоративной культуры) и экономико-психологические (например, оценка сотрудниками ценности приобретаемых ими знаний на рынке труда).

Индивидуально-психологические факторы могут влиять как на создание знаний, так и на процесс их передачи. Как известно, на процесс генерирования знаний оказывают влияние круг интересов сотрудника, стремление к решению сложных задач, низкий уровень избегания неопределенности, склонность к риску, упорство и уверенность в себе (Amabile, 1983; Oldham, Cummings, 1996), открытость новому опыту (King et al., 1996; McCrae, 1987), сознательность (Taggar, 2002). Важную роль играют общие способности личности и стиль научения. Так, Д. Колб выявил четыре стиля научения: аккомодирующий (ориентированный на действие, экспериментирование), дивергирующий (ориентированный на наблюдение и генерирование новых решений), ассимилирующий (ориентированный на использование концептуальных моделей, алгоритмов и нормативов) и конвергирующий (ориентированный на эффективное использование уже имеющихся практических навыков) (Kolb, 1984). Оказалось, что сотрудники с конвергирующим стилем научения более успешно передают и воспринимают неявное знание, чем сотрудники с дивергирующим стилем (Armstrong, Mahmud, 2004). При передаче знаний также возникает ряд когнитивных ограничений. С ростом опыта и навыков знания становятся более абстрактными и эксперту сложнее эффективно их передавать. Эксперты склонны автоматизировать и упрощать понимание задачи. Иногда они не способны восстановить сложные взаимосвязи, отдельные нюансы и способ решения задачи так, чтобы это стало доступно новичкам. Для пре-

одоления такого барьера организациям приходится использовать специальные техники передачи опыта (ведение новичком дневника наблюдений за работой более опытных коллег, получение от них структурированной обратной связи по результатам своей работы, совместное с ними выполнение задач и т. п.).

На основании ряда зарубежных и отечественных исследований можно выделить следующие личностные факторы обмена знаниями в организации: самоэффективность, макиавеллизм, ценностные ориентации, уровень базового доверия, сила организационной идентичности (Журавлев, Нестик, 2010а; Нестик, 2009; Cabrera, 2006; He et al., 2009; Kuo, Young, 2008; Liu, 2008; Gagné, 2009).

Так, исследование на выборке из 73 сотрудников одной из крупных консалтинговых компаний г. Москвы, проведенное Т. А. Нестиком совместно с Е. К. Осетровой на основе методики изучения ценностей личности Ш. Шварца, позволило выявить связь ориентации на обмен знаниями с ценностными ориентациями личности. Так, ориентация на передачу своих знаний связана с такими ценностями, как доброжелательность (0,359, $p=0,002$), универсализм (0,384, $p=0,001$) и достижение (0,247, $p=0,035$). Ориентация на обращение за знаниями оказалась связанной с конформностью (0,412, $p<0,001$) и самостоятельностью (0,344, $p=0,003$).

Т. А. Нестик в серии поисковых исследований, проведенных совместно с И. В. Никитенко и Е. И. Алексеевой в 2007–2009 гг. в российских компаниях, обнаружил связь ориентации на обмен знаниями с коллегами с рядом индивидуально-психологических и социально-психологических феноменов: эмоциональным интеллектом, отношением личности к своему собственному прошлому, базовым доверием к людям, организационной идентичностью (Нестик, 2009). Межличностные факторы эффективности управления знаниями исследованы пока крайне недостаточно. К ним можно отнести уровень межличностного доверия, степень осведомленности сотрудников о знаниях друг друга, интенсивность контактов, наличие общего опыта и взглядов (Кросс, Паркер, 2006; Kilduff, Krackhardt, 2008; Minhyung, Young-Gul, 2010). Исследования Института управления знаниями IBM показывают, что 42% обмена знаниями происходит через непосредственный личный контакт. Сотрудники стремятся сохранить за собой контроль над тем, кто и как будет пользоваться их знаниями, поэтому готовность делиться опытом и обращаться за информацией в значительной степени зависит от межличностного восприятия. Ряд исследований указывает на важную роль межличностных отношений между непосредственным руководителем

и подчиненным. Как показывает исследование Б. Ренцль, доверие к руководителю снижает страх сотрудников лишиться статуса незаменимого специалиста и повышает готовность документировать свои знания (Renzl, 2008).

К групповым факторам обмена знаниями относятся уровень доверия в коллективе, уровень групповой рефлексивности, отношение топ-менеджмента и непосредственных руководителей к обмену знаниями, сложившееся в коллективе отношение к внедряемой системе управления знаниями, характеристики коммуникативной структуры группы, сила групповой идентичности и приверженность организации (Нестик, 2009; He et al., 2009; Kuo, Young, 2008; Liu, 2008; Maurer et al., 2011; Tzu-Shian et al., 2010).

Для того чтобы определить связь между уровнем доверия в организации и готовностью сотрудников к обмену знаниями, нами был проведен опрос российских менеджеров-слушателей программ МВА (N = 100). Использовался стандартизированный опросник, включающий в себя шкалу ориентации на обмен знаниями, разработанную Т. А. Нестиком (6 пунктов, α Кронбаха = 0,772), а также ранее адаптированные совместно с С. В. Киселевой шкалы индивидуальной склонности к доверию и организационного доверия Л. Хаффа и Л. Келли (N = 442, α Кронбаха = 0,662 и 0,872). В результате не было выявлено значимых корреляций между склонностью к доверию и готовностью личности обмениваться знаниями (обращаться за знаниями к другим и делиться своими). Однако была установлена высокая корреляция между уровнем доверия в организации и готовностью к обмену знаниями в ней ($r = 0,549$, $p < 0,001$). Заметим, что этот результат вполне согласуется с данными другого исследования, в котором доверие личности к другим людям, вопреки ожиданиям авторов, оказалось фактором, лишь косвенно влияющим на готовность сотрудников обмениваться знаниями (Chow, Chan, 2008).

В компаниях с низким уровнем доверия сотрудники менее охотно делятся друг с другом своими знаниями и обращаются за информацией или советом к коллегам (соответственно, 4,5 и 4,7 в компаниях с низким уровнем доверия и 5,8 и 6,0 – с высоким). Эта взаимосвязь подтверждается результатами другого нашего исследования, в ходе которого были опрошены сотрудники 12 компаний (N = 349). В итоге была выявлена высокая значимость различий по готовности сотрудников обмениваться знаниями между компаниями с низким и высоким уровнем доверия в организации (4,5 и 5,8 при $p < 0,001$ по критерию Манна–Уитни). Было обнаружено также, что руково-

дители в целом более ориентированы на обмен знаниями, чем рядовые сотрудники.

Полученные данные позволяют утверждать, что готовность к обмену знаниями в меньшей степени зависит от индивидуально-личностных факторов и в большей — от групповых и организационно-психологических.

Обмен знаниями и характеристики организационной культуры

На готовность к обмену знаниями влияют особенности корпоративной и национальной деловой культуры (Yeung et al., 1999). Например, исследование, проведенное С. Михайловой и К. Хастидом в нескольких российских компаниях методом изучения отдельных случаев, позволило выявить ряд специфических для России барьеров в обмене знаниями. Наряду с такими универсальными психологическими барьерами, как страх снижения своей ценности как эксперта и неготовность тратить дополнительное время и силы на передачу знаний, были выявлены семь барьеров, связанных с особенностями российской деловой культуры: 1) высокая неопределенность («Как поступят с моей информацией?»); 2) высокая дистанция власти («Мне/им это знать не положено»); 3) опасение негативных последствий («Они это знание все равно не смогут использовать»); 4) негативное отношение к ошибкам («У нас нет права на ошибку»); 5) неумение и нежелание анализировать совместный опыт («Кто виноват?»); 6) ориентация на формальные процедуры («Без четких инструкций все рухнет»); 7) синдром «Это придумано не у нас»/«Нет пророка в своем отечестве», проявляющийся в том, что группа переоценивает свою специфику и недооценивает знания своих членов (Michailova, Husted, 2003).

С целью выявления социально-психологических факторов, которые могут способствовать или препятствовать обмену знаниями в российских организациях, в лаборатории социальной и экономической психологии Института психологии РАН было проведено поисковое исследование, в котором участвовали 100 руководителей и сотрудников российских компаний (Нестик, Никитенко, 2006). Среди факторов, влияющих на обмен знаниями, как наиболее важные были оценены особенности организационной культуры и психологического климата в коллективе (44,4% опрошенных топ-менеджеров и 50,6% рядовых сотрудников). По мнению опрошенных экспертов, организационная культура, ориентированная на сплоченность, вовлеченность сотрудников в процесс принятия решений, развивающая и поддерживающая позитивную организационную иден-

тичность, является наиболее благоприятной для развития горизонтальных коммуникаций между сотрудниками и обмена знаниями.

Чтобы уточнить роль характеристик корпоративной культуры в обмене знаниями, было проведено исследование, участниками которого стали руководители московских коммерческих компаний (N = 119). Респондентам предлагалось оценить уровень обмена знаниями в своей компании, выраженность различных барьеров в этом процессе (опросник Т. А. Нестика), а также характеристики организационной культуры (опросник «Организационная культура» Д. Денисона и «ОСАИ» К. Камерона и Р. Куинна).

Результаты корреляционного анализа и оценки значимых различий частично подтверждают выводы С. Михайловой и К. Хастиды (Michailova, Husted, 2003), а также впервые проливают свет на связь барьеров обмена знаниями с типологическими особенностями организационной культуры. Можно выделить три наиболее универсальных, не зависящих от типа организационной культуры барьера в обмене знаниями: 1) опасение сотрудников утратить свою незаменимость как эксперта, 2) необходимость тратить дополнительные силы и время на передачу знаний, 3) конкуренция между подразделениями, тормозящая масштабный обмен знаниями. Не было выявлено значимых корреляций между данными барьерами и типологическими характеристиками организационной культуры. Еще несколько барьеров можно считать общими для российской деловой культуры, так как они в равной мере присущи всем обследованным организациям: это негативное отношение к ошибкам, неуверенность сотрудников в том, что с предложенными ими идеями и переданными знаниями поступят рационально, опасение утечки информации к конкурентам.

Напротив, выраженность ряда других барьеров в значительной степени связана с типом культуры. Так, анализ значимых различий, при котором между собой сопоставлялись организации с разными ценностями (объединенные на основе кластерного анализа), показал, что обмен знаниями наиболее затруднен в организациях с культурой бюрократического типа, что связано, по-видимому, с высокой дистанцией власти, регламентированностью деятельности и высокой культурой наказаний за отступление от нормативов. Один из опрошенных описывает это так: «В нашей компании любое совещание превращается в братскую могилу. Даже если не виноват, все равно накажут». Предпринимательский тип культуры также может затруднять обмен знаниями: ориентация на результат, необходимость постоянно работать в условиях дефицита времени снижают внимание

к идеям сотрудников и накопленному опыту. Косвенно на это указывает тот факт, что именно в предпринимательской культуре сотрудники менее всего опасаются, что их идеи будут присвоены коллегами. Наконец, неожиданно для нас ряд барьеров был выявлен в организациях с клановым типом культуры, характеризующихся высокой сплоченностью и ориентацией на взаимную поддержку. В частности, в клановой культуре руководители чаще не считают нужным делиться информацией с подчиненными, там выше скептическое отношение к идеям коллег, более выражен синдром «это придумано не у нас». По-видимому, такие барьеры связаны с обратной стороной сплоченности: эффектами группового мышления и групповыми защитными механизмами, оберегающими позитивную самооценку коллектива.

Говоря о перспективах развития отечественной психологии управления знаниями, необходимо выделить несколько наиболее актуальных, на наш взгляд, направлений исследования в данной области.

Во-первых, это уточнение социально-психологических механизмов формирования интеллектуального капитала организации (общества, региона, страны), т. е. коллективных знаний. Имеющиеся в настоящее время эмпирические данные позволяют предполагать, что в основе феноменов социального капитала и группового знания лежат одни и те же социально-психологические процессы. Растущее число работ, посвященных роли социальных сетей в формировании групповых представлений, подталкивает к поиску интегративного подхода, позволяющего объяснять и предсказывать взаимовлияние формально-динамических и содержательных (когнитивных, смысловых) характеристик сетей.

Во-вторых, практически не исследованным остается влияние межгрупповых и межорганизационных процессов на обмен знаниями. Недостаточно изучен обмен знаниями между сотрудниками организации и ее клиентами, партнерами, конкурентами.

В-третьих, особое значение будут иметь исследования, направленные на прояснение механизмов социального обмена. На наш взгляд, перспективным в исследовании обмена знаниями являются представления Р. Л. Кричевского и его коллег о психологическом (ценностном) обмене (Кричевский, Рыжак, 1985; Кричевский, Маржине, 2001), а также предположение Э. П. Файск о существовании четырех основных форм обмена ценными ресурсами (Fiske, 1991). По-видимому, в зависимости от ценностных ориентаций лич-

ности и характеристик организационной культуры, передача знаний может строиться на основании разных моделей обмена: добрососедский обмен (каждый член группы получает доступ к знаниям остальных независимо от его личного вклада, на основе ценностей взаимной поддержки); распределение власти (доступ к знаниям получает не каждый и в разной степени, в соответствии с социальным статусом); поддержание равенства (обмен знаниями основан на ценностях социальной справедливости); рыночное ценообразование (доступ к знаниям определяется заслугами перед отдельными членами группы или перед всем трудовым коллективом). Иными словами, в малых группах и организациях обмен знаниями может опираться на разные ценности и нормы. Использование концепции психологического обмена может приблизить нас к более глубокому пониманию самих феноменов группового и организационного знания, коллективной памяти, т. е. того, как личностное знание трансформируется в групповое, а неявное – в явное.

В-четвертых, ключевую роль в обмене знаниями играет групповая рефлексивность (совместный анализ коллективного опыта), являющаяся, на наш взгляд, одним из признаков субъектности социальной группы (Журавлев, 2000). Психологические механизмы групповой рефлексии остаются малоизученными. Между тем в результате рефлексии формируются чувство «мы», прежде всего как переживание своей принадлежности к группе и единения со своей группой, принятия действующих в ней правил психологического обмена, и образ «Мы» как групповое представление о своей группе, о том, кто и какими знаниями в ней обладает.

Раздел 2

**ЭКОНОМИКО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ
ПРЕДПОСЫЛКИ ГЛОБАЛЬНЫХ
ПРОЦЕССОВ**

Глава 4

Экономические потребности в основе глобальных процессов

Актуальность проблемы

Если обратиться к экономическим факторам, оказывающим существенное влияние на поведение и деятельность человека, то стоило бы начать с анализа следующего факта: какие бы доходы ни получал человек, все они концентрируются в семейной экономике, что превращает микросреду его обитания (семья, домохозяйство) в центральный узел микроэкономических процессов, обеспечивающих экономическое благосостояние личности.

Находясь в одних и тех же социально-экономических условиях, разные люди добиваются качественно различных экономических условий жизни для себя и своей семьи. Отсюда ясно, почему богатство и бедность, их непростые взаимосвязи, от которых зависит не только уровень жизни личности, но и стабильность общества, становятся объектом психологического исследования. Микроэкономическая направленность человека при таком подходе будет во многом предопределять качество и направленность экономических процессов в любом обществе и интегрироваться в глобальные процессы, присущие современному этапу развития цивилизации. Обращение к проблеме потребности личности в экономическом самообеспечении можно рассматривать как первый этап обращения к исследованию предпосылок глобальных процессов.

К настоящему времени сложились два основных подхода, оказывающих помощь человеку в его подготовке к экономической деятельности. Первый подход — это формальное обучение молодежи в системе вузовского образования, которое направлено на углубление фундаментальных знаний об основах экономики, на формирование необходимых профессиональных качеств; второй — практическая экономическая социализация, формирование личностных

компетенций у людей с различными видами профессиональной подготовки (или просто на базе общего образования, т. е. после школы). Это закономерно, так как интенсивное развитие общественных процессов и связанных с ними технологий (производственных, информационных, социальных) ориентировано на экономическую социализацию личности, которая включает в себя развитие способности к присвоению экономического опыта, его переработке и воспроизводству в предстоящей экономической деятельности, а также органичное вхождение в социальную среду и приобретение экономического статуса.

Этот процесс сопряжен с традиционным отсутствием в России системы формирования общепринятых экономических ценностей и нормативных моделей предпринимательского поведения. Отсутствие такой системы зачастую приводит к деструктивному конструированию человеком своего социального пространства, к рассогласованию личностных и общественных факторов экономического сознания, самосознания и поведения. Это может провоцировать пренебрежение этическими нормами поведения, сложившимися межличностными связями и отношениями, а иногда и прямо приводить к нарушениям законодательства, заключающимся в коррупции, легализации преступных доходов и в иных, связанных с экономическими мотивами, преступлениях.

Из этого следует, что российское общество нуждается в проведении масштабной работы, направленной на формирование психологической готовности населения к экономическому самообеспечению, которая может оказать существенное влияние на стабилизацию экономической ситуации и способствовать развитию социальных институтов общества, — в частности, института предпринимательства. Это позволит противостоять монополизации рынка, решить проблемы занятости, ускорить научно-технический прогресс, оказать непосредственное воздействие на формирование среднего класса, будет способствовать экономической и политической стабильности общества.

Психологическая готовность населения к экономическому самообеспечению определяет реальный тип экономического поведения, служит интеграции в единое экономическое, политическое, социальное и культурное пространство; ее формирование должно стать важнейшим направлением концепции государственной политики.

Реализация государственной концепции подготовки населения к экономическому самообеспечению особенно актуальна для молодежи, так как выбор ею экономических ориентаций будет впослед-

вии определять реальный тип экономического поведения населения и экономический вектор стратегического развития всего общества. В свою очередь, доминирование экономических проблем в жизнедеятельности населения без возможности их разрешения приводит к различным социально-психологическим последствиям: нарастанию психологических деформаций в структуре личности, к конфликту социальной идентичности, к торможению профессионального становления и развития, к замедлению процессов экономической социализации и к возрастанию напряженности в обществе.

Обращение к процессу формирования и развития социально-экономической микросреды в России как к комплексной экономической, социальной, политической, правовой и психологической проблеме позволяет выделить ряд противоречий:

- между низким уровнем теоретической, методологической и эмпирической изученности проблемы формирования психологической готовности населения к экономическому самообеспечению и высокой востребованностью подобных процессов в социальной практике;
- между сложившейся в российском обществе системой экономических ценностей, ориентированных на высокий уровень жизни, и уровнем сформированности потребности в экономическом самообеспечении личности;
- между потребностью образовательных учреждений в психологических технологиях, эффективных моделях и алгоритмах формирования психологической подготовки молодежи к экономической самореализации и их недостаточной разработанностью в психологии;
- между необходимостью формирования психологической готовности населения к экономическому самообеспечению и реальным уровнем такой готовности;
- между декларированием в социальной практике и психологических теориях значимости развития субъектности и ресурсности личности, ее самоактуализации и самореализации, и отсутствием в психологической практике подобных практических разработок;
- между высоким потенциалом психологической науки, определяющим сущность, направленность, особенности, социально значимый характер исследований механизмов экономического поведения, сознания и деятельности как специфического явления и степенью внедрения научных результатов в реальную практику;

- между уровнем разработанности проблем экономической социализации и адаптации молодежи и степенью их представленности в психологических технологиях подготовки молодежи к профессиональной деятельности;
- между уровнем разработанности экономической проблематики в отечественной и зарубежной психологии и уровнем концептуализации проблемы формирования психологической готовности личности к экономическому самообеспечению на различных этапах жизненного пути.

Психологическая сущность экономического самообеспечения

Экономическое самообеспечение в одном из своих значений может рассматриваться как специфическая деятельность личности по формированию экономического достатка, удовлетворяющего основные ее потребности до такой степени, которая близка к уровню ее притязаний.

Экономическое самообеспечение не тождественно труду в традиционном понимании. Согласно традиционному определению, труд — это «целесообразная деятельность человека, направленная на видоизменение и приспособление предметов природы для удовлетворения своих потребностей» (Большой энциклопедический словарь, 1990, с. 500). Экономическое самообеспечение тоже есть целесообразная деятельность, она также направлена на удовлетворение потребностей, но не путем «видоизменения и приспособления предметов природы». Экономическое самообеспечение включает в себя труд в обычном понимании, но к нему не сводится: это предпринимательская деятельность, которая не обязательно «видоизменяет и приспособливает предметы природы».

«Предпринимательство, бизнес — инициативная, самостоятельная, осуществляемая от своего имени, на свой риск, под свою имущественную ответственность деятельность граждан, организаций и юридических лиц, направленная на систематическое получение дохода, прибыли от пользования имуществом, продажи товаров, выполнения работ, оказания услуг. Предпринимательство преследует также цель повышения имиджа, статуса предпринимателя (бизнесмена)» (Современный экономический словарь, 2006, с. 300). Из такого определения ясно, что труд («выполнение работ») — один из способов достижения цели, «получения дохода, прибыли», «повышения статуса, имиджа», наряду с другими, в числе которых «пользование имуществом», «продажа товаров», «оказание услуг». У человека нет врожденной потребности к труду. Потребность в экономическом са-

мообеспечении приобретает социальное содержание и адаптируется к непрерывно изменяющимся условиям жизнедеятельности, хотя у разных людей она удовлетворяется по-разному: кому-то удастся добиться высокого экономического достатка, а другому приходится довольствоваться малым; кто-то использует одни способы экономического самообеспечения, а кто-то — иные, и т. д.

Словом, каждый человек, исходя из своих субъективных возможностей и объективных условий жизнедеятельности, обладает собственной концепцией экономического самообеспечения, хотя осознается она разными людьми по-разному: для одних действует на уровне подсознания и четко не осознается, и тогда деятельность становится слабо устремленной, недостаточно продуктивной, а другие четко себе ее представляют и руководствуются ею сознательно в качестве организующей и мобилизующей программы жизнедеятельности.

Слово «потребность» в философском словаре трактуется как состояние, обусловленное неудовлетворенностью требований организма, необходимых для его нормальной жизнедеятельности, и направленное на устранение этой неудовлетворенности. Таким образом, философы рассматривают потребности человека как проявление его существования и в своих исследованиях обращаются к наблюдению и анализу процесса мышления, лежащего в основе человеческой мотивации.

Основные философские концепции потребностей можно свести к следующим позициям:

- актуализированная потребность предполагает нужду в конкретном предмете, способном удовлетворить данную потребность;
- потребность реализуется и удовлетворяется в процессе потребления;
- неудовлетворение актуальных потребностей личности может вести либо к изменению нормальной жизнедеятельности организма, либо, при отсутствии возможности удовлетворения базовых потребностей, к его гибели;
- потребности формируются и развиваются в процессе всей жизнедеятельности человека;
- новые потребности могут возникать с появлением новых предметов или услуг, трансформируются с изменением предметов потребности, а также в процессе потребления этих предметов и услуг (Китова, 2012; Гараганов, 2016).

Потребности выступают одной из фундаментальных категорий теоретической и прикладной экономики, где трактуются как основа потребительского спроса товаров и услуг.

В рамках экономической теории потребности удовлетворяются в процессе потребления разных видов продукции, в которых люди нуждаются и которые они стремятся приобрести. При этом потребности исследуются с целью выявления особенностей покупательского спроса или поведения и подразделяются на рациональные и иррациональные. Рациональные – это потребности в товарах и услугах, потребление которых продиктовано реальной необходимостью и способствует поддержанию жизни и развитию личности. К иррациональным потребностям относят потребности в продукции, которая не приносит физиологической или психологической пользы организму, не является крайне необходимой для жизнедеятельности человека и может оказаться вредной для здоровья, но потребляется людьми в силу сложившихся привычек и получаемого сиюминутного удовольствия или удовлетворения.

Из экономических направлений, изучающих потребности личности, особо выделяется сектор маркетинговых исследований. В маркетинге потребность трактуется как многогранное понятие, интегрирующее в себе все основные теоретические концепции потребностей личности. Маркетологи преследуют четко очерченные практические цели, исследуют факторы, влияющие на формирование потребностей личности, покупательское поведение человека, особенности выбора товаров народного потребления, выявляют инструменты воздействия на конкретных потребителей.

Проблемам исследования потребности немало внимания уделяют и социологи, которые рассматривают ее как один из факторов социального поведения человека. Анализу подвергаются социальные причины формирования потребностей личности и поведения человека в обществе.

Биологи изучают потребность как биологическую реакцию на внешние и внутренние стимулы и анализируют их проявления в социальном поведении человека.

В психологической науке потребности рассматриваются через призму ощущения дискомфорта, которое осознается на уровне реакций мозга и нервной системы, возникая от дисбаланса между желаемыми и ожидаемыми состояниями. При возникновении такого дисбаланса человек (организм) стремится к психологическому равновесию и вынужден проявлять активность в поиске факторов стабилизации дискомфортного состояния, что обусловлено его биологической природой.

Таким образом, для психологической науки потребность – это нужда человека в чем-либо, а ее удовлетворение есть процесс и результат утоления этой нужды, ее устранения путем удовлетворения

запросов человека. Тогда потребность молодежи в образовательных услугах, например, есть нужда в знаниях, удовлетворяемая в процессе обучения в вузе.

Проблема потребностей личности как психологического явления в науке исследуется довольно широко. На сегодняшний день не существует общепринятой каталогизации широкого спектра потребностей человека (если это возможно вообще). Наиболее известной иерархической моделью, которая внесла существенный вклад в понимание данной проблемы, является пятиуровневая модель потребностей, разработанная Абрахамом Маслоу. Согласно ей, выделяются следующие уровни потребностей: физиологические; потребности в безопасности; потребности в любви, привязанности и принадлежности к определенной социальной группе; потребность в уважении и признании; потребность в самоактуализации (высший уровень иерархии мотивов). В рамках данной теории потребности разных уровней имеют между собой сложные и не всегда однозначные соотношения, но основной принцип заключается в том, что удовлетворение потребностей низшего порядка ведет к активизации потребностей более высокого уровня.

Обобщая теории потребностей личности, рассматриваемые в современной психологической литературе, можно выделить следующие основные позиции:

- потребность личности — это состояние индивида, создаваемое испытываемой им нуждой в чем-либо, которое выступает источником его активности;
- потребностью определяются направленность мышления, чувств и воли человека;
- побудительной энергией обладают лишь неудовлетворенные потребности и желания личности;
- если потребности регулярно удовлетворяются по мере возникновения, то они перестают активно воздействовать на человека и переходят в разряд потенциальных потребностей;
- потребность обнаруживается в мотивах, влечениях, желаниях и намерениях человека;
- не все потребности становятся значимыми в активации деятельности, так как мотивационная сфера имеет четкую структуру и иерархию мотивов, где одни являются ведущими, а другие лишь исполняют вспомогательную функцию;
- потребности, выступая источником личностной активности, являются первичным звеном в деятельности человека и обнаруживают себя в мотивах его деятельности;

- источником удовлетворения потребности личности выступает ее целенаправленная деятельность;
- деятельность личности направлена на достижение конкретной цели, которая является источником удовлетворения актуализированной потребности;
- достижение намеченной цели гасит актуальную потребность;
- потребности личности ненасыщаемы, удовлетворение актуальной потребности ведет к порождению новой потребности;
- социальные потребности человека не являются врожденными, они формируются в процессе освоения им социальной действительности, становления его личности на основе врожденных предпосылок;
- развитие человеческих потребностей происходит через расширение и изменение круга их предметов;
- социальные потребности развиваются и проявляются на основе постепенного (пошагового) изменения содержания естественной мотивации или путем ассоциации нейтрального и значимого стимулов;
- возможно ситуативное развитие потребностей, когда новый объект, попадающий в значимую ситуацию, приобретает движущую силу и трансформируется в предмет удовлетворения потребностей;
- общественное производство материальных благ и духовных ценностей обуславливают рождение общественных потребностей;
- общественные потребности присваиваются индивидами в процессе социализации;
- воспитание потребности является одной из основных задач формирования личности (Китова, Гараганов, 2016).

Упрощенную модель поведения личности, основанную на удовлетворении ее потребностей, приводит М. Х. Мескон (см. рисунок 1).

При таком подходе цель как осознаваемый образ предвосхищаемого результата служит основанием для произвольных преднамеренных действий (поведения). Образ предвосхищаемого результата приобретает побудительную силу, лишь связываясь с определенным мотивом или системой мотивов.

Так, экономическое самообеспечение даже тогда, когда формирование экономического достатка осуществляется главным образом трудом в традиционном понимании, все равно не сводится к труду, а является хозяйственной деятельностью по рациональной организации имеющихся у личности доходов, имущества, с помощью ко-

Рис. 1. Модель удовлетворения потребностей (источник: Мескон, Альберт, Хедоури, 1992)

торых удовлетворяются потребности, порождающие энергетическое обеспечение социально-экономической активности личности — ее мотивацию.

В психологической науке существует несколько широко известных содержательных теорий мотивации (А. Маслоу, Д. Макклеланд, Ф. Герцберг) и процессуальных теорий (теория справедливости и теория ожидания), которые так или иначе объясняют взаимосвязи потребностей с процессом и результатом их удовлетворения. По Маслоу, экономическое самообеспечение осуществляется на каждом из пяти уровней потребностей личности под влиянием соответствующей потребности.

Нужно различать потребность как нужду в чем-либо, как «страдание», неудобство, тревожность, и потребность в удовлетворении этой потребности, что далеко не одно и то же, хотя обе потребности органически взаимосвязаны. Осознаваемая потребность как нужда может остаться неудовлетворенной, если нет достаточно острой потребности в ее удовлетворении. Например, можно желать быть здоровым и не делать ничего, чтобы поддерживать свое здоровье, или продолжать его расшатывать, терпеть недуг, даже привыкнуть к нему. Точно также можно желать быть богатым, но ничего для этого не делать, пребывая в скромных экономических условиях жизни. Чтобы удовлетворить нужду в чем-то, нужно испытывать еще и нужду другого качества, — потребность удовлетворить насущную потребность (в нашем случае это потребность в экономическом самообеспечении). Именно она, а не сама по себе нужда в пище, тепле и т. д., является идеальным источником экономической активности личности, ее хозяйственной деятельности.

Личностная концепция экономического самообеспечения — это своего рода идеальный образ деятельности по формированию эко-

номического достатка. Концепция – это «определенный способ понимания, трактовки каких-нибудь явлений, основная точка зрения, руководящая идея для их освещения; ведущий замысел, конструктивный принцип различных видов деятельности» (Советская энциклопедия, 1991, с. 625). Концепций экономического самообеспечения столько, сколько и людей. Более того, у одной и той же личности может быть несколько концепций, из которых она, встречаясь с конкретной жизненной ситуацией, выбирает одну, наиболее адекватную, как ей представляется, и реализует ее. Соответственно, кстати, оказываются разными и деятельности личности по формированию экономического достатка в различных социально-экономических условиях.

Если теперь вернуться к пятиуровневой схеме потребностей по Маслоу, то естественно предположить, что каждому из них соответствует своя личностная концепция экономического самообеспечения. Нижнему, физиологическому, уровню соответствует концепция биологического выживания, которая реализуется в условиях крайней бедности и нищеты по принципу «не до жиру, быть бы живу» (т. е. не до более высоких потребностей).

В этом случае соображения безопасности меньше беспокоят личность, не говоря уже о потребностях более высокого уровня. Словом, потребность в безопасности и уверенность в будущем включают в себя потребности в защите от физических и психологических опасностей и уверенность в том, что физиологические потребности будут непременно удовлетворены. Соответственно формируется личностная концепция экономического самообеспечения, включающая идею защиты собственности.

Уровень потребности в принадлежности был широко распространен в условиях советской власти, когда выделяться из общей массы по признаку экономического достатка, мягко говоря, не приветствовалось. Соответственно, сложилась особая концепция экономического самообеспечения, ориентированная на принцип усредненности (или уравнительности). Это ограничивало хозяйственную инициативу граждан и наносило значимый ущерб экономике страны. А вот в условиях экономической свободы (как показывает практика), напротив, происходит взрыв претензий на высокий уровень экономического достатка и потребность в принадлежности к более преуспевающим группам населения приобретает большую побудительную силу.

«Потребность в уважении включает потребность в самоуважении, личных достижений, компетентности, в уважении со стороны

окружающих, признании» (Мескон, Альберт, Хедоури, 1997, с. 366). Соответствующая концепция экономического самообеспечения предполагает достаточно высокий профессиональный уровень хозяйственной деятельности, при котором достижения личности близки к уровню ее притязаний, удовлетворяют основные потребности личности и оправдывают повышенные ожидания окружающих. Подобная концепция свойственна главным образом представителям среднего класса, субъективно причисляющим себя к нему, что не всегда отражает объективный экономический достаток (Хашенко, 2012).

На уровне потребности в самовыражении личностная концепция экономического самообеспечения формируется у тех граждан, для которых проблема экономического достатка в основном решена и которые свою сознательную деятельность рассматривают не как способ поиска средств к жизни, а как средство реализации своего творческого потенциала, средство самореализации и саморазвития.

Что касается духовных потребностей (во власти и в успехе), которые добавил Макклеланд к схеме Маслоу, то они вряд ли могут рассматриваться как независимые по отношению к названным выше пяти потребностям. Чтобы реализовать потребность в экономическом самообеспечении на каждом из пяти уровней по Маслоу, нужно непременно обладать властью хотя бы над собственными условиями жизни и собственными субъективными возможностями. В известной мере необходимо обладать и определенной долей власти над окружающими людьми, с которыми приходится взаимодействовать, имея в виду, что власть — это влияние, не обязательно облаченное в правовые нормы командования и подчинения. Вряд ли можно считать самостоятельной потребностью и успех, так как деятельность, побуждаемая каждой из потребностей, является успешной, если она удовлетворяет эту потребность сполна, а значит, успех — не самостоятельная потребность, а характеристика меры удовлетворенности каждой из пяти потребностей по Маслоу.

Не противоречит схеме Маслоу и двухфакторная теория, которая делит потребности на две группы — гигиенические и мотивационные. Первые почти полностью совпадают с физиологическими потребностями и потребностями в безопасности по Маслоу. Разница только в том, в качестве чего осознает личность гигиеническую потребность — в качестве мотивации (у Маслоу) или в качестве привычных условий, играющих роль мотива только тогда, когда личность считает гигиенические условия неадекватными привычной

норме или несправедливыми. Потребности мотивации Герцберга в основном идентичны трем высшим потребностям по схеме Маслоу.

Не содержит принципиальных расхождений со схемой Маслоу и приводимая ниже концепция Гилфорда (Столяренко, 2002, с. 303):

- физиологические потребности (голод, сексуальные побуждения, общая активность);
- потребности, относящиеся к условиям среды: в комфорте, приятном окружении, в порядке, чистоте, в уважении к себе со стороны окружающих;
- потребности, связанные с положением индивида: в свободе, независимости, конформности, честности;
- социальные потребности: потребность находиться среди людей, потребность в угождении, в дисциплине, в агрессивности;
- общие потребности: в риске и безопасности, в развлечении, интеллектуальные потребности.

Дополнением к развитию идей Маслоу является теория ожидания Виктора Врума. Суть ее заключается в том, что «наличие активной потребности не является единственным необходимым условием мотивации человека на достижение определенной цели. Человек должен также надеяться на то, что выбранный им тип поведения действительно приведет к удовлетворению или приобретению желаемого» (Мескон, Альберт, Хедоури, с. 376). В теории ожидания рассматриваются три типа взаимосвязей: затраты труда и результат труда (если ожидается, что затраты не повлекут за собой должный результат, то мотивация ослабляется, и наоборот); результат труда и вознаграждение (если по результатам труда ожидается лишь незначительное вознаграждение или вовсе никакого, мотивация не может быть достаточно сильной); вознаграждение и степень удовлетворения потребности (действенность мотивации зависит от того, в какой степени вознаграждение удовлетворит или не удовлетворит данную потребность). Все эти три типа взаимосвязей находят отражение и в структуре личностной концепции экономического самообеспечения.

На продуктивность деятельности по экономическому самообеспечению определенное влияние оказывают соображения справедливости и несправедливости. Как следует из мотивационной теории справедливости, люди субъективно определяют отношение полученного вознаграждения к затраченным усилиям и затем соотносят его с вознаграждением других людей, выполняющих аналогичную работу. Если сравнение показывает дисбаланс или несправедливость,

т. е. человек считает, например, что его коллега получил за такую же работу большее вознаграждение, то у него возникает психическое напряжение (там же, с. 378). В личностной концепции экономического самообеспечения также содержатся критерии, по которым сравниваются усилия и вознаграждения разных людей.

Личностная концепция экономического самообеспечения и соответствующая ей деятельность наряду с потребностями, удовлетворение которых представляет собой смысл деятельности, и порождаемыми ими мотивами включает в себя систему целей, достижению которых подчиняется деятельность. Цель — это планируемый, предполагаемый и ожидаемый результат деятельности по обеспечению экономического достатка. В структуре этой деятельности цель выполняет многочисленные функции. Она тесно связана с прогнозированием наиболее вероятного результата деятельности, а потому ее постановка предполагает глубокое осмысление актуализированной потребности, условий ее удовлетворения, вероятных результатов деятельности и ее побочных, незапланированных последствий. Словом, процесс целеобразования сам по себе представляет не легкую интеллектуально-волевую работу, к которой люди способны далеко не в одинаковой мере. Поэтому многие вообще не умеют выдвигать четкие цели, довольствуются размытыми и неконкретными.

Цель выполняет и функцию проектирования деятельности, ибо выбрать четкую цель — значит определить основное направление и содержание деятельности. Известный тезис К. Маркса о том, что цель, как закон, определяет деятельность человека, предполагает, что вся социальная активность личности как бы «нанизывается» на цель, организуется и систематизируется целью. Целостность деятельности в решающей степени определяется целью. Цель выполняет и мотивационные функции, ибо чем привлекательнее она для личности, тем настойчивей человек стремится к ней. И чем ближе к поставленной цели подходит деятельность, тем сильнее мотивационное значение последней.

Чтобы выполнять свои функции, цель должна отвечать ряду требований. Важнейшее из них — наиболее полное соответствие той потребности, удовлетворить которую требуется. Одна и та же потребность личности может удовлетворяться различными предметами, выбор из которых должен быть наиболее адекватным потребности. Выбранная цель только тогда дает ожидаемый результат, когда она сформулирована настолько конкретно, что степень ее достижения может быть измерена. Достижимость — еще одно требование к цели.

Личность, размышляя о целях, соотносит свои возможности с мерой затрат, которую потребует их достижение, и принимает решение в зависимости от того, насколько адекватно изучена ситуация. Недостижимые цели не только обесценивают затраты, но еще и оказывают на личность неблагоприятное влияние.

Для удовлетворения одной и той же потребности формируются и реализуются множество целей, связанных друг с другом. Положительный эффект деятельности возможен только в том случае, если эти цели согласованы, не противоречат, а поддерживают друг друга, образуя иерархически соподчиненную систему. Для этого они должны логически следовать друг за другом во времени, чтобы человек мог, опираясь на предыдущую, уже достигнутую цель, делать дальше шаг вперед к конечной цели.

Цель может быть достигнута полностью, частично либо вовсе не достигнута. В любом случае это имеет последствия. Если цель достигнута, потребность удовлетворяется и уходит из сознания, перестает беспокоить человека. Частично достигнутая цель дает информацию, на основе которой ставятся новые цели.

Наряду с потребностью, мотивом, целью в структуру экономического самообеспечения входят способы, с помощью которых достигается цель. Основными и легитимными из них являются труд и предпринимательство. Но на практике используются и другие способы экономического самообеспечения, которые имеют негативные нравственный или криминальный аспекты. К ним можно отнести, например: попрошайничество, мошенничество, вымогательство, кражи, грабежи, разбойные нападения. Главная отличительная особенность легальных способов экономического самообеспечения от нелегальных или криминальных в том, что в первом случае человек ориентирован на использование своей собственности, а в остальных — на использование чужой. Как показывает изучение реально используемых личностью способов экономического самообеспечения, в ряде случаев легитимные способы включают в себя и элементы нелегальных способов обогащения (Социально-психологические исследования..., 2017). С другой стороны, в основном нелегитимная хозяйственная деятельность по моральным соображениям может маскироваться внешне приемлемыми для общества формами поведения и легитимности.

Составной частью деятельности по экономическому самообеспечению и ее результатом является уровень жизни, достигнутый личностью. Если он удовлетворяет соответствующую потребность, то эта потребность сменяется потребностями иного плана.

Неудовлетворенность основных потребностей личности имеет серьезные последствия. В лучшем случае она может выступать в качестве побудительной силы, вынуждающей человека продолжать процесс удовлетворения своих потребностей собственными силами, более эффективными способами, в худшем — люди, отвергнув целый ряд трудноудовлетворимых потребностей, перестают проявлять к ним интерес, замещают их иными, более легкими, формами деятельности. Это наносит ущерб мотивации экономической деятельности и приводит к ее замещению занятиями, зачастую вредящими нравственному развитию личности (спиртное, наркотики и др.).

Место экономического самообеспечения в структуре жизнедеятельности личности: эмпирический анализ

Место экономического благополучия в структуре жизненных целей молодежи

Чтобы оценить удельный вес и значение экономического самообеспечения в структуре всевозможных проблем, решаемых личностью в течение жизни, нами использовалась методика Т. Пауэлл и Дж. Пауэлл «Маршруты успеха» (Пауэлл, Пауэлл, 2000).

В исследовании приняли участие 523 студента факультета бизнеса и права и инженерно-строительного факультета. Испытуемым предлагалось заполнить следующий бланк: в колонке «Цели-мечты» перечислить все свои жизненные цели, — от самых безумных фантазий до обыденных мелочей. Предварительно формировалась мотивация искреннего и полного перечисления всего многообразия целей. Делалось это путем создания доверительных отношений с испытуемыми, убеждения их в том, что знать свои психологические особенности должен каждый разумный человек, что информация анонимна.

В результате был собран огромный массив всякого рода пожеланий личности для себя, который чрезвычайно трудно поддавался классификации. Тем не менее, все многообразие целей удалось свести в несколько групп, в числе которых были темы, ориентированные на: самосовершенствование, образование, экономическое положение, работу, карьеру, бизнес, свою семью, родителей и близких, общение, географию проживания. Из них непосредственно к экономическому самообеспечению относились цели, ориентированные на экономическое положение, работу, карьеру и бизнес.

В опросных листах цели, ориентированные на экономическое положение, встречались чаще всего, а в некоторых из них — по не-

скольку раз. Так, в одном из них приводилось одиннадцать целей, из которых те, что ориентированы на экономическое положение, упоминались пять раз, в том числе «стать богатой», «иметь машину», «иметь свой дом», «не нуждаться ни в чем», «помогать родителям финансами». Еще две цели косвенно были связаны с экономическим положением: «найти работу», «открыть свой магазин». Таким образом, из 11 разновидностей целей семь, т. е. более половины, были ориентированы на экономическое положение. Несвободны от экономического фактора были и еще три цели: «стать знаменитой», «найти себе хорошего мужа», «иметь детей». И только одна цель – окончить институт – относилась к экономическому положению лишь косвенно (студенты больше связывают получение профессии с *интересной* работой, нежели с доходами, так как зарплата представляется им недостаточной для обеспечения экономического благополучия).

Анализ эмпирических материалов, собранных по методике «Маршруты успеха», показывает, что по удельному весу экономического обеспечения в структуре системы целей личности нет существенной разницы между студентами-экономистами и студентами-инженерами. Юноши-экономисты дают 144% целей по экономическому обеспечению, т. е. в среднем в каждом опросном листе упоминают их 1,5 раза, а юноши-инженеры – 142%, что практически то же самое. У девушек несколько иная картина: экономисты дают 138%, т. е. в среднем упоминают в каждом опросном листе примерно 1,4 раза, а девушки-инженеры заметно чаще – 170%, т. е. 1,7 раза в среднем в каждом опросном листе. Объяснение этим различиям может быть связано с тем, что экономическое образование первых создает больше уверенности в будущем экономическом положении, а потому проблема становится менее острой и реже упоминается как нерешенная.

Цели группы «Работа» встречаются в материалах опроса реже. У студентов-экономистов не каждый ставит своей целью «работать», т. е. заниматься наемным трудом: из их числа о «работе» пишут всего 60% юношей и 96% девушек, остальные же рассчитывают на иные способы экономического самообеспечения. Среди студентов-инженеров цифры эти соответственно 78% и 100%: наемный труд считают приемлемым способом экономического самообеспечения подавляющее большинство юношей (более трех четвертей) и все девушки. Объясняется это, видимо, главным образом теми же причинами, которые указаны выше: экономисты обладают более широким кругозором относительно различных способов экономического самообеспечения. Так как специалисты по экономике требуются во всех сферах

общества, спрос на эти специальности гораздо шире, чем на инженеров. Последние строго ориентированы на более узкие специальности: машиностроение, гражданское и промышленное строительство, электроэнергетику и т. д. Трудовая мобильность им менее доступна, а потому их больше беспокоят перспективы устройства на работу, тем более что многие предприятия инженерно-технического профиля за годы реформ закрылись или пришли в упадок.

Работа большей частью связывается у испытуемых не столько с ее содержанием, сколько с вознаграждением: они хотят прежде всего «найти престижную и высокооплачиваемую работу», «не пахать с восьми до пяти, а иметь свой бизнес», иметь «высокооплачиваемую, престижную работу в Москве», «высокооплачиваемую работу по своей специальности», «хорошо оплачиваемую работу в налоговой полиции», «работу в банке» и т. д. Таковы цели большинства испытуемых, ориентированных «на работу». Но встречаются единичные случаи, когда в качестве цели называются: «получать удовольствие от работы», «найти работу по специальности», «найти работу с возможностями разработки компьютерных программ», «найти среднеоплачиваемую работу», «работать тренером» и им подобные варианты, где обнаруживается более интерес к самой работе, а не к вознаграждению за нее.

Группа целей «бизнес», само собой разумеется, имеет прямое назначение – улучшение экономического обеспечения личности. На это в опросных листах указывают 21 % юношей-экономистов и 26 % юношей-инженеров. Анализ собранных материалов выявляет труднообъяснимое явление: студенты-инженеры, юноши и девушки, обнаруживают куда более серьезные притязания на бизнес, чем экономисты. Если юноши-инженеры называют 17 различных целей, то экономисты всего 6. У экономистов они таковы: «возглавить и расширить семейный бизнес», «открыть свое дело с большой прибылью», «оставить огромное наследство детям, внукам, правнукам», «открыть предприятие по производству автомобилей», «открыть фермерское хозяйство с братом». А вот перечень целей бизнеса у инженеров: «открыть свое дело», «заниматься бизнесом», «открыть свое дело с большей прибылью», «открыть свою фирму», «открыть компьютерную фирму», «открыть предприятие по производству автомобилей», «открыть компьютерную фирму», «открыть какую-нибудь фабрику», «открыть кафе, магазин, дискобар», «через два года открыть свой бар», «открыть автомастерскую», «иметь свою нефтяную компанию», «открыть пятизвездочный отель на Канарах», «создать свое АТП, чтобы передать его потомкам, устроить туда безра-

ботных людей», «открыть свой бизнес в Швеции», «создать новую электростанцию, намного экономичнее сегодняшних», «жить в ауле и заниматься животноводством и земледелием», «открыть строительную компанию».

Цели ни там, ни здесь не отвечают основным требованиям к ним: нечетко, расплывчато сформулированы во времени, не могут быть измерены, почти все они долгосрочные, среднесрочные, а краткосрочные упущены (исключение одно – «через два года открыть бар»). Есть и другие особенности. Из 17 целей, приводимых инженерами, всего 7 имеют отношение к профессии инженера: «открыть предприятие по производству автомобилей», «открыть компьютерную фирму», «открыть автомастерскую», «создать свое АТП», «создать новую электростанцию», «открыть строительную компанию», «открыть какую-нибудь фабрику». Остальные 10, т.е. больше половины, прямого отношения к профессии не имеют («иметь нефтяную компанию» – не в счет, поскольку среди респондентов не было инженеров-нефтяников).

Многие опрошенные стремятся «сделать карьеру». Наибольшие притязания здесь имеют экономисты (37%), студенты-инженеры несколько отстают от них (28%). Девушки, как и следовало ожидать, менее стремятся к карьере: экономисты – 26%, инженеры – 20%.

Больше всего привлекает к себе внимание то обстоятельство, что особо высоко замахиваются на высоты карьеры юноши-инженеры. Вот перечень целей, которые ими намечаются:

- занять высокооплачиваемое положение в обществе;
- стать губернатором;
- стать известным математиком;
- стать знаменитым;
- стать влиятельным человеком;
- сделать приличную карьеру;
- стать известным артистом кино;
- утвердиться в жизни;
- стать президентом России;
- стать управляющим престижного предприятия;
- сделать серьезную карьеру по своей профессии;
- стать директором крупного автоцентра или открыть свою фирму;
- стать министром автодорог и путей сообщения;
- стать ректором вуза;
- стать главой автомобильного концерна;
- иметь большую власть;

- выбиться в люди, стать известным человеком;
- стать политическим деятелем;
- стать гендиректором нефтяной компании или иного прогрессирующего предприятия;
- стать известным философом.

В этом перечне целей юношей-инженеров обращает на себя внимание следующее. Некоторые цели сформулированы весьма нечетко. Например, формулировки «стать влиятельным человеком», «сделать какую-нибудь карьеру», «утвердиться в жизни», «сделать большую карьеру по своей профессии», «иметь большую власть», «выбиться в люди, стать известным человеком» и им подобные свидетельствуют о том, что карьерные цели осознаются смутно, нечетко, сформулированы предельно общо. Обращают на себя внимание цели, непосредственно не связанные с инженерной специальностью. «Стать известным математиком» — это еще можно понять, а вот «стать известным философом», «стать известным артистом кино» инженер стремится, если его профессия его не удовлетворяет и расходится с намерениями, что сопряжено с возникновением внутренних конфликтов. Вряд ли можно признать естественным и стремление будущего инженера к политической деятельности высокого ранга, вплоть до президента России. Один инженер-строитель уже был у власти в Кремле, но он мало что построил, больше разрушал, и после него пришлось восстанавливать «вертикаль власти».

Все остальные цели, кроме четырех, рассмотренных выше («экономическое положение», «работа», «бизнес», «карьера»), казалось бы, непосредственно не связаны с экономическим самообеспечением, но, тем не менее, косвенно связаны с ним и выступают в качестве условий успеха.

Так, в группе целей, ориентированных на самосовершенствование, приводятся такие, как, например, «следить за своим здоровьем», что без денег трудно реализовать, хотя медицина считается бесплатной; «стать высококвалифицированным специалистом в своей области», что тоже сделать нелегко без денег, хотя образование считается тоже бесплатным; «научиться водить машину» (бесплатно не научат); «выучить несколько языков» и др. Словом, в условиях рыночных отношений, когда бесплатно ничего никому не дается, реализация цели «самосовершенствование» обходится дорого и требует немалого экономического обеспечения. И даже «посетить всемирно известные библиотеки и музеи», как хотелось бы одному из испытуемых, невозможно без солидных средств.

В группе «образование» есть такие цели, как «поступить в вуз», «поступить в аспирантуру в Москве», «окончить курсы массажистов», пройти повышение квалификации за границей и другие, которые тоже требуют немалых денег.

В группе «семья» цели «удачно создать семью», «иметь много детей», «чтобы у мужа была хорошая работа с хорошим заработком», «чтобы моя семья ни в чем не нуждалась», «выйти замуж за любимого, обеспеченного, хорошего человека» и др. также чаще всего связаны с проблемами экономического самообеспечения.

В группе «родные и близкие» наблюдается такая же картина. Цели: «перевезти родителей из аула в город», «помогать родителям и близким экономически» и им подобные вносят в отношения с родными и близкими экономическое содержание.

В группе «общение», казалось бы, экономические соображения не должны осложнять ситуацию. Но такие цели, как: «побывать в других странах», «поехать на отдых», «побывать на концерте любимого артиста», «жить отдельно от родителей» и др. тоже требуют немалых средств.

Что касается группы «место проживания», то несколько неожиданным оказались стремления большинства испытуемых поменять место жительства. Конечно же, цели «жить в большом городе», «уехать жить за границу», «уехать из станицы (аула, села)», «уехать в Москву, а затем в Америку» и др. требуют больших финансовых затрат.

Анализ перечня целей, составленного по результатам применения методики «Маршруты успеха», позволяет сделать ряд обобщений.

В структуре экономического самообеспечения людей преобладает жилищная проблема. По официальным данным, около 2% населения страны проживают в ветхих и аварийных домах и квартирах, 80% граждан так или иначе нуждаются в улучшении жилищных условий (Айзинова, 2012, с. 345). Остроту жилищной проблемы подтверждают и наши исследования. По нашим данным, притязания людей на жилищные условия завышены по отношению к среднестатистическому уровню обеспеченности жильем. Небольшая часть респондентов проявляет скромность, стремится «заработать на квартиру», но большинство желают жить роскошно: «жить в пятикомнатной квартире или в двухэтажном доме с бассейном», «купить виллу (особняк) на берегу моря, океана». Обращает на себя внимание четко выраженное стремление к экономическому самообеспечению, начиная от скромного «чтобы институт давал воз-

можность подрабатывать» и «чтобы повысили стипендию» до более или менее достижимого «войти в пятерку богатейших людей своего города» и почти фантастического и несбыточного «стать богаче Б. Гейтса». Четко вырисовывается общее стремление к обогащению, не считаясь с реальными возможностями и даже не брезгуя запрещенными способами, о чем свидетельствует формулировка цели — «сколотить огромное состояние *любым* путем». И все же основная масса испытуемых ориентирована на улучшение своего экономического достатка собственными усилиями в пределах легитимных способов и реальных возможностей.

Общая картина полученной при этом информации о целевых ориентациях студентов (всего в исследовании приняли участие 427 чел.) представлена в таблице 1. Представленная ниже часть исследования проведена с участием А. М. Шакова (Шаков, Китова, 2007).

Обращает на себя внимание, что представления студентов о любых указанных целях почти всегда содержат в себе экономический акцент. Девушки мечтают не просто выйти замуж и родить детей, а выйти замуж за богатого, а детям желают ни в чем не нуждаться. Желание успешно закончить институт непременно связано с перспективой устройства на высокооплачиваемую работу. Забота о родителях включает в себя обеспечение безбедной старости. Альтруистические планы предполагают прежде всего материальную помощь социально уязвимым слоям населения (сиротам, малолетним преступникам, пенсионерам, многодетным семьям и т. д.).

Для анализа ситуации из всех выявленных представлений студентов мы выделили те, которые содержат указания на цели чисто

Таблица 1
Целевые ориентации студентов

Цели частной жизни	Количество полученных ответов, абс.		
	Юноши	Девушки	Всего
Экономические	907	774	1681
Личностные	567	897	1464
Семья	286	529	815
Общественные	419	213	632
Досуг	273	53	326
Отношенческие	75	118	193
Здоровье	51	94	145

экономического характера: высокооплачиваемая работа, успешный бизнес, успешная карьера, материальный достаток семьи. Оказалось, что данные представления, в свою очередь, содержат неэкономический аспект. Например, работа приносит не только (а иногда и не столько) деньги, но и моральное удовлетворение. Первоосновой бизнеса на практике часто является не погоня за финансами, а такие мотивы, как самореализация, самоутверждение, нежелание подчиняться другим людям и т. д.

Наиболее значимо как для юношей, так и для девушек желание улучшить свое материальное положение: «материально ни от кого не зависеть» (от родителей, мужа и т. д.); «купить дом» (машину, квартиру, компьютер, сотовый телефон и т. д.); «стать богатым человеком»; «иметь возможность посещать элитные заведения» (клубы, бассейны, казино, тренажерные залы, косметические салоны и т. д.); «денег, денег, и побольше...». Целевые представления такого рода выражают 57,2% юношей и 62,3% девушек. Более высокий показатель среди девушек можно объяснить тем, что они беспокоятся не только о себе и своем будущем, но и о детях и их дальнейшей судьбе, что, естественно, требует многократных дополнительных затрат.

Проранжировав представления респондентов о целях частной жизни по личностной значимости, мы получили информацию о структуре целевых предпочтений в юношеском возрасте (см. таблицу 2). Независимо от гендерных особенностей, все группы испытуемых в наибольшей степени ориентированы на достижение экономического благополучия. Второе место в представлениях и юношей, и девушек занимают личностно ориентированные цели (самосовер-

Таблица 2

Результаты ранжирования целевых предпочтений студентов

Целевые ориентации частной жизни	Ранговое значение цели		
	Юноши	Девушки	Общее значение
Экономические	1	1	1
Личностные	2	2	2
Семья	4	3	3
Социальные	3	4	4
Досуг	5	7	5
Отношенческие	6	5	6
Здоровье	7	6	7

шенствование, образование, коррекция характера и поведения и т. д.), что можно объяснять возрастными особенностями респондентов. На третьем месте в представлениях юношей – социальные цели (профессиональная самореализация, обеспечение лидерских позиций, достижение социального признания и т. д.), у девушек – семья. Таким образом, в юношеском возрасте ведущие целевые ориентации представлены следующим образом: 1 – достижение экономического благополучия; 2 – личностное становление и самосовершенствование; 3 – социально значимые достижения (у юношей) и создание и сохранение семьи (у девушек).

Жизнь и деятельность людей, а также цели, которые они перед собой ставят, значительно различаются в зависимости от возраста и пола, личностных характеристик и ценностных ориентаций, от условий внешней среды и социального происхождения. Система целей, лежащая в основе сознательно и целеустремленно организованного жизненного пути студента, является результатом его выбора и будет определять вектор и структуру его жизнедеятельности. В частности, с полной уверенностью можно сказать, что стремление к экономическому самообеспечению будет во многом определять жизненные позиции, поведение и деятельность большинства опрошенных студентов.

Обобщая эмпирические результаты исследования, можно отметить следующие позиции.

В юношеском возрасте личностная значимость представлений о целях жизни характеризуется неоднородностью, подверженной гендерной специфике. В структуре представлений юношей о целях частной жизни доминируют цели социальной и экономической самореализации, у девушек наиболее выражены цели, ориентированные на личностную самореализацию и формирование комфортных взаимоотношений с окружающими, а экономические цели занимают третье место, но при этом вплетены практически во все другие, неэкономические.

Представления молодежи о целях жизнедеятельности должны включать психологические способы и механизмы коррекции, систематизации и иерархического соподчинения единичных целей общему смыслу жизни, в соответствии с личностными ожиданиями и перспективами. При таком подходе представления личности о смысле и целях жизни выступают уникальной целостной системой, способствующей ее самоактуализации и самореализации. Именно данная система определяет общий вектор жизнедеятельности личности. Экономико-ориентированные цели студентов в структуре жизне-

деятельности имеют ведущее значение и во многом будут определять их поведение и деятельность во взрослой жизни.

Место экономических факторов в структуре жизнедеятельности населения

Ведущим основанием для анализа психологических состояний человека выступает его отношение к тем или иным событиям жизни. Отношения, в свою очередь, опосредованы индивидуальной, целостной системой его субъективных оценок, которые «определяют характер переживаний личности... особенности восприятия... и поведенческих реакций» (Мясищев, 1957, с. 142). Процессы внутренней регуляции деятельности человека опосредуются эмоциональными оценками и затрагивают существующие или ожидаемые события в его жизни. Значимые эмоции порождают переживания, играющие роль ориентирующих субъективных сигналов, которые регулируют поведение и деятельность.

«Значимость», согласно словарю русского языка С. И. Ожегова, — это важность, значительность, роль. Соответственно, выявление значимых ситуаций в жизнедеятельности населения сводится к поиску и нахождению тех событий, которые имеют в жизни человека важное значение. Значимые события не оставляют человека равнодушным. Они как бы помечены эмоциональной меткой — позитивной или негативной. Воспринимаемые события человек сознательно или бессознательно соотносит со своими потребностями (интересами, ожиданиями), и если они соответствуют его позитивным ожиданиям, то порождают радость, если нет — огорчают его. Есть и такие события, которые не активизируют эмоциональную сферу личности, не радуют и не огорчают, оставляют равнодушным.

Для анализа поведения человека понимание эмоционально окрашенной сферы его интересов имеет существенное значение. В нашем случае это касается проблем мотивации к экономическому самообеспечению, к желанию напрягать свои силы для повышения уровня экономического благополучия. Словом, понимание эмоционального фона жизнедеятельности населения выступает своеобразным инструментом управляющего воздействия. Во-вторых, понимание умонастроения населения и его ожиданий позволяет прогнозировать поведение и конструировать социально-экономическую среду общества.

Можно назвать по меньшей мере три уровня познания человека и его экономических возможностей. Первый относится к изучению личности профессионалом-психологом. Второй уровень познания —

отнесение человека к определенному типу людей. Третий – наблюдение над эмоциональным состоянием личности. На первом ведется научное исследование личности, выявляющее наиболее полно ее качества и свойства. Второй уровень сводится к отнесению человека к тому или иному типу людей (по темпераменту, характеру, возрастным особенностям, профессиональным наклонностям и т. д.), – например, посредством тестирования. Наконец, третий уровень изучения доступен стороннему наблюдателю и в основном заключается в познании непосредственно наблюдаемых форм эмоционального реагирования на те или иные события (воздействия). К таким формам эмоционального реагирования относятся: радость по поводу события, огорчения, связанные с событием, и равнодушие, когда воспринимаемое событие не находит отклика в эмоциональной сфере человека. Все они достаточно наглядно проявляются во внешнем облике личности, сравнительно легко идентифицируются, поддаются наблюдению.

Радость – это одна из простейших реакций, с точки зрения расшифровки ее смысла. Она внешне выражается улыбкой и смехом (об этом см.: Изард, 2000). Когда мы радуемся, пишет Изард, мы становимся увереннее в себе, начинаем понимать, что живем не напрасно, что наша жизнь преисполнена глубокого смысла. Мы чувствуем себя нужными, мы довольны собой и миром. Радость обостряет восприимчивость к миру, помогает воспринимать людей в их лучших проявлениях. Это не просто позитивное отношение к миру и к себе, а своеобразная связь между человеком и миром, сопровождаемая ощущением энергии и силы, что порождает у человека чувство компетентности, уверенности в себе.

Негативно на процесс возникновения радости могут влиять экономические, социальные и культурные условия жизни, если они вынуждают людей бороться за выживание (Изард, 2000). Последнее обстоятельство особенно актуально для современного российского общества, в котором за годы экономических реформ зародились свойственные переходному периоду негативные умонастроения (например, неуверенность в завтрашнем дне). У людей формируется чувство обреченности и безысходности, усиливаются разочарования в собственной способности добиться улучшения экономических условий жизни, уменьшается уровень доверия к государству.

По силе своего воздействия на поведение человека негативные эмоции (горе, печаль, страх, тревога, стыд, отвращение и презрение, гнев, вина и др.) обладают более могущественным влиянием, чем позитивные. Главная причина почти всех негативных эмоций – утрата.

Она глубже, чем приобретение, порождающее радость, задевает его эмоциональную сферу и поведение. Предметом утраты могут быть элементы как духовного, так и материального характера. Как показывают наши исследования, утрата материальных условий жизни, предметов и вещей, находящихся в собственности человека, играет ведущую роль в формировании отрицательной эмоциональной реакции. В качестве утрачиваемых реалий могут выступать и идеальные образования типа мнений, позиций, оценок, соприкасающиеся с интересами личности. Утрата чего бы то ни было возбуждает огорчение, душевную боль.

Так, в ходе опроса населения был задан вопрос: «Какие события в последнее время огорчили вас?» Респонденты назвали самые разные причины, среди которых указаны: политические события в стране и мире (революции в арабском мире, природные катастрофы, место России среди других стран, реформа образования, выборы и др.), экономические проблемы (сложности трудоустройства, инфляция, низкая зарплата, коррупция и др.), гуманитарные катастрофы и социальные события, касающиеся взаимоотношений людей (гибель известных лиц, разлука с любимым человеком, смерть близких, здоровье родных, проблемы с детьми и т. д.). Ответы сведены в таблицу 3.

Для выявления характера зависимости эмоциональной реакции на события от рода деятельности были опрошены 7 групп респон-

Таблица 3
Эмоциональные реакции на события

Эффект воздействия	Тип событий	Род занятий						
		Учащиеся	Рабочие	Специалисты	Служащие	Предприниматели	Пенсионеры	Безработные
Радость	Экономические	18,1	15,7	8,8	11,7	12,5	20,0	25,0
	Политические	15,8	5,4	11,2	17,6	12,5		18,8
Огорчение	Экономические	39,1	59,6	65,8	73,4	37,5	100,0	74,9
	Политические	11,0	5,3	14,7	11,7			
Сумма эффектов	Экономические	57,2	75,3	74,6	85,1	50,0	120	99,9
	Политические	26,8	10,7	25,8	29,3	12,5		18,8

дентов, отличающихся друг от друга по данному признаку: учащиеся, рабочие, специалисты, служащие, предприниматели, пенсионеры и безработные. В исследовании приняли участие 1398 человек. В их числе: преподаватели вузов (63 человека), студенты вузов различных факультетов (523 человек), население (812 человек, среди которых 72 предпринимателя).

Данные, приведенные в таблице 3, содержат парадоксальные цифры. Так, 25,0% всех безработных связывают свои позитивные эмоции с экономическими ситуациями. Это не значит, разумеется, будто материально они обеспечены лучше, чем все другие группы населения. Дело в том, что у данной группы граждан порог чувствительности к уровню доходов значительно ниже: чувство радости появляется и после самых малых экономических приобретений. Вслед за безработными по уровню позитивной эмоциональной отзывчивости на экономические ситуации идут пенсионеры. Их радости чаще связаны с возможностью подработать дополнительно к пенсии. Специалисты (профессионалы без подчиненных) и служащие обычно не могут рассчитывать на дополнительный приработок, а потому их радости меньше связаны с экономическими неожиданностями. В несколько лучшем положении предприниматели: радостей экономического характера у них больше, но работа постоянно требует от них максимального и непрерывного напряжения сил. Радости учащихся (в том числе студентов) проистекают от меры щедрости родителей, хотя некоторые из них пробуют подрабатывать самостоятельно. Наконец, рабочие могут позволить себе подработать на стороне в свободное время, соответственно, их радости порождаются и за пределами предприятия, поэтому они занимают четвертое (из семи) место по объему радостных переживаний, связанных с экономическими ситуациями.

Перейдем к анализу огорчающих событий, которые более подробно представлены в ответах респондентов. Пенсионеры на все 100% связывают сферу своих огорчений с экономическими ситуациями; даже состояние здоровья, которое, казалось бы, у пожилых людей по силе негативного эмоционального воздействия должно занимать первое место, не всплывает в опросах как источник огорчений. Конечно, не потому, что болезни их не беспокоят, а по причине низкого уровня жизни, который переживается гораздо болезненнее, чем заболевания, подчас воспринимающиеся как естественное состояние человека пенсионного возраста. Даже безработные главную боль испытывают от давления экономических ситуаций и пишут, что их огорчает также состояние здоровья (6,3%) и политические события (12,5%).

Из всех семи групп (по роду деятельности) безработные, оказывается, наиболее отзывчивы на политические события, с которыми связывают радостные переживания (18,8%). Все остальные группы (кроме рабочих) реагируют на политические события приблизительно одинаково радостно. У рабочих радость в три раза меньше возникает в связи с политическими событиями, чем с экономическими. У специалистов и служащих позитивный настрой к политике сильнее, чем к экономике. Но тут, видимо, причина в том, что влиять на экономику, в частности, на свои материальные условия жизни, они сколько-нибудь существенно не могут, а приватное увлечение политикой создает иллюзию влияния на происходящее.

Заслуживающие внимания обобщения можно сделать при рассмотрении вопроса о том, насколько сила негативного эмоционального отклика на экономические ситуации больше, чем огорчения, связываемые реципиентами с политикой. У учащихся огорчения экономического происхождения встречаются в 3,5 раза чаще, чем негативное впечатление от политики. У рабочих это соотношение намного резче: более чем в 11 раз представители рабочих специальностей острее реагируют на экономические факторы, чем на политические. У специалистов этот показатель более чем четырехкратный, у служащих он больше в 6,5 раз. Предприниматели, пенсионеры и безработные не связывают с политическими событиями свои негативные переживания, а относят их целиком к экономическим.

Если представить себе семантическое пространство эмоциональных эффектов (позитивных и негативных вместе), воздействующих на психологию личности, в виде дроби, то процент радостей и огорчений экономического плана будет отражен в числителе, а политического – в знаменателе. Можно выполнить еще одну операцию – сложить числитель и знаменатель. Тогда полученное число покажет, какой процент эмоционального пространства респондентов занимают экономические и политические реакции, вместе взятые. Количественные показатели могут быть и больше 100%, поскольку экономика и политика взаимопроникают друг в друга: приводя цифры по экономическим реакциям, мы невольно включаем в них политику, и наоборот. Отдельного объяснения требуют цифры у пенсионеров, превышающие 100% эмоционального пространства. Во-первых, видимо, пенсионеры несколько преувеличили (до 100%) процент огорчений экономического плана. Во-вторых, радости и огорчения можно складывать только условно, чисто теоретически. По той же причине сумма радостей и огорчений тоже превышает 100%. Частично это относится и к служащим. Отдельного внимания требуют

цифры, относящиеся к эмоциональным реакциям предпринимателей. В таблице 3 сумма их радостей и огорчений заметно меньше 100%.

Проведенный анализ эмоциональных реакций респондентов на разного рода события показывает, что огорчения основной массы респондентов связаны с экономическими ситуациями. Отсюда проистекает следующий вывод: большая часть населения демонстрирует низкий уровень удовлетворенности экономических потребностей, что будет вынуждать их проявлять экономическую инициативу, искать новые способы их удовлетворения.

Переход российского общества к новой парадигме экономического развития, к смене системы ценностей и социальных приоритетов делает востребованным подготовку специалистов, у которых будет сформирована психологическая готовность к экономической деятельности, позволяющая адекватно ориентироваться в сложных экономических ситуациях.

Потребности личности в экономическом самообеспечении относятся к социальным потребностям, которые включают в себя потребность не только в принадлежности к социальной группе, но и в личностном, профессиональном и духовном саморазвитии как члена общества. С этой точки зрения современная психология не может ориентироваться исключительно на подготовку молодежи к решению профессиональных задач в определенной области деятельности. Психологическая наука в одном из своих значений должна стать социальным инструментом, формирующим мировоззренческие позиции и социальные идеалы, явиться основой для развития способностей молодых людей к принятию самостоятельных решений и предпринимательских инициатив, стремления к конструктивному сотрудничеству, к выбору творческого и динамического варианта жизни, к проявлению социальной ответственности, коммуникабельности и толерантности.

Сегодня в отечественной педагогической психологии не существует теоретически, методологически и эмпирически обоснованной концепции формирования психологической готовности молодежи к экономической деятельности, содержащей понятие о ее сущности, детерминантах и механизмах развития на различных этапах психологической подготовки, а также адекватного и достаточного психологического инструментария для осуществления этого процесса. При этом экономические потребности и ожидания молодежи зани-

мают ведущее место в структуре ее жизненных ориентаций. Разработка психолого-педагогических технологий подготовки личности к успешной экономической самореализации может стать перспективным направлением дальнейших исследований.

Модернизация современного общества не может быть свободна от решения многих теоретических и методологических задач социализации населения. Среди данных проблем исследование экономических потребностей молодежи, предполагаемых способов их удовлетворения занимает особо важное место.

Глава 5

Предприимчивость как фактор развития глобальных процессов

В современных социально-экономических условиях развития общества предпринимательство выступает в качестве наиболее экономически продуктивной формы хозяйствования, которая способна вывести человека и общество на высокий уровень экономического благосостояния.

Исследования личностных характеристик предпринимателей

Если анализировать предпринимательство как деятельность конкретного человека, то существует два основных подхода к проблеме личностных детерминант ее успешности.

Согласно первому подходу, предприниматели относятся к особой категории людей, наделенных специфическими психологическими качествами, среди которых выделяют: интеллектуальные (компетентность, комбинаторные способности, воображение, интуиция, креативность, перспективное мышление); коммуникативные (умение координировать усилия сотрудников, способность и готовность к лояльному общению, способность «идти против течения»); мотивационно-волевые (склонность к риску, интернальный локус контроля, соревновательность, потребность в самоактуализации и общественном признании, преобладание мотива достижения над мотивом избегания неудачи). Рядом исследователей (П. Мягковым, Ф. Русиновым, Д. Петросяном, И. Ромазан, В. Петриевским, Т. Щербаковой и др.) были определены как ведущие следующие личностные качества предпринимателей: субъектность, самостоятельность и ответственность; адекватная или завышена самооценка; преобладание мотивации достижения успеха; развитая интуиция; высокое чувство собственного достоинства; быстрота реакции в различных ситуациях; высокие способности к рефлексии ситуации; готовность

к взвешенному риску; способность переживать трудные ситуации и неуспех; способности к прогнозированию и антиципации; эвристический стиль мышления; высокий уровень компетенции в различных областях знания; отсутствие морально сдерживающих стереотипов; умение видеть резерв ситуации; высокая критичность при принятии решения; настойчивость и упорство; значительные способности к изменениям и научению; коммуникативная компетентность; интернальность и др. Е. В. Шорохова и А. Л. Журавлев личностные особенности предпринимателей представили в следующих обобщенных стержневых свойствах: непреодолимое стремление к преобразующей деятельности, развитость практического мышления и волевых качеств; потребность в достижениях, доминировании, самостоятельности; склонность к риску; оптимистическая жизненная ориентация; организационные качества; развитые социально-психологические качества; высокие нравственные качества (обязательность в выполнении договоров, пунктуальность, порядочность). В работах В. В. Новикова и В. В. Марченко главные предпринимательские качества были сведены к следующим определяющим характеристикам: личностные черты, интеллектуальный уровень, когнитивные стили, ориентированность на достижения.

Второй подход к трактовке личностных предпосылок успешности предпринимательской деятельности связан с отрицанием возможности четкой дифференциации людей на предпринимателей и непредпринимателей. Представители данного подхода считают, что различия между людьми заключаются не в профессиональной принадлежности, а лишь в уровне предпринимательской активности, проявляемой ими в повседневной жизнедеятельности.

Если исходить из деятельностной концепции предпринимательства, то с психологической точки зрения первым импульсом, который «напоминает» о начале актуализации потребности личности, является нужда и ее осознание (Китова, Токов, 2013). Нужда, еще не соотношенная со средой, в которой она будет удовлетворяться, обнаруживает себя в форме психического состояния беспокойства, неудовлетворенности, дефицита, «сбоя» в жизнедеятельности, отвлекающего внимание личности от текущих занятий. При этом нужда выполняет ряд функций: социальную («подсказывает» человеку, что наступила необходимость удовлетворения одной конкретной из многочисленных потребностей), пусковую («включает» психическую активность, в результате чего нужде предстоит еще вобрать в себя нечто из внешней среды и субъективных потенций человека и превратиться в потребность), энергетическую («подпитывает» пси-

хической энергией движение зарождающейся пока в идеальной форме деятельности), избирательную (нацеливает развертывающийся психический процесс на определенные виды деятельности, которые могут ее удовлетворить), контрольную («отслеживает» процесс удовлетворения и по мере насыщения потребности шаг за шагом «гаится») и выключает весь процесс деятельности).

Нужда как слагаемое потребности по мере «наполнения» социальным содержанием из окружающей среды образует идеальное ядро будущей деятельности, включающее в себя: знания и умения личности, ориентированные на удовлетворение данной потребности; привычный, сложившийся в опыте уровень притязаний, а также основные слагаемые будущей деятельности — цель, мотивы, способы действий. Сформировавшееся идеальное ядро деятельности затем развертывается в реальную деятельность. Эта деятельность может стать привычной, если ситуация, в которой действует человек, осознается им как стандартная и устраивает его. В этом случае в предприимчивости нет необходимости. Если же жизненная ситуация претерпела существенные изменения, предприимчивость как свойство личности оказывается затребованной и активность преобразуется в предпринимательство.

Идея определения предпринимателя не просто как субъекта особого вида экономической деятельности, но как человека особого психологического типа, отличительные свойства которого могут проявляться и рассматриваться безотносительно к содержанию выполняемой им экономической функции, предложенная Й. Шумпетером (Schumpeter, 1982), послужила мощным толчком к проведению многочисленных психологических исследований с целью поиска специфических качеств, побуждающих человека к предпринимательской деятельности и обеспечивающих эффективное выполнение предпринимательских задач и функций.

Одним из первых создателей психологического портрета предпринимателя стал В. Зомбарт, утверждавший, что дух предпринимательства — одна из составляющих частей капиталистического духа, наряду с мещанством и бюрократичностью (Зомбарт, 1903). Он считал, что к важным качествам психологического портрета предпринимателя относятся:

- в *интеллектуальном* блоке: компетентность, комбинаторный дар, развитое воображение, реальная фантазия, развитая интуиция, перспективное мышление;
- в *коммуникативном* блоке: талант координатора усилий сотрудников, способность и готовность к социально лояльному общению с другими людьми и в то же время умение идти против течения;

- в *мотивационно-волевом* блоке: склонность к риску, внутренний локус контроля, стремление бороться и побеждать, потребность в самоактуализации и общественном признании, преобладание мотива достижения над мотивом избегания неудачи.

Существует множество вариантов групп качеств, приписываемых успешным предпринимателям, и каждый автор дает свое толкование им. Все эти варианты в той или иной мере конкретизируют основные принципы, сформулированные еще к началу XX в. российским предпринимательством. Вот эти принципы: уважай власть; будь честен и правдив; уважай права собственника; люби и уважай человека; будь верен своему слову; живи по средствам; будь целеустремлен. Администрация малого бизнеса США полагает, что преуспевающему предпринимателю присущи пять групп качеств: энергия, умение заставить работать; умение думать; умение строить взаимоотношения с людьми; коммуникабельность; знание техники и технологии (Смолл, Маккензи, 1995).

Исследования предприимчивости

Предприимчивость как свойство личности опирается на врожденные задатки, которые разные авторы называют по-разному. Адам Смит говорил о таком задатке, как «склонность к обмену» (Смит, 2007), которая проявляет себя вовне в форме хозяйственной инициативы и делового творчества. Г. К. Гинс, этнический россиянин, эмигрировавший в годы гражданской войны, рассматривал предприимчивость как *добавочное свойство*, складывающееся тогда, когда у человека возникает необходимость удовлетворить основные потребности, приспособляясь к новым условиям (Гинс, 1992).

В совокупность личных качеств, образующих в синтезе предприимчивость, отечественные авторы включают следующие «черты»: честность, компетентность, целеустремленность, инициативность, лидерство, уважение мнения других, позитивное отношение к людям, непрерывная учеба, готовность к риску, умение преодолеть сопротивление среды, настойчивость в достижении поставленной цели, чувство ответственности, упорство, большая сила воли, творчество, трудолюбие и высокая работоспособность, умение привлекать к себе партнеров, коммерческий и финансовый склад ума, умение законным способом получать причитающееся ему. В конце таких перечней авторы обычно ставят «и др.», из чего можно заключить, что список далеко не полный. Такого рода попытку определения структуры предприимчивости вряд ли можно считать удачной.

Существуют разные точки зрения относительно психологических качеств, обеспечивающих успешность предпринимательской деятельности. М. Вебер отмечает, что «ресурс предприимчивости» представляет собой не единый алгоритм, а своеобразный навык – реакцию на жесткую, неожиданную ситуацию в системе с неопределенным результатом (Вебер, 1991). Исходя из этого он выделяет следующие «идеальные» типы предпринимателей, выражающиеся в особенностях отношений управления и подчинения, которые существуют между людьми: организующий мир бюрократ (конфуцианство); упорядочивающий мир работника-предпринимателя (индуизм); наемный управляющий-самурай (буддизм); руководитель-воин, покоряющий неблагоприятную и даже враждебную среду (ислам); творец-ремесленник, способный не только к оперативному ситуационному диагнозу, но и к позитивному действию (христианство).

Й. Шумпетер считает, что предприниматель – это человек, отличающийся, во-первых, особым взглядом на вещи, волей, способностью выделять определенные моменты действительности и видеть их в реальном свете; во-вторых, способностью идти вперед в одиночку, не пугаясь связанных с этим неопределенности и возможности сопротивления; в-третьих, умением воздействовать на других людей, определяемым словами «иметь вес, обладать авторитетом, заставлять повиноваться» (Schumpeter, 1982).

Известный отечественный социолог Л. Н. Гумилев, исследовавший разнообразные формы социального поведения людей, выделяет качество, названное им пассионарностью (Гумилев, 1998). Термин «пассионарность» происходит от латинского «passio», означающего претерпевание, страдание, а также страсть, аффект. В европейских языках существует ряд однокоренных слов, смысл которых закрепляет преимущественно эмоциональный контекст понятия. В русском языке латинскому «passio» в большей мере соответствует слово «страсть». Пассионарность определяется Л. Н. Гумилевым как биологический признак, детерминированный генетически, и одновременно как характерологическая доминанта, подчеркивающая выраженное стремление к деятельности, которая направлена на достижение какой-либо цели. В основе пассионарности лежит природная, непроизвольно проявляющаяся склонность к активности.

Джон Менард Кейнс, исследовавший взаимосвязи потребления и накопления, считает, что существует восемь субъективных причин, которые «побуждают людей воздерживаться от расходования получаемого ими дохода» (Кейнс, 1999), в их числе: стремление об-

разовать резерв на случай непредвиденных обстоятельств; стремление делать целевые сбережения для финансового обеспечения будущих событий в предвидении того, что прогнозируемых на то время доходов будет недостаточно (например, на старость, образование детей и др.); стремление ограничить немедленное потребление из-за предпочтительности большего реального потребления в будущем; стремление к накоплению под влиянием подсознательного желания человека видеть в будущем постепенное повышение своего жизненного уровня; стремление наслаждаться чувством независимости из-за возможности принимать самостоятельные решения, даже если каких-либо особых дополнительных расходов в будущем не предвидится; стремление обеспечить себе свободу маневра, позволяющую осуществить выгодные коммерческие операции в будущем; стремление оставить наследникам состояние; стремление удовлетворить чувство скупости, реализовать ни на чем не основанное, но стойкое предубеждение против самого акта расходования денег.

Если оценивать личность по экономической схеме «затраты—выпуск», то предприимчивость обнаруживает себя внешне в достижениях успеха с минимальными затратами ресурсов — материальных, финансовых, времени, трудовых усилий. Предприимчивость включает в себя: чувство времени, т. е. способность в точности выявить тот единственный момент, когда непрерывно меняющаяся хозяйственная ситуация может быть еще изменена в нужном направлении; чувство опасности, которая может угрожать деловым усилиям, если притупится бдительность; чувство слабого звена, которое может появиться в цепи экономических событий; умение рисковать, т. е. своевременно принимать необходимые решения в неопределенных хозяйственных ситуациях; готовность взять на себя ответственность за неудачные последствия принятых решений; способность не растеряться при неудачах, извлекать позитивные уроки из ошибок и оперативно выправлять положение.

Наши исследования показали, что предприимчивость обязательно включает в себя по меньшей мере следующие пять важнейших характеристик личности:

1. Особо чуткое *отношение к собственности* (чужой и своей) как к неприкосновенной и неуклонное стремление непрерывно приумножать ее.
2. Способность создавать наиболее *оригинальные хозяйственные комбинации* сил и средств, приносящие наивысший доход в данных конкретных социально-экономических условиях.

3. *Непрерывная энергичность* мышления и действий в сочетании с *чувством времени*, вынуждающие человека быть всегда в состоянии четко отслеживать ход хозяйственной жизни.
4. Способность продолжать эффективную деятельность *в условиях неопределенности*, т. е. идти на разумный риск, принимать решения под свою экономическую и социальную ответственность, обеспечивать непрерывное управление.
5. Умение обеспечивать успешное *деловое сотрудничество* с персоналом и внешним окружением (органами государственной власти, средствами массовой информации, общественностью, деловыми партнерами, конкурентами и т. д.) (Китова, Токов, 2004).

Многочисленные исследования современных авторов доказывают обязательность психологических компонентов лишь в мотивационно-волевом блоке, так как предприниматель – это прежде всего фигура действующая, активная, ищущая, данные компоненты присутствуют в его психологическом портрете, независимо от формы предпринимательства. Такой подход к проблеме вынуждает обратиться к анализу предпринимательской мотивации.

Исследования мотивов предпринимательской деятельности

Американский психолог Д. Макклеланд, развивая теоретические идеи и эмпирические подходы исследований мотивации достижения Х. Мюррея (Murray, 1960), провел серию экспериментальных исследований, объектами которых выступали как студенты учебных заведений, так и предприниматели. Этот опыт явился одной из первых серьезных попыток применения теории и методов психологической науки при анализе и решении проблем экономического развития.

Основная идея Д. Макклеланда заключалась в том, что отличительной психологической особенностью предпринимателей является более высокий уровень мотивации достижения, которую он определял как соревнование с некими существующими стандартами. По его теории, мотивация достижения проявляется при следующих условиях: ситуация поведения индивида характеризуется наличием определенных стандартов, по которым оценивается успешность или неуспешность решения им поставленных задач; индивид рассматривает себя как субъекта, ответственного за результаты своего поведения; достижение успеха в решении задачи не является заранее ценным, но связано с определенным уровнем риска.

В результате исследования выяснилось, что индивиды с высоким уровнем мотивации достижения вели себя как успешные, рациональные предприниматели. Для них были характерны: позитивное отношение к ситуации достижения; стремление к решению интересных, достаточно сложных, но реально выполнимых задач; уверенность в успешном решении задачи; высокая настойчивость в достижении поставленной цели; стремление к разумному риску и отсутствие интереса к сверхсложным и очень простым задачам; интерес к ситуации соревнования с другими индивидами и активный поиск информации о своих результатах; проявление активности, решительности и ответственности за результат в неопределенных ситуациях; повышение уровня притязаний при достижении успеха и его снижение при неудаче. На основе полученных результатов Д. Макклеланд выдвинул гипотезу, что предприниматели (люди, достигшие успехов в бизнесе) имеют высокую потребность в достижении успеха, что нашло подтверждение в результатах эмпирических исследований, проведенных во многих странах мира.

Любая человеческая деятельность является полимотивированной, т. е. «обслуживается» мотивами, разными по содержанию и побудительной силе, которые в свою очередь образуют определенную мотивационную иерархию. Чем более разнообразна и иерархизированна система мотивов, тем более цельной является личность.

У современных российских предпринимателей, как показывают исследования, верхние позиции занимают деловые мотивы (Журавлев, Позняков, 1993; Винокуров, Карнышев, 2007; Фелинкова, 2007). В структуре мотивов предпринимательства особое место занимают потребительские мотивы; часть предпринимателей заводит свое дело, чтобы просто выжить, другая – чтобы разбогатеть, третьи, выходящие из простых рабочих и рядовых инженеров, стремясь «выбиться в люди», побуждаемы статусными мотивами. Эти три группы мотивов – деловые, потребительские и статусные – составляют, по мнению Л. Е. Душацкого (Душацкий, 1999, с. 92), «сложный мотивационный рисунок современного российского предпринимательства» и занимают лидирующие позиции в структуре мотивов предпринимательской деятельности.

Согласно данным, приведенным исследователями, «вне конкуренции» у российских предпринимателей находятся также и ценности, связанные с семьей, личной безопасностью и экологией (Журавлев, Позняков, 1993). Обеспечение безопасности ближайшей среды обитания занимает второе место в структуре их мотивов. Для них очень важно чувствовать себя в безопасности, не ощущать угрозу

насилия, жить в экологически чистой среде, иметь крепкую семью, воспитать хороших детей. Тревоги российских предпринимателей в большинстве случаев связаны с возможностью потери именно этих ценностей. С политическими и социально-экономическими катаклизмами тревоги актуализируются значительно меньше.

Большое число предпринимателей детерминированы к предпринимательской деятельности мотивами самореализации и саморазвития. На фоне всего остального населения эти предприниматели выделяются предпочтением ценностей, отвечающих за формирование деловых мотивов. Они доминируют как в трудовой мотивации, так и в мотивации жизнедеятельности в целом.

Существует группа предпринимателей, которые уже в начале своей карьеры ставили на первое место не прибыль или богатство, а возможность иметь собственное дело, быть хозяином своей судьбы, желание найти новое применение своим знаниям, способностям, умениям, подлинную самостоятельность в жизни и труде (там же).

Итак, мы видим, что в ходе исследования предпринимательства в качестве ведущего мотива был выделен деловой. Согласно обыденным представлениям, для бизнесменов важнее денег и прибыли, как кажется, ничего нет. Однако эти мотивы на самом деле не так распространены, если разграничить стратегические и оперативные цели предпринимательской деятельности. С точки зрения временных параметров мотивы предпринимательской деятельности можно разбить на ориентированные на короткий временной промежуток (оперативные) и ориентированные на длительные временные промежутки (стратегические). В психологии давно принято выделять мотивы стратегические (релевантные смыслу жизни личности) и оперативные (обслуживающие конкретную деятельность). Как показывает практика, эти мотивы могут не совпадать в условиях принятия решений. В одном случае мотивы отражают тактическую линию поведения, в другом — цель и смысл жизни, т. е. в одном случае речь идет о более доступных восприятию действующих мотивах — стимулах конкретной предпринимательской деятельности, а в другом — о главных смыслообразующих мотивах жизни, переходящих в определяющую вектор направления основных предпринимательских намерений главную цель — миссию предпринимательской деятельности. Смыслообразующие мотивы могут быть обусловлены прежде всего потребностью человека в каком-либо занятии (деле), которое позволяет максимально полно задействовать творческие способности и полностью самореализоваться.

Следует разграничивать материальные (сугубо экономические) и нематериальные (социально-психологические) мотивы предпринимательской деятельности. Деньги и богатство в качестве мотива предпринимательской деятельности при близком рассмотрении часто утрачивают свою значимость, а нематериальные блага, которые можно приобрести с их помощью: свобода, ощущение хозяина своей судьбы, властные полномочия, — напротив, становятся мотивами, определяющими деловую активность. Эти блага в исследованиях предпринимательской деятельности упоминаются довольно часто. Здесь отводится большое внимание мотиву прибыли, наряду с возможностью распоряжаться ею по своему усмотрению, и свободе действий вообще. При этом не исключается бытовой комфорт, предполагающий создание таких условий, которые способствовали бы восстановлению огромных затрат физической и психологической энергии, обеспечивали достаток в семье и широкие возможности для обучения детей. Эти мотивы не вытесняются деловыми мотивами предпринимательской деятельности, а органически с ними связаны. Такой подход к оценке структуры мотивов предпринимательской деятельности прослеживается в литературе как отечественных, так и зарубежных авторов.

Что заставляет человека идти на социальный, психологический и финансовый риск, связанный с созданием нового предприятия? В прошлом на этот вопрос не обращали особого внимания. Однако, когда предпринимательство превратилось в признанную научную дисциплину, интерес к тому, под влиянием каких факторов складывается предприниматель, какими навыками и знаниями он должен обладать, возрос. Этому способствовали такие факторы, как признание важной роли малых предприятий в создании новых рабочих мест и услуг; появление в средствах массовой информации множества публикаций, где рассказывается о предпринимателях; растущее понимание того, что предприниматели — это не только те, чьи имена у всех на слуху, но тысячи и тысячи людей, основавших свое маленькое дело; растущее убеждение, что большие организации не обеспечивают необходимых условий для самореализации человека; рост доли женщин среди занятого населения, приведший к тому, что в настоящее время в большинстве семей работают и муж, и жена; и, наконец, то обстоятельство, что темпы роста численности женщин-предпринимателей в три раза выше, чем темпы роста численности мужчин-предпринимателей. И все же, несмотря на возросший интерес к личности предпринимателя, большинство людей, включая самих предпринимателей, вряд ли смогут ответить, каков социаль-

ный и психологический портрет человека, выбирающего своей профессией предпринимательство. Проводились попытки составить своеобразную модель становления предпринимателя путем систематизации факторов, под влиянием которых он формируется. Эта модель рассматривает становление предпринимателя как процесс, в котором каждая стадия связана с другими стадиями и событиями человека, с его прошлым, настоящим и будущим. Модель выявляет основные факторы: влияние родителей, прежняя работа, накопленный жизненный опыт, события в личной жизни, отношение к своей работе, жизненные планы, семейное положение.

Изучался вопрос о том, какую роль в решении стать предпринимателем играет воспитание и свойства характера, закладываемые в детстве (например, потребность быть всегда первым, быть заводилой, уметь рисковать). Надо признать, что попытки составить научно обоснованный психологический портрет предпринимателя дали не много практически значимых результатов.

Более плодотворными оказались исследования семейного окружения предпринимателей в детстве. Оказалось, что у большинства отцы были представителями свободных профессий, как правило тоже предпринимателями.

Опыт прежней работы, по мнению исследователей, тоже оказывает влияние на предпринимательскую карьеру, хотя это влияние будет разным в зависимости от того, положительным или отрицательным он был.

По мнению Р. Хизрич и М. Питерса, «всех, кто задумывается о создании собственного дела, волнует вопрос, смогут ли они сохранить в себе ту веру и внутреннюю твердость, которые необходимы не только для преодоления инерции при создании всего нового, но и для управления вновь созданным предприятием и для его расширения». Проблема деловых и личностных качеств, составляющих психологический портрет успешных российских бизнесменов, мотивация бизнеса исследовались и продолжают исследоваться зарубежными и российскими социологами и психологами в плане рассмотрения важнейших личностных предпосылок успешного предпринимательства. Согласно этим исследованиям, типичный портрет успешного предпринимателя включает такие личностные свойства, как: реалистичная оценка при выборе альтернатив, критичность в представлении о своих возможностях и высокий уровень притязаний, готовность идти на смелый и вместе с тем разумный риск, преодолевать узкие оценки, хорошо прогнозировать развитие событий. Предприниматели стремятся к высокому уровню профес-

сионализма, широкой эрудиции, творческому мышлению, инновационным подходам в своей деятельности.

Исследования, проведенные отечественными специалистами (Журавлев, Позняков, 1993; Филинкова, 2007; Китова, Токов, 2013; и др.), позволили отнести к наиболее важным качествам преуспевающего бизнесмена следующие: инициативность, способность рисковать, целеустремленность, независимость, ориентированность на эффективность и качество, способность убеждать и устанавливать цели, стремление к знаниям, систематическое планирование своих действий и наблюдательность.

Кроме того, проведенные опросы показывают, что для современных лидеров характерны такие черты, как способность формировать эффективную команду, прислушиваться к мнению коллег и подчиненных, способность вести за собой людей. В современной предпринимательской деятельности наряду с умением бороться и утверждать свое превосходство высоко ценятся такие качества, как лояльность, дипломатичность, умение сотрудничать, ценятся люди, стремящиеся реализовать свои творческие и организаторские способности, принимающие на себя высокую ответственность.

Одним из главных свойств предпринимателя является его способность к риску, под которой понимается готовность и умение принимать решения в условиях большой степени неопределенности. Способность к риску невозможна без высокой степени уверенности в себе — обоснованной веры в свои способности выполнить стоящие задачи. Нормой предпринимательской деятельности является преодоление различных препятствий и кризисных ситуаций, требующее высокого волевого потенциала личности предпринимателя. В связи с этим особое значение приобретает стрессоустойчивость предпринимателя, поскольку в процессе деятельности он должен переносить регулярные эмоциональные нагрузки, сохраняя самообладание перед лицом подчиненных и партнеров.

Американский исследователь М. Стори, проводя на протяжении года изучение сотен новых предприятий, определил 14 качеств преуспевающего предпринимателя: внутренний импульс и энергия; уверенность в себе; большой опыт в бизнесе; отношение к деньгам как к мере успеха, а не как к цели; настойчивость в решении реалистичных задач; способность ставить ясные задачи; умеренный риск; способность быстро оправиться от неудачи; эффективное использование обратной связи; личная ответственность за инициативу; соответствующее использование имеющихся ресурсов; постановка достижимых целей; внутренний источник контроля; способность

справиться с возникшими вне фирмы неясностями и неопределенностями (см.: Гуреева, 2014).

По данным И. В. Ромазан, сами предприниматели среди факторов, определяющих успех предпринимательской деятельности, называют: первичный капитал; использование новых технологий; знание законодательства; соответствие производимых товаров и услуг запросам потребителей; способность генерировать идеи; умение обходить препятствия в законах; умение полагаться на свои силы; работоспособность (Ромазан, 1996).

Примечательно, что среди названных предпринимателями факторов успеха практически не представлены личностные детерминанты. Данное обстоятельство должно быть отмечено в связи с тем, что предпринимательская деятельность предъявляет повышенные требования к личностным ресурсам человека. Поскольку предприниматели не рефлексируют личностные детерминанты успешности своей деятельности, очевидно, они оказываются неспособны решать неизбежно возникающие личностные проблемы адекватными психологическими средствами.

Личностные качества наиболее успешных предпринимателей изучали Р. Андерсон и П. Шихирев (Андерсон, Шихирев, 1994). Ими были выделены такие характеристики, как инициативность, упорство и настойчивость, готовность к риску, ориентация на эффективность, вовлеченность в рабочие контакты, целеустремленность, потребность быть информированным, систематическое планирование и наблюдение, способность убеждать и устанавливать связи, независимость и уверенность в своих силах, желание быть хозяином своей судьбы. Установки, ценностные ориентации и личностные качества стали основанием для выделения двух основных типов предпринимателей – «акул» и «дельфинов». Первые отличаются большой жадой материальных приобретений, действия торопливого захватчика материальных благ и власти объединяются принципом «все дозволено». Представители данного типа рассчитывают на стремительность и временность, понимая, что не смогут долго удерживать ситуацию. Их краткосрочные замыслы отличаются наличием только одной схемы и низкой вариативностью. Окружающие люди представляются как ленивые, глупые лживые и воспринимаются как конкуренты или объекты воздействия. Характерна уверенность в низкой природе человека и высокая самооценка. Окружающий мир предстает как враждебный и опасный. Моральный выбор и длительность личных отношений определяются достижением выгоды. «Дельфины», соответственно, это более поздний тип в историческом време-

ни, он только начинает формироваться. Это люди с высокими моральными принципами, стремящиеся приносить пользу обществу. Их отличает высокая самооценка, для них важны духовные ценности, такие как любовь, дружба, преданность и т.д. Они ориентируются на долгосрочную полезность, ценят окружающих их людей.

Поскольку успешный предприниматель всегда является лидером, ему должны быть свойственны такие интегральные характеристики лидера, как настроенность на опасность, управленческие способности и высокая личная активность. В предприниматели идут люди, обладающие способностью и желанием руководить, стремящиеся к власти в самом широком смысле этого слова: власти над ситуацией, жизненными явлениями и социальными процессами, над людьми и их знаниями, над тактикой продвижения к конечной цели. Применительно к целям нашего исследования особый интерес представляет феномен, получивший название «настроенность на опасность», который заключается в высокой эффективности действий в критических ситуациях, чувствительности к потенциальной опасности и бесстрашии.

К числу личностных параметров, обуславливающих карьерную успешность предпринимателя, большинство исследователей относят ассертивность (способность личности открыто и свободно заявлять о своих желаниях, требованиях и добиваться их воплощения). Это умение оптимально реагировать на замечания, справедливую и несправедливую критику и решительно говорить себе и окружающим «нет», когда этого требуют обстоятельства. Ситуации, в которых предпринимателю приходится проявлять ассертивность, способствуют формированию конструктивной самоутверждающей стратегии, являющейся основанием для накопления потенциала личностной успешности.

В исследовании Т. В. Корниловой были получены высокие индексы «агрессивности» и «доминирования» (Корнилова, 2002). Эти результаты соответствуют личностным свойствам, которые выделяли зарубежные исследователи, получившие «усредненные» психологические профили мотивационных предпосылок в выборках предпринимателей. Наиболее высокие показатели предприниматели имеют по тенденциям «доминирование» и «стойкость в достижении целей», а самые низкие – по «мотивации достижения» и признаваемой «агрессивности».

Для успешных предпринимателей характерен высокий уровень развития экономического сознания – системной составляющей сознания, отражающей систему экономических отношений человека.

С экономическим сознанием тесно связано экономическое поведение – поведение, вызванное экономическими стимулами.

Существует множество определений предпринимателя. Если взять идеи М. Вебера, связанные с протестантской этикой, настоящему предпринимателю чужды показная роскошь и расточительство, упоение властью (Вебер, 1991). Его образу жизни свойственна аскетическая направленность. Богатство дает ему только ощущение хорошо исполненного долга в рамках своего призвания. Согласно же концепции Й. Шумпетера (Schumpeter, 1982), типичным предпринимательским мотивом выступает удовлетворение или радость от самого процесса и результатов свободного от бюрократических пут труда. Но несмотря на то, что во взглядах этих авторов есть небольшие расхождения, у них прослеживаются и общие позиции. Производство понимается в широком смысле – не столько как изготовление продукции, сколько как поиск свободной ниши на рынке. Доход служит показателем успешности организационно-новаторской деятельности предпринимателя, а значит, его деловых качеств и престижа в обществе. Свою жизнь он строит на виду у всех и в какой-то степени на зависть всем. Это динамичный и амбициозный творец своего счастья. Престиж для него крайне важен. Деньги сами по себе, без общественного признания, теряют ценность. Поэтому он считается с требованиями общества. И чем более цивилизованно такое общение с обществом, чем выше развита культура, тем более предприниматель разборчив в средствах достижения успеха.

Обобщая исследование мотивов предпринимательской деятельности, хотелось бы отметить следующее. Мотивация как ведущий фактор регуляции активности личности, ее поведения и деятельности, представляет исключительный интерес для всех людей. Но особенное значение в этом плане психология мотивации имеет для представителей профессии социоэкономического типа, примером которой является предприниматель. Если попытаться раскрыть сущность понятия «мотив и мотивация», то можно сказать, что само это определение представляет определенную научную проблему, поскольку мотив – это то, что, отражаясь в голове человека, побуждает к деятельности, направляет ее на удовлетворение определенной потребности. При этом в качестве мотива выступает не сама потребность, а предмет потребности. Современные психологические концепции мотивации (В. К. Вилюнас, Е. И. Ковалев, Е. С. Кузьмин, Б. Ф. Ломов, К. К. Платонов) под мотивационной сферой личности подразумевают совокупность стойких мотивов, имеющих определенную иерархию и выражающих направленность личности. Значит, мотивация

является сложным механизмом соотношения личности с внешними и внутренними факторами поведения, определяющим возникновение, направление и способы осуществления конкретных форм деятельности. Именно поэтому ведущими мотивами ухода в предпринимательскую деятельность являются: стремление к максимальному контролю за своим будущим; неудовлетворенность в предыдущей ситуации состоянием реализации своих способностей; стремление распространить свой стиль и образ жизни на сферу деловой активности; желание получить вознаграждение за труд, самостоятельно и независимо обеспечить рост своего благосостояния (Мягков, 1993).

Психолого-педагогические аспекты подготовки предпринимательских кадров

Реструктуризация экономики России, неизбежная в связи с вынужденным (из-за жесткой конкуренции) переходом производства на высокие технологии, порождает на рынке труда бескомпромиссную конкурентную среду, и в ближайшее время ожидать смягчения ситуации не приходится, что обуславливает необходимость целенаправленной подготовки личности к экономической деятельности в современных условиях. Экономическая деятельность личности как научная проблема носит междисциплинарный характер, следовательно, подготовка личности к экономической деятельности выходит за рамки только психологической науки, интегрируя ее со смежными научными направлениями, такими как экономика, политология, юриспруденция, педагогика и др.

В психологической науке экономическую деятельность следует рассматривать как специфическую разновидность деятельности, порождаемую потребностью личности в экономическом благополучии и характеризующуюся соответствующими особыми целями, мотивами, способами действий и результатом. Целью экономической деятельности личности является получение дохода, близкого к притязаниям индивида. Экономические мотивы представляют собой побуждения к обеспечению процессов удовлетворения физических и социальных потребностей индивида. Способы действий представлены экономическими операциями, с помощью которых осуществляется обретение, сохранение и умножение собственности. Результат экономической деятельности личности – уровень богатства, достаточный для удовлетворения потребностей индивида. Поскольку удовлетворение одной потребности порождает новую по-

требность, цикл активности замыкается на личности и вновь развертывается в следующий вариант деятельности.

В экономической деятельности можно выделить и сугубо психологические результаты. Так, она позволяет: овладеть навыками и приемами анализа деловых ситуаций; отработать умение поиска дополнительной информации; приобрести навыки применения теоретических знаний для анализа практических проблем; наглядно представить особенности принятия решения в ситуации неопределенности, а также различные подходы к разработке плана действий, ориентированных на конечный результат; принимать самостоятельные решения на основе комплексного анализа ситуации. Таким образом, психологически успешность экономической деятельности личности определяется способностью личности к экономическому творчеству, быстротой, глубиной и прочностью овладения способами и приемами экономической деятельности. Способность к успешной экономической деятельности личности внешне проявляется как предприимчивость, которая представляет собой важнейшую психологическую характеристику личности. Если оценивать личность по условной экономической схеме «затраты—выпуск», то предприимчивость обнаруживает себя внешне в достижениях успеха с минимальными затратами ресурсов материальных и финансовых, ресурсов времени, трудовых усилий.

Объективным результатом предприимчивости личности, реализующей свои потенциальные ресурсы (способности), выступает ее доход. В этой связи представляется правомерным говорить об измерениях личности в различных сферах общественных отношений. Так, личность в политическом измерении может быть представлена шкалой таких ее характеристик, как убежденность в тех или иных политических концепциях, преданность определенным политическим идеалам и пр. Юридическое измерение личности — мера ее законопослушности, педагогическое измерение — шкала обучаемости и т. д. Личность в экономическом измерении представляет собой потенциальную стоимость ее субъективных возможностей, проявляющихся в профессиональной деятельности и измеряемую в рублях за единицу времени.

Предприимчивость в этом смысле присуща не только владельцам и менеджерам коммерческих предприятий, но и каждому отдельно взятому человеку, которому приходится в повседневной жизни решать многочисленные задачи, требующие хотя бы элементарных экономических умений и навыков. К примеру, устройство на работу, приобретение жилья, обеспечение семейного бюджета и многие

другие обязанности взрослого человека связаны с необходимостью адекватно оценить себя, свои возможности и окружающую среду под углом зрения актуальной экономической потребности, принять решение и реализовать его. Это сближает повседневную частную жизнь личности с предпринимательской деятельностью, а способность к принятию оптимальных экономических решений и их реализации выступает в качестве одной из ведущих психологических причин имущественного расслоения населения.

Но способности не непосредственно определяют экономическую успешность личности, а преломляясь через ее психологическую готовность к экономической самореализации, которая характеризуется мобилизацией ресурсов субъекта экономической деятельности на оперативное или долгосрочное выполнение конкретной экономической деятельности или экономической задачи. Чтобы начать реально действовать в задуманном направлении, необходимо мысленно представить всю картину будущей ситуации, связанной с предстоящей деятельностью. Подобное внутреннее видение ситуации является тем главным психологическим условием, которое необходимо для успешного формирования психологической готовности к экономической деятельности.

К современным ориентирам образовательной деятельности, определяющим ее содержание, относится всесторонняя подготовка человека к жизни в обществе, к сознательному и компетентному участию в различных видах деятельности, присущих человеку как общественному существу, в том числе и экономической. Возникают вопросы: какие именно знания и в каком объеме необходимы для достижения и поддержания материального благополучия? каковы технологии и способы обогащения личности? как использовать полученные знания для повышения материального уровня жизни граждан и улучшения экономического развития общества в целом?

Но, как оказалось, экономическая успешность личности не сводится лишь к знаниям, умениям и навыкам (хотя они включены в ее состав и оказывают влияние на сам процесс деятельности и ее результаты), необходимым для выполнения экономической деятельности. Многочисленные исследования убедительно доказали, что прямой связи между вузовским образованием и экономическими достижениями не существует (Р. Андерсон, П. Шихирев, Й. Шумпетер и др.). В первую очередь это связано с тем, что традиционный тип информации, получаемой в учебных заведениях, добыт опосредованно (другими людьми), а предпринимателю необходимы контекстные (лично добытые в процессе деятельности) знания из социальной практики,

которые пригодны для внедрения в собственную экономическую практику. Отсюда вытекает одна из важнейших психологических трудностей формирования готовности к успешной экономической деятельности, связанная с тем, что она не поддается алгоритмизации и стандартизации, а потому успех одного человека не может копировать успех другого один к одному. Поэтому обучить студентов в вузе успешной экономической деятельности не представляется возможным и можно говорить лишь о формировании психологической готовности к ней.

Методика формирования психологической готовности студента к экономической деятельности предполагает реализацию комплекса психологических функций, среди которых: диагностика уровня и структуры такой готовности; самопознание личностных характеристик, необходимых для достижения экономически значимых результатов; поиск личностного смысла и смысла экономической деятельности; анализ и коррекция знаний рыночной среды; тренинги, ориентированные на оптимизацию наличных ресурсов личности. В результате комплексной реализации этих функций может происходить зарождение и развитие психического новообразования — готовности к экономической деятельности в условиях рыночных отношений. Наиболее полно отвечающими заданным требованиям являются проективно-исследовательские методы работы со студентами.

Взрастить в человеке способность к достижению экономического благополучия посредством полученной специальности, помочь ему освоить науку и искусство материального обустройства своей жизни — важнейшая общегосударственная проблема, которую предстоит решать в ближайшие годы. На сегодняшний день научный инструментарий мало кем из участников образовательной деятельности используется для разработки технологий повышения качества жизни населения. Здесь возникает крупная научная задача: разработать ориентированные на практику программы и технологии, применение которых может коренным образом изменить экономическое положение граждан и их семей в лучшую сторону. Содействию совершенствованию образа жизни людей, ее духовных и материальных слагаемых, упрочение стабильности общества, повышение престижа и авторитета нашего государства — ведущие задачи современной образовательной системы, и психологическая наука обязана внести весомый вклад в их решение.

Глава 6

Система факторов экономического сознания в условиях вторичной экономической социализации

Экономическое сознание личности как предмет общепсихологического и историко-психологического, социально-психологического и экономико-психологического исследования в отечественной науке привлекало внимание специалистов в разные исторические периоды развития российского общества (О. С. Дейнека, Т. В. Дробышева, Т. П. Емельянова, А. Л. Журавлев, Н. А. Журавлева, А. И. Китов, А. А. Капустин, А. Б. Купрейченко, С. В. Малахов, И. М. Осипенко, В. П. Позняков, В. Д. Попов, Т. В. Фолмоеева, В. П. Фофанов, В. А. Хашенко, Е. В. Шорохова, Е. В. Щедрина и др.). Однако увеличение числа исследований феноменов экономического сознания личности (и группы), а именно — социальных установок, представлений, мнений, оценок, отношений к явлениям и объектам экономического мира, связывают с особенностями «перестроечного» и «кризисного» периодов, характеризующихся социально-экономической трансформацией российского общества в целом, следствием которой и стали принципиальные изменения собственно экономического сознания россиян (Журавлев, Журавлева, 2002, с. 12; и др.). Интересно, что в эти периоды некоторые из элементов экономического сознания взрослых людей (например, их представления о тех или иных явлениях рыночной экономики) мало чем отличались от аналогичных представлений подростков и юношей. Потребность в понимании новых экономических явлений была столь высока, что даже в известную настольную игру «Монополия» с удовольствием играли не только дети, но и их родители. Заметим, что целый ряд фактов позволил нам использовать термин «формирующаяся личность» в контексте анализа экономической социализации¹ не только применительно

1 Экономическая социализация личности представляет собой процесс и результат включения человека в систему экономических отношений общества, т. е. человек усваивает (или присваивает) экономический опыт

к детям, подросткам и молодым людям юношеского возраста (первичная экономическая социализация), но и к взрослым, заново познающим новые реалии экономических реформ в российском обществе (вторичная экономическая социализация) (Дробышева, 2013; Журавлев, 2011; Журавлев, Дробышева, 2011; Купрейченко, Журавлев, 2007а, б; и др.).

Проблема исследования детерминации экономического сознания (личности и группы) в условиях вторичной экономической социализации (ВЭС) связана с выделением системы факторов (условий, механизмов и т. п.), выявлением характера их взаимосвязи, взаимозависимости, вклада каждого из выделенных факторов в изменение экономического сознания на этапе ВЭС. Ранее подобная проблема была поставлена и частично решена нами на примере исследования динамики ценностных ориентаций личности в условиях раннего экономического образования (см.: Дробышева, 2002, 2013; Журавлев, Дробышева, 2011; и др.). Однако описанная в работах система взаимодействующих факторов (типы детерминант, по Б. Ф. Ломову) характеризовала специфику детерминации феноменов экономического сознания личности (ориентации на социально-экономические ценности, представления о бедном и богатом человеке) на этапе ее первичной экономической социализации (Дробышева, 2002; Журавлев, Дробышева, 2011; и др.). В нашем случае исследование носит проблемно-постановочный характер. Сформулирована задача описания системы факторов экономического сознания не только личности, но и группы (в данном случае речь идет не о первичных группах, а о социальных группах в целом), а также специфики воздействия этой системы на экономическое сознание личности и группы на этапе ВЭС. В таком контексте инструментальная функция ВЭС проявляется в способах, механизмах, путях развития экономического сознания личности и группы.

общества, социальные и экономические ценности, нормы экономического поведения и, активно преобразуя их, становится субъектом экономических отношений данного общества. Уточнение термина «экономический субъект» в этом случае предполагает рассмотрение не субъекта экономической деятельности, но субъекта экономического поведения, т. е. речь идет о субъекте, характеризующем проявлением активности в экономических отношениях (понимаемых в узком смысле), — отношениях людей, возникающих в процессе производства, обмена, распределения, потребления и накопления материальных благ.

Методологический подход к пониманию ВЭС

Формулирование (или определение) понятия того или иного нового феномена происходит через выделение наиболее существенных признаков или посредством соотнесения данного понятия с другими, наиболее близкими ему, через выделение родовидовых отношений и т. п. На данном этапе исследования наиболее уместным является первый из упомянутых способов. С нашей точки зрения, признаки ВЭС целесообразно выделять в процессе сопоставления их с первичной экономической социализацией.

В начале статьи указывалось на некоторое сходство процессов первичной и вторичной экономической социализации. Несмотря на это данные процессы различаются по нескольким дифференцирующим признакам. Конечно, наиболее очевидным является возрастное различие субъектов социализации (дети, подростки, юноши, учащаяся молодежь или взрослые), однако оно далеко не единственное. Так, доминирующим (но не единственным) фактором, обуславливающим изменения в экономическом сознании и поведении личности на этапе ВЭС, является «исторический» фактор, в то время как на этапе первичной социализации ведущим фактором выступает «возраст». Здесь следует уточнить, что доминирование вышеуказанных факторов рассматривается в контексте «внешней» и «внутренней» детерминации. Это не означает, что макроэкономические изменения в стране в 1990-е годы повлияли только на взрослых и не затронули сознание детей, подростков, молодежи. Однако специалисты, занимающиеся проблемами первичной экономической социализации, утверждают, что, к примеру, дети 1990-х годов не так болезненно переживали трансформационные процессы в российской экономике, как взрослые (Журавлев, Дробышева, 2010). Данный факт объясняется тем, что их родители старались пролонгировать (отсрочить по времени) и смягчить для детей экономические (к примеру, снижение уровня благосостояния семьи), психологические (страх за будущее экономическое благополучие семьи и т. п.) и другие эффекты, которые возникли в результате перехода российской экономики к «рыночной» модели (см.: Журавлев, Дробышева, 2010; Дробышева, 2013; и др.).

Субъективное восприятие конкретной личностью (социальной группой) социально-экономических изменений, происходящих на разных этапах развития общества, определяет значимость и ценность происходящего для конкретного субъекта (индивидуального или группового), что отражается на динамике его экономического

сознания и поведения. К примеру, можно предположить, что в периоды экономических и финансовых кризисов более восприимчивы к происходящему социальные группы средне- и малообеспеченных (бедных), чем богатых и нищих (испытывающих крайнюю нужду).

Также можно сопоставить социальные группы, включающие представителей разных поколений россиян. Особенности их ВЭС будут связаны как с ситуацией в стране (внешний фактор), так и со спецификой сформированных к данному периоду компонентов экономического сознания (экономические представления, ценности, установки, отношения и т. п.). В качестве примера можно рассмотреть классификацию Н. А. Головина (Головин, 2004). В своем подходе к исследованию политической социализации автор выделяет несколько поколений, которые в определенные исторические периоды достигли того возраста, когда они могут принимать активное участие в экономической и политической жизни страны. К примеру, поколение «оттепели» 1960-х годов — это люди, рожденные в 1934–1952 гг. и достигшие к этому времени того возраста, в котором у любого человека уже сформированы политическая идентичность, политическое сознание, нормы и ценности, регулирующие политическое поведение, и т. п. Их политическая социализация отличается от социализации поколения «застоя» (рожденных в 1953–1964 гг.), представители которого в те же 1960-е годы были еще детьми или подростками. Это происходит в первую очередь потому, что осознанность и активность, характеризующие включенность поколения «оттепели» в политическую жизнь общества (этап вторичной социализации), отличается от аналогичных характеристик включенности поколения «застоя» (этап первичной социализации).

Опираясь на данный пример, приведем и собственный. Поколение «перестройки» — это те россияне, которые родились в 1965–1971 гг. Соответственно, самым молодым из них в 1991 г. было 20 лет, а самым старшим — 36 лет. Все 1990-е годы, отличающиеся социально-экономической трансформацией российского общества, это поколение формировалось как субъект «новых» экономических отношений, характерных для «рыночной» модели экономики. При этом сформированные к данному периоду базовые компоненты экономического сознания включали ориентации на ценности, нормы поколения их отцов. Они учились в «советской» школе, участвовали в жизни пионерской и комсомольской организации и т. п. Можно только предположить, что, усваивая «новое» экономическое знание на этапе ВЭС, они в большей степени переживали когнитивный конфликт, чем представители поколения «общесистемного кризи-

са» (рожденные в 1972–1980 гг.), чье детство и молодость пришлось на те же девяностые. Данные различия связаны с тем, что на этапе первичной экономической социализации присваивается все, что получает субъект в процессе трансмиссии (т. е. экономические знания, опыт, нормы, ценности, роли и т. п.), а на этапе вторичной – лишь избирательно. Влияние «личной истории» здесь связано с микро-социальными (экономическое воспитание в семье) и внутренними (ориентации на экономические ценности, идеалы, представления, установки и т. п.) факторами. Причем микросоциальные факторы оказывают непосредственное влияние на личность – носителя экономического сознания, т. е. косвенно детерминируют те личностные характеристики, которые на следующем этапе социализации выступают в качестве внутренних факторов.

Подчеркивая специфику ВЭС, заметим, что на данном этапе принимается и усваивается лишь новое для человека (или социальной группы) экономическое знание, экономический опыт или способы овладения ими, т. е. сплошной характер первичной экономической социализации и избирательный характер ВЭС являются их дифференцирующими признаками. Вышеприведенный пример различий в социализации поколений, оказавшихся в определенный исторический период на этапе первичной или вторичной экономической социализации, наглядно демонстрирует специфику каждого из этапов. Уточним лишь, что в случае ВЭС речь идет не только об изменениях в экономическом сознании и поведении взрослых людей в условиях экономических кризисов или социально-экономических трансформаций, но и в ситуациях завершения ими трудовой деятельности, кардинального изменения образа жизни и т. п. Иными словами, на этапе ВЭС усваивается лишь то новое экономическое знание, присваивается тот экономический опыт, которые имеют жизненно важное значение для экономической адаптации личности (или социальной группы) в изменившихся экономических условиях его жизнедеятельности (см. также: Динамика социально-психологических явлений..., 1996; Психология адаптации..., 2007; Социально-психологическая динамика..., 1998; и др.).

Характер протекания экономической социализации детей и взрослых также имеет принципиальные различия. Первичную, по сравнению со вторичной, экономическую социализацию личности отличает опосредованный характер. В качестве посредников здесь выступают родители и замещающие их лица, сверстники и значимые чужие взрослые. Данную роль могут выполнять и СМИ, информирующие детей, подростков и молодежь о явлениях и объ-

ектах экономической жизни страны, и образовательные учреждения, и т. п. Вторичная же экономическая социализация предполагает непосредственное включение личности (группы) в процесс, в котором роль институтов социализации ограничена референтными группами (трудовой коллектив, группа друзей, семья), а основным фактором («причиной», по терминологии Б. Ф. Ломова) могут являться значимые изменения в социально-экономических условиях жизнедеятельности человека (социальной группы). Конечно, это не означает, что дети и подростки являются всего лишь объектами внешних воздействий и самостоятельно не получают опыт взаимодействия с явлениями и объектами экономического мира взрослых, а взрослые, наоборот, не подвержены воздействию извне. Говоря о непосредственном и опосредствованном характере процессов первичной и вторичной экономической социализации, мы лишь подчеркиваем особенности того или иного характера участия в ней. Более того, наши исследования экономического сознания личности, выполненные на детях и подростках, эмпирически подтвердили проявление детьми уже с пятилетнего возраста субъектных качеств в процессе конструирования ими экономических представлений, которые не являлись «слепком» представлений родителей. Также нами было обнаружено влияние личного опыта на экономическое сознание детей и подростков (Дробышева, 2013, 2014; Журавлев, Дробышева, 2011; и др.). Однако мы не можем сказать, что маленькие дети или подростки являются полноправными субъектами экономических отношений в обществе (распределительных, производственных, потребительских, сберегательных, обменных, долговых и т. п.). Заметим также, что опосредствование экономического сознания взрослых людей (групп) зависит от личностных качеств самих субъектов, от степени их доверия или недоверия тем или иным источникам информации и т. п.

ВЭС характеризуется тем, что человек непосредственно включен в экономическую жизнь, он самостоятельно взаимодействует с финансовыми организациями (банки), принимает участие в производстве товаров и услуг, решает вопросы об инвестировании своих финансовых средств или их накоплении и т. п. На основе накопленных экономических знаний и опыта он способен принимать решение, к примеру, о вступлении в долговые отношения с финансовыми организациями, оценивать их последствия. Однако современная ситуация, связанная с кредитованием в стране, показала, что экономически зрелые люди зачастую демонстрируют личностную незрелость или низкий уровень личностной зрелости (Феномен и ка-

тегория зрелости..., 2007), принимая решение о кредите без оценки его последствий или нерационально оценивая свои возможности возврата долга. Данный пример может быть рассмотрен как на индивидуальном, так и на групповом уровне. К примеру, склонные к кредитованию и не склонные к данному поведению люди образуют разные социально-психологические группы в зависимости от уровня готовности к вступлению в институциональные кредитные отношения (в ситуации отсутствия средств на погашение долга) (Тугарёва, 2012; и др.).

В целом, показатель экономической зрелости личности может быть принят как один из ключевых дифференцирующих признаков первичной и вторичной экономической социализации. Большинство взрослых людей, занимающихся трудовой деятельностью, являются носителями признаков экономической зрелости (см.: Журавлев, 2007), т. е. они обеспечивают себя и близких людей, свою семью, несут ответственность за их экономическое (финансовое, материальное) благосостояние. Дети, подростки, молодые люди раннего юношеского возраста не обеспечивают себя и свою семью (карманные деньги и подработка студентов не принимаются в расчет). Исключения составляют частные случаи, когда подростки и юноши в силу каких-то жизненных обстоятельств вынуждены зарабатывать на жизнь себе и своей семье или, наоборот, когда взрослые люди экономически активного возраста ведут «паразитический» образ жизни, существуя за счет своих близких (пожилых родителей, супругов, детей).

Приведенные выше примеры косвенно указывают на существование разных типов (вариантов) ВЭС, что представляется актуальным и перспективным направлением исследования экономического сознания личности и группы.

Состояние исследования проблемы экономического сознания личности и группы в условиях ВЭС

Возвращаясь к ранее намеченной линии анализа, напомним, что новые знания в области экономики, которые были привнесены в общественный дискурс в период «кардинальных экономических преобразований» в стране, явились предпосылкой порождения феноменов экономического сознания личности, содержанием которых становились ранее неизвестные (для непрофессионалов) объекты и явления рыночной экономики («ваучеризация», «приватизация собственности», «инвестиции», «либерализация цен», «инфляция», «обмен-

ный курс», «девальвация», «аукционы», «дефолт» и т. п.). Возможно, по этой причине в 1990-е годы наиболее востребованным в стране стало именно экономическое образование, причем не только в рамках подготовки нового поколения специалистов, но и в плане коррекции низкой экономической грамотности взрослого населения, а также формирования основ экономического мышления детей и подростков. Подтверждением тому являлся бурный рост числа учебников и учебных пособий по экономике для детей и школьников разного возраста. Причем спектр жанров издаваемой литературы также расширился: от художественных произведений для детей дошкольного возраста, словарей по экономике для младших школьников и дошкольников до учебников и практических пособий для школьников и взрослых. Именно эксплицитное знание в области экономики стало в этот исторический период социально востребованным.

Конечно, вызывает сожаление тот факт, что психологические исследования последствий раннего экономического образования в период интенсивного формирования личности (т. е. исследования детей и подростков) носили ограниченный характер. Но даже те немногие из них, которые были выполнены в данный период (Дробышева, Журавлев, 2001), обнаружили изменение направленности в развитии личности детей, усиление прагматичности. Так, нами было выявлено, что раннее экономическое образование способствует, с одной стороны, развитию (через усложнение и обогащение) самой системы восприятия детьми экономических явлений и объектов, с другой — более прагматичному восприятию этих явлений. Однако оно также приводит и к более глубинным изменениям на уровне ценностных ориентаций личности: в частности, способствует повышению значимости волевых и материальных ценностей, ценности высокой социальной активности, а также снижению значимости эмоциональных ценностей. Причем направленность изменений взаимосвязана. Несмотря на то, что выявленная нами динамика ценностных ориентаций (в условиях специально организованного воздействия системы экономического образования) принимается в качестве психологического признака (критерия) экономической социализированности личности на этапе ее первичной экономической специализации, все же нельзя не признать факт серьезного изменения направленности естественного социального развития личности под влиянием процесса раннего экономического образования, который должен учитываться при организации и внедрении в практику соответствующих образовательных программ (Дробышева, Журавлев, 2001; Дробышева, 2002; Журавлев, 2011; Журавлев, Дробышева 2011; и др.).

Значительно большее число исследовательских работ (с середины 1980-х и до конца 1990-х годов) было посвящено изучению феноменов обыденного экономического сознания и самосознания личности на этапе ее вторичной экономической социализации (см. подробный обзор: Журавлев, Журавлева, 2002). В качестве основных теоретических подходов здесь принимались имплицитные теории личности (традиционный и психосемантический подходы), концепция социальных представлений, субъектно-деятельностный, комплексный, системный и др. Следует отметить, что если психологический мониторинг динамики ценностных ориентаций в анализируемый и последующий периоды все-таки проводился (А. Л. Журавлев, Н. А. Журавлева, Т. В. Дробышева, В. П. Позняков, В. С. Собкин, В. А. Хашенко и др.), то аналогичная динамика экономических установок, представлений, отношений, оценок и т. п. фактически не изучалась. Исключения составляют отдельные работы, посвященные анализу динамики экономических представлений в СМИ и т. п. (см. исследование Е. В. Журавлевой, опубликованное в коллективной монографии: Социально-психологическая динамика..., 1998).

Безусловно, анализ динамики феноменов экономического сознания в кризисные, посткризисные и относительно стабильные периоды социально-экономического развития (в 80–90-е годы прошлого века и в последующие «нулевые» годы нового века) возможен при сопоставлении результатов работ, выполненных разными исследователями с применением одних и тех же методик или приемов сбора данных либо с помощью качественного сравнительного анализа элементов экономического сознания в публикациях разных специалистов. К примеру, многие из них применяли в своих работах одну и ту же методику изучения отношения к деньгам (К. Ямаучи и Д. Темплера в модификации А. Фенэма) или ее отдельные шкалы (В. А. Хашенко, А. Б. Купрейченко, А. Б. Фенько, М. Ю. Семенов, А. С. Евдокимова и др.). Аналогичная ситуация сложилась в исследованиях и других экономико-психологических феноменов.

Сопоставление данных, полученных разными авторами, выполняет практически каждый специалист, анализируя результаты работ, предшествующих его исследованию. Одним из итогов такого анализа может стать предположение об исторической динамике представлений, отношений, суждений, оценок, установок и т. п. как личности, так и социальных групп, по отношению к экономическим явлениям и объектам (например, к банку как финансовому институту, деньгам как средствам обмена и операциям с ними, к бедности или богатству как социальным явлениям и т. п.) в период перехода от «плано-

вой» к «рыночной» модели экономики. Справедливости ради следует заметить, что аналогичная ситуация резкого роста исследований феноменов экономического сознания наблюдалась и в зарубежной поведенческой экономике и экономической психологии в период образования ЕС и введения общей валюты — евро.

Факторы экономического сознания личности и группы на этапе ВЭС

О взаимозависимости факторов в процессе социализации личности писал Б. Ф. Ломов (Ломов, 2006). В своей концепции системной детерминации сознания и поведения личности он предложил рассматривать детерминацию как некую систему с определенным набором компонентов. Она включает разные их типы. Кроме причин (совокупность событий, ситуация), вызывающих эффекты, автором выделялись внешние и внутренние факторы, общие и специальные предпосылки, опосредствующие звенья, которые изменяют влияние причины и, соответственно, возникновение следствия (эффекта). Развивая идею Ломова, мы обнаружили, что все типы детерминант (точнее, феномены, выступающие в роли того или иного типа детерминант) имеют разную функциональную направленность. Они могут ускорять или замедлять возникновение следствия, усиливать либо ослаблять каузальную связь и т. п. (см.: Дробышева, 2012 и др.). Внешние детерминанты имеют социальную природу и уровневую структуру. Они взаимодействуют с внутренними факторами. Именно взаимодействие внешнего и внутреннего, по нашему мнению, влияет на силу, активность, направленность действия причины. Внутренний фактор, по Ломову, — это события или феномены, органично включенные в изучаемые явления, имманентно присущие им, а предпосылки (общие и специальные) — готовность или подготовленность к «восприятию» (не в психологическом смысле слова) действия причины и других детерминант. С нашей точки зрения, именно предпосылки определяют успешность воздействия причины, а следовательно, обуславливают получаемый эффект. Также напомним, что в данной схеме опосредствующие звенья определялись Ломовым как «вспомогательные средства», не прямо, но косвенно влияющие на каузальную связь.

Анализируя динамику (развитие) экономического сознания субъектов ВЭС, будем придерживаться подхода Б. Ф. Ломова к системной детерминации сознания и поведения человека.

В современной социальной психологии «фактор» часто рассматривается как родовое понятие по отношению к условиям, средствам

и механизм. Фактор – это то, что влияет, воздействует, без указания на характер и направленность воздействия. Наиболее часто, к примеру, в исследованиях ВЭС упоминают именно изменения социально-экономических, политических и др. условий развития общества или ситуации экономических кризисов, которые можно изучать и как «причину», порождающую социально-психологическую динамику, – к примеру, отношения к собственности, деньгам, статусу материальных ценностей в ценностной структуре личности и группы и т. п. (Т. В. Дробышева, А. Л. Журавлев, Т. П. Емельянова, Н. А. Журавлева, А. Б. Купрейченко, В. П. Позняков, Е. В. Шорохова, В. А. Хашенко и др.), и как «внешний фактор» в ситуации завершения трудовой деятельности, потери работы человеком в условиях экономического кризиса (Личность профессионала..., 2013; Методы психологического обеспечения..., 2014; Проблемы психологической безопасности..., 2012; Современное состояние..., 2015; Современные тенденции..., 2015; и др.). Точнее, если феномены, принимаемые как условия, вызывают эффект, тогда они рассматриваются как причина, если же они выступают в качестве внешнего фактора, то они влияют уже на связь между «причиной» (к примеру, потеря работы) и «следствием» (к примеру, динамика отношений, представлений, установок относительно экономических явлений и объектов или динамика феноменов экономического самосознания, самоотношения). В зависимости от поставленной задачи, макросоциальные, макроэкономические условия развития общества могут быть соотнесены и с таким типом детерминант, как общая предпосылка. Предположим, макроэкономические изменения стимулировали изменения на рынке труда, следствием чего стало сокращение рабочих мест, снижение оплаты труда, увольнение людей, едва достигших пенсионного возраста. Сама ситуация прекращения трудовой деятельности является причиной, которая повлияет на изменение компонентов экономического сознания людей (в первую очередь, представлений о бедности и бедном человеке). В последнем примере в качестве внешних факторов могут выступать: социально-психологический климат в трудовом коллективе, семье, многоуровневый личностный опросник со значимыми другими и т. п. В роли внутренних факторов, вероятнее всего, выступают ценностные ориентации личности, субъективный экономический статус, социальная идентичность с людьми того же достатка и т. д.

Вышеприведенный пример моделирует ситуацию, на которую Ломов указывал, но не конкретизировал. Выделяя разные типы детерминант и описывая их специфику, Ломов не прямо, но косвенно

отметил разный характер проявления ими своих свойств (силу, активность, направленность) в системе. Таким образом, один и тот же феномен, выполняющий функцию одной детерминанты, может обладать большей силой воздействия на порождение эффекта, чем в роли другой детерминанты. К примеру, феномены, выступающие в качестве опосредствующих звеньев (средства социализации), оказывают не прямое, а косвенное влияние, так как не изменяют то, на что направлено воздействие. В теории социализации в качестве таких факторов (средств) выступают язык, нормы и ценности.

К механизмам социализации относят те феномены, которые преобразуют, трансформируют внешнее во внутреннее. Они наиболее активны и сильны среди других анализируемых явлений. В системной детерминации эти функции приписываются внутренним факторам, хотя ими не исчерпываются.

Приведенные в модели примеры в большей степени относятся к вопросам динамики экономического сознания личности (социальных групп) взрослых людей в нестабильных условиях развития общества. Нельзя сказать, что все здесь определяется влиянием внешнего (макросоциального, макроэкономического) фактора. Скорее всего, следует говорить лишь о некотором приоритете внешнего фактора в его взаимосвязи с фактором внутренним. Тем не менее, с нашей точки зрения, именно макросоциальные, макроэкономические факторы обуславливают включение в ранее сложившуюся систему экономических представлений, отношений, мнений, оценок и т. п. взрослых людей содержательно новых элементов, или же они запускают процессы трансформации, редукции, изменения ранее сформированных, сконструированных личностью элементов экономического сознания. В последнем случае в качестве механизма может выступать когнитивный диссонанс или ценностный внутриличностный конфликт между «старой» и «новой» информацией об экономических явлениях и объектах. Именно такое соотношение внешнего и внутреннего факторов приводит к изменению (динамике, развитию) экономического сознания личности взрослых людей в кризисные периоды социально-экономического развития страны (см. также: Ломов, 2006; Шорохова, 1999; и др.).

Различие же в динамике экономического сознания личности и группы (на этапе ВЭС) связано с психологической природой самих этих феноменов. К примеру, экономические представления личности могут быть рассмотрены как ментальные репрезентации, образы ранее воспринимаемых (или воображаемых) экономических явлений, объектов и т. п. Коллективные же экономические представле-

ния представляют собой феномены, порождаемые большими социальными группами с целью адаптации группы к изменяющимся социальным (экономическим и т. п.) условиям или совладания с ними. Экономические представления и личности, и групп обладают социальным характером. Они играют важную роль в поддержании социальных контактов, в предвосхищении и реализации схем поведения, участвуют в формировании и поддержании образа Я как бедного или богатого, отвечают за использование приемлемых способов экономического поведения, взаимодействия субъекта с другими. Экономические представления личности – более динамичное явление, чем экономические представления социальной группы, изменение которых происходит в периоды кардинальных преобразований, кризисов в обществе и т. п.

В разные исторические периоды эффект влияния социально-экономической ситуации развития общества (причина) на изменение (эффект) экономического сознания будет отличаться. В качестве примера можно привести результаты исследований социальных (коллективных) представлений о бедности в разных социальных группах в период весны 2012 г. и последующий период весны 2014 г. (Емельянова, Дробышева, 2013а; 2015). При сопоставлении данных двух срезов удалось выявить незначительное уменьшение объема ядерного компонента изучавшихся социальных представлений, что указывало на снижение значимости самого явления бедности в сознании малообеспеченных людей, принимавших участие в исследовании в период с весны 2012 г. (выборы Президента) до весны 2014 г. (начало острого финансового кризиса). Опираясь на понимание функции ядерного компонента социальных представлений, показанное в работах С. Московичи, Ж.-К. Абрика и др. (Емельянова, 2006), авторы предположили, что такое изменение свидетельствует о привыкании группы к неблагоприятным условиям (в том числе экономическому кризису), сложившимся в стране. Принимая во внимание тот факт, что ценностный механизм конструирования социальных представлений о бедности также претерпел небольшое изменение (меньшее число связей ценностных ориентаций и элементов ядра социальных представлений), авторы сделали вывод о снижении ценностного контроля за включением в ядерный компонент тех или иных элементов социальных представлений. Анализируя же динамику социальных представлений о бедности в группах малообеспеченных россиян (молодежь и пенсионеры), они выявили, что ядро социальных представлений в обыденном сознании молодежи в большей степени подвержено изменениям в зависимости от социальной

ситуации в стране, чем в группах пенсионеров, что, по нашему мнению, связано с возрастной спецификой степени включенности в социум. Приведенный пример наглядно демонстрирует взаимосвязь внешнего (макроэкономического) и внутреннего (индивидуально-психологических характеристик) факторов в изменении экономических представлений о бедности в группах малообеспеченных респондентов.

Другим примером являются данные об изменениях в представлениях работающих взрослых о будущем экономическом благосостоянии в условиях довыборного и поствыборного периодов (выборы Президента РФ в 2012 г.) (Емельянова, Дробышева, 2013б). Обнаруженная социально-психологическая динамика в сознании россиян объяснялась их стремлением к избеганию неудач, ориентацией на выживание. Изменение в структуре социальных представлений рассматривалось авторами как тенденция к индивидуализации респондентов в конструировании представлений, с одной стороны, и как снижение интегративных тенденций в массовом сознании, с другой. Также было обнаружено, что посредством социально-психологического механизма поддержания позитивной социальной идентичности проявляется усиление внутригрупповых связей, зависимостей и тенденций, выражающееся в возрастании (в период после выборов) гордости за социальную группу, с которой личность себя идентифицирует (там же).

Можно также предположить, что в относительно стабильные периоды развития общества динамика экономического сознания взрослых людей в большей степени зависит от микросоциальных факторов, по сравнению с макросоциальными. При этом макросоциальные факторы как внешние теряют свой приоритет во взаимодействии с факторами внутренними и фактически находятся с ними в паритетных отношениях. В данном случае микросоциальные факторы (порождаемые взаимодействием человека с другими людьми в организации, трудовом коллективе, группе друзей, семье и т. п. с целью реализации задач материального, финансового, экономического самообеспечения и обеспечения своей семьи) выполняют роль стимула, запускающего психологические механизмы развития экономического сознания личности («социальное сравнение», «каузальная атрибуция», «временная перспектива» и т. п.). Результатом этого процесса является изменение содержания и структуры экономического сознания. Вариативность динамики будет зависеть от самой личности, степени проявления ее активности, способности к саморефлексии. Внутренними факторами здесь выступают фе-

номены экономического самосознания: образ Я как бедного/богатого, экономически успешного/неуспешного и т. п.; экономическая самооценка; ценностные ориентации; психологическая дистанция, выстраиваемая личностью между собой как экономическим субъектом и другими; экономическая идентичность и т. д. Таким образом, на этапе ВЭС факторы и механизмы самодетерминации происходящих изменений в экономическом сознании личности, по сути, указывают на проявление ею субъектных качеств. Уточняя последнее суждение, заметим, что теоретически мы придерживаемся эволюционного подхода в понимании соотношения категорий субъекта и личности (Журавлев, 2009; Сергиенко, 2011; и др.).

Эмпирическое подтверждение вышесказанному можно обнаружить в исследовании социальных представлений о бедности в группах работающих и неработающих пенсионеров (Дробышева, 2015). Выявлено, что изменения в жизни человека, связанные с завершением им трудовой деятельности, в первую очередь отражаются на его экономическом сознании, самосознании и поведении. Исследование показало, что в группах работающих и неработающих пенсионеров адаптация к изменившимся условиям жизни отличается как на уровне представлений о бедности, так и на уровне ценностной системы. Так, работающие пожилые люди фиксируют внимание на ситуационной атрибуции бедности, считая бедность унижением для человека, которое он должен терпеть и преодолевать. Данный факт косвенно указывает на мотивацию продолжения ими трудовой деятельности. Интересно, что приоритеты работающих пенсионеров отражены и в их структуре ценностей. Работающие респонденты выше, чем неработающие, оценивали «интересную работу», «познание», «творчество». Неработающие респонденты в большей степени были фиксированы на последствиях бедности: нет квартиры, узкий круг общения, нет возможности вести здоровый образ жизни. По сравнению с работающими, они более высоко оценивали ориентации на материальные и эстетические ценности, ценность свободы и независимости, что согласовывалось с их пониманием бедности как ограничения возможности удовлетворения материальных и социальных потребностей. Было обнаружено, что на этапе посттрудо-вой экономической социализации психологические механизмы конструирования изучаемых представлений различаются в зависимости от трудовой активности респондентов. Так, неработающие пенсионеры больше, чем работающие, доверяли информации, поступающей из СМИ или общественного дискурса; их ценностный контроль в процессе принятия и интерпретации этой информации был

существенно снижен. Работающие же респонденты, по всей видимости, наоборот, меньше доверяли публичной информации о макроэкономических изменениях и событиях как источнику формирования своих представлений о бедности, они «запускали» механизм «ценностного» контроля поступающей извне информации.

Примером динамики экономических представлений личности может стать динамика представлений о бедном человеке, выявленная нами в одном из исследований (результаты не опубликованы). В качестве основного метода исследования использовался метод семантического дифференциала. Факторная структура изучавшихся представлений о бедности имела больше различий по критерию «возраст» (молодежь и пенсионеры), чем в связи с изменением социальной ситуации в стране (до выборов Президента весной 2012 г. и после — весна 2014 г.). Однако прямое сопоставление групповой (социальные группы) и личностной динамики экономического сознания представляется нам некорректным, в связи с принципиальными различиями психологической природы самих феноменов.

Резюмируя вышеизложенное, заметим, что изменение экономического сознания личности и группы в условиях ВЭС обусловлено не только *актуальной экономической ситуацией* в стране, приводящей к повышению внутренней напряженности, тревоги, к поиску способов совладания или, наоборот, постепенному привыканию к происходящим изменениям, но и процессами *самодетерминации*. В частности, экономическая, социальная, трудовая активность малообеспеченных групп населения способствует поиску ими внутренних ресурсов совладания (см.: Крюкова и др., 2008; Стресс, выгорание, совладание..., 2011; и др.).

Использованные в статье результаты исследований не могут проиллюстрировать все компоненты модели системной детерминации изменения экономического сознания на этапе ВЭС. В частности, требуется продолжение анализа полученных данных с целью выявления характера отношений детерминант, образующих систему, и описания их свойств. Тем не менее, сопоставляя данные о возрастной динамике экономических представлений на этапе первичной (см.: Журавлев, Дробышева, 2009, 2011 и др.) и вторичной социализации (Емельянова, Дробышева, 2013а, б; Дробышева, 2015; и др.), можно сделать вывод о преимущественном влиянии макросоциальных, макроэкономических явлений как причине изменения экономических представлений личности взрослых. Сопоставляя данные

динамики экономических представлений социальных групп (в нашем случае — малообеспеченных) и личности, следует констатировать, что данный анализ требует проведения дополнительной серии исследований. Можно только предположить, что динамика экономических отношений, ценностных ориентиров, установок и других феноменов экономического сознания характеризуется иным взаимодействием детерминант (внешних и внутренних факторов, предпосылок, опосредствующих звеньев), по сравнению с динамикой экономических представлений.

Общественная потребность в изучении динамики компонентов экономического сознания населения в разных условиях социально-экономического развития российского общества способствует возвращению научного интереса исследователей к изложенной выше проблематике. Наиболее перспективным в данном случае видится планирование лонгитюдных исследований, проводимых с использованием сопоставимого методического инструментария, программ и т. д. Анализ полученных данных позволит экономическим психологам более успешно прогнозировать происходящие изменения в экономическом сознании, самосознании и экономическом поведении представителей разных групп населения.

Раздел 3

**СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ
ПРЕДПОСЫЛКИ ГЛОБАЛЬНЫХ
ПРОЦЕССОВ**

Глава 7

Коллективные смыслы как предпосылка личного счастья

В социальной психологии существует ряд макропсихологических проблем, которые трудно исследовать (и это объективно) традиционными средствами психологической науки: любовь, милосердие, смирение и т. д. В данной главе аналитически рассмотрен феномен счастья как возможный мотиватор психологии массового сознания и поведения людей.

«Гедонистическое колесо»

Важнейшими тенденциями развития современной социальной психологии является, с одной стороны, ее стремление к точности и количественному выражению изучаемых характеристик и одновременно, с другой стороны, обращение к тем сторонам жизни, которые традиционно игнорировались как якобы исключающие точный количественный анализ. Одной из таких сторон является феномен счастья, к которому стали проявлять интерес самые разные социогуманитарные дисциплины, причем первый импульс пришел из наиболее строгой и математизированной из них — экономики, где сложилось направление «экономика счастья».

«Экономика счастья» во многом переворачивает традиционную логику экономических и социальных оценок, делая акцент на субъективном благополучии и уже через него оценивая качество объективных условий жизни людей, а «экономика рассматривается в гуманистических координатах — как инструмент создания благополучия социума в целом и каждого человека в отдельности» (Шматова, Морев, 2015, с. 142).

Экономистами разработаны и количественные показатели «уровня счастья»: Индекс счастливой жизни, Индекс счастливой планеты, Индекс валового национального счастья (введенный четвертым

королем Бутана и используемый в этой стране вместо показателя ВВП), взятые на вооружение такими авторитетными международными организациями, как ООН, Статистическое бюро Европейского союза (Eurostat), ОЭСР (Организация экономического сотрудничества и развития), Всемирный банк, Европейская комиссия и др.

Структура индексов счастья, предлагаемых экономистами, выражает их представления о характере этого феномена и его психологическом содержании. При расчете Индекса счастливой жизни средний для той или иной страны нормализованный показатель удовлетворенности жизнью, изменяющийся в интервале от 0 до 1 и вычисляемый на основе ответов респондентов на вопрос: «Насколько Вы удовлетворены своей жизнью?», — умножается на среднюю продолжительность жизни в этой стране, рассматриваемую как показатель *благополучия*. Таким образом, счастье раскладывается на два слагаемых и выступает как производное от удовлетворенности жизнью и благополучия. Как пишет С. В. Степашин, «в силу многозначности и предельной субъективности понятия „счастье“ в экономических и психологических исследованиях чаще используется термин *удовлетворенность жизнью* (life satisfaction), а для оценки „степени счастья“ — субъективно оцениваемый уровень *благополучия* (well-being)» (Степашин, 2008, с. 127).

Не вдаваясь в детальную критику подобных способов понимания счастья и оценки соответствующих показателей, отметим следующее: во-первых, как показывает опыт психологических исследований, «лобовые» вопросы малоэффективны при изучении «тонких» психологических феноменов, к числу которых, несомненно, принадлежит и феномен счастья: глубоко несчастный человек может ответить, что он вполне удовлетворен жизнью, под влиянием различных защитных психологических тенденций и т. п.; во-вторых, удовлетворенность жизнью может варьировать даже в течение одного дня в зависимости от различных факторов; в-третьих, можно прожить долгую, но неблагоприятную как в материальном, так и в психологическом отношении жизнь, поэтому данный показатель благополучия достаточно условен¹.

Индекс счастливой страны рассчитывается таким же способом при добавлении еще одного параметра — «экологического следа», характеризующего потребление природных ресурсов той или иной на-

1 К тому же этот индекс предполагает экстраполяцию удовлетворенности жизнью на детские годы, основанную на весьма сомнительном предположении о том, что человек, в зрелом возрасте считающий себя благополучным, был таковым и в детстве.

цией или социальной группой и имеющего к счастью еще более сомнительное отношение¹.

В целом, при всей позитивности обращения экономической науки к проблеме счастья и понимания экономики как не достижения экономических показателей самих по себе, а лишь средства обеспечения счастья людей, сам феномен счастья выступает в этом контексте в весьма условном смысле — скорее как метафора, имеющая и к бытовому пониманию счастья, и к его психологическому наполнению очень отдаленное отношение.

Психологические факторы счастья

Психология счастья как область психологического исследования тоже стремительно разрастается, хотя, по мнению М. Аргайла, не оказывает еще ощутимого влияния на общую психологию: в частности, в учебниках психологии ей не находится места (Аргайл, 2003). А «теории счастья пока не сложились в единое целое, хотя они, по-видимому, способны объяснить механизм действия многих важных источников счастья» (там же, с. 181).

М. Селигман, отмечая, что понятие «счастье» от частого употребления на бытовом уровне «потеряло всякий смысл» (Селигман, 2013, с. 20), считает, что первым шагом его научного анализа должно быть выделение *основных составляющих счастья*, относя к их числу положительные эмоции, вовлеченность в «поток» и смысл жизни (там же, с. 21–22). В качестве первых он называет удовольствие, восторг, наслаждение, теплоту, комфорт и т. п.², под вовлеченностью понимает состояние, когда «все отходит на второй план, время останавливается и вы самозабвенно занимаетесь тем, что поглощает вас целиком» (там же, с. 23), а по поводу третьей составляющей счастья пишет: «Человеку непременно нужны смысл жизни и цель. Жизнь, наполненная смыслом, предполагает принадлежность к чему-то большому и служение ему» (с. 22).

- 1 Предполагается, что более счастливы те народы, которые потребляют меньше таких ресурсов, т. е. достигают удовлетворенности жизнью ценой меньшего насилия над природой.
- 2 Эмпирические исследования демонстрируют, что наиболее часто упоминаемыми причинами радости, испытываемой человеком, являются: общение с друзьями (36 % упоминаний), жизненные успехи (16 %) и основные физические удовольствия (еда, напитки, сексуальные отношения) (9 %) (там же). Впрочем, в разных выборках подобные соотношения, естественно, варьируют.

М. Аргайл также подчеркивает, что «счастье — это основное измерение человеческого опыта», что «оно включает в себя позитивный эмоциональный настрой, удовлетворенность жизнью, а также такие когнитивные аспекты, как оптимизм и высокую самооценку» (Аргайл, 2003, с. 176). При этом он отмечает, что в качестве его составляющих можно рассматривать и другие элементы, например, наличие жизненной цели и т. п. (там же)¹.

К понятию «счастье» очень близки понятия «субъективное благополучие» и «удовлетворенность жизнью». М. Аргайл подчеркивает, что употребляет первое и второе из названных понятий как синонимы (при этом, правда, признавая, что субъективное благополучие, в отличие от счастья, включает и некоторые объективные переменные, такие как доход и состояние здоровья), а удовлетворенность жизнью считает одной из основных составляющих счастья (Аргайл, 2003). М. Селигман тоже отмечает, что «понятия *счастье* и *благополучие* мы используем как взаимозаменяемые термины» (Селигман, 2006, с. 337).

Вместе с тем напрашивается трактовка счастья как не просто эквивалента субъективного или психологического благополучия, а как его *превосходной степени*, полюса на его шкале. И. А. Джидарьян пишет о «тонких психологических различиях» (Джидарьян, 2013, с. 172) между счастьем и удовлетворенностью жизнью, которые не всегда идентичны, наличие одного не обязательно предполагает наличие второго. А. Маккеннел, например, выделяет четыре типа личности: 1) «достиженец» — человек, который одновременно счастлив и удовлетворен, 2) «смирившийся» — удовлетворенный жизнью, но несчастливый, 3) «устремленный» — счастливый, но неудовлетворенный, 4) «несостоявшийся» — несчастливый и неудовлетворенный (McKenna, 1978)².

Субъективное благополучие обычно понимается как складывающееся из шести факторов: 1) физического и психического здоровья,

- 1 Следует отметить, что М. Аргайл не вполне последователен в толковании счастья, в разных частях своей книги предлагая его несколько различающиеся понимания.
- 2 В целом ряде исследований удовлетворенность жизнью и психологическое благополучие рассматриваются как факторы счастья и, стало быть, как неэквивалентные ему понятия, причем факторная нагрузка первой составляет 0,83, а второго — 0,60 (нагрузка других основных факторов следующая: аффективного баланса, т. е. соотношения положительных и отрицательных эмоций, 0,74, качества жизни — 0,69, оптимизма — 0,69, самооценки — 0,51).

2) знания и понимания мира, 3) хорошей работы, 4) материального благополучия, 5) свободы и самоопределения, 6) удовлетворительных межличностных отношений (Giovani et al., 2009).

В целом психологи явно больше озабочены не изучением психологического содержания счастья, а выявлением факторов, влияющих на счастье и субъективное благополучие, которому и посвящена львиная доля психологических исследований этой проблемы. И, как пишет И. А. Джидарьян, «сегодня акцент ставится не столько на выявлении каких-то новых, ранее не учтенных факторов, способных оказывать воздействие на субъективное благополучие (например, экологическое состояние окружающей среды, степень скученности населения, качество пищи, уровень психических расстройств, число разводов, самоубийств, степень алкоголизации общества и т. д.), сколько на раскрытии особенностей... опосредованных форм такого влияния, на выявлении структуры межфакторных связей, на обнаружение тех новых зависимостей и закономерностей, которые возникают на фоне общего роста благосостояния и уровня жизни людей в наиболее развитых странах Запада» (Джидарьян, 2013, с. 55).

Удовлетворенность жизнью, рассматриваемая то как психологический эквивалент счастья, то как его компонент, то как предпосылка, тоже подвергается структурированию. Различные подходы к ее изучению основаны на выделении составляющих и вычислении интегративных показателей удовлетворенности.

Наиболее часто удовлетворенность жизнью понимается как объединяющая удовлетворенность следующим: 1) уровнем личной и семейной безопасности, 2) материальным положением, 3) отношениями в семье, 4) достижением поставленных целей, 5) работой и возможностью творческой самореализации, 6) проведением досуга, 7) погодой, климатом и экологией, 8) социальным статусом, 9) отношениями с друзьями, 10) уровнем социальной стабильности и уверенности в будущем, 11) здоровьем¹.

1 При этом общая картина удовлетворенности жизнью, при наличии ее достаточно универсальных компонентов, таких, например, как удовлетворенность работой, здоровьем, отношениями с друзьями и близкими, может иметь вариации, связанные с особенностями личности, социальных групп и культур, к которым человек принадлежит, региона, в котором он проживает, и т. п. Например, для жителей неблагополучных в климатическом отношении районов важным фактором удовлетворенности является климат (здесь человек может лишиться имущества и даже жизни в результате наводнения или какого-либо другого природного катаклизма), не имеющий большого значения в более спокойных в климатическом отношении регионах.

Методология оценки удовлетворенности жизнью, разработанная в 2005 г. компанией «Economist Intelligence Unit», включает ряд показателей: 1) здоровье населения, 2) устойчивость семьи, 3) интенсивность общественной жизни, 4) материальное благополучие, 5) политическая стабильность и безопасность, 6) климат и география, 7) гарантированность трудовой занятости, 8) политическая свобода, 9) гендерное равенство (Попова и др., 2010)¹.

Близость индикаторов показателей субъективного благополучия выражает сходство основных ценностей на уровне индивида и общества, а их некоторое расхождение объясняет тот факт, что социальные ценности, такие, например, как гендерное равенство, не всегда трансформируются в ценности индивидуальные, а на социальном уровне существуют ценности, отсутствующие или не имеющие большого значения на уровне индивидуальном. В целом же соотношение между соответствующими категориями – качеством жизни и удовлетворенностью ею – может быть охарактеризовано как отношение между родственными понятиями, одно из которых характеризует благополучность общества в целом, другое – благополучие образующих его индивидов.

Прямые сопоставления субъективного благополучия и качества жизни демонстрируют, что корреляция между ними составляет 0,57 (Diener, Suh, 1997), что говорит, с одной стороны, о тесной связи между ними, с другой – о невозможности рассматривать субъективное благополучие как непосредственное психологическое состояние качества жизни, ибо оно выражает влияние и других факторов. Например, в Австрии и в Нигерии зафиксирован примерно одинаковый уровень субъективного благополучия, хотя качество жизни в этих странах существенно разное (Аргайл, 2003).

Вообще проводить международные сравнения, когда речь идет о таких понятиях, как счастье, субъективное благополучие и др., достаточно сложно в первую очередь потому, что, как отмечает М. Аргайл, счастье может принимать различные формы в разных культурах (Аргайл, 2003) и понимается по-разному. На разной высоте у них находится и «планка счастья»: представители менее притязательных народов могут быть счастливы от того, что привычно для представителей других и не вызывает у них эмоций, – скажем, от обладания автомобилем. Очень важным является вопрос и о *качестве счастья*,

1 В первую десятку среди 111 стран мира, оцененных по этим параметрам, в 2010 г. входили: 1) Ирландия, 2) Швейцария, 3) Норвегия, 4) Люксембург, 5) Швеция, 6) Австралия, 7) Исландия, 8) Италия, 9) Дания, 10) Испания.

о конкретном наполнении этого понятия в разных культурах, который пока всерьез не затронут исследователями, хотя, казалось бы, эта тема, производная от проблемы психологического содержания счастья, должна быть одной из приоритетных для психологической науки.

Следует также подчеркнуть *психосоциальный характер* рассмотренных категорий в смысле их отнесенности одновременно и к индивиду, и к обществу, что создает возможность анализа на их основе как индивидуально-психологических, так и макропсихологических феноменов. В то же время на уровне личности и на уровне социума эти категории приобретают существенно разное наполнение. Например, понятие психологического благополучия общества, видимо, должно включать такие показатели, как уровень преступности, количество суицидов и т. п., тогда как психологическое благополучие индивида измеряется совершенно иными показателями.

Необходимо также отметить, что в исследованиях счастья часто стирается грань между структурными элементами счастья и его предпосылками, влияющими на него факторами, что создает препятствия очерчиванию этого понятия и анализу его внутренней структуры. А при его фактическом отождествлении с понятиями удовлетворенности жизнью и субъективного благополучия от исходного — несколько романтического — наполнения понятия счастья не остается и следа и оно сводится к другим, более привычным и «удобным» для научного психологического анализа, понятиям, лишенным как соответствующей «ауры», так и коннотаций, характерных для бытового восприятия счастья. Нивелируется также различие между счастьем как временным состоянием человека («в этот момент он почувствовал себя счастливым», «с нею он был счастлив» и т. п.) и его стабильным состоянием (во втором смысле счастье действительно предстает как эквивалент удовлетворенности жизнью и др.).

Смысложизненная основа счастья: позитивная психология

Важный аспект обращения психологии к проблеме счастья связан с развитием «позитивной» психологии, служащей альтернативой и противовесом традиционной психологии и в целом очень выраженной сосредоточенности социогуманитарной науки (как отечественной, так и мировой) на негативных явлениях в обществе.

«По своему объективному содержанию... позитивная психология — это закономерный итог отношения новой генерации ученых к сложившейся в предыдущие годы несбалансированности психоло-

гической науки, в которой преимущественное внимание уделялось негативным сторонам и проявлениям психики — депрессии, стрессу, страху, алкоголизму, агрессии, тревожности, одиночеству, беспомощности, когнитивным ошибкам и искажениям, неэффективным решениям и т.д.» (Джидарьян, 2013, с. 220).

Как подчеркивает основатель позитивной психологии М. Селигман, «устранить неблагоприятные условия, однако, совсем не то, что создать благоприятные. Если мы стремимся к процветанию и благополучию, страдания действительно нужно свести к минимуму, но кроме того в нашей жизни должны быть положительные эмоции, смысл, достижения и хорошие взаимоотношения с людьми» (Селигман, 2013, с. 70–71). Селигман добавляет, что традиционная психотерапевтическая практика, направленная на избавление пациентов от гнева, тревоги, печали и других негативных эмоций, делает их не счастливыми, а *опустошенными* (там же), поэтому терапевтические приемы развития положительных эмоциональных состояний не должны сводиться лишь к минимизации негативных состояний. Традиционной психологической науке и практике он дает такую характеристику: «Обычная психология — психология жертв, отрицательных эмоций, психоза, патологии и трагедии» (там же, с. 129). Эту традицию М. Селигман возводит к З. Фрейду, который полагал, что «психическое здоровье — всего лишь отсутствие психического заболевания» (там же, с. 230), и был последователем А. Шопенгауэра, считая, как и этот философ, что счастье — иллюзия и лучшее, на что можно надеяться, — свести несчастья и страдания к минимуму (там же)¹.

Смысл жизни в структуре основных составляющих счастья, как утверждает М. Селигман и другие исследователи, играет ключевую роль «стабилизатора» потому, что человек ежедневно переживает несравнимо больше отрицательных эмоций, чем положительных

1 Приведем еще одно примечательное высказывание М. Селигмана на этот счет: «Благодаря Фрейду и его подходу психология и медицина смотрят на мир сквозь призму патологии и интересуются лишь вредным воздействием неблагоприятных событий. И психология, и медицина переворачиваются на 180 градусов, если задаешься вопросом, противоположным патологии: об укрепляющем воздействии событий благоприятных. И действительно, любые начинания — в области питания, иммунной системы, социального обеспечения, политики, образования или морали, — направленные на лечение, упускают из виду эту идею и делают лишь подделку: исправляют недостатки, не пытаясь укреплять достоинства» (там же, с. 234–235).

и необходимо нечто, что сохраняло бы его позитивный тонус в таких условиях, способствуя восприятию их как ситуативных и мало-существенных на фоне «главного» (Леонтьев, 1999).

Психологическая роль смысла жизни связана и с известным феноменом, состоящим в том, что, как заметил еще Сенека, «чем больше стремишься к счастью, тем больше от него отдаляешься» (цит. по: Джидарьян, 2013, с. 80). Принято различать два основных типа счастья – гедонистический и эвдемонистический, причем для последнего характерна «смысложизненная ориентация личности, при которой смысл жизни оказывается выше самой жизни (т. е. естественных потребностей человека). При этом, основным источником удовлетворенности и счастья для этого типа людей выступает не сама по себе возможность жить и иметь обычные житейские радости и блага, не просто возможность развивать и удовлетворять свои насущные потребности, искать и находить все новые источники удовольствия, а наличие высокой цели и смысла жизни, возможность неукоснительно следовать и самозабвенно служить им, добиваясь реализации большой и общественно значимой цели» (Джидарьян, 2003, с. 83; см. также: Соснин, 2011а).

Слова «самозабвенно служить» в приведенной формулировке могут вызвать ассоциации с жертвовани­ем всем личным ради общественного, которого требовала советская идеология. Однако «служение идеалам» вовсе не обязательно предполагает подобную жертвенность и характерно, например, для самоактуализирующихся личностей, описываемых А. Маслоу, – выдающихся ученых, писателей, музыкантов и др. Наличие в их жизни высоких смыслов не лишает ее земных радостей, а, наоборот, подводит под них устойчивый фундамент, позволяя получать от них еще большее удовольствие как от вписанных в общий смысложизненный контекст. Это, наверное, и есть современный вариант эвдемонистического счастья, а его антипод – счастье гедонистическое – представляет собой отрыв естественных человеческих удовольствий от еще более естественного для человека – его смысложизненных ценностей.

Тем не менее, вычленение «стандартной структуры счастья» и его необходимых компонентов осложняется и тем, что, как отмечалось выше, представления о счастливой жизни существенно зависят от особенностей различных культур и народов, и тем, что для разных личностей те или иные структурные элементы счастья могут выходить на первый план, делая другие элементы менее значимыми. Для одних для счастья достаточно служения идее, определяющей смысл их жизни, для других смысл жизни вообще не особен-

но нужен и достаточно лишь постоянного получения удовольствий. Но оба варианта представляются крайними, а «типовая структура счастья» предполагает наличие всех его основных компонентов. Она включает следующие составляющие: 1) положительный аффективный баланс — количественное преобладание позитивных эмоций над негативными, 2) определенное восприятие тех и других: радостей — как существенных и закономерных, неприятностей — как временных и преодолимых (за этим стоят оптимизм, позитивное мышление и соответствующий стиль восприятия), 3) положительный когнитивный баланс — количественное преобладание позитивно окрашенных мыслей над негативно окрашенными, 4) позитивный образ мира в целом, 5) наличие смысла жизни, позволяющего получать от нее удовольствия и одновременно воспринимать ее как достижение значимых целей, 6) полноценную смысловую иерархию, предполагающую гармоничное сочетание личностных и надличностных смыслов, 7) общую удовлетворенность всеми основными элементами жизни — своим здоровьем, взаимоотношениями с друзьями и членами семьи, ситуацией в стране и т. д., 8) позитивную временную перспективу — представление о том, что «завтра будет лучше, чем вчера». Вместе с тем, человек может быть вполне счастлив и в отсутствие каких-либо из этих компонентов счастья, и возможно выделение «типов счастья» на основе их различных сочетаний. Возможно выделение таких типов и на других основаниях: например, различие «событийного счастья», основанного на насыщенности жизни различными событиями, и «тихого счастья» живущих спокойной и «несобытийной» жизнью людей, монокомпонентного счастья, основанного на превалировании одного из элементов (например, «с милым и в шалаше рай»), и поликомпонентного, и т. п.

Коллективные смыслы счастья: психологические составляющие

Зависимость счастья от наличия смысла жизни проявляется не только на уровне личности, но и на уровне социума. В принципе общество может состоять из индивидов, каждый из которых преследует чисто индивидуальные цели (разбогатеть, стать знаменитым, обеспечить благополучие своей семьи и т. п.), которые придают смысл его личной жизни. Такое общество можно назвать «диссипативным», и оно, на наш взгляд, близко к тому, что представляет собой современная Россия.

Вместе с тем, как отмечает М. Аргайл, для коллективистских культур характерна оценка удовлетворенности не только личным

счастьем, но и благополучием группы (Аргайл, 2003). М. Селигман пишет: «Осмысленной жизнь становится, когда мы чувствуем себя частью чего-то большего, — и чем больше это целое, тем более глубоким смыслом полнится наша жизнь» (Селигман, 2006, с. 335). Анализ воспоминаний людей, переживших невыносимые ситуации, демонстрирует, что выжить им помогало наличие важной цели, стоящей выше личных интересов (Поддьяков, 2012).

Общества, в которых сильны традиции коллективизма, переживают при отсутствии высших смыслов своего существования свое «диссипативное» состояние как *смысловой вакуум*, а отсутствие коллективных, общенациональных смыслов порождает массовую аномию, утрату объединяющих начал, отсутствие перспективы и другие негативные явления. Все подобные «социальные болезни» предстают в социологических, психологических и других исследованиях как характерные для современного российского общества, находящегося в состоянии «смыслового вакуума». Попытки же отечественных неолибералов внедрить в наше массовое сознание индивидуалистические ценности, заменив общенациональный смысл индивидуальными хотя и не лишены успешности в распространении подобных ценностей, но этот вакуум не заполняют.

Соответственно, для коллективистских обществ, в том числе и для современного российского общества, крайне актуально наличие коллективных смыслов, формирующих индивидуальные смыслы его граждан, а также придающих соответствующий смысл объединяющим их сообществам и видам деятельности. (Причем каждый из этих видов может восприниматься их субъектами как решение личных задач, а может — как служение народу, Отечеству и т. п., что было очень характерным для советского времени.) В данном случае проступает логика их актуализации, в целом аналогичная логике актуализации личностных потребностей различного уровня в теории А. Маслоу (Маслоу, 1999). Так, обострение ситуации на макросоциальных уровнях в условиях войн и других угроз общенациональному благополучию, а также человечеству в целом оттесняет коллективные смыслы более низких уровней на второй план, делая более актуальными смыслы глобальные. Исследовательский проект «Обзор мировых ценностей», реализованный в 80 странах, продемонстрировал, что в современном мире растет доля населения, причем как в богатых, так и в бедных странах, склонного к размышлениям о смысле и цели жизни (Inglehart, Norris, 2004).

Подобная ситуация имеет место и в современной России, глобальные проблемы которой обостряют актуальность общенацио-

нальных смыслов, главными среди которых служат объединяющие нацию идеи, в различных социогуманитарных науках получившие собирательное обозначение «*национальной идеи*» (в действительности любая «*национальная идея*» предполагает систему идей относительно прошлого нации, ее будущего, исторической «*миссии*» и т. д.). Ее отсутствие, особенно в условиях традиционного коллективизма¹ российского общества и специфических характеристик российского менталитета, эквивалентно отсутствию главного источника объединяющих наше государство коллективных смыслов. Поэтому закономерно, что с начала 1990-х годов в среде отечественных идеологов, политиков и обществоведов предпринимаются настойчивые попытки поиска национальной идеи, которая послужила бы основой формирования *общенационального смысла*. Это имеет не только идеологические, но и психологические предпосылки, связанные с вышеизложенными соображениями, а также и с тем, что «исторически для России и россиян одних только «хлеба и зрелищ» всегда было мало, у них постоянно была сильно выражена потребность в национальной идее и вере» (Джидарьян, 2013, с. 198). Эти поиски, при всей неудовлетворительности достигнутых на настоящий момент результатов², психологически оправданны. Общенациональная идея, которая была бы способной сформировать общенациональный смысл, породила бы и *общенациональную перспективу*, создав таким образом важнейшие предпосылки жизнестойкости и жизнеспособности нации, а также массового оптимизма и других важнейших составляющих субъективного благополучия граждан.

При этом такие общие формулировки национальной идеи, как, например, «Россия должна быть, и должна быть всегда» (Национальная идея России, 2012), страдают явным дефицитом конкретики. По существу, сводя национальную идею лишь к существованию России и оставляя без ответов краугольные вопросы о том, какой ей следует быть, если ей надлежит выполнять некую историческую миссию геополитического субъекта истории, то остается вопрос, в чем именно эта миссия должна заключаться.

- 1 Следует подчеркнуть, что коллективные смыслы имеют большое значение и для тех культур, которые принято считать индивидуалистическими. В частности, американское общество всегда базировалось не только на ценностях свободы, гарантии прав личности и т. п., но и на *общенациональных* целях, таких как процветание нации, позднее — ее доминирующее положение в мире и др.
- 2 Одна из главных трудностей в ее нахождении состоит в неоднородности нашего общества, принимающей катастрофические размеры.

Рассмотренные нетрадиционные понятия психологической науки, такие как счастье, субъективное благополучие, удовлетворенность жизнью, субъективное качество жизни, смысл жизни и др., при всех их различиях покрывают одно онтологическое поле. Они тесно связаны друг с другом, и, хотя их пока трудно уложить в упорядоченную систему категорий, все же прорисовывается определенный вектор детерминации (естественно, не являющийся единственно возможным). Так, национальная идея способна служить источником коллективного смысла жизни, формирующего *базовый компонент* индивидуальных смыслов (но далеко не исчерпывающего их). Это равносильно в общем-то тривиальному утверждению о том, что ответ на вопрос: «Для чего мы живем» лежит в основе смысложизненной структуры личности. Он способен служить источником оптимизма¹, жизнестойкости, жизнелюбия и, в конечном счете, жизнеспособности личности и витальности нации, оказывая также большое влияние на субъективное качество жизни, субъективное благополучие, удовлетворенность жизнью и высшее проявление этой удовлетворенности – счастье граждан.

Осознание соответствующих влияний должно учитываться государственной политикой, которая в нашей стране все еще страдает «экономическим детерминизмом» и, соответственно, дефицитом внимания к неэкономическим целям. Как отмечает М. Аргайл, «весьма распространена такая точка зрения, что первостепенная задача правительства – повысить материальный уровень жизни людей; правда, признается и значимость других целей (таких как образование и здравоохранение) <...> Но ничего не говорится о том, чтобы сделать людей счастливее» (Аргайл, 2003, с. 181). Между тем именно эта задача и поиск ответа на вопрос о том, «каковы должны быть действия правительства, чтобы в стране стало больше счастливых людей» (там же, с. 181), сейчас выходят на первый план, в том числе и в нашей стране, где, как и другие общесоциальные задачи, они должны решаться с учетом национальной специфики (Журавлев, Юревич, 2014; Журавлев, 2004).

1 И. А. Джидарьян отмечает, что категория оптимизма, в свою очередь, тесно сопряжена с целым кругом других понятий, характерных для позитивной психологии: «вера», «надежда», «жизнестойкость», «энтузиазм», «витальность», «мужество», «юмор», «самоэффективность», «сила духа» и др. (Джидарьян, 2013).

Глава 8

Социальная психология города в современных условиях

Современная урбанистика как раздел экономической географии фиксирует внимание на вопросах, связанных с архитектурными, экономическими, транспортными, социальными и другими сторонами жизнедеятельности и развития современного города. Потребность оптимизации «социальной жизни» города в рамках урбанистики стимулирует поиск специалистами взаимосвязи, взаимозависимости, взаимодействия города и его жителей. Однако узость дисциплинарных рамок для решения как теоретических, так и прикладных проблем в данном случае очевидна (Социально-психологические исследования..., 2016).

Возможно, по этой причине некоторые авторы склоняются к другой – междисциплинарной – трактовке направлений исследований города (Дробышева, Журавлев, 2016; Психология: современные направления..., 2003; Социально-психологические исследования..., 2016; и др.). С одной стороны, разделяются исследовательские («urban studies») и практические («urban planning», «urban design» и т. п.) направления его изучения, а с другой – расширяется спектр областей научного знания, среди которых, по их мнению, должна быть не только география, но и социология, социальная психология, антропология и др. (Иванов, 2013).

Начало проведения социально-психологических исследований городской среды обычно связывают с выходом книги Кевина Линча в 1960 г. (Lynch, 1960). До этого периода, по мнению Стенли Милгрэма, социальная психология занималась малыми группами, диадами, «город же как таковой сохранял свой иммунитет и не подлежал социально-психологическому изучению» (Милгрэм, 2001, с. 26). Тем не менее, обращаясь к истории вопроса, следует заметить, что в конце XIX – начале XX вв. идея, точнее, концепция («civic survey»), проведения широкого спектра прикладных исследований города (географичес-

ких, социологических, психологических) до начала планирования городской застройки была предложена Патриком Геддесом (Geddes, 1904), учителем другого известного специалиста по городскому планированию, философа техники и цивилизации Льюиса Мамфорда (Mumford, 1922). Геддес считал, что городское планирование — это не только и не столько планирование пространства, но прежде всего работа с городским сообществом (Чиж, Новиков, 2014). Конечно, идеи социально-психологического анализа духовной жизни горожан, специфики их межличностных отношений, коммуникаций, организации эмоциональной сферы как специфичных групповых феноменов высказывались в начале века еще Э. Дюркгеймом, Г. Зиммелем, Ч. Кули, Ф. Тённисом и другими социологами и философами. Однако именно Геддес сформулировал идею проведения научных исследований города, обосновывая это спецификой социальной жизни сообществ, которые будут жить в том или ином его районе.

Идея Геддеса успешно воплотилась в концепции К. Линча, наиболее известного исследователя городской среды, которая воспринималась им как нечто целостное, «почти не поддающееся расчленению, со всеми разнообразными связями, ее пронизывающими» (Иконников, 1982, с. 6).

Системный характер его концепции, которая, кстати, вполне согласуется с принципами системного подхода в психологии (Психология человека в современном мире..., 2009; и др.), разработанного в 1970-е годы Б.Ф. Ломовым (Ломов, 2006; и др.), проявляется в трактовке города как «системного объекта, существующего в потоке времени, непрерывно изменяющегося и несущего в себе следы преемственности культуры и единства исторического процесса» (Иконников, 1982, с. 12). Соединя пространственное и временное измерения окружающей среды, Линч переходит от анализа чувственного восприятия физической среды к изучению более сложной организации образа города, который «является продуктом двустороннего процесса, связывающего наблюдателя и объект наблюдения» (Линч, 1982, с. 112). Вклад Линча в социальную психологию города оказался при этом не меньше, чем в когнитивную психологию. Кроме выделенных им элементов образа города (путей, границ, районов, узлов, ориентиров), которые до сих пор актуальны и используются психологами-урбанистами независимо от их дисциплинарной принадлежности, следует отметить его трактовку образа города как группового феномена («public images»), возникающего в результате взаимодействия многих людей, а также обоснование применения в исследованиях города «ментальных карт», описание

функции городского ландшафта как источника информации, поиск влияния «чувствуемого ландшафта», «ощущаемой среды» на межперсональное общение в городе и т. п. Линч также отмечал общность переживаемых жителями положительных и отрицательных эмоций при восприятии предметно-пространственной среды района, города; подчеркивал зависимость психологического благополучия горожан от модальности восприятия окружающей среды; заложил основу ценностного подхода к оценке жизнедеятельности горожан и т. п. Разработанная Линчем концепция исследования города на практике была воплощена в программе этого исследования, которая базировалась на способах и техниках сбора данных, достаточно широко применяемых в современной социальной психологии: выборочное стандартизированное интервью, проективный рисунок, распознавание по фото, эксперимент, экспертные оценки и т. п. (Соснин и др., 2006; Социальная психология, 2002; и др.).

В настоящее время концепция Линча в изучении образа города — одна из самых популярных как среди психологов-исследователей, так и специалистов градостроения и урбанистов. Среди отечественных социальных психологов можно назвать Г. В. Аكوпова, Т. В. Семенову, Ю. А. Пиподню, Л. В. Давыдкину, О. В. Шемелину и О. Е. Цыганкову (Ванину), Д. Н. Сазонова и Н. В. Поддубного, Н. К. Радину, Л. В. Шабанова и др.

Американский социальный психолог Стенли Милгрэм, более известный своими экспериментами по изучению влияния (подчинения), провел несколько конкретных исследований психологической жизни города (Milgram, 1970, 1974, 1977, 1984), три из которых заслуживают особого внимания. На первое исследование Милгрэма вдохновила ранее упомянутая книга Линча. Предметом изучения стали ментальные репрезентации города у жителей Нью-Йорка и Парижа. Милгрэм считал, что образы города не являются ненужной информацией, дополнительным «багажом» ментальной сферы, они — необходимое условие выживания в сложной и разнообразной среде города, поскольку «люди принимают много важных решений, основанных на их представлениях о городе, а не на реальности» (Milgram, 1977, с. 89). Для Милгрэма город — явление социальное, а представление о нем — коллективное, поскольку «ментальные карты являются не только продуктом умственной деятельности отдельных людей; они создаются также и социальными факторами и поэтому приобретают статус коллективных представлений, символически сочетающих верования и знания, которые культивируются и распространяются благодаря культуре» (Милграм, 2001, с. 115). Отдавая должное

использованным методам «когнитивной картографии», сопоставлению фото и мнений, интервью и т. п., автор отмечал, что для выявления различных компонентов (когнитивного, эмоционального, интуитивного) ментальных карт в перспективе следует использовать и экспериментальные методы. Независимо от различий в изучении образа города в работах Линча и Милгрэма, можно предположить, что общность их исследований была связана с пониманием авторами активности субъекта восприятия (горожанина или групп горожан), конструирующего «свой» образ города. Эта характеристика субъекта является его внешним атрибутивным признаком во всех вариантах субъектного подхода, развиваемого в Институте психологии РАН (Личность и бытие..., 2008; Психология человека..., 2009б; Субъектный подход..., 2009; и др.).

Серия исследований Милгрэма по соблюдению норм социального поведения в городе пополнила методический инструментарий социальной психологии новыми экспериментальными процедурами — «провоцирующей экспериментальной ситуацией», «стимулирующей экспериментальной ситуацией» и т. п.¹ Среди данных исследований выделяются его эксперименты в метро. В первую очередь, потому, что сама ситуация социального поведения типична для жителей любого крупного города, в котором есть метро (подобные исследования соблюдения социальных норм в московском и питерском метро выполнены отечественными авторами (Аль-Батал, 2009; Воронов, Аль-Батал, 2010)), а также потому, что полученные данные раскрывают закономерности социального взаимодействия людей в специфических условиях городской «подземной жизни».

Еще одно исследование Милгрэма интересно тем, что он изучал ранее не описанный феномен городской жизни, который назвал «знакомые незнакомцы». Специфика коммуникаций в большом городе, локальное проживание людей в разных его районах (территориальное пространство большинства жителей любого большого города строится по маршруту «дом-работа-дом») приводит к тому, что многие люди, проживая в одном районе города, неоднократно встречаются с одними и теми же людьми, но никогда не общаются с ними. Однако, как показали исследования Милгрэма, тенденция не взаимодействовать со «знакомыми незнакомцами» является формой адаптации к городской «перегрузке».

В настоящее время исследования Милгрэма продолжают его ученики (Д. Люсидо, Дж. Сабини, М. Силвер, Г. Такушьян и др.), однако

1 Названия ситуациям даны авторами статьи. — Прим. ред.

в России его теория нашла меньшее число последователей, чем концепция Линча, — возможно, из-за сложности организации экспериментальных исследований.

Анализируя работы классиков «городской психологии», сложно обойти вниманием труды социологов Эрнста Бёрджесса и Роберта Парка (Park, Burgess, McKenzie, 1925; и др.), а также их ученика Льюиса Вирта (Wirth, 1938), которые фиксировали внимание на изучении особенностей поведения горожан.

По мнению Вирта, пространственные и социальные характеристики города — плотность, территория, гетерогенность населения — накладывают отпечаток на психологию его жителей. Так, плотность населения в городе определяет анонимность, равнодушие, бесстрастность личности горожанина (Вирт, 2005).

Впоследствии Ф. Зимбардо экспериментально проверил гипотезу о том, что социальная анонимность и деперсонализация людей в больших городах провоцируют асоциальное поведение (см.: Милграм, 2001). Несмотря на недостаточность психологического анализа в концепции Вирта, следует заметить, что косвенное обоснование коллективного поведения в городе как массового, несводимого к поведению конкретных личностей, имеют важное значение для социальной психологии города. Парк и Бёрджесс, основатели урбанистической социологии, вместе с коллегами провели серию исследований, раскрывающих социальные аспекты жизни города и его жителей. Среди полученных ими результатов для социальной психологии представляют особый интерес следующие данные: о различиях жизнедеятельности социальных групп в разных зонах города (напомним здесь о работах Геддеса, считавшего, что архитектурное планирование района предполагает и планирование социума); о новых формах проживания семьи (а, следовательно, и семейных отношений); о возможностях города в раскрытии потенциала личности горожанина и др. В отношении развития методического инструментария важным является применение этими исследователями метода включенного наблюдения для изучения жизни горожан. Поведение в городе стало предметом исследования и сторонников экологической психологии Р. Баркера, Е. Виллемса и др.

Обращаясь к российским (и советским) исследованиям, выполненным в рамках социальной психологии города, нельзя обойти вниманием тот факт, что многие идеи о различиях городской и сельской жизни, жизни больших и малых городов, успешно развиваемые западными социологами и специалистами по планированию городской среды, впервые были описаны на рубеже XIX и XX вв. русским

ученым, публицистом и видным теоретиком анархистского движения П. А. Кропоткиным. Различия в жизни горожан и сельских жителей он соотносил с разделением труда (умственного и ручного), но перспективы видел в развитии цивилизации, которая могла бы уравнивать условия жизни промышленных рабочих и крестьян (Кропоткин, 2014). Противник урбанизации, Кропоткин отстаивал идеи постепенного перехода к коттеджному строительству. Город, таким образом, должен был постепенно дезурбанизироваться, распределившись по сельскохозяйственным районам и пригородам (Рублев, 2008).

В советский период, в начале 1970-х годов, проблемы влияния урбанизации на психическое здоровье человека поднимались К. К. Платоновым (Платонов, 1973). Позднее, с середины 1970-х годов и особенно в 1980-е годы эстонские психологи Ю. Круусвалл, Т. Нийт, М. Раудсепп, М. Хейдметс, Х. Миккин, Д. Р. Михайлов и др. провели серию исследований и выпустили несколько сборников научных трудов, объединивших работы специалистов, занимавшихся изучением взаимодействия окружающей среды в целом (предметно-пространственной, природной, социальной) и, в частности, городской, и человека (Круусвалл, Хейдметс, Нийт, 1986; Михайлов, Паадам, Мюлла, 1986; Нийт, 1983; Социально-психологические основы..., 1985; Хейдметс, 1989; Человек..., 1979; Человек и среда..., 1981; Человек, общение..., 1986; и др.). Следует отметить, что опубликованные работы авторов, упомянутых выше, и их коллег (В. И. Смотриковский, Р. Кильгас, М. Куйвитс, А. В. Степанов, К Лийк, Я. Вальсинер, Н. Б. Шкопоров и др.) внесли существенный вклад в становление отечественной социальной психологии города. Так, М. Хейдметс подчеркивал, что в большом городе общение носит анонимный и обезличенный характер; происходит потеря традиционных соседских отношений; у жителей города отсутствует чувство «своего» двора, дома, улицы, города и т. п. Он выявлял зависимость типа общения (межличностное, массовое, внутригрупповое) от пространства. М. Раудсепп выделил социально-психологические последствия проживания в высотных домах: развитие пассивных видов деятельности, снижение игровой активности детей на улице, потеря культуры коммуникаций двора и т. п. Т. Нийт обращал внимание на плотность проживания людей в городе, пространственную стесненность, что оказывает влияние на поведение жителей. Он указывал на зависимость социальной активности горожан от способа организации среды (социальной, физической). По мнению Нийта, такая зависимость отражается на количестве социальных контактов и объеме

общения, а также на возможностях, которые предоставляет город для развития специфических навыков и интересов своих жителей. Предметом исследования Ю. Круусвала стала детерминация образа жизни семьи в городской среде; средовое взаимодействие поколений в процессе социализации изучалось Д. Р. Михайловым и его коллегами Э. Мюлла и К. Паадам.

В этот же период к психологическим проблемам образа жизни в городе и селе, влияния жилой среды на образ города, ценностного отношения к ней и т. п. обращаются российские психологи И. З. Заринская, В. Р. Пилипенко, Л. Ю. Салмин, Е. В. Сидорина и др. (Ценности..., 1987). Так, по мнению этих авторов, особое влияние на образ города оказывает жилище человека и различия в ментальности носителей «городской», «деревенской», «полугородской» культуры и т. п. Ими определяется категория «городское сознание» и ее пространственные характеристики, анализируются категория «персональное пространство» жителей города, соотношение подходов психологии восприятия и социальной психологии при изучении «образа жизни» и т. п.

Восприятие города его жителями в 1980-е годы стало предметом исследований не только отечественных психологов, но и архитекторов, географов, философов, культурологов и др. (А. В. Баранов, В. Л. Глазычев, А. В. Иконников, М. С. Каган, Г. З. Каганов и др.). Конечно, в этих работах авторы преследовали свои цели, обусловленные их дисциплинарной принадлежностью. Однако некоторые из полученных данных представляют интерес и для социальной психологии. В частности, Г. З. Каганов, изучая образ Петербурга и Ленинграда в работах художников XVIII–XX вв., применил метод психолого-исторической реконструкции образа города как объекта социального восприятия художников разных периодов. Сопоставив художественные образы города с обыденными представлениями горожан, автор обнаружил общие и различающиеся элементы образов (Голд, 1990). Подобный прием сопоставления (к примеру, образа в печатных текстах и в обыденном сознании респондентов) в социальной психологии нередко используют сторонники социального конструкционизма. Сравнительный анализ визуальных образов и коллективных представлений респондентов с применением методов психосемантики, контент-анализа вербального материала, собранного на основе интервью, применялся последователями оценочного (эмоционально-оценочного) и когнитивного направлений в психологии окружающей среды (или, в другой формулировке, «средовой» психологии). Данный подход впоследствии полу-

чил широкое распространение благодаря работам отечественных психологов С. Э. Габидулиной, Л. В. Никольской, Х. Э. Штейнбах, И. А. Шмелевой, А. В. Яковлева и др. Причем выпущенные в 2000-е годы монографии Штейнбах и Еленского, а также Габидулиной стали популярными в сообществе «психологов-урбанистов» (Габидулина, 1991; Штейнбах, 1987; Штейнбах, Еленский, 2004) наряду с книгами Дж. Голда (Голд, 1990) и С. Милгрэма (Милгрэм, 2001; и др.).

В целом, если иметь в виду разработки социально-психологической проблематики, то в этот период обращают на себя внимание отечественные исследования феноменов «соседства» (М. Раудсепп), «персонализации среды» (М. Хейдметс), «стресса перенаселенности» (Т. Нийт); психологических проблем освоения нового района (Г. И. Полтораки); структуры и функции двора (Д. Р. Михайлов, К. Лийк); значения центральной площади города (А. В. Степанов) и его особо опасных мест (Е. В. Сауткина и др.) и т. п.

Следует заметить, что, исключая работы вышеназванных эстонских психологов, исследования других отечественных психологов, социологов, архитекторов, выполненные в советский период в рамках психологии окружающей среды, нельзя назвать собственно социально-психологическими. Однако разработанные разными авторами шкалы для оценки городской среды, дворов, районов; комплексные программы исследований, включающие интервью, пиктограммы, рисунки, фото- и видеоматериалы, анкеты, эксперименты и т. п., а также полученные ими данные о межгрупповых различиях в представлениях и образах города в социальных (в зависимости от территории, времени, места проживания в городе и т. п.), профессиональных (архитекторы и просто жители), этнических, экономических, возрастных и других группах, нашли свое развитие в социально-психологических исследованиях города, которые с середины 1990-х годов и особенно в 2000-е годы стали активно проводиться в разных регионах нашей страны (Психология..., 1995; и др.). Подтверждают этот факт защиты диссертационных работ по специальности «Социальная психология», объектом исследования которых стала взаимосвязь предметно-пространственной среды города и социально-психологических характеристик его жителей (С. А. Башкова, А. А. Балакина, О. А. Браун, Т. В. Семенова (Иванова), Ю. А. Пиподня, Л. В. Давыдкина, Д. Н. Сазонов, И. С. Самошкина и др.). Предметом исследований данных авторов явились следующие феномены: «городская ментальность» как групповое сознание жителей города; репрезентации городской пространственно-предмет-

ной среды в группах жителей, различающихся по времени их проживания в городе (приезжие и коренные жители), месту жительства (центр и периферия города), роду деятельности (студенты и учителя); различия в территориальной идентичности жителей больших городов и их пригородов; образ города в групповом сознании представителей различных социальных групп (пенсионеры, рабочие, военнослужащие, предприниматели, служащие с высшим и средним образованием, безработные); «психологические районы» как компоненты группового образа города в сознании представителей профессиональных (архитекторы) и непрофессиональных групп его жителей; модальность отношений к другим людям и к своему городу у жителей, различающихся по месту жительства (большой или малый город), пространственно-временным параметрам проживания в нем (место рождения, длительность проживания, наличие переезда) и т. п.; образ будущего в структуре пространственно-временных представлений о родном городе у старшеклассников из большого и малого городов.

Как можно заметить, основной акцент в вышеуказанных исследованиях ставился на различиях в содержании, структуре, факторах и механизмах ментальных репрезентаций города в обыденном сознании представителей его разных социальных групп. Программы эмпирических исследований вышеупомянутых авторов включали ментальные и когнитивные карты города, разные виды опросов и форм наблюдения, шкалирование, психосемантические методы анализа, мини-сочинения, ассоциативные тесты, экспериментальные ситуации и т. п. Многие исследователи успешно сочетали методы изучения ментальных карт, разработанные Линчем (исследование разных компонентов образа), с психосемантическим анализом эмоционального компонента образа города.

Самостоятельный блок исследований образуют работы, выполненные в Томском государственном университете под руководством С. А. Богомаза (Богомаз, Литвина, Четошникова, 2013; Богомаз, Козлова, Мацута, 2014; и др.). Предметом серии исследований стала оценка городской среды молодежью Томска, Барнаула, Иркутска, Куйбышева и других городов с позиции предоставляемых ими возможностей для реализации базовых ценностей.

Резюмируя, выделим основные сложившиеся к настоящему времени научные направления социально-психологического исследования города.

Первое объединяет исследования, связанные с изучением восприятия города, его предметно-пространственной, пространствен-

но-временной, социальной среды. Это различные виды репрезентаций города (ментальные карты, образы, представления) в групповом сознании жителей, различающихся по социальному и образовательному статусу (уровень образования; профессионалы/непрофессионалы), району и продолжительности времени проживания (центр/периферия, коренные/приезжие), роду деятельности (студенты, рабочие, служащие и т. п.), месту проживания (большой/малый город; город/село; российский/нероссийский город и т. п.), городской идентичности. Другой ракурс данного направления исследований связан с изучением разных образов города («лучший/худший», «реальный/идеальный», «свой/чужой») в обыденном сознании большой социальной группы – горожан. В качестве факторов, обуславливающих данные образы, выступают как личностные (установки, ценностные ориентации, отношение и т. п.), так и групповые характеристики (сплоченность, групповая идентичность и т. п.).

Второе направление исследований включает немногочисленные работы, в которых образ города сам выступает фактором социальной идентичности жителей (городской, территориальной, экономической, политической и др.), соблюдения ими социальных норм поведения, реализации базовых ценностей, психологического и других видов благополучия. Каждое из двух выделенных направлений может быть дифференцировано на подходы в зависимости от базовых теоретических оснований: когнитивного, психосемантического, ценностного, комплексного, системного, субъектного, поведенческого, социально-экологического, социально-клинического, социально-экономического и т. п.

Проведенный анализ психологических исследований, в которых категория «город» рассматривается в социально-психологическом контексте, позволил выявить перспективные направления в становлении современной социальной психологии города. Прежде всего это междисциплинарные исследования, в которых предметно-пространственная, социальная, природная среда города выступает фактором (условием) становления субъектных качеств личности (группы), проявляющихся в активности человека (группы), взаимодействующего с городом. Здесь наиболее важным видится изучение социальных групп горожан как коллективного субъекта с разными формами группового сознания и поведения. Кроме того, перспективным является продолжение исследований, в которых город предоставляет жителям потенциальные возможности для реализации базовых ценностей, становления личности, обретения социальной и персональной идентичности, а также психологического

и других видов благополучия личности и т. п. Исследования феноменов, порождаемых спецификой коммуникаций в городе («знакомые чужие», «очередь», «соседство» и т. п.), помогут формированию самостоятельного раздела в отечественной социальной психологии.

Глава 9

Психологический потенциал государственных праздников¹

Новое научное направление «Психология праздника», активно развиваемое в последние годы в Институте психологии Российской академии наук (Воловикова, 2003; Воловикова, Тихомирова, Борисова, 2003; Тихомирова, 2008; Борисова, Воловикова, 2016), становится особенно актуальным в наше время перемен, затрагивающих как личность, так и общество. Изменяются ценности, идеалы и идеология, а вместе с идеологией меняется официальный календарь государственных праздников.

Изменения праздничного календаря на постсоветском пространстве происходят повсеместно. Одна из недавних новостей связана с назначением новой даты украинского Дня защитника Отечества (14 октября). И хотя название праздника не изменилось с тех пор, как его в календарь Украины ввел в 1999 г. президент Л. Кучма (с привычной датой празднования 23 февраля), значение события поменялось кардинально. 14 октября отмечает свой день рождения Украинская повстанческая армия (УПА) – националисты, боровшиеся против Красной армии и других антифашистских сил. Точная дата образования УПА не выпадает на 14 октября, но в этот день отмечается любимый православными праздник Покрова. На примере анализа такой двойной подмены можно раскрыть основные психологические предпосылки воздействия на личность и общество изменений праздничного календаря. Меняется государственная идеология – меняется официальный календарь, однако при этом сохраняются психологические механизмы воздействия с опорой на сложившееся в менталитете отношение к праздничной культуре.

1 Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 16-06-00859.

Совсем недавно тот же праздник 23 февраля стал предметом обсуждения в российской Государственной Думе, когда депутат от ЛДПР Иван Сухарев предложил перенести празднование на конец августа. Он заявил, что «до революции в России уже отмечали День памяти русского воинства. Он был установлен 29 августа 1769 года во время войны с Турцией и Польшей. При этом нынешний праздник достался нам в наследство от наркомвоенмора Льва Троцкого и не является русским национальным праздником» (Власова, 2017). Однако уже 1 марта было опубликовано заявление первого заместителя руководителя фракции «Единая Россия» по законопроектной деятельности Андрея Исаева о том, что Госдума не планирует менять календарь российских праздников. Специалисты, изучающие психологические аспекты праздничной культуры, вздохнули с облегчением, поскольку ими уже были накоплены доказательства того, что последний из внесенных в официальный праздничный календарь праздник – День народного единства – праздником в подлинном смысле этого слова пока не стал (см.: Борисова, Воловикова, 2016).

Принятие личностью и обществом нового государственного праздника является сложным и пока мало изученным процессом. Но очевидно, что корни праздника лежат в менталитете народа, в его исторической памяти.

Рассмотрим с этой точки зрения непринятое предложение депутата Сухарева. Казалось бы, в нем содержится призыв вернуться к истории России, к победам, одержанным в XVIII в. Но наша историческая память так далеко не простирается. Можно даже предположить, что, кроме противоречивого отношения к Октябрьской революции, столетие которой приходится на 2017 год, в народе хранится еще очень немногое: благодарная память о победе в Великой Отечественной войне, о научных и технических достижениях периода позднего социализма и недоумение о происходившем со страной в 1990-е годы. О противоречивости отношения к самой революции говорит тот факт, что 7 ноября как праздник Примирения и согласия не прижился и в конце концов был заменен на более понятное и близкое событие – память о военном параде на Красной Площади 7 ноября 1941 года.

День Победы 9 мая 1945 г. стал событием, надолго определившим новую историю России вплоть до настоящего времени. Подтверждением этому служит широкое распространение инициативы «Бессмертный полк», в которой вот уже второй год подряд участвуют огромные массы людей. И эти массы не только не напоминают толпу, а по сути противоположны ей.

В конце прошлого века крупнейший французский социальный психолог Серж Московичи выпустил книгу с названием «Век толп» (Московичи, 2011), где развил идеи о психологии народов и масс, высказанные в конце XIX в. Гюставом Лебоном (Лебон, 2011). Это идеи об иррациональности толпы, о феномене ослабления (или снятия) чувства личной ответственности за происходящее, о доминировании эмоций над разумом, о бессознательной стихии, владеющей толпой. Негативные последствия данного феномена ныне мы видим повсеместно. «Управляемый хаос» цветных революций, к сожалению, доказал справедливость идей, высказанных Лебоном и Московичи.

Благодаря СМИ мы в прямом эфире можем наблюдать передвижения огромных толп людей, спасающихся от войн, голода и разрухи. Зеркально по отношению к ним выглядят массы народа, собирающиеся на большие и дорогие красочные шоу. И тому, и другому явлению подходит определение толпы: «Под *толпой* необходимо понимать многочисленное скопление людей, находящихся в непосредственных контактах друг с другом и в состоянии повышенного эмоционального возбуждения, характеризующееся изначальным стихийным своим образованием (или потерей организации) и отсутствием общей для всех осознанной цели (или ее утратой)» (Журавлев, 2002а, с. 268).

Возможность иной организации больших масс народа показывают работы этнографов (Громыко, Буганов, 2007) и исследования психологии праздника (Воловикова, Тихомирова, Борисова, 2003; Борисова, Воловикова, 2016; и др.). В основу нашего анализа положено выявление духовно-нравственной направленности праздничного мероприятия.

Так, по мысли М. М. Бахтина, «никакое “упражнение” в организации и усовершенствовании общественно-трудового процесса, никакая “игра в труд” и никакой отдых для передышки в труде сами по себе никогда не могут стать праздничными. Чтобы они стали праздничными, к ним должно присоединиться что-то из иной формы бытия, из сферы духовно-идеологической. Они должны получить санкцию не из мира средств и необходимых условий, а из мира высших целей человеческого существования, то есть из мира идеалов. Без этого нет и не может быть никакой праздничности» (Бахтин, 1990, с. 13–14). Кроме наличия такой идеи, также очень важно, чтобы она была понята и принята человеком.

В нашем исследовании проблемы принятия/непринятия личностью нового государственного праздника, отмечаемого 4 ноября (Борисова, Воловикова, 2016), мы пришли к *выводу*, что идея «на-

родного единства», заложенная в название нового праздника, пока не нашла широкого отклика у граждан и праздник в лучшем случае воспринимается как отдых или выходной. В то же время представления о подлинном, «настоящем» празднике ассоциируются со словами «веселье» и «радость». Символический анализ этих понятий привел нас к выводу, что глубинный смысл подлинного праздника для личности состоит в преодолении аутомортальной тревожности (Гаврилова, 2013), т. е. страха смертности, естественной для всех людей. О том же говорил в свое время в связи с праздником Мирча Элиаде. Праздник по Элиаде — это «не церемония „в память“ о каком-либо мифическом событии, а его *восстановление* в настоящем» (Элиаде, 2013, с. 55), ритуальное воссоздание первой реальности, времени *начала*, которое «не течет» и представляет собой *вечное настоящее*. Воспроизведение в настоящем одних и тех же мифических событий придает человеку великую надежду: дает ему возможность преобразовать свое существование, уподобить его божественному образцу. Благодаря такому «регулярному возврату» к истокам священного и реального у человека появляется чувство защищенности от небытия и смерти (там же, с. 70).

Как показывают исследования этнографов, главным праздником в дореволюционной России была Пасха (Громыко, Буганов, 2007; и др.). Любовь к этому празднику во многом определила характер русского народа — его бесстрашие и готовность отдать жизнь за высокие идеалы. Поиск высших целей и победы над смертью сохранился в праздниках советского периода. Возможно, место запрещенной Пасхи было предназначено дню Великой Октябрьской революции, но реально оказалось связано с Днем Победы. Особенно ярко эта идея высветилась в названии новой и сразу принятой населением массовой акции «Бессмертный полк».

Опубликованное воспоминание политолога Натальи Алексеевны Нарочницкой относится к 2015 г., когда акция только зарождалась. На вопрос о самых памятных событиях уходящего года она ответила: «Для меня главным событием, под впечатлением от которого я до сих пор нахожусь, стала акция „Бессмертный полк“. Я прошла в марше с портретом своей мамы-партизанки, со мной рядом шел мой двоюродный брат с портретами его отца, маминой сестры — его мамы; со мной шел англичанин с портретами своего дяди и отца — один летчик, другой служил в арктическом северном конвое; шли французы... Вокруг были незнакомые люди, с которыми мы обнимались, целовались, танцевали, — я не помню такого ощущения единения и какого-то вот именно единства нации, у которой есть чис-

то исторические переживания. И французы, с которыми мы потом поздно вечером встретились в кафе, были просто потрясены, сказали: пусть наша пресса пишет что угодно, сегодня мы видели настоящую Россию, видели то, чего не увидишь ни в одной западноевропейской стране. Особенно их поразило, что в марше шли в основном молодые люди — от 25 до 45 лет, — шли с детьми, с прогулочными колясками. С такой молодежью, по их мнению, Россия переживет все. Если в подобные минуты нация способна отбросить все, что разделяет — экономическое, социальное, мировоззренческое, — и единым целым, единым хором выступить, то это абсолютно непобедимо» (Филатов, 2015).

В 2016 г. «Бессмертный полк» разросся до мощного людского потока, охватившего многие города, регионы и даже страны. Именно он стал подлинным Днем народного единства, поскольку точно выразил то, что нас объединяет. Это наше прошлое, наши герои, наши предки, наши ценности и идеалы.

Впечатлениями о своем участии в этой акции 9 мая 2016 г. поделился с нами Алексей Сергеевич Чернышев: «Я шел в „Бессмертном полку“ с сыном (семеро Чернышевых не вернулось с войны из девяти ушедших на фронт). Вот вам пример качественного обогащения психологии Праздника за счет актуализации теплоты родственных связей потомков с конкретными победителями и повышения личностной значимости данного потомка как соучастника яркого, масштабного социального действия... Жаль, что не мы, психологи, предложили этот способ духовного единения не только россиян, но и других народов».

Хотя «Бессмертный полк» собрал десятки тысяч людей, этот людской поток не подходит ни под одно из определений «толпы». Данное общественное явление совсем другого порядка и качества. Правильно было бы сказать, что большие потоки народа, объединенные одной идеей бессмертия подвига по защите ценностей родной земли, противоположны толпе по самым глубинным основаниям (о признаках толпы подробнее см.: Журавлев, 2002а; Соснин, Журавлев, 2014).

Удивительно то, как быстро и полномасштабно был принят этот новый праздник, завершающий празднование Дня Победы. Возможно, это произошло еще и потому, что он вписался в многовековую традицию крестных ходов. Мы думаем, что именно историческая память об этой традиции в советское время преобразила обязательные демонстрации в запоминающиеся и для многих, особенно детей, радостные события. В рассказе писателя Ивана Шмелева «Крест-

ный ход», основанном на воспоминаниях о прежней России человека, оказавшегося на чужбине, понявшего там главные ценности родной земли, есть такой образ русского крестного хода: «Шумит океан народный, несметную силу чувствует: тысячелетие нес знамена!... Льется святая Песня — душа над тлением» (Шмелев, 2016, с. 8). И еще: «Тысячи голосов поют, но единое сердце бьется» (там же) — эти слова писателя неожиданно перекликаются с записанными нами воспоминаниями Людмилы Ивановны Анцыферовой о Дне Победы 1945 г.: «Когда объявили Победу, то всех охватила огромная радость. Люди не хотели сидеть дома. Было горячее желание поделиться этой радостью с другими. И вот улицы и площади Москвы стали заполняться народом. Все кидались друг к другу, незнакомые люди обнимались и плакали от счастья. И было чувство, что все едины в этой радости, будто у всех одно сердце».

Отечественная традиция крестных ходов имеет богатую историю. Их на Руси было множество, а в совокупности они представляли собою мощное явление одухотворенной общественной жизни страны. Были однодневные и многодневные крестные ходы, связывающие живыми потоками людей одну местность с другой. Но связи эти были не экономические, а духовные, а вехами в движении становились общие святыни или память о святом человеке.

Ныне возрождается широко известный прежде многодневный Иринарховский крестный ход к источнику преподобного Иринарха Затворника, почитаемого святого, молившегося о России в Смутное время. «Путь от монастыря до источника проходили за неделю, шли от храма к храму, останавливались на ночлег, служили молебны и шли дальше. В крестном ходе участвовало более 1000 человек со всей Земли Русской. Шло много людей, „известных в государстве“. У источника служили молебен с водосвятием при огромном стечении народа. Более 300 лет существовала благочестивая традиция совершать к этому источнику крестные ходы» («Иринарховский крестный ход», 2016). Эта древняя традиция была прервана в 1916 г., но ныне мы стали свидетелями ее возрождения. Летом 1998 г. на крестный ход собралось более ста человек. Радость была такая, что одна из юных участниц сказала: «Вот закрою глаза и представляется, что опять наступило 29 июля следующего года, и опять эта радость, которую нельзя ни с чем сравнить» (Воловикова, Тихомирова, Борисова, 2003, с. 109).

В «Памятке участнику крестного хода» сказано: «У русских крестный ход воспринимался единственным средством искупления общественно значимых, так называемых народных, грехов, для чего

совершалась покаянная народная молитва» («Иринарховский крестный ход», 2016).

Традиция крестных ходов распространена не только у русских. В июле 2016 г. сотни тысяч людей прошли Всеукраинским крестным ходом с той же целью духовной защиты родной земли от войны и вражды. Двигались навстречу друг другу два людских потока — с запада, от Почаевской лавры, и с востока, от Святогорской лавры. Встреча этих потоков состоялась в Киеве. Участниками отмечался очень мирный, спокойный настрой людей, характеризующий состояние подлинной духовной радости (Шкиль, 2016).

И доныне существует этот мощный пласт народной культуры, способный угасить вражду, напомнить без нравоучений о высоких целях человеческой жизни, дать переживание подлинной радости, дающий возможность народу прочувствовать свое единство друг с другом и с родной землей, способный охватить взрослых и детей, молодых и стариков. Однако он пока остается в стороне от внимания социальных психологов, изучающих массовые явления.

Исследование психологического потенциала праздничной культуры становится особенно актуальным в наше время, когда назначение официального праздника, посвященного тому или иному историческому событию, является важным инструментом государственной политики.

Психологический потенциал праздников и событий, в которых участвуют большие массы людей, огромен, и результат зависит от духовно-нравственной направленности праздника. Праздник — это не только и не столько развлечение, сколько важное событие в поддержке и укреплении ценностей, жизненно необходимых для существования народа, и его исторической памяти.

Большую и пока практически не изученную роль в восстановлении исторической памяти и мирном решении многих конфликтов имеет возрождаемая традиция крестных ходов.

Инициатива «Бессмертный полк» получила такое широкое распространение благодаря своей укорененности в народной праздничной культуре, связи с семейной историей и утверждению высоких идеалов бессмертия подвига защиты родной земли.

Раздел 4

**МАКРОПСИХОЛОГИЯ
РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА
В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ**

Глава 10

Психологические аспекты поиска русской национальной идеи

Функции национальной идеи

В многотомнике «Национальная идея России» сущность анализируемого понятия определяется как «устойчивое представление индивида об основополагающем в прошлом, настоящем и будущем своей страны, мобилизующее его на жизненные усилия, а также соответствующее состояние общественного сознания» (Национальная идея России 2012, с. 13). Отмечается, что «национальная идея..., апеллирующая к стране как к живому организму, сродни инстинкту самосохранения» (там же, с. 32), «национальная идея страны нужна не только каждому, это своеобразный смысл жизни страны в целом, ответ на вопросы, что она есть, куда и зачем идет (развивается), что для нее ценно и непродается, почему ее должны в мире уважать» (там же, с. 33). Соотнося национальную идею со сложившимися в психологии категориями, наверное, правильнее всего будет охарактеризовать ее как метакатегорию, вбирающую в себя элементы различных категорий, таких как коллективные представления, идеалы, ценности, установки и др. (Современная психология..., 1999; Проблемы субъектов..., 2007; Тенденции развития..., 2007; Теория и методология психологии..., 2007; Журавлев, 2007б; Методология комплексного человекознания..., 2008; Психология сегодня..., 2009; Прогресс психологии..., 2009; Субъектный подход..., 2009; Парадигмы в психологии..., 2012; Принцип развития..., 2016; Психология..., 2012; Купрейченко, Журавлев, 2010а, б). И, как и в большинстве из этих категорий, в ней возможно выделение когнитивного, эмоционального и поведенческого компонентов.

Такая характеристика русской национальной идеи, как полиаспектность, проявляется и в других ее определениях, например: «Национальная идея, существуя для индивида, одновременно является

ценностно-мотивационным представлением в рамках и масштабах всего общественного сознания, которое закрепляется и проявляется в государственных актах и атрибутике, произведениях литературы и искусства, актуальных научных задачах, образовательных стандартах и учебниках, деятельности СМИ, пропаганде и воспитании, уличной рекламе и в иных материальных воплощениях» (Национальная идея России, 2012, с. 15). То есть в социальном плане проявления национальной идеи охватывают практически все стороны общественной жизни. «Национальная идея — это среда (сродни воздуху), в которой живет, развивается и действует каждый гражданин, общество в целом, элита и чиновники, политические деятели и руководители. Без нее, как без воздуха, возможны только неуспех, угасание и в пределе — гибель страны» (там же, с. 15).

Отмечается и то, что национальная идея имеет одновременно общесоциальный (государственный) и индивидуальный смысл. «Она должна быть в ряду высших ценностей Российского государства, в ряду его высшей государственной атрибутики» (Национальная идея России 2012, с. 20). Вместе с тем «национальная идея страны — это коренная идея сознания каждого человека, во всей его жизни — от младенчества до физической смерти» (там же, с. 25).

Акцентируется универсальный характер национальной идеи для различных государств: «во всех состоявшихся государствах она существует, и по структуре, функциям и назначению они — национальные идеи — схожи. Специфика же связана с идентичностью страны» (с. 17), «сотни стран имеют свои „формулы жизни“» (с. 36). Приводится и обстоятельный перечень «формул национальной идеи» разных стран мира.

Подобные обстоятельства определяют один из контраргументов позиции некоторых наших современных либералов, утверждающих, что национальная идея не нужна, является специфическим заблуждением российского ума, уникальным порождением нашей нелегкой жизни и якобы отсутствует у «благополучных» народов. Авторы многотомника «Национальная идея России» подчеркивают, что «вопрос о национальной идее России имеет длительную историю. Он столь же важен для страны, как вопрос о смысле жизни для каждого человека. Без ответа на него цели, ценности, жизненная энергия, успех становятся малоосозаемыми и труднодостижимыми» (с. 3).

П. Я. Чаадаев подчеркивал: «История всякого народа представляет собою не только вереницу следующих друг за другом фактов, но и цепь связанных друг с другом идей» (Русская идея, 1992, с. 41).

Вл. С. Соловьев понимал русскую национальную идею как «вопрос о смысле существования России во всемирной истории» (там же, с. 186), подчеркивая: «Органическая функция, которая возложена на ту или другую нацию в этой вселенской жизни, – вот ее истинная национальная идея» (с. 87). «Участвовать в жизни Вселенской Церкви, в развитии великой христианской цивилизации, участвовать в этом по мере сил и особых дарований своих, – вот в чем, следовательно, единственная истинная цель, единственная истинная миссия всякого народа» (с. 192). Соловьев отмечал при этом, что «народ может при случае не понять своего призвания» (с. 189). По его мнению, «восстановить на земле... верный образ Божественной Троицы – вот в чем русская идея» (с. 294).

Вячеслав Иванов писал: «И кажется, что, как встарь, так и ныне, становясь лицом к лицу, на каждом повороте наших исторических путей, с нашими исконными и как бы принципиально русскими вопросами о личности и обществе, о культуре и стихии, об интеллигенции и народе, мы решаем последовательно единый вопрос – о нашем национальном самоопределении, в муках рождаем окончательную форму нашей всенародной души, русскую идею» (Русская идея 1992, с. 228). Он также называет национальной идеей «строй и синтез отличительных признаков нашего национального самосознания» (там же, с. 232), отмечая: «В ней раскрывается глубочайший смысл нашего стремления к всенародности, нашей энергии совлечения, нашей жажды нисхождения и служения» (с. 237).

Наиболее деструктивные периоды в жизни страны – упадок уровня жизни, политическая смута и т. п. – были сопряжены с утратой национальной идеи, что характерно и для современной России, и «поэтому возвращение идеи в жизнь страны сверхактуально» (Национальная идея России, 2012, с. 12). Делается и вывод о том, что «если в текущий момент население России вымирает, то это как раз совпадает с сегодняшним российским безвременьем, бездумьем, отсутствием смысла существования как у страны, так и у большинства ее граждан» (там же). Естественно, связь между коллективными и индивидуальными смыслами жизни отнюдь не линейная, люди могут видеть в своей индивидуальной жизни смысл, создаваемый, например, заботой о своей семье и о близких, карьерой, заработыванием денег и т. п. Однако коллективные, в первую очередь общенациональные, смыслы служат одним из главных источников смыслов индивидуальных (Журавлев, Юревич, 2014). При отсутствии вынятых коллективных смыслов количество граждан, не видящих смысла и в своей личной жизни, а значит, и количество производных

от его утраты суицидов, неврозов, более серьезных психических расстройств и т. д., резко возрастает.

Следует отметить и то, что крушение идеи коммунизма, которая была одной из главных национальных идей нашей страны в советские годы, привело к падению нравов, к формированию безнравственной среды, из которой вышли те лишенные моральных устоев «пионеры» российского бизнеса, которые придали нашей рыночной экономике паразитическо-криминальный характер.

Авторы многотомника «Национальная идея России» пишут, что эта идея «обращена вовнутрь страны, она вопрошает и отвечает на вопросы: „Кто мы такие? Зачем мы и почему? В чем наша идентичность и смыслы? Как именно нам жить, чтобы жить?“» (Национальная идея России, 2012, с. 16). Не возражая против подобного очерчивания национальной идеи, следует в то же время отметить, что в посвященной ей литературе преимущественно анализируются шесть блоков вопросов:

1. Каковы мы, в чем ключевые особенности нашего национального менталитета?
2. Как и под влиянием каких факторов эти особенности исторически сформировались?
3. Чем мы отличаемся от других народов, в первую очередь европейских?
4. Какими нам надлежит быть и в каком направлении самосовершенствоваться?
5. Как нам благоустроить нашу общественную жизнь и наше государство, в каком направлении следует развиваться и к каким социальным идеалам стремиться?
6. Какова роль (миссия) России в мировой истории и в современном мире?

Соответственно, наша национальная идея не только обращена вовнутрь страны, но и развивается в постоянном соотношении нас с другими народами, предполагающем внешние ориентиры сравнения. Подчеркнем в данной связи и разносторонность нашей национальной идеи, охват ею широкого круга вопросов, поддающихся, впрочем, упорядочению и систематизации.

Отметим и то, что из-за этой разносторонности, охвата национальной идеей России очень широкого круга проблем она носит достаточно аморфный характер: фактически невозможно свести ее к какой-либо простой формуле и однозначной формулировке: большое количество и противоречивость предлагаемых решений этих

проблем делает ее достаточно противоречивой и изменчивой. Попытки же сведения национальной идеи России к какой-либо простой формулировке, например, такой, как: «Моя страна должна быть, и должна быть всегда!» (Национальная идея России, 2012), порождают больше вопросов, нежели вносят ясности. Трудно считать проясняющими национальную идею России и следующие ее формулировки: «Такова русская идея: свободно и предметно созерцающая любовь и определяющаяся этим жизнь и культура» (Русская идея, 1992, с. 239) или «Творить русскую самобытную культуру – из русского сердца, русским созерцанием, в русской свободе, раскрывая русскую предметность. И в этом – смысл русской идеи» (там же, с. 441).

Авторы упомянутого многотомника выделяют и основные функции (или миссии) национальной идеи России. В плане «индивидуальных жизней и потребностей» они относят к числу таких функций следующие: мотивационную; психологически мобилизующую; национально консолидирующую, интегрирующую, объединяющую; социально-поведенчески ориентирующую; ценностно задающую; патриотически формирующую. В плане «управленческого потенциала и энергетики» к числу подобных функций оказываются отнесенными: наполняющая содержанием и методологией понятие безопасности страны; формирующая суть и содержание организации и функционирования национальных систем образования, воспитания, культуры, массового информационного воздействия; направленная на пассионарный подъем и мобилизацию народа на свершения; задающая политикообразующее начало во внутренней и внешней политике (как сферах государственного управления); определяющая образующее начало в социально-экономической политике; определяющая образующее начало в политике пропаганды (Национальная идея России, 2012).

Вновь не подвергая сомнению подобную классификацию, отметим, что среди основных психологических или, по крайней мере, имеющих выраженное психологическое содержание функций национальной идеи наряду с обозначенными отчетливо выступают следующие: смысложизненная; идентификационная; консолидирующая; программная; конструкционистская (состоящая в формировании образов будущего и др.); компенсаторная, заключающаяся в психологическом облегчении тягот повседневной жизни («все ради светлого будущего» и т. п.).

В результате тезис о многоаспектности российской национальной идеи можно дополнить тезисом о ее многофункциональности,

о выполнении ею целого ряда важнейших, в том числе психологических, функций.

Поиск российской национальной идеи

Авторы многотомника «Национальная идея России» отмечают: «В русской философии вообще весьма трудно найти какого-либо крупного мыслителя, который не выступал бы с подобным вопросом и проектом, — от Чаадаева до Солженицына» (Национальная идея России, 2012, с. 39). «Именно в рамках историософии ставится триединая задача — сущностного определения прошлого, настоящего и будущего России в их связи. А именно это, в соответствии с предлагаемым определением, и составляет содержание понятия „национальная идея“» (там же).

Для русского самосознания еще со времен средневековья был характерен религиозный (христианский) мессианизм, истоки которого объясняются «особой сопротивляемостью» Древней Руси азиатской Степи — длительным агрессивным воздействиям на нее со стороны кочевых племен Востока. В результате «самой своей исторической судьбой, географическим положением — между европейским Западом и азиатским Востоком — Русь была как бы обречена на мессианскую роль защитницы Европы» (там же, с. 6).

Принято считать, что философское обоснование нашей национальной идеи восходит к Вл. Соловьеву, который в 1888 г. в Париже прочитал доклад под названием «Русская идея». Ее сущность в представлении Вл. Соловьева совпадает с христианским преображением жизни на основе истины, добра и красоты. Исследователи творчества этого ученого отмечают, что концепция русской идеи была органически связана со всем строем его личности и отражала не только его мысли и «философский темперамент», но и особенности его психологического склада, личные приверженности, вкусы, идеалы (Русская идея, 1992), а биографы особо отмечают такие привлекательные черты его характера, как великодушные, веселость, терпимость, деликатность (там же).

Соловьевскую линию истолкования русской идеи продолжили представители русского культурного ренессанса начала XX в. — В. Розанов, Н. Бердяев, С. Булгаков, В. Иванов, Е. Трубецкой, Л. Карсавин, В. Эрн и др. Как и В. Соловьеву, им были свойственны приверженность высокой духовности, состраданию и милосердию.

В контексте программ и проектов, которые относимы к развитию русской идеи, отчетливо проступают программы и проекты возрож-

дения России, а это слово часто упоминается в соответствующих работах. Данное обстоятельство выражает тот факт, что, по мнению развивавших русскую идею, нормальное развитие России систематически прерывалось, она регулярно оказывалась в состоянии глубокого кризиса, для преодоления которого было необходимым ее возрождение. Соответственно, прерывистость развития России глубоко запечатлена в развитии нашей национальной идеи. При этом акцент всегда делался на том, что Россию нельзя возродить только «внешними» — экономическими и политическими — средствами, необходимо и ее «внутреннее» — духовно-нравственное — возрождение. Так, составители сборника «Русская идея» в начале 1990-х годов задавались вопросом: «Дорастет ли общество до понимания того, что материальный прогресс, взятый сам по себе, в отдельности, состояться не может, ибо он не мыслим без прогресса культурно-национального, без свободного развития человека, являющегося подлинной целью социального развития?» (Русская идея, 1992, с. 17).

Достаточно очевидна высокая критичность разработчиков русской идеи к духовному и социальному состоянию России, акцентированная ими острая необходимость перемен, выражающая направленность этой идеи на изменение сложившейся ситуации. Так, Л. П. Карсавин писал: «На первый взгляд кажется странным, но если поразмыслить, то естественным — исконная, органическая пассивность стоит в связи с устремленностью к абсолютному, которое как-то отчетливее воспринимается сквозь дымку дремы, окутывающей конкретную действительность» (Русская идея, 1992, с. 320). Подвергал он и критике «закоснелость православной культуры», а также «пресловутую русскую лень» (там же). Е. Н. Трубецкой отмечал, что нам ближе всего «христианство Обломова» (там же, с. 248). А В. Г. Белинский считал, что «...нападки (даже преувеличенные) на недостатки и пороки народности есть не преступление, а заслуга, есть истинный патриотизм» (там же, с. 80).

Можно выстроить геополитическую логику детерминации национальной идеи, ее воплощения в нашем национальном характере, внешней политике России и ее социальной жизни. Долгое время ведущей геополитической идеей России было расширение границ ради «отодвигания» агрессивных соседей, выхода к морям и т. п. (см. «Историю Государства Российского» Н. М. Карамзина, тт. IX–XII). Это привело к покорению огромной территории, запечатлевшейся в нашем сознании и интериоризованной в наш национальный характер. Огромную территорию труднее возделывать, к тому же при наличии громадных пространств можно, используя одни земли,

переходить к эксплуатации других, не особо заботясь о состоянии прежних. Невозделанность земель, интериоризуясь, создает «невозделанность» внутреннего мира, которая, в свою очередь, проецируется на социальное устройство и экстерииоризуется в нем, определяя склонность к революциям и т. п. потрясениям, являющимися ментальными аналогами перехода на новые земли без должного возделывания земель уже покоренных.

Трудно не уловить непоследовательность, прерывистость русской идеи, выразившиеся, например, в переходе от девизов «Москва — третий Рим», «Православие. Самодержавие. Народность» к девизу «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» и далее к лозунгу «Коммунизм — светлое будущее всего человечества», в чем проявилась неустойчивость российского национального характера, зафиксированная и разрабатывавшими эту идею, и современными исследователями (Сикевич, 1996; и др.). Успели побывать нашей национальной идеей и развитый (а также развитой) социализм, и коммунизм, и «социализм с человеческим лицом», и космизм (в смысле всеобщей устремленности в космос, выражавшейся, например, в том, что самым популярным литературным жанром в позднесоветские годы была космическая фантастика), и многое другое. А главная задача посткоммунистической России многим видится в модернизации нашего общества (Вардомский, 2014; и др.).

Впрочем, справедливости ради следует отметить, что и в западных, а также в восточных культурах регулярно менялись «общественные парадигмы» («новый курс» Ф. Рузвельта, культурная революция в Китае и т. п.), «политические парадигмы» и др. Ряд авторов считают, что на пороге очередной смены таких «парадигм» стоит и современное человечество (Вардомский, 2014).

Резким изменениям подвергалась и основная линия преобразований, предлагавшаяся теми, кто стремился «сделать Россию лучше». Одним она виделась в том, чтобы усовершенствовать природу русского человека, а ее посредством улучшить и ситуацию в нашем обществе. Это соответствует основной логике «улучшения» человека и общества, характерной для психологической науки: «Улучшите природу человека, и вы улучшите все», — писал А. Маслоу (цит. по: Хьел, Зиглер 1997, с. 521). Аналогичные идеи высказывались З. Фрейдом, Э. Фроммом и другими классиками психологии. Другим, в особенности отечественным марксистам, основная линия преобразований представлялась совсем иначе: улучшение общественных отношений, устранение воплощенной в них острой социальной несправедливости, а улучшение человеческой природы произойдет «са-

мо собой» в результате установления «правильных» социальных отношений. Последнюю логику, по всей видимости, разделяли и наши либеральные реформаторы начала 1990-х годов, отодвинувшие такие проблемы, как падение нравов, на периферический план по отношению к утверждению демократии и рыночной экономики. По всей видимости, отображение этих двух «логик» можно обнаружить и в массовом сознании и поведении современных россиян: одни возлагают надежды на улучшение своей личной жизни вследствие улучшения ситуации в государстве, другие стремятся сами улучшить свою жизнь, не слишком заботясь о положении дел в стране.

При этом, как часто отмечается, в общественном сознании одновременно присутствуют полярные и несовместимые идеи, между которыми отсутствует единое смысловое поле (Славин, 2007; и др.). Возникают и такие кентаврообразные воззвания, как «с Богом и царем к победе коммунизма и демократии» (Сикевич, 1996). Не случайно Ж. Т. Тощенко задается вопросом: «А не является ли нынешняя антиномичность общественного сознания предвестником возможных социальных потрясений?» (Тощенко 2015, с. 48).

Констатируется нерешенность, открытость ключевых вопросов, входящих в область национальной идеи России, — в частности, вопроса о ее цивилизационной идентичности: «То ли она принадлежит Западу. То ли в ней есть восточные признаки. То ли это некий евразийский синтез. То ли Россия вообще не обладает цивилизационной идентичностью. Главное, что не был предложен и найден объективный научно самостоятельный способ доказательства утверждаемой позиции» (Национальная идея России, 2012, с. 41). Отмечается и то обстоятельство, что «Российская Федерация представляет собой одно из редких исключений как государство, не обладающее в современности девизом (формулой) национального существования» (там же, с. 37). При этом очевиден контраст современной России и с Российской Империей, национальным девизом которой были слова: «Православие. Самодержавие. Народность. С нами Бог. За Веру, Царя и Отечество», и с СССР с его девизом: «Пролетарии всех стран, соединитесь! Вперед, к победе коммунизма!» (там же). Отметим в данной связи, что наличие четких национальных девизов не уберегло оба эти государства от распада, как и то, что на определенных этапах их существования подобные девизы сыграли важную консолидирующую роль.

Трудно не согласиться и с тем, что четко очерченная цель в развитии нашего общества и его сфер, социальных институтов, организаций и процессов отсутствует (Тощенко, 2015), как и с тем,

что отсутствие ясной перспективы, уверенности в будущем не может не сказываться на настроениях граждан и деловом климате в нашей стране (Богомолов, 2015).

Акцентируется также общемировой характер потребности в новой модели общественного развития. О. Богомолов пишет: «К сожалению, развитие в мировом сообществе научной и политической мысли, как и общественного сознания, явно не поспевает в осмыслении сути и особенностей происходящих перемен. Господствующая в мире идеология, политическая практика и мораль дискредитируют себя. Тем острее ощущается потребность в нахождении новых моделей государственного и экономического устройства, а также глобального миропорядка, которые были бы адекватны вызовам происходящего “макросдвига”» (Богомолов, 2015, с. 33). По его мнению, о назревающей революции в умах свидетельствует и доклад ЮНКТАД (Конференции ООН по торговле и развитию), в котором констатируется: «Рыночный фундаментализм *laissez-faire* последних 20 лет драматически провалил экзамен» (там же, с. 36).

Тревожность в отношении мировой ситуации в целом свойственна и нашим согражданам. В 2014 г. 54% россиян считали, что нынешняя ситуация в мире беспокойная, нестабильная, 18% характеризовали ее как кризисную, а по мнению каждого десятого мир вообще находился на пороге катастрофы (Российское общество, 2015).

Возможно, наступил «конец эпохи деидеологизации» (Славин, 2007). Б. Славин пишет: «Негативное восприятие реформ населением было во многом связано и с сознательным дистанцированием радикальных реформаторов от какой-либо ясной идеологии их осуществления... они не смогли предъявить обществу собственную сбалансированную систему взглядов, ценностей и идеалов, ради которых следует проводить реформы. Понадобилось несколько лет неолиберальной политики с очевидно провальными результатами, чтобы ее идеологи вдруг заговорили о необходимости выработки национальной идеи» (там же, с. 113). В результате «проблемы, связанные с самоопределением России в мире, под которым понимается выбор обществом стратегии внутреннего и внешнего развития, становятся как никогда актуальны» (Российское общество, 2015, с. 261).

Интерес к национальной идее России обострялся во время социальных кризисов, когда рушились устоявшиеся основы ее развития. Так, составители сборника «Русская идея» в начале 1990-х годов, констатируя глубокий кризис в развитии народного самосознания,

писали: «Не случайно, вероятно, то, что в наши дни так остро развернулись дискуссии вокруг русской идеи, ставящие проблемы бытия нации, ее духа и судьбы» (Русская идея, 1992, с. 6).

Современные варианты российской идеи

Б. Славин пишет: «Конкретная ценностная структура, которая могла бы составить костяк новой идеологии, должна, прежде всего, включать такие понятия, как права человека, справедливость, свобода, солидарность, демократия, патриотизм. Они коррелируются с социальным идеалом, который можно выразить краткой, но емкой формулой: свободный человек в справедливом и демократическом обществе» (Славин, 2007, с. 122). Он акцентирует и необходимость преемственности в поиске национальной идеи России, – в частности, то, что проект будущего российского общества должен стать своеобразным продолжением уже осуществлявшихся в нашей стране проектов «социализма» и «капитализма». А социологи, анализирующие результаты опросов населения, считают, что у современных россиян есть некий идеальный образ справедливо организованного общества, которое должно вбирать в себя все лучшее из социализма и капитализма, но при этом быть лишенным их основных пороков (там же).

Социологические исследования демонстрируют также, что в последние годы у значительной части россиян, наряду с их ухудшающимся отношением к западным странам, особенно к США, появились сильные сомнения в самом факте цивилизационной принадлежности России к Европе. Доля россиян, считающих, что прошлое и будущее нашей страны связано именно с этим регионом, сократилось с 55% в 2002 г. до 36% в 2014 г. Напротив, возросло число тех, кто полагает, что наша страна представляет собой особую цивилизацию на стыке Европы и Азии с перспективой «дрейфа» в восточном направлении (Российское общество..., 2015).

Вообще же, по данным социологов, соотношение россиян, связывавших исторические судьбы России с Европой и считавших, что у нашей страны другой путь, на рубеже столетий составляло 2:1, а в последнее время изменилось на обратное (Российское общество..., 2015). При этом наблюдается расхождение мнений респондентов в отношении культуры, экономики и национального менталитета: культурное сходство России с Европой принимается бóльшим количеством россиян, чем сходство менталитета и экономики. На этом основании исследователи делают вывод о том, что в ментальном про-

странстве наших сограждан Россия предстает не как европейская, не как азиатская и даже не как евразийская, а как европейско-евразийская страна, что соответствует сформулированной некоторыми славянофилами концепции России как «второй Европы», более открытой Востоку, но сохраняющей возникшие на общей христианской основе стержневые свойства менталитета и культуры (там же).

Опросы также свидетельствуют о формирующейся в нашем массовом сознании неопределенности относительно тенденций и перспектив развития страны (Российское общество, 2015). При этом растет количество убежденных в том, что российская цивилизация – особая и что у нее свой путь. В то же время данную матрицу нельзя безоговорочно охарактеризовать и как евразийскую. На основе эмпирических исследований, скорее, можно констатировать формирующийся ныне в российском социуме новый исторический проект «альтернативной Европы» (там же).

Растет (с 45% в 2007 г. до 52% в 2014 г.) доля россиян, которые считают вполне реалистичной задачу вхождения России в число самых экономически развитых и политически влиятельных стран мира, а не видящие смысла для нашей страны стремиться к каким-либо глобальным целям составляют лишь 4%, однако лишь небольшое количество рядовых россиян привлекает «мессианская» составляющая величия страны. Так, доля считающих, что России надлежит стать «цивилизационным мостом» между Европой и Азией, составляла в 2014 г. лишь 8% (Российское общество..., 2015). Осуществившие данное исследование социологи констатируют: «Таким образом, россияне, похоже, надолго отказались от стремления чем-то облагодетельствовать человечество» (там же, с. 272). Если это действительно так, то налицо расхождение установок рядовых граждан и современных российских идеологов.

В то же время стоит отметить, что и на Западе находятся обществоведы, которые считают, что Россия, подобно Советскому Союзу, служившему источником альтернативной культуры, специфических политических институтов и своеобразной системы ценностей, способна предложить миру свою модель развития, у которой на Западе вполне могут найти сторонники (Лэйн, 2010).

Среди лозунгов, выражающих особый путь России, на первом месте стоит лозунг социальной справедливости (47% опрошенных), на втором – лозунг возвращения к национальным традициям, моральным и религиозным ценностям, проверенным временем (35%), на третьем – лозунг России как великой державы, империи, объединяющей разные народы (32%). При этом растет количество считаю-

ших, что Россия идет правильным путем: в 2014 г. оно составляло 75% (в 2001 г. — 61%, в 2011 г. — 60%, в 2012 г. — 64%). В то же время опросы показывают, что мнения по поводу нового места России в мире население нашей страны не гомогенны. В некоторой его части, прежде всего в высокодоходных слоях жителей мегаполисов, формируется иное представление о желательном векторе развития страны и другой характер национальной идентичности, для разных слоев общества характерны разные варианты национальной идеи. Численность сторонников крайних взглядов — и западников-либералов, и почвенников-консерваторов — невелика, составляя соответственно 3% и 5%, основная же часть симпатий сосредоточена вокруг моделей сильного социально ориентированного государства (Российское общество..., 2015).

Современные проекты развития России и, соответственно, нынешние варианты нашей национальной идеи можно разделить на две группы. Один тип проектов основан на достаточно жестком и агрессивном противопоставлении России Западу (Кузнецов, 2015; и др.), другой — на заимствовании там всего лучшего и дополнении его своим, — например, сочетание демократии и рыночной экономики со справедливостью, духовностью, отсутствием приоритета материального над духовным и т. п. (Богомолов, 2015; и др.). При этом и антагонистичные Западу проекты все же предполагают некоторые заимствования у него, например, развитие «правильного», справедливого варианта рыночной экономики в противовес характерной для него «неправильной» и несправедливой экономике (Кузнецов, 2015; и др.).

Неантагонистичные проекты, не основанные на жестких противопоставлениях, представляются более адекватными. Скажем, сочетание духовности и материального благополучия, гармония во всем, культурный синтез, возделывание наших необъятных территорий, улучшение общества и человека, конъюнктивность (кстати, очень характерная для китайской культуры), а не дизъюнктивность (одновременно и духовное, и материальное благополучие, преодоление нашей национальной традиции регулярно впадать из одной крайности в другую, «разрушать до основания, а затем...»). Это предполагает заимствование всего лучшего из прежних вариантов национальной идеи России, отсутствие отношения к ним с революционной непримиримостью, но не предполагает, естественно, некритическое заимствование из других культур неприемлемого для нас, перенос оттуда тех форм социальной организации, которые грубо противоречат основным особенностям российского менталитета. Важно

также не испытывать ни чувства превосходства над другими народами, выливающегося в противопоставление себя им, ни чувства национальной неполноценности, например, от нашей неспособности жить по западным образцам.

Национальной идее России вовсе не обязательно быть специфической, разделяемой только Россией, отличной от национальных идей других народов. Так, например, ценности свободы, справедливости и эффективности в определенной мере разделяют все основные идеологии (Славин, 2007). Не следует стремиться к уникальности и неповторимости национальной идеи России, к воплощению принципа «специфичность любой ценой». Как подчеркивал И. А. Ильин, «дело совсем не в том, чтобы быть ни на кого непохожим; требование „будь как никто“ неверно, нелепо и неосуществимо» (Русская идея..., 1992, с. 441). Вряд ли следует избегать воспроизводства в национальной идее России ключевых элементов национальных идей других стран, а тем более общечеловеческих цивилизационных принципов.

В настоящее время можно согласиться и с тем, чтобы национальная идея носила «скромный» характер — состояла бы, например, в том, чтобы сделать Россию одной из стран, наиболее благоприятных для проживания, без претензий на то, чтобы указывать всему человечеству путь к светлому будущему. Социологические опросы тоже свидетельствуют о том, что для большинства россиян главными предпосылками возвращения России в число ведущих мировых держав является решение ее внутренних политических, социально-экономических и культурных проблем. Все меньшее число россиян считает реалистичным возвращение России статуса супердержавы, какой был СССР (в интервью немецкому журналу «Бильд» В. В. Путин сказал, что это «очень дорого и не нужно»). Более реалистичной целью они полагают вхождение России в число наиболее экономически развитых и политически влиятельных стран мира (Российское общество..., 2015).

Очевидно и то, что национальная идея России должна носить многокомпонентный характер, не сводиться к чему-то одному, не быть направленной только на решение экономических (хорошо известный «экономический детерминизм»), общесоциальных или нравственно-психологических проблем, а охватывать решение всего комплекса подобных проблем в их взаимосвязанности и единстве. Комплексный, многосторонний характер национальной идеи, которая нужна России, представляется достаточно очевидным, как и междисциплинарный характер изучения предпосылок ее формирования.

Глава 11

История и современное состояние российского менталитета

Актуальность, научная и практическая значимость исследования проблемы менталитета

Происходящие в России в последние десятилетия глубокие преобразования в разных сферах общественной жизни оказывают влияние на традиционные ценности, приоритеты и нормы в сознании россиян. Новая модель общественного развития в качестве одного из основных векторов включает переход от сложившихся в многовековой истории нашего народа коллективистских ценностей и отношений к индивидуалистическим. По сути, происходит процесс преобразования важных характеристик российского менталитета как глубинного основания целостности и самобытности народа (Дубов, 1993; Российский менталитет..., 1997; Журавлева, Журавлев, 2004; Журавлева, 2006, 2008, 2012; Купрейченко, Журавлев, 2010а, б; Психология..., 2012; Психологические исследования..., 2007; Бойков, 2010; Психология нравственности..., 2010; Нравственность..., 2012; Психологические исследования..., 2011; Психологические исследования..., 2013).

Сегодня проблема менталитета обретает статус междисциплинарной области, в которой пересекаются интересы разных отраслей социогуманитарного научного знания: социологии, культурологии, истории, философии, этнографии, источниковедения. Но, безусловно, основная роль в ее разработке принадлежит психологии, что определяется сущностью менталитета как психологии народа.

Тенденция роста интереса к проблеме менталитета в современной психологии и смежных с нею отраслях знания обусловлена значительным объяснительным потенциалом данного феномена при разработке широкого спектра научных проблем. Очевидно, что в какой бы ипостаси ни выступал человек – как субъект экономической,

политической, общественной деятельности, — в своих социальных или индивидуальных проявлениях он всегда в той или иной мере, осознанно или неосознанно, эксплицитно или имплицитно несет в себе ментальные характеристики, впитанные в процессе социализации, жизни в своей культуре и природном окружении и ставшие органической частью его личного психологического пространства. Обращение к проблеме менталитета обусловлено стремлением выявить «корни» и эксплицировать причинную обусловленность поведения и действий человека, а также социальных групп, системы их отношений к разным сторонам действительности.

Ментальность личности — та внутренняя психологическая среда, через которую преломляются любые внешние воздействия и которая определяет отношение человека к разным явлениям и событиям окружающей действительности, эффективность его взаимодействия с миром.

То же относится и к народу в целом как носителю менталитета. В менталитете воплощается совокупность корневых психологических черт народа, характеризующих его своеобразие, особенности его национального характера, мировосприятия. Как отмечает Д. С. Лихачев, «национальные особенности — достоверный факт. Не существует только каких-то единственных в своем роде особенностей, свойственных только данному народу, только данной нации, только данной стране. Все дело в некоторой их совокупности и в кристаллически неповторимом строении этих национальных и общенациональных черт. Отрицать наличие национального характера, национальной индивидуальности, значит делать мир народов очень скучным и серым» (Лихачев, 1984, с. 40).

О своеобразии и неповторимости каждого народа пишет Г. Д. Гачев, считая необходимым определение его специфических качеств, субстанции, характера мышления, психики в целом, «потому что народы, как музыкальные инструменты: один — скрипка, другой — гобой, третий — орган и т. д. Все музыканты, но тембр разный» (Гачев, 2003, с. 440). Менталитет выступает тем верховным определителем, которым обусловлены традиционные для народа формы человеческого сознания и поведения, восприятия и отношения к разным социальным явлениям. Этим объясняется, например, непонятное многим представителям так называемого «цивилизованного мира» отношение наших людей к ряду инноваций в современной социальной жизни европейских стран и Америки — признанию однополых браков, гомосексуализма, доходящим до абсурда принципам политкорректности и свободы, дающим право кому-то цинично осмеивать

религиозные ценности других людей, издеваться над человеческими трагедиями, беспардонно вторгаться в личную жизнь любого человека и т. д. Однако за этим стоят не приписываемые западными политтехнологами нашему народу «непредсказуемость», консерватизм и «цивилизационная отсталость», а сохраняющаяся у него приверженность традиционным ценностям как составной части российского менталитета.

Непонятной и необъяснимой с позиции западного мышления является и реакция россиян на введенные санкции и трудности, связанные с кризисным состоянием экономики. Казалось бы, ухудшение материального положения значительной части населения должно было вызвать усиление протестных настроений, а на деле наблюдается консолидация народа, одобрение внешнеполитических действий властей, что подтверждается растущим рейтингом Президента РФ. И здесь вновь проявляется сила менталитета: присущие русскому народу-идеалисту терпение, способность и готовность стоически переносить лишения и трудности во имя высших целей, предпочтение духовных ценностей материальным.

На это указывали многие русские мыслители. Так, по мнению И. А. Сикорского, «самым важным плодом терпения у русского народа является самообладание, способность подавлять в себе волнение и вносить мир в собственную душу. Терпение и покорность судьбе должны быть, несомненно, признаны за самые выдающиеся особенности русской души» (Сикорский, 1899, с. 40). Сикорский отмечает, что русского человека мало интересует окружающая обстановка жизни, он обходится без внешнего комфорта, необходимого англичанину, и без избытка изящества, которым окружает себя француз; русский довольствуется простыми условиями существования, не ищет удобств и «всему предпочитает теплую душу и открытое сердце».

Согласно И. В. Киреевскому, материальное благополучие воспринимается русским народом как второстепенное условие общественной жизни, подчиненное высшим целям и условиям. Он стремится путем внутреннего возвышения над внешними потребностями преодолеть тяжесть внешних нужд (Киреевский, 1952). На жизненную стойкость и силу духа русского народа, его способность противостоять ударам судьбы, сохранять свои лучшие качества в самых тяжелых условиях указывает Ф. М. Достоевский (Достоевский, 1994, с. 48).

Конечно, жизнь вносит коррективы в сознание и поведение людей: формируется привычка к бытовому комфорту, к спокойной и безопасной жизни. Однако в сложные моменты, при столкновении

с критическими обстоятельствами на поверхность выходит именно то, что находится в глубинных пластах души русского человека, давая ему силы для выживания, преодоления трудностей и лишений.

Исследование российского менталитета имеет не только научное, но и практическое значение. Полученные в его ходе данные позволяют наметить адекватную, отвечающую ментальным особенностям народа, его ожиданиям и чаяниям, социальную политику. Проводить какие-либо социальные преобразования без апелляции к культурной традиции и менталитету народа — это значит заведомо обрекать их на серьезные трудности. И пробуксовка тех социальных преобразований, которые осуществлялись в 1990-е годы и осуществляются в настоящее время в нашей стране, как представляется, обусловлена, в первую очередь, несоответствием их направленности исконно русскому мировосприятию, укоренившимся в нашей культуре нравственным представлениям, идеалам и ценностям.

Менталитет — это своеобразный «фильтр», через который преломляются и посредством которого оцениваются все инновации в жизни народа, способствующий сохранению того, что гармонирует с его глубинными психологическими чертами, и противодействующий вторжению в его структуру антагонистичных его природе элементов. С этой точки зрения менталитет рассматривается в его избирательной, селективной и защитной функциях.

Особенности современной социальной жизни убедительно демонстрируют, что сложившиеся устойчивые образования менталитета нашего народа ставят заслон на пути вхождения в его культуру и образ жизни чуждых инновационных нововведений (индивидуализма, коммерциализации разных сфер жизни, конкурентных отношений, идее обогащения любой ценой и т. д.). Может быть, поэтому с таким трудом приживаются в нашей стране новые формы общественной жизни, связанные с утверждением капиталистических отношений. Большинство населения страны отвергает их, причем не по идеологическим соображениям, а исходя из природы своего менталитета, антибуржуазного по своей сути. Как пишет Н. А. Бердяев, «русский человек с большой легкостью духа преодолевает всякую буржуазность, уходит от всякого быта, от всякой нормированной жизни» (Бердяев, 1997, с. 12). Более того, наживаясь и обогащаясь, он испытывает чувство вины, «ощущает себя немного грешником» (Бердяев, 1989, с. 76). Отсюда, по мнению Бердяева, вытекает неприятие русскими людьми буржуазного мира.

Именно учет особенностей менталитета народа может предохранить от ошибок в проектировании и реализации нововведений в об-

ственной жизни. К числу последних можно отнести, например, монетизацию льгот, поставившую во главу угла финансовые соображения и не учитывающую важность для русского человека прежде всего моральной оценки его заслуг и достижений. Столь же непродуманной является образовательная политика государства, строящаяся на основе зарубежных лекал и в конечном счете ориентированная на развитие не творческой личности, а делового и предприимчивого менеджера со стереотипным мышлением, что чуждо нашему народу, отвергающему сугубо прагматические ценности. В этом ряду можно отметить и инновации в сфере российской науки, игнорирующие ее национальные особенности. В свое время И. А. Ильин, отмечая своеобразие русской научной мысли, подчеркивал, что отечественную науку роднит с мировой ориентация на общечеловеческую логику, принципы научной доказательности, направленность на главную цель – постижение истины. Но, в отличие от западных абстрактных, рассудочных построений, русская наука вносит в исследовательский процесс «начала сердца, созерцательности, творческой свободы и живой ответственности совести» (Кант, 2006, с.110). Она не должна быть «мертвым ремеслом, грузом сведений, безразличным материалом для произвольных комбинаций, технической мастерской, школой бессовестного умения» (Ильин, 2015). В отличие от этого, русский ученый призван видеть и изучать целостный предмет во всех его гранях. По сути, Ильин выделяет те черты, которые всегда отличали отечественную научную мысль: целостное изучение явлений, глубокая личностная включенность ученого в исследовательский процесс, признание важности этической составляющей научной деятельности. Важным компонентом научного исследования, по Ильину, также является творческая свобода. Резюмируя, философ пишет, что русский ученый должен быть «не ремесленником и не бухгалтером явления, а художником в исследовании, ответственным импровизатором, свободным пионером познания» (там же). Поразительны глубина и полнота рассмотрения русским мыслителем тех основ, на которых должно базироваться отечественное научное мышление.

Обращаясь к современному состоянию развития науки, прежде всего фундаментальной, к глубокому сожалению, следует констатировать, что приоритетными в ее ориентации в настоящее время являются не национальные традиционные формы организации и оценки ее результативности, а нормы, принятые в зарубежных научных сообществах, – например, такие, как минимизация государственного финансирования, введение системы грантов, превалирование

в оценке деятельности ученых количественных, наукометрических показателей, коммерциализация науки, утверждение принципов прагматизма и т. д. Это не может не подрывать те основания, на которых всегда базировалась отечественная наука — ее высочайшую теоретическую фундаментированность, ориентацию на раскрытие глубинных, сущностных основ бытия мира и человека, целостность и системность, антипрагматизм и антипозитивизм, творческий полет мысли, гармоничное сочетание естественнонаучного и гуманитарного знания. Именно этот путь развития науки обеспечил ее огромные достижения, которые в короткий срок в XX столетии вывели Россию в число лидеров в области научно-технического прогресса.

В социогуманитарных науках выход из этой ситуации очевиден — возвращение к своим корням, творение своего и по-своему — русского по-русски. Не следует также забывать о том, что особую ценность для русского народа представляет справедливость, традиционно отождествляющаяся с правдой и истиной. Об особой чувствительности русского человека к вопросам совести, о присущем ему чувстве социальной справедливости, поиске правды пишет Н. О. Лосский, отмечая, что в случае разочарования в правде и добре русский человек может дойти до крайних проявлений агрессии и жестокости (Лосский, 1990). Это предостережение выдающегося исследователя психологии русского народа в настоящее время звучит чрезвычайно актуально.

Ментальные характеристики, укорененные в жизнедеятельности и коллективной памяти народа, способствуют адаптации человека в обществе, его социализации и культуризации, и в этом проявляется их адаптивная функция. Обеспечивая актуализацию накопленного опыта при решении жизненно важных задач, возникающих на каждом новом этапе исторического развития, менталитет тем самым выступает в своей активной, созидательной функции.

Менталитет — это то начало, которое объединяет людей, живущих в едином культурном пространстве, в особую живую целостность, наделенную самосознанием, самоидентификацией, осознанием ценности своей культуры, в чем проявляется его консолидирующая функция. В связи с этим обращение к проблеме менталитета отвечает актуальным запросам национальной и общечеловеческой безопасности.

Наконец, нельзя не отметить, что особую актуальность разработка проблемы менталитета приобретает в связи с динамикой мировых процессов. Особенностью современной ситуации является усиливающаяся глобализация мировой культуры. Расширение средств коммуникации, массовая миграция населения порождают тенденцию взаимопроникновения культурных традиций в значительно

большей степени, чем в предшествующие эпохи. Происходит целенаправленное разрушение национальных государств, не вписывающихся в планы проектировщиков нового мирового устройства.

Эта стратегия установления мирового порядка не нова. В конце XIX в. ее сущность была вскрыта русским мыслителем Н. Я. Данилевским, решительно отстаивавшим идею о существовании особой славянской культуры и ее ценности (Данилевский, 1895). Он был уверен, что невозможно привить цивилизацию извне, и совершенно недопустимо отказываться от своей «народности». Идее существования одной (европейской) цивилизации и единой мировой истории Данилевский противопоставляет учение о различных культурно-исторических типах, имеющих своеобразную историю и закономерности развития, самоценных и несопоставимых друг с другом с позиции уровня их совершенства.

Сегодня на смену европоцентризму пришел американоцентризм, хотя существо глобализационного процесса не изменилось. Этому необходимо противопоставить право каждого народа на обладание собственной национальной и культурной самобытностью при открытости для взаимодействия с другими народами и нациями. А главный путь обеспечения самостоятельного и самобытного развития любого народа — это сохранение его лучших традиций, присущих ему культурных ценностей и мировоззренческих приоритетов, объединение народа вокруг созидательных целей, открывающих перспективы его развития.

На основании всего вышесказанного можно сделать вывод, что, во-первых, менталитет представляет собой сложную самоорганизующуюся систему, которая открывается и проявляется в разных сферах социальной жизни — в социализации и культуризации, семейном и общественном воспитании, образовании и познании, деятельности и общении и т. д.; во-вторых, менталитет обеспечивает закрепление, сохранение и трансляцию специфичных для народа форм восприятия мира, реагирования на события и явления действительности, традиций и норм, ценностей и идеалов, что важно для социализации и адаптации личности в современных условиях изменяющегося общества.

Основные подходы к трактовке понятия «менталитет»

Несмотря на очевидную научную и практическую значимость проблемы менталитета, востребованность и широту использования данного понятия в современной науке, все еще явно недостаточно от-refлексированы сущность и природа описываемой им реальности.

Признание «ментальной связанности» человека, которая не менее сильна, чем его социальная обусловленность, у большинства исследователей сочетается с констатацией сложности, неопределенности и многозначности феномена менталитета. Этим, по-видимому, обусловлены различные подходы к его трактовке. Так, Э. Дюркгейм, который одним из первых обратился к исследованию данного феномена, рассматривает его как коллективное сознание, т. е. совокупность у индивидов, принадлежащих к одному обществу, общих представлений, верований, интересов, чувств, стремлений, ценностей. Коллективное сознание (или менталитет) определяется им как особый «психический тип общества», отличающийся собственным способом существования, развития, присущими ему свойствами. Являясь особой реальностью и существуя объективно, менталитет влияет на индивидуальное сознание. И чем больше он, как «голос общественной совести», регламентирует социальную жизнь, тем выше уровень общественной солидарности, тем сильнее связь индивида с группой и макросоциумом.

Большой вклад в теоретико-эмпирическую разработку проблемы менталитета внесли создатели школы «Анналов» Марк Блок и Люсьен Февр. Новая стратегия исторического исследования, разработанная ими, заключается во всестороннем и целостном изучении всех сторон жизни общества — хозяйственно-экономических, политических, социальных, культурных. При этом особое внимание уделяется раскрытию психологической составляющей исторического процесса. Согласно М. Блоку, основной предмет исторического исследования — «человек во времени» (Блок, 1986).

В работах представителей школы «Анналов» ставится задача изучения ментальных характеристик народов различных культур и исторических периодов, воссоздания «истории чувств и образа мышления эпохи». В качестве основной структурной единицы анализа менталитета выделяются мировоззрение и массовые представления людей определенного исторического периода. Не умаляя роли экономического, политического, социального процессов, эти ученые вместе с тем считают необходимым их рассмотрение через призму отношения людей к общественным явлениям. Заслугой историков данного направления является также выход за рамки традиционно рассмотренного менталитета как исключительно характеристики высших слоев общества (государственных деятелей, известных личностей, героев) к его изучению как массового социально-психологического феномена, в котором объективируются и отражаются устойчивые, глубинные свойства широких народных масс.

Трудность исследования коллективной ментальной инстанции породила стремление выделить для ее описания какой-то один, центральный компонент. Так, в работах Л. Февра ментальность сводится к сфере эмоций, а рациональные идеи оцениваются как нечто вторичное, относящееся к области индивидуальных проявлений. Из исходной коллективной эмоциональной общности и на ее основе, по утверждению этих авторов, на определенном этапе истории рождается индивидуальная рациональная мысль.

Структура менталитета

В менталитете в неразрывном единстве сосуществуют осознаваемое и бессознательное, современное и архаичное, рациональное и чувственно-эмоциональное, укорененное и сиюминутное, стабильное и изменчивое, традиционное и инновационное (Юревич, 2013). К его определению полностью подходит данная С. Л. Франком характеристика души как особой нерасчлененной и неструктурированной целостности — ее «сплошности», «слитности», «бесформенности единства».

Использование этого определения не случайно, ибо менталитет — это и есть душа народа, то, что определяет его существование как специфической целостности. Но, может быть, именно эта неопределенность, расплывчатость, сложность четкого структурирования данного феномена является подтверждением его необыкновенной емкости и многогранности (Ж. Ле Гофф). Большинство авторов (И. В. Загороднова, Я. В. Зубкова, В. И. Карасик, Ю. Д. Коробков, Л. В. Лесная, О. Г. Прохвачева, А. А. Соколова, А. В. Сухарев, Н. М. Чернышева, Н. С. Южалина, А. В. Юревич и др.) при определении структуры менталитета, руководствуясь логикой его понимания как психологических особенностей народа, выделяют тот или иной (узкий или широкий) перечень психологических характеристик. Иногда этот список охватывает практически все психические явления, начиная от всего спектра познавательных процессов и до различных личностных и социально-психологических характеристик. Делаются также попытки определенным образом структурировать указанные признаки менталитета.

Такой путь анализа позволяет описать некую абстрактную универсальную модель менталитета — менталитета вообще. Но далее необходимо сделать следующий шаг — перейти от этой абстрактной универсальной модели к построению конкретной модели, отражающей специфику менталитета конкретного народа (социальной общ-

ности). Признание того, что в менталитете любого народа представлены и рациональные, и эмоционально-чувственные, и поведенческие компоненты, не продвигает к решению вопроса о том, чем отличается менталитет одного народа от другого. Очевидно, что нецелесообразным является выделение некоего единого менталитета, общего для всех народов. Данный феномен носит конкретно-исторический характер, является принадлежностью данного, конкретного народа на данной, конкретной стадии его развития и требует соответствующего подхода к его изучению. Более того, если раньше ставился вопрос о едином для всего общества менталитете, то в настоящее время обоснованно утверждают существование полиментальности (В. Е. Семенов) — особой ментальности разных социальных общностей: классов, этносов, профессиональных сообществ, возрастных и половых страт, жителей столицы и провинции, города и сельской местности и т. д. И каждая из них, по-видимому, имеет свои особые характеристики компонентов, объединенных в своеобразную структуру.

Представляется правомерным в качестве основного способа исследования менталитета использовать принципы системного подхода (Ломов, 1984), предполагающие раскрытие совокупности его психологических составляющих, выделение системообразующего стержня, определяющего взаимосвязи компонентов и объединяющих их в структурно организованное целое, включающее ядро (центральные, устойчивые, инвариантные составляющие) и динамичные периферийные слои.

Можно предположить, что в качестве системообразующего стержня менталитета русского народа выступают духовные качества — особенности высших ценностей, составляющих основу его мировоззрения, мировосприятия и системы отношений к разным сторонам действительности. Основой формирования такой системы русского менталитета стало мощное многовековое влияние Православной церкви с ее высокими духовно-нравственными требованиями к человеку. Это подтверждается приоритетными позициями в системе ценностей русского народа добра, миролюбия, милосердия, справедливости, соборности, патриотизма, терпения, взаимопомощи.

Как пишет К. А. Абульханова, «самую главную черту российской психологии всегда составляла вера, в принципе свойственная любому народу, но у всех, как правило, проявляющаяся в различной форме. Однако в российском менталитете образовался необыкновенный синтез веры в другого человека, в общество и в идеал. Русский идеа-

лизм сочетал в себе определенную умозрительность, возвышенный характер размышлений, выразившихся в поисках правды, истины и смысла жизни» (Абульханова, 1997, с. 7–8).

Факторы формирования менталитета

Становление менталитета — длительный и противоречивый процесс. Россия — это цивилизационно неоднородное образование, сложившееся из многочисленных этносов. Это особый, исторически сформировавшийся вид мирного сосуществования народов (относящимся к разным типам культур и развития, объединенных мощным централизованным государством и общим культурным пространством, особенностями исторической судьбы), образовавший в результате их совместного бытия и взаимодействия особое культурно-психологическое образование — единый российский менталитет. Для понимания сущности российского менталитета важно раскрыть факторы его формирования, так как именно ими определяются те его сущностные характеристики, которые в относительно устойчивом или преобразованном виде сохраняются в психологии народа и на современном этапе его развития.

Среди них важную роль все исследователи российского менталитета отводят природным условиям (географическим, климатическим). С одной стороны, это внешние по отношению к нему факторы (экстраментальные), с другой — это та органическая для него среда, которая, будучи освоена сознанием людей, становится составляющей их внутреннего мира. В этом отношении национальная картина природы, отображенная в языке, мифологии, фольклоре, обыденном мирозерцании, в философии и искусстве, а также в образе жизни и культуре повседневности, выступает в качестве важной части культуры народа, его менталитета.

На формирование психологии русского народа, считает М. Н. Погодин, большое влияние оказали, прежде всего, равнинный характер западно-европейской части России и огромная территория расселения славянских племен. Легкость перемещения по такой территории породила, по его мнению, объективную потребность в сильном государстве, которое выступало единственной силой, способной объединить и организовать этот аморфный конгломерат людей (Погодин, 1874).

Ведущую роль природных условий в формировании русского национального характера отмечает С. М. Соловьев. Для подтверждения он проводит сравнительный анализ становления русского

и европейских народов (Соловьев, 1851). В. О. Ключевский, анализируя жизнь русского народа, указывает, что она проходила в тяжелой борьбе с природой («с лесами и болотами своей страны»). Короткое теплое время, недостаток плодородных земель, летние засухи и суровые зимние морозы, незначительность береговой линии морей создавали большие трудности для народа и требовали для их преодоления огромной затраты сил. Вместе с тем именно жизненные трудности сформировали такие черты русского национального характера, как осмотрительность, непритязательность, способность стойко переносить лишения, выносливость, удивительная работоспособность (Ключевский, 1993).

По мнению А. В. Терещенко, особенности природно-климатических условий оказали серьезное влияние на бытовую жизнь русского народа (его жилища, хозяйственную деятельность, обрядовую культуру и т. д.) и его психологию: русские люди, «испытывая все ужасы холода, находились во всегдашнем движении, посему деятельность, бодрость и мужество суть отличительные их качества. Крепкие и неутомимые, хладнокровные и расчетливые, любознательные и легко все перенимающие, они твердо идут вперед и достигают своей цели» (Терещенко, 1997, с. 14).

Согласно Н. А. Бердяеву, «необъятные пространства тяжелым гнетом легли на душу русского народа. В психологию его вошли и безграничность русского государства, и безграничность русских полей... Широк русский человек, широк, как русская земля, как русские поля» (Бердяев, 1997, с. 66).

К. Д. Кавелин видит одну из причин особенностей психологии русского народа как «своеобразного этнографического и общественного типа» в истории его перманентных переселений на новые территории, их колонизации и освоения, сопровождающихся смешением с проживающими там другими племенами (Кавелин, 19896).

Всеми исследователями менталитета русского народа признается также и роль духовно-религиозного фактора в его формировании. И. А. Киреевский основой («внутренним ядром») русского менталитета считает духовную сферу, в связи с чем огромную роль в развитии русского народа отводит религии как главному источнику его духовного опыта, фактору, формирующему его духовный мир, определяющему тип мышления, образованности и строй общественной жизни в целом. В единстве убеждений, верования — причина консолидации русского народа, осознания им себя как одного живого целого. Из православного мировосприятия вытекали и определялись им не только духовные, но и нравственные, общежитейские,

юридические представления и понятия. Христианские начала лежат и прочно сохраняются также в бытовой жизни народа, в общественном устройстве России. Согласно Киреевскому, мировоззрение славян формировалось под влиянием «художественно-созерцательной» культуры Греции, восточного мистицизма, а также пришедшего из Византии православия. Европейские народы — восприимчивы католической ветви христианства и рассудочной римской культуры с ее культом насилия, завоевания, полного обесценивания человеческой личности. Говоря об особенностях западной ветви христианства — католичестве, он подчеркивает присущее ему доминирование рационализма и «внешней разумности» над «внутренним духовным разумом». В православии отсутствовали как борьба веры против разума, так и торжество разума над верою. Оно сумело сохранить чистоту христианского вероучения (Киреевский, 1852).

А. В. Терещенко подчеркивает, что именно православие сделало людей, живущих на огромных просторах страны, говорящих на разных языках, имеющих различную бытовую культуру, единым народом. Во все времена русские люди являли пример глубокой и искренней веры, берегли и охраняли свои святыни от любых посягательств извне: «Русский предпочтет лучше умереть, нежели захочет видеть православие униженным; но допустить ругаться над его храмами и алтарями — это невозможно!.. Кто нападает на его веру, тот нападает на его отечество, потому прежде надобно истребить веру, чтобы... уничтожить народ, даже завладеть им!» (Терещенко, 1997, с. 48).

Еще одним важным фактором, оказавшим влияние на формирование русского национального характера, согласно Терещенко, является историческая судьба народа России, вместившая в себя ряд кардинальных поворотов в его развитии, длительное пребывание под татаро-монгольским игом, отражение многочисленных чужеземных вторжений.

По мнению К. Д. Кавелина, ведущим фактором формирования русского национального характера является особое общественное устройство России. Он отмечает, что в Европе центром общественной жизни является город, а типичным ее представителем — горожанин, буржуа; великоросс же — прежде всего селянин, Россия — «мужицкое царство», основой ее общественного устройства изначально выступал дом (двор). Из него как из базовой ячейки произошли и получили дальнейшее развитие все формы организации государственной и общественной жизни: возникновение крепостного права и русской общины, затворничество женщин, доминирование у великороссов личных, семейных интересов над общественными. Этим

определялись также нравы и представления русских людей (Кавелин, 1898, с. 14). Особое внимание Кавелин уделяет сельской общине, видя в ней гарантию стабильности и благополучия русского народа и государства (Кавелин, 1989а, с. 95).

Сложность и противоречивость русской культуры и менталитета русского народа обусловлены особым геополитическим положением России, находящейся между Востоком и Западом и открытой для проникновения в ее жизнь элементов развивающихся там цивилизаций. Этим, по мнению Н. А. Бердяева, объясняется сложность и антиномичность русской души. Он пишет, что «в России сталкиваются и приходят во взаимодействие два потока мировой истории — Восток и Запад. Русский народ есть не чисто европейский и не чисто азиатский народ. Россия есть целая часть света, огромный Восток-Запад, она соединяет два мира. И всегда в русской душе боролись два начала, восточное и западное» (Бердяев, 2000, с. 112).

Наконец, большая роль в историогенезе русского менталитета отводится русскому языку, который, по словам Терещенко, представляет собой «таинственный узел народности», скрепляющий людей между собой. Согласно К. С. Аксакову, прежде всего благодаря языку обеспечивается единство народа. Слово оценивается им как орудие духовной деятельности, как то, что определяет сознание и самого человека.

Традиционное и инновационное в российском менталитете

Базовые черты, характеризующие менталитет того или иного народа, отличаются стабильностью, сохраняются на протяжении многих столетий. Даже претерпевая некоторые изменения под влиянием глобальных преобразований в социальной организации общества и образе жизни народа, присущие ему ментальные свойства остаются в своей основе постоянными, что обеспечивает его самоидентификацию на всех этапах исторического развития. Так, обращаясь к Древней Руси, к периодам монголо-татарского ига или борьбы русского народа с наполеоновским вторжением, к истории советского государства или современной России, можно обнаружить много сходных черт в психологии людей этих периодов, так как везде развивается и действует один народ, создатель и носитель одной культуры и ментальности.

Однако менталитет не является неким абсолютно неизменным образованием. Он создается коллективным субъектом и определяется особенностями его жизнедеятельности, в процессе изменения

которой возникают и накапливаются новые ментальные характеристики. Это касается прежде всего периферийных характеристик менталитета, ибо его ядерные свойства обладают большей устойчивостью и консервативностью. Трудно представить возможность преобразования архетипического начала в менталитете, также, как и его базовых черт. Согласно Н. Я. Данилевскому, ядром любого культурно-исторического типа народа выступает духовное основание — верования, ценности, идеалы. Оно поддерживается силой традиции, сложившимися ритуалами, укоренившимися обычаями. Сохранение этого ядра означает сохранение культуры и менталитета народа. С его разрушением возникает новая культура и новый менталитет как ее глубинное основание.

XX век с его мировыми войнами, кровавыми революциями, коренными поворотами в исторической судьбе русского народа внес значительные коррективы в его культуру и менталитет и предопределил новые тенденции в социокультурных процессах, протекающих на громадном этнокультурном пространстве России. Безусловно, огромное влияние на судьбу русского народа и его менталитет оказала революция 1917 г., заложившая начало кардинального преобразования традиционных устоев жизни, насильственной «переделки» веками существовавших норм, ценностей и идеалов русских людей. Ставилась задача создания нового типа личности — советского человека. Для ее решения использовался мощный арсенал идеологического воздействия и репрессивная сила государственной машины. Удар наносился прежде всего по самой сердцевине русской культуры и духовности — религии, которая целенаправленно уничтожалась, объявлялась «опиумом для народа». Отвергнутая религия замещалась новой — религией классово-пролетарской революции, коммунизма. Как пишет Н. А. Бердяев, коммунизм «сам хочет быть религией, идущей на смену христианству, он претендует ответить на религиозные запросы человеческой души, дать смысл жизни. <...> Коммунизм есть исповедание определенной веры, веры, противоположной христианской. <...> Коммунисты любят подчеркивать, что они противники христианской, евангельской морали, морали любви, жалости, сострадания» (Бердяев, 1981, с. 120, 135). Коммунистическая мораль декларировала новые нормы отношений и предъявляла суровые требования к человеку. Социально одобряемыми становились прежде всего такие качества, как преданность делу революции, бдительность и жесткая, непримиримая борьба с ее врагами, твердость духа, сплоченность, героизм революционной борьбы. Христианским добродетелям в этом перечне места не отводилось.

Конечно, никакие запреты и репрессивные меры не могли истребить веру. Она сохранялась в глубинах русской души, хотя при этом тщательно скрывалась от социального окружения. В результате в психологию русского человека на смену искренности и открытости пришли закрытость и «двойная мораль» — внешне демонстрируемые новые нравственные нормы и ценности и сокровенные внутренние традиционные нравственные убеждения; свобода и независимость в суждениях заменилась конформизмом; толерантность по отношению к иным культурам и народам преобразовалась в отчуждение и широкое непринятие инаковости.

Дальнейшая история развития советского общества продемонстрировала силу традиции, выступившей преградой на пути замышляемой тотальной перестройки психологии человека. Народ сумел сохранить присущие ему ценности, катакомбно развивая и передавая их от одного поколения другому. Ментальность народа и русская культура, сформировавшиеся в многовековой истории, выжили и победили в схватке с антисистемными, по словам Л. Н. Гумилева, влияниями. Без сомнения, этому в немалой степени способствовали трагические годы войны, сплотившие народ и на фоне некоторого ослабления идеологического давления актуализировавшие его лучшие традиции, глубинные, корневые пласты его души. Кроме того, нельзя не учитывать тот факт, что духу русского менталитета соответствовали утвердившиеся в советском обществе принципы коллективизма, патриотизма, жертвенности и страдания во имя высших целей, социальной справедливости, государственности, сотрудничества и взаимопомощи. Героическими усилиями народа в неимоверно трудных условиях была создана великая держава, многие достижения которой вызывали у людей законное чувство гордости. В нравственной сфере, несмотря на многочисленные идеологические препоны, вновь утвердились традиционные для русского народа отношения взаимопомощи и поддержки. Более того, они декларировались как основополагающие нормы человеческого общежития на государственном уровне, были положены в основу воспитательной работы. Подтверждением этого выступил, в частности, «Моральный кодекс строителя коммунизма», по сути, представляющий собой изложение в секуляризованной форме общечеловеческих норм и ценностей.

Обращаясь к современной действительности, следует констатировать, что сегодня вновь во имя неких иллюзорных целей делается попытка разрушить то духовное наследие, которое досталось нам от предков и благодаря тяжелейшим жертвам было сохранено в XX

столетии. В сознание нашего народа внедряются чуждые ему ценности индивидуалистической морали, космополитизма, прагматизма, конкурентности; вновь правят бал жестокость, агрессия и насилие. Общество раскалывается на полярные классы богатых и бедных, утрачивается его социально-психологическое единство. Обосновывается приоритет личных интересов над общественными. Критериями достоинства человека провозглашаются его предприимчивость и способность к обогащению. Свобода рынка как высшая либеральная ценность противопоставляется якобы деструктивной идее государственного регулирования социально-экономических процессов в стране.

В 1990-е годы народу активно навязывалась мысль о том, что патриотизм является религиозно-политическим атавизмом великодержавных амбиций царской России и советского тоталитаризма. Само это понятие в таком осмыслении становилось по существу резко отрицательным. С экранов телевизора звучала вырванная из контекста фраза о том, что «патриотизм — последнее прибежище негодяев». Тем самым делалась попытка подорвать корневые свойства нашего менталитета, всегда включавшего патриотизм и государственность как базовые социальные и личностные ценности. Сознательный отказ от идеологии автоматически привел к упразднению воспитания как фактора формирования личности. При этом акцент на всех уровнях образовательной системы стал делаться на подготовку «способных менеджеров», умеющих манипулировать информацией в интересах достижения своих целей. Школа уже не учит детей мыслить, рассуждать, аргументировать, видя свою главную задачу в «натаскивании» учащихся в целях успешной сдачи ЕГЭ. Деидеологизация общества и умаление роли гуманитарных наук открыло простор для тотального искажения истории России, которая рисуется в самых темных красках. Русский народ предстает в ней как агрессивный, бездеятельный, ленивый, консервативный, неспособный воспринимать ценности цивилизованного мира.

К счастью, в последние годы ситуация начинает меняться. Появилась Государственная программа патриотического воспитания граждан Российской Федерации. В выступлениях Президента страны В. В. Путина остро ставятся вопросы о важности нравственного воспитания личности, необходимости сохранения традиционных для нашего народа ценностей. Проведена работа по созданию единого учебника по истории России, призванного адекватно освещать основные события прошлого. Все это вселяет надежду на неизбежное духовно-нравственное возрождение российского общества.

Глава 12

Социальная психология российского предпринимательства

Российская история сложилась так, что на рубеже 1980–1990-х годов в стране произошли фундаментальные политические, экономические и социальные реформы, которые существенным образом изменили и социальную структуру российского общества, и психологические особенности значительной части российского населения. Одним из важных событий, связанных с этими изменениями, явилось становление, а если выразаться в историческом плане более корректно – возрождение, российского предпринимательства как социально-экономического явления и появление новой социальной общности и нового социального типа людей – российских предпринимателей.

Для российской психологической науки, и в первую очередь – для социальной психологии, это означало необходимость разработки принципиально новых научных проблем и изучения новых объектов исследования. Масштабные социально-экономические изменения, происходящие в России с начала 1990-х годов, явились своего рода естественным социальным экспериментом, который дал исследователям уникальную возможность зафиксировать, проанализировать и теоретически осмыслить закономерности, лежащие в их основе.

Не случайно именно в эти годы произошло появление и стремительное развитие экономической психологии – нового научного направления, призванного изучать закономерности взаимосвязей и взаимного влияния экономических и социально-психологических явлений (Журавлев, Позняков, 2004; Проблемы экономической психологии, 2004, 2005; Позняков, 2004; и др.). Именно в эти годы интенсивно исследовались закономерности динамики социально-психологических явлений в изменяющихся социально-экономических условиях (Динамика..., 1996; Журавлев, Позняков, 1992;

Журавлева, Журавлев, 2002; Совместная деятельность..., 1997; Социально-психологическая динамика..., 1998; Кочеткова, Журавлев, 1992; и др.). В эти же годы практически одновременно с появлением в российском обществе новой социальной группы – российских предпринимателей – были сделаны первые шаги в исследовании психологических особенностей представителей данной группы (Журавлев, 1991; Позняков, 1992а; Журавлев, Позняков, 1993, 1995; и др.).

Исследователей-психологов интересовали прежде всего следующие вопросы: есть ли какие-то принципиальные, существенные психологические особенности у представителей этой относительно новой социальной группы? Какие внутренние причины (мотивы) побуждают людей выбрать именно эту сферу жизнедеятельности? Какие психологические факторы и механизмы определяют уровень деловой активности и успешности предпринимательской деятельности? Как складываются отношения между предпринимателями и представителями других социальных групп российского общества: наемными работниками, представителями государственных органов, клиентами и потребителями? Вот перечень лишь некоторых вопросов, привлекавших внимание исследователей.

Научное психологическое исследование представителей этой тогда еще немногочисленной, достаточно закрытой и трудно доступной для исследования группы представляло и до сих пор представляет большую сложность. Эмпирические данные, получаемые в ходе таких исследований, имеют особую научную ценность. Первый в истории российской науки опыт проведения эмпирического исследования был реализован в 1992 г. группой сотрудников лаборатории социальной психологии Института психологии РАН под научным руководством А. Л. Журавлева в сотрудничестве со специалистами Института системных исследований проблем предпринимательства и маркетинга при Правительстве РФ. Функцию конкретной экспериментальной опытной площадки для проведения полевого исследования выполняли Союз арендаторов и предпринимателей (где весной 1992 г. провели первый опрос) и Международный конгресс «Малое и среднее предпринимательство в России», проходивший в Москве в июне того же года. Именно в ходе этих исследований были впервые сформулированы научные проблемы и получены первые эмпирические данные по тем направлениям, исследование которых до сих пор не потеряло своей актуальности и продолжается в настоящее время.

Мотивы выбора предпринимательской деятельности

Важным научным результатом проведенных исследований было выявление содержания и структуры мотивов, побуждающих людей к выбору предпринимательской деятельности. Данные интервью, проведенных на первом этапе исследования, в 1992 г., позволили определить следующие осознаваемые мотивы выбора предпринимательской деятельности: стремление к самостоятельности и независимости, реализация профессиональных способностей, достижение материального успеха, полезность выполняемой работы и завоевание авторитета. Было обнаружено, что каждый из этих мотивов может возникать как в результате позитивного стремления к реализации своих побуждений, так и на основе потребности к изменению неблагоприятных условий жизнедеятельности, вызывающих неудовлетворенность. Например, мотивация, связанная с материальным успехом, в одних случаях формулировалась как стремление обеспечить себе высокий уровень благосостояния и стать богатым человеком, а в других — как нежелание быть бедным, малообеспеченным. Мотивация, связанная со стремлением к независимости, в высказываниях опрошенных часто формулировалась как стремление уйти от зависимости (на старом месте работы) и т. д. Для того чтобы выявить не только субъективную значимость каждого мотива, но и характер его побуждения, условно обозначенный нами как достижение или избегание, причины, определяющие направленность на занятие предпринимательской деятельностью, были сформулированы в двух соответствующих вариантах, т. е. в виде пары суждений: например, «желание реализовать свои профессиональные способности — чувство невозможности реализовать свои профессиональные способности», и т. д. Опрашиваемые могли отметить несколько вариантов возможных причин, однако в каждой паре они должны были выбрать тот вариант, который в большей степени соответствовал их мнению.

Результаты опроса, проведенного в 1992 г., показывают, что наибольшую побудительную силу имели мотивы, связанные со стремлением к независимости и желанием реализовать свои профессиональные способности. В той или иной форме на них указало соответственно 66% и 60% опрошенных. Значительная часть респондентов связывала выбор предпринимательской деятельности с мотивацией материального благосостояния (54%) и полезности выполняемой работы (52%). Сравнительно ниже была представлена актуальность мотива, связанного со стремлением завоевать авторитет у окружающих (26%). На наш взгляд, это объясняется тем,

что социальная значимость и престиж предпринимательской деятельности в то время не играли в обществе заметной роли при выборе будущими предпринимателями этой новой сферы их активности. Интересно отметить, что для таких мотивов, как реализация профессиональных способностей, потребность чувствовать себя полезным людям и стремление завоевать авторитет у окружающих, преобладала позитивная форма мотивации, т. е. стремление к реализации своих побуждений. Для мотивов, связанных со стремлением к независимости и материальному благосостоянию, было характерно сочетание позитивной мотивации со стремлением устранить неблагоприятные условия жизнедеятельности (уйти от зависимости, не оставаться малообеспеченным человеком). По всей видимости, вторая группа побуждений, связанная с устранением неблагоприятных условий, помех, препятствующих самореализации субъекта, играла вспомогательную роль в общей структуре мотивации предпринимательской деятельности. Уход от неблагоприятных условий (низкого уровня материального благополучия и зависимости от административных ограничений) позволял предпринимателю более полно реализовать свои способности и почувствовать общественный смысл и пользу от своей деятельности.

В целом мотивы, сформулированные в позитивной форме, отмечались участниками исследования в 2,5 раза чаще, чем мотивы, связанные с устранением неблагоприятных условий деятельности.

Полученные результаты подтвердили высказанное ранее предположение, что люди, чей выбор предпринимательской деятельности основан на позитивной мотивации (стремление к самореализации и независимости), имеют больше шансов достичь успеха, чем предприниматели, чей выбор носит вынужденный характер и связан с неудовлетворенностью материальным положением, ограниченной самостоятельностью и чувством бесполезности наемной работы (Позняков, 1992). Развернутые ответы на вопрос о ведущей причине выбора предпринимательской деятельности также свидетельствовали в пользу выдвинутых гипотез. Подавляющее большинство респондентов так или иначе связывали свой выбор с личной свободой и независимостью, а также с возможностью самореализации. Преобладание позитивной мотивации предпринимательской деятельности, направленной на достижение поставленных целей и самореализацию личности в бизнесе, мы рассматривали в качестве ключевого фактора экономического самоопределения предпринимателей и одного из показателей психологической готовности к предпринимательской деятельности.

На вопрос, что привлекало респондентов в предпринимательстве в первую очередь, ответы распределились следующим образом: свобода и самостоятельность в работе (48%); новизна деятельности, ее творческий характер (24%); возможность реализовать свои способности (12%); общение с людьми, широкий круг контактов (12%); возможность получать экономический эффект (4%).

Характерно, что в 1992 г. ни один из опрошенных не указал на высокий доход или достижение материального успеха как на ведущий мотив выбора предпринимательской деятельности. В ходе выборочных интервью мы специально акцентировали внимание респондентов на данном вопросе. Оказалось, что материальное благополучие не рассматривалось участниками исследования как самоцель, а представлялось необходимым условием осуществления предпринимательства, поскольку наличие соответствующих денежных средств обеспечивало большую свободу в выборе сферы деятельности и выступало в качестве финансовой основы ее реализации (начальный капитал).

Полученные данные были сопоставлены с мнением предпринимателей о причинах, побуждающих других людей работать на их предприятиях. Главной мотивацией работы в сфере малого и среднего бизнеса оказался заработок — его отметили 72% опрошенных. На возможность в полной мере проявить свои способности указало 54%. Других мотивов в ответах практически не отмечалось.

Вышеизложенные данные позволяют скорректировать представления о мотивах предпринимательской деятельности, в частности, о побудительной роли материального стимула. Если в ответах на прямо поставленный вопрос, обращенный к предпринимателю, сила материального стимула оценивалась достаточно скромно, то в ответах на косвенный вопрос, в какой-то степени являющийся и проективным, значительно выше. Можно предположить, что ответы на косвенный вопрос в большей степени отражали реальное содержание мотивов деятельности предпринимателей. Во всяком случае, можно констатировать, что во взаимоотношениях с наемными работниками опрошенные предприниматели ориентируются в первую очередь на денежные стимулы и уже во вторую — на содержание работы, ее соответствие квалификации исполнителя.

Анализ мотивов, побуждающих людей заниматься предпринимательской деятельностью, позволяет более эффективно вести работу по профессиональному консультированию, психологической поддержке начинающих предпринимателей.

Оценка взаимоотношений предпринимателей с государственными органами

Существенные проблемы и трудности, препятствующие успешному развитию малого и среднего бизнеса (представляется, что до настоящего времени), были выявлены в ходе анализа отношений, складывающихся между предпринимателями и представителями государственных структур. Специальной задачей данного исследования было изучение представлений российских предпринимателей об ожидаемом и реальном характере отношений к ним со стороны органов власти (см. также: Позняков, Журавлев, 1995а, б).

Анализ представлений предпринимателей об ожидаемом характере взаимоотношений с государственными структурами показал, что большинство опрошенных рассчитывало на реальную поддержку и помощь со стороны государства (по крайней мере, на начальных этапах становления предпринимательства). При этом свыше 40% респондентов считало, что это должны быть отношения равноправных партнеров, т. е. сотрудничество, предполагающее учет взаимных интересов (см. таблицу 4).

Анализ ответов предпринимателей о реальном отношении со стороны государственных органов свидетельствует о преобладании негативных оценок (см. таблицу 5). Так, около трети опрошенных ответили, что они не чувствовали ни помощи, ни противодействия со стороны государственных органов, каждый пятый отметил как поддержку, так и противодействие, 40% респондентов согласи-

Таблица 4
Ожидаемый предпринимателями характер взаимоотношений с государственными структурами (1992 г., % положительных ответов)

Варианты ответов	В целом	Рядовые предприниматели	Президенты
Государство должно быть гарантом деятельности предпринимателя	23,9	27,3	11,1
Должны быть отношения равноправных партнеров	43,5	43,2	44,4
Государство должно помогать предпринимателям «встать на ноги» и обрести независимость	37,0	35,1	44,4

Примечание: в связи с тем, что часть респондентов отметила два варианта ответов, их общая сумма превышает 100%.

Таблица 5

Оценка предпринимателями отношения к ним со стороны государственных органов (1992 г., % положительных ответов)

Варианты ответов	В целом	Рядовые предприниматели	Руководители ассоциаций
Реальная поддержка	11	8,1	22,2
Чаше поддержка, но есть и противодействие	0	0	0
Как поддержка, так и противодействие	19	18,7	22,2
Чаше противодействие, но есть и поддержка	20	16,2	33,3
Постоянное противодействие и препятствия в работе	20	21,6	11,1
Не чувствую ни помощи, ни противодействия	28	32,4	11,1
Не ответили	2	3	—

лось с мнением, что государство скорее оказывало противодействие их работе, и лишь 11% отметили присутствие реальной поддержки.

Полученные результаты демонстрируют неоднозначность оценки предпринимателями отношения к ним со стороны государственных органов, но в целом противодействие чувствуется ими более отчетливо, чем поддержка. Таким образом, можно говорить о несоответствии социальных ожиданий предпринимателей в отношении деятельности государственных органов и реализации этих ожиданий в настоящем взаимодействии с властью. Это несоответствие явилось причиной низких оценок предпринимателями положительного отношения со стороны государственных органов.

Потребность в содействии, помощи, гарантированности предпринимательской деятельности может рассматриваться и как проявление у ряда предпринимателей своего рода иждивенческой позиции, и как завышенные ожидания в отношении помощи со стороны государственных структур. Объяснение этому следует искать, с одной стороны, в высокой степени зависимости начинающих предпринимателей от государства, а с другой — в чрезмерности социальных ожиданий (формируемой в том числе и самими властными структурами, а также СМИ) при отсутствии реальных механизмов их реализации. Видимо, этим во многом объясняется и низкий уровень удовлетворенности респондентов состоянием предпринимательской деятельности в России (оценка 2,7 по семибальной шкале).

Сравнительный анализ данных опроса, проведенного среди предпринимателей и руководителей региональных предпринимательских структур, показал, что последние более определенно оценивали отношение к ним со стороны государственных органов. Так, лишь 11,1% руководителей отметили, что не чувствуют ни помощи, ни противодействия, тогда как в группе рядовых предпринимателей практически каждый третий затруднился дать по данному вопросу определенную оценку (32,4%). При этом среди руководителей больше лиц, отметивших реальную поддержку со стороны государственных структур (22,2%). Среди рядовых предпринимателей такого мнения придерживалось лишь 8,1% респондентов. По-видимому, на более высоком уровне ведения бизнеса взаимодействие предпринимателей с государственными структурами носит более тесный и потому более конструктивный характер. С другой стороны, более высокие оценки опрошенных могут объясняться тем, что руководители региональных предпринимательских структур адекватнее оценивали характер отношения к предпринимателям со стороны государственных органов, так как были лучше осведомлены о реальном характере такого взаимодействия.

По результатам исследования были подготовлены практические рекомендации для представителей государственных органов власти и предпринимательских структур, занимавшихся поддержкой и развитием малого и среднего бизнеса в России (Позняков, 1992б).

Однако наиболее интересные результаты получены в процессе исследования социально-психологических факторов деловой активности предпринимателей. Специальной его задачей было изучение оценок предпринимателями динамики деловой активности их предприятий (организаций). В качестве параметров деловой активности предпринимателей в производственной сфере были выбраны следующие переменные: объем выпускаемой продукции (услуг), ее номенклатура, спрос на готовую продукцию (услуги), численность наемных работников, прибыль, доля прибыли, направляемая на развитие предприятия. Опрашиваемые должны были оценить: 1) результаты работы своих предприятий за примерно последние 6 месяцев и 2) ожидания изменений на ближайшие три–четыре месяца.

Результаты исследования, представленные в таблице 6, говорят о наличии существенных различий в оценках предпринимателями результатов своей работы. По большинству позиций они распределились в своих оценках на три группы: большая часть считает, что основные показатели работы их предприятий остались без изменений (41%). Около 35% отмечают рост показателей, однако четверть

Таблица 6

Оценка предпринимателями результатов работы своих предприятий и прогноз деловой активности (1992, % положительных ответов)

Оцениваемые показатели		Оценка изменений показателей		
		увеличение	без изменений	уменьшение
1	<i>Объем производства:</i>			
	ретроспективная оценка	36,07	34,43	29,51
	прогноз	50,82	26,23	22,95
2	<i>Номенклатура продукции (услуг):</i>			
	ретроспективная оценка	36,07	44,26	19,67
	прогноз	45,90	40,98	13,11
3	<i>Спрос на продукцию:</i>			
	ретроспективная оценка	27,87	34,43	24,59
	прогноз	34,43	29,51	19,67
4	<i>Численность наемных рабочих:</i>			
	ретроспективная оценка	27,87	40,98	31,15
	прогноз	34,43	36,06	29,51
5	<i>Прибыль:</i>			
	ретроспективная оценка	32,79	52,46	14,75
	прогноз	57,38	29,51	13,11
6	<i>Инвестиции на развитие предприятий:</i>			
	ретроспективная оценка	34,43	39,34	26,23
	прогноз	52,46	29,51	18,03
7	<i>Среднее значение:</i>			
	ретроспективная оценка	34,70	40,98	24,32
	прогноз	48,63	31,97	19,40

опрошенных отметили снижение деловой активности. Результаты корреляционного анализа показали высокую взаимосвязь оценок по параметрам объема продукции, спроса, прибыли и инвестиций ($r=0,40$, $p \leq 0,01$).

Вместе с тем, среди оцениваемых переменных были обнаружены и некоторые различия. Наиболее высоко предприниматели оцени-

ли рост спроса на производимую продукцию (услуги) – 41%. Некоторая тенденция к увеличению отмечалась в оценках номенклатуры выпускаемой продукции (услуг): 36% респондентов отметили ее рост, а 20% – снижение. При оценке динамики объема производства и инвестиций на развитие предприятия проявились тенденции как к увеличению (36% и 34% ответов соответственно), так и к снижению (30% и 26%). Незначительная тенденция к снижению была отмечена в оценках численности наемных работников: количество опрошенных, отметивших снижение этого показателя, составило 31%, что оказалось выше количества участников исследования, отметивших его увеличение (примерно 28%). При оценке прибыли большинство респондентов не отметило существенных изменений (52%), однако 32% предпринимателей оценили увеличение этого показателя, что примерно в два раза превышает количество лиц, указавших на его снижение (15%).

Прогноз предпринимателями деловой активности (при сохранении существенных различий в оценках) оказался в целом более оптимистичным. Половина опрошенных ожидали увеличения объемов производимой продукции (51%), прибыли (57%) и ее доли, направляемой на развитие предприятия (52%). Эти прогнозы были связаны с ожиданием увеличения спроса на продукцию (51%). И хотя около 30% респондентов считали, что существенных изменений в работе их предприятий не произойдет, лишь небольшая часть прогнозировала снижение деловой активности (около 20%). При этом самым большим оказалось количество респондентов, прогнозовавших снижение численности работников (30%).

Были обнаружены качественные различия в прогнозе деловой активности предприятий между предпринимателями, позитивно и негативно оценивающими изменение условий предпринимательской деятельности. При оценке условий как неблагоприятных предприниматели в большей степени были склонны прогнозировать снижение объемов производства и численности работников, но и, вместе с тем, увеличение номенклатуры продукции и услуг, спроса и прибыли. При оценке условий как благоприятных они давали прогноз на увеличение объемов производства и численности работников, а также прибыли. То есть в первом случае планируемый рост прибыли обеспечивался за счет увеличения номенклатуры товаров и услуг, порождающей увеличение спроса и одновременно снижения затрат на их производство; во втором случае – за счет увеличения численности работающих и объема выпускаемой продукции (услуг). Установленные в исследовании варианты планируемого предпри-

нимателями роста прибыли могут рассматриваться как две принципиально разные стратегии развития их деловой активности. Выбор той или иной стратегии определялся прежде всего оценками предпринимателями степени «благоприятности/неблагоприятности» экономических условий для развития своего бизнеса. В психологическом плане важно отметить, что при любых экономических условиях (как благоприятных, так и неблагоприятных) предприниматели были настроены на развитие производства своей продукции (услуг). Последующие работы позволили выявить социально-психологические особенности российских предпринимателей с разным уровнем деловой активности (Позняков, 2013). Результаты этих исследований, а также исследований, выполненных по данному направлению сотрудниками других лабораторий Института психологии РАН, были опубликованы в двух коллективных монографиях, которые давно уже представляют библиографическую редкость (Психология предпринимательской деятельности, 1995; Социально-психологические исследования..., 1999).

Начиная с середины 1990-х годов стали выполняться специальные исследования, посвященные выявлению региональных и гендерных особенностей российских предпринимателей (Журавлев, 1998; Позняков, Титова, 2002; Сумарокова, Журавлев, 1998; и др.). Во второй половине 1990-х годов была проведена серия работ, направленных на выявление социально-психологических факторов успешности предпринимательской деятельности и удовлетворенности ею (Журавлев и др., 1996; Дорофеев и др., 1996, 1999; Позняков, 2001; Купрейченко, Журавлев, 2000; Журавлев, Позняков, 2002; и др.). Благодаря финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда в 2000-е годы исследования социальной психологии российских предпринимателей в Москве, Центральном регионе России, а также в Сибири стали проводиться регулярно. Перспективным направлением исследований является изучение социально-психологических факторов и механизмов успешного делового партнерства (Позняков, Титова, 2005; Журавлев, Позняков, Титова, 2008; Позняков, Вавакина, 2009, 2014; Вавакина, Позняков, 2013; и др.).

Прикладные аспекты исследования

Результаты проводимых исследований публиковались в центральных научных журналах и докладывались на российских и международных конференциях по социальной и экономической психологии. Однако собранные в разные годы уникальные эмпирические данные

в исходном виде были доступны только участникам исследовательской группы. В связи с этим возникла идея создания уникальной научно-исследовательской базы, где в обобщенном, компактном, удобном для пользователей виде были бы представлены не только результаты проведенных научных исследований (научные отчеты, публикации, диссертационные исследования участников проекта и дипломные работы, выполненные под их руководством), но и сами исходные эмпирические данные. Так был реализован первый в российской психологической науке проект по созданию обновляемой информационной базы данных «Социальная психология российских предпринимателей» (Позняков, Познякова, Тихомирова, 2012; и др.). Эта база стала мощным информационным ресурсом, способствовавшим развитию исследований и распространению их результатов. Впервые она была представлена на сайтах Московского гуманитарного университета и Института психологии РАН и сразу же вызвала большой исследовательский интерес не только у российских ученых (что выразилось в большом числе обращений к данным сайтам и ссылок на представленные в них материалы), но и у студенческой молодежи, интересующейся проблемами социальной и экономической психологии.

Студенты, выполняющие дипломные работы под руководством участников проекта, получали реальную возможность приобрести практический опыт научно-исследовательской работы в рамках данного проекта, участвовать в проведении опросов и, что особенно важно, пользоваться исходными данными, представленными в информационной системе, для решения научных задач. Таким образом, только в последние годы были успешно реализованы научно-исследовательские работы по следующим темам: «Особенности ценностных ориентаций личности у предпринимателей с разным типом деловой активности» (работа выполнена О. А. Конкиной в 2011 г.), «Социально-психологические особенности предпринимателей-мужчин и предпринимателей-женщин» (работа выполнена А. А. Полуниной в 2013 г.), «Социально-психологические факторы доверия предпринимателей к различным видам организаций» (работа выполнена А. И. Егоровым в 2015 г.). Сами формулировки тем исследовательских работ в рамках данного проекта свидетельствуют о широких возможностях, которые открываются перед пытливыми и творческими молодыми исследователями. Начиная с 1994 г. в Московском гуманитарном университете (в то время Институт молодежи) впервые в практике высшего образования России был реализован научно-практический курс «Психология бизнеса в России»,

который в дальнейшем стал разделом более общих курсов «Психология предпринимательства» и «Экономическая психология», прочитанных В. П. Позняковым в Московском гуманитарном университете, в Высшей школе экономики и ряде других вузов. В рамках этих курсов не только излагались результаты эмпирических исследований социальной психологии российского предпринимательства, но и давались конкретные практические рекомендации по психологической диагностике и консультированию в сфере психологии бизнеса. Результаты исследований, выполненных в рамках данного проекта, были представлены в научно-практических монографиях (Позняков, 2010; Журавлев, Позняков, 2012; и др.), учебных программах и пособиях (Позняков, 2006). Однако подготовка будущих психологов в области психологии бизнеса является далеко не единственным примером практического применения результатов социально-психологических исследований российского предпринимательства.

В качестве других направлений и конкретных примеров практических приложений результатов, полученных в научных исследованиях, можно привести следующие. Так, исследовательская группа психологов под руководством доктора психологических наук, профессора Д. А. Китовой многие годы активно и успешно занимается формированием у студентов психологической готовности к предпринимательской деятельности. Авторы разработали и успешно адаптировали методику диагностики психологической готовности студентов к предпринимательской деятельности и комплекс учебных программ и методов ее формирования (Китова, 2002). В рамках программы «Школа юного предпринимателя» кандидатом психологических наук О. И. Титовой ведется психологическая подготовка школьников, интересующихся экономикой и предпринимательством, к практическому занятию бизнесом. Для интеллектуально одаренных школьников организовано опережающее образование по направлению «Бизнес и предпринимательство». Программа летней профильной смены «Школа юного предпринимателя» гармонично сочетает теорию и практику. Наряду с лекционно-практическими занятиями обучение реализуется через инновационные и интерактивные формы – дискуссии, тренинги, викторины, деловые игры, мастер-классы и квесты. В рамках Арт-мастерской бизнес-проектов школьники имеют возможность разработать свои бизнес-проекты совместно с действующими предпринимателями, выступающими в роли консультантов и экспертов. В результате ученики узнают о пользе предприимчивости, получают базовые знания, необходимые для подготовки и реализации своих проектов, знакомят-

ся с управленческими, экономическими и правовыми аспектами предпринимательской деятельности, приобретают навыки «рождения» бизнес-идеи и ее презентации, развития личностного потенциала и самопрезентации.

Еще одним важным направлением практического приложения результатов психологических исследований предпринимательства является бизнес-консультирование. Современные психологические знания все активнее используются в диагностической, коррекционной и ориентационной частях этой работы. Бизнес-консультирование, по сути, является деятельностью, направленной на актуализацию и осознание предпринимателем тех качеств своей индивидуальности, которые были сформированы ранее и оказывают влияние на его работу и развитие. Оно дает ему возможность адекватно оценить себя как профессионала в бизнесе с позиции критериев психологической науки и требований реальной ситуации сегодняшнего дня. Психологические исследования предпринимателей и предпринимательской деятельности позволяют более целенаправленно и обоснованно вести работу по их профессиональному консультированию и оказанию им психологической поддержки.

Бизнес-консультирование в нашей стране использует как результаты исследований отечественной социальной психологии, так и обширные наработки западной экономической психологии. За рубежом накоплен более чем полувековой опыт профессиональной деятельности психологов-консультантов. Тот бум, который пережил Запад в начале XX в. в области развития профессионального консультирования, первоначально решал задачи повышения производительности труда и эффективности производства. Но по мере гуманизации производства и развития самой психологической науки на передний план исследований вышел человек как субъект деятельности, в том числе и предпринимательской. Акцент сместился на изучение проблем, стоящих перед предпринимателем, и поиск их наиболее эффективных решений. Результатом явилось создание системы методик, способных оказать реальную помощь в данном виде деятельности. Этот арсенал диагностических, коррекционных и других программ все в большем объеме берется психологами на вооружение и применяется на практике в нашей стране. И если в начале этого процесса методическое оснащение переносилось на российскую почву без учета тех теоретических концепций, в контексте которых оно создавалось, и без учета специфики страны, то сейчас этот пробел постепенно ликвидируется, что повышает эффективность применения зарубежного опыта.

Бизнес-консультирование является эффективной, но не единственной формой оказания помощи предпринимателям. Сейчас психологи все более активно включаются в работу по формированию команд и управлению персоналом, проведению групповых тренингов и семинаров. На таких занятиях с помощью специальных методов обучения психологи помогают деловым людям осваивать новые психотехники в бизнесе, формируют умение быстро находить решения в нестандартных ситуациях, учат разбираться в психологическом состоянии окружающих людей и уметь воздействовать на партнеров и персонал недирективно. Также развивают поведенческую гибкость, навыки уверенности в сложных ситуациях, управления своими эмоциями, убедительного и аргументированного изложения собственной позиции и согласованного решения спорных вопросов. В ходе такой подготовки значительное число людей открывают в себе новые возможности и обнаруживают способности, которые затем могут быть реализованы на практике.

Социальная психология российского предпринимательства является перспективным, быстро развивающимся направлением психологической науки. В ходе первых эмпирических исследований, проводимых группой научных сотрудников Института психологии РАН, были выявлены и проанализированы социально-психологические проблемы и трудности становления малого бизнеса в России. В результате серии исследований удалось обозначить ряд существенных социально-психологических особенностей современных российских предпринимателей (мотивов, ценностных ориентаций, психологических отношений), определяющих направленность и уровень их деловой активности и успешность предпринимательской деятельности. Мощным информационным ресурсом развития исследований и представления заинтересованным пользователям полученных данных стала разработка интерактивной возобновляемой базы данных «Социальная психология российского предпринимательства». Практическое приложение результатов проводимых исследований связано с подготовкой рекомендаций для государственных и предпринимательских структур по поддержке и развитию малого и среднего бизнеса в России. Важными направлениями практической психологической помощи является диагностика и формирование психологической готовности к предпринимательской деятельности у школьников и студенческой молодежи, а также психологическое консультирование предпринимателей.

Раздел 5

**ГЛОБАЛЬНЫЕ ВЫЗОВЫ СОВРЕМЕННОСТИ
И ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ
ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ**

Глава 13

Избыточное неравенство доходов как угроза безопасности современного общества

Нормальное и избыточное неравенство

Чрезмерное неравенство доходов — для нашего общества одна из наиболее болезненных и взрывоопасных тем, которую по понятным причинам не любят, а потому склонны замалчивать и власть, и те социальные слои, для которых она дискомфортна. К тому же, как подчеркивает В.А. Хашенко, «отношение к социальному неравенству отражает тип мировоззрения, „идеологию“ глобального восприятия человеком устройства внешнего социального мира, его имплицитную теорию богатства и бедности» (Хашенко, 2005, с. 15).

При этом и в нашем обществе, и в среде профессионалов, обсуждающих данную тему, не так уж выражена инерция советской «уровниловки». Сейчас едва ли найдется сколь-либо значительное число сторонников позиции, согласно которой люди должны жить «одинаково» (да и в советское время так не считалось). Между тем сформировались очень четкие и количественно определенные понятия нормального и избыточного неравенства в распределении доходов. Нормальным считается неравенство, при котором доходы 10% наиболее богатых слоев населения превышают доходы 10% наиболее бедных слоев не более чем в 68 раз, как в западноевропейских странах. Значительное превышение этого соотношения принято считать избыточным неравенством, очень характерным для стран «третьего мира». В современной России, по данным независимых исследований, доходы 10% самых состоятельных в 2530 раз выше доходов 10% наиболее бедных граждан, а в ее столице и ряде других городов они могут быть выше в 4050 раз (Шкаратан и др., 2009), что ставит нашу страну в один ряд с государствами, характеризующимися слабо развитой экономической и несправедливой социальной структурой. Так, примерно тот же разрыв в доходах между самыми богаты-

ми и самыми бедными наблюдается в странах Латинской Америки (Шестакова, Соколова, 2007).

При этом можно считать доказанным, что если нормальное; умеренное неравенство положительно влияет на общество и его экономику, то «избыточное неравенство доходов является системной характеристикой экономических и социальных дисфункций» (Шевяков, 2008, с. 307); «нормальное неравенство проявляет себя как позитивный фактор, а избыточное — как негативный» (Шевяков, 2007, с. 197). По данным А. Ю. Шевякова, при снижении избыточного неравенства на 1% темп экономического роста повышается примерно на 5%, а темп роста инвестиций на 6,2% (Шевяков, 2008). По данным Т. Перссона и Г. Табеллини, «неравенство негативно коррелирует с ростом» (Persson, Tabellini, 1994, p. 618), а увеличение доходов 20% наиболее богатых слоев общества на 0,07 пункта снижает среднегодовые темпы роста экономики на 0,5 пункта. Ф. Ларрэн и Р. Вергара на материале анализа 45 стран установили, что каждым десятипроцентным пунктам увеличения неравенства в распределении доходов (доход высшего квинтиля относительно дохода низшего квинтиля) соответствует падение производства на 0,9% на душу населения, и сделали выводы о том, что «неравенство тормозит процесс экономического роста», «между неравенством и экономическим ростом существует негативная корреляция» (Larrain, Vergara, 1997, p. 21). К аналогичному выводу — «чем более неравным является распределение ресурсов в обществе, тем ниже темпы экономического роста» — пришли А. Алесина и Д. Родрик (Alesina, Rodrik, 1994, p. 481), а также многие другие исследователи.

Таким образом, «С начала 90-х годов среди исследователей-экономистов растет консенсус в отношении того, что увеличение неравенства в распределении дохода негативно сказывается на экономическом росте» (Aijona, Ladaique, Pearson, 2002, p. 12), хотя при этом и делаются оговорки, например, о том, что неравенство может быть благоприятно для роста при высоком уровне доходов, т. е. для развитых стран, и неблагоприятно при низком, т. е. для развивающихся государств (Вагго, 1999). Выявленная экономистами связь получает отображение и в нашем общественном сознании: по сравнению с 1992 г., когда в нем доминировали неолиберальные ценности, значительно снизилась доля тех, кто считает, будто большая разница в доходах необходима для процветания страны (Социальные неравенства..., 2008).

А. Ю. Шевяков дает связи неравенства и экономической эффективности социально-психологическое объяснение. Он пишет: «Нера-

венство в зависимости от условий, в которых оно реализуется, может оказывать диаметрально противоположное воздействие на социально-психологическое состояние общества. В нормальных условиях, когда оно не порождает у значительных по численности групп населения чувства социально-экономической несостоятельности, когда большинство видит в нем возможность улучшить свое положение, осуществление которой целиком зависит от собственных усилий, неравенство позитивно влияет на психологическую атмосферу в обществе, стимулируя конструктивное напряжение социальных сил. Это подтверждается результатами недавних сравнительных исследований в США и странах Западной Европы. Они показывают: чем больше неравенство в оплате труда, тем выраженнее субъективная склонность к интенсивному труду и выше производительность труда. Напротив, неравенство, порождающее лишения среди значительных групп населения, вызывает ощущение бессилия, невозможности улучшить свою ситуацию, воздействует на социально-психологическое состояние общества негативно. В этом случае оно не только служит источником психологической напряженности, но и деформирует мотивацию социального поведения, в частности, репродуктивного» (Шевяков, 2007, с. 201).

Подобное объяснение хорошо вписывается в теории социального сравнения, широко распространенные в психологии: «В этом механизме ключевую роль играют социальные сравнения, а не абсолютный уровень жизни тех или иных слоев населения» (там же, с. 202). «Оценка материального положения повышает общую удовлетворенность жизнью только тогда, когда ее материальный уровень воспринимается как благоприятный для индивида, то есть выше, чем у большинства окружающих его людей» (Хашенко, 2007, с. 68).

Из теорий социального сравнения следует, что, когда различие в уровне доходов субъектов А и Б сравнительно невелико, но все же достаточно существенно, более обеспеченный Б служит для А образцом для подражания, актуализирующим у него установку: «Я хочу и могу жить, как Б, для чего следует приложить такие-то и такие-то усилия». Сравнение с Б мотивирует А, создает у него позитивный образ будущего и повышает его активность. Если же различия доходов чрезмерны, это порождает у А мысль о том, что все равно за Б никогда не угнаться, что вызывает чувство неполноценности, недостижимости высоких имущественных стандартов, «черной зависти» к Б и т. п. В результате сравнение с Б ухудшает психологическое состояние А, снижает его трудовую мотивацию, вызывает апатию, «экономическую фрустрацию» личности (Хашенко, 2005), порождает такие явле-

ния, как «выученная беспомощность», «феномен разбитых окон» и др. Этот механизм распространяется не только на бедных, но и на богатых. Известный экономист Д. Ариели, подчеркивающий, что «мы по природе своей склонны заниматься сравнениями» (Ариели, 2013, с. 34), приводит очень любопытный пример того, как открытая информация о зарплатах высшего управленческого звена в США породила космические темпы роста этих зарплат, поскольку каждый из его представителей получил возможность сравнивать себя с другими и требовать, чтобы ему платили не меньше. «Вместо того чтобы вызывать стыд, каждое новое повышение уровня компенсации у одного директора заставляет других СЕО (Chief Executive Officer) требовать себе еще больше» (там же, с. 36), поскольку богатые начинают завидовать сверхбогатым.

Особенно остро негативные психологические эффекты социальных сравнений¹ проявляются в ситуациях, когда искусственно навязываются, например, посредством СМИ, заведомо недостижимые образцы для подражания (гламур, образ жизни «новых русских» и т. п.), которые порождают в обществе лишь раздражение, агрессию, суицидальные намерения, протестные настроения, что находит выражение в соответствующей статистике (Юревич..., 1981; Римашевская..., 2004; Социально-психологические исследования..., 1999; Социальные неравенства..., 2008; Гулевич, 2011). Проблема состоит не только в том, что в качестве образцов возвеличиваются крайне сомнительные в нравственном и прочих социально важных отношениях личности, но и в заведомой недостижимости этих образцов, чреватой массовой фрустрацией и создающей, особенно у представителей молодого поколения, подчеркнуто диссонансную установку: «Живи так, как ты жить не сможешь».

Социально-психологическая опосредованность последствий избыточного неравенства

Социально-психологическая опосредованность последствий социального неравенства проявляется в тех сферах, которые, не будучи напрямую связаны с экономикой, находятся в большой зависимости от социально-психологических процессов. Например, А. Ю. Шевяков

¹ Отметим, впрочем, и возможность обратных эффектов — «успокаивающего» влияния социальных сравнений. Например, наши сограждане, живущие на селе, как правило, завывают субъективную оценку своего материального положения, поскольку сравнивают себя с соседями, которые живут не лучше их (Градосельская, 2003).

констатирует: «Связь между социально-экономическими факторами и демографическими показателями опосредована психологическими реакциями людей и вытекающими из этих реакций поведенческими установками» (Шевяков, 2008, с. 308). При этом «Отношение к собственному здоровью и здоровью других людей, к браку и семье, репродуктивное поведение и просто желание жить определяются не уровнем обеспеченности человека, а тем, какое положение в обществе он занимает, в том числе в распределении общественного богатства, как он оценивает возможности это положение изменить или удержать» (там же). Отсюда проистекает выявленная А. Ю. Шевяковым вроде бы парадоксальная связь чрезмерного неравенства доходов с депопуляцией нашей страны, в свою очередь являющейся одной из ее главных проблем: «Анализ статистики за годы реформ свидетельствует, что изменения тенденций рождаемости и смертности в России на 85–90% обусловлены избыточным неравенством и высокой относительной бедностью населения» (там же, с. 305), а «вытеснение избыточного неравенства за счет нормального неравенства ведет к росту рождаемости» (Шевяков, 2007, с. 201).

Если влияние самой по себе бедности, за официальной чертой которой сейчас находятся порядка 20% населения России (Руденко, 2012), на депопуляцию достаточно очевидно, то влияние относительной бедности и избыточного неравенства тоже требует обращения к социально-психологическим факторам. Приводятся данные и о том, что с 1994 по 2007 г. уровень рождаемости тесно коррелировал ($r = -0,792$) с уровнем удовлетворенности жизнью (Воронин, 2009). При этом ведущим фактором общей удовлетворенности жизнью является субъективное экономическое благополучие (коэффициент влияния 31%) (Хашенко, 2005).

Ухудшение здоровья населения, произошедшее в первое пореформенное десятилетие, связывалось исследователями с рядом причин, важнейшие среди которых: 1) существенное понижение жизненных стандартов большей части российских граждан в кризисные годы, которое отразилось, в частности, на качестве питания; 2) рост стрессовых нагрузок вследствие высоких темпов общественных изменений; 3) заметно возросшее потребление алкоголя; 4) развал системы здравоохранения; 5) утрата представителями депривированных, наиболее уязвимых слоев общества контроля над обстоятельствами своей жизни и осознание ограниченности жизненных перспектив (Русинова, Сафронов, 2012, с. 29). При этом, «согласно полученным результатам, в середине и второй половине 1990-х годов состояние здоровья многих россиян стало неудовлетворитель-

ным, причем этот процесс затронул в первую очередь тех, кто оказался на нижних ярусах социально-экономической стратификации, тогда как в верхних ее слоях показатели здоровья были существенно лучше» (там же). В дальнейшем тоже проявилась большая связь между здоровьем и уровнем доходов, причем у женщин она выше, чем у мужчин, в большей степени нейтрализующих вредными привычками возможности заботы о своем здоровье, которые открываются при высоких доходах. А в условиях улучшения экономической ситуации в стране в плане здоровья «наиболее отчетливые перемены к лучшему происходили в страте с относительно высокими доходами (при прочих равных условиях) и у женщин 26–40 лет» (там же, с. 38).

По убеждению многих отечественных демографов, «при сохранении современного уровня неравенства в обществе преодолеть негативную динамику смертности не удастся» (Сверхвысокое неравенство..., 2008, с. 314). То же самое относится и к негативной динамике рождаемости: «В настоящее время более 60% населения не могут реализовать свои репродуктивные намерения именно в силу социально-экономических ограничений» (Шевяков, 2008, с. 311), а количество семей, желающих стать многодетными, в пять раз больше их фактического числа (там же). Отмечается, что «малодетность сегодня становится жизненной нормой: половина российских семей воспитывает только одного ребенка, при этом родители (в том числе и матери) не стремятся к рождению последующих детей, ссылаясь на недостаточность средств, времени и сил» (Грицай, 2011, с. 101)¹, причем более образованные женщины рожают первенца в среднем на пять лет позже, чем женщины с менее высокой квалификацией, а среди женщин с учеными степенями бездетность встречается вдвое чаще, чем у домохозяек (там же). Имеется и прямая корреляция между уровнем бедности, с одной стороны, наличием и числом детей в семье — с другой. Среди бедных домохозяйств семьи с детьми составляют 61%, а в общем числе домохозяйств таких семей вдвое меньше — 37% (Попов, 2008), 50% бедных у нас составляют многодетные семьи с тремя и более детьми, 30% — семьи двумя детьми, и лишь 15,7% — семьи, где всего один ребенок (Бедные дети, 2012). Исследо-

1 Отметим, что эта тенденция носит достаточно универсальный для западных и восточноевропейских стран характер. Так, в 2007 г. в Испании среднее число детей на одну женщину составляло 1,20, в Лианнии — 1,41, в Японии — 1,37, в России — 1,21, в Украине — 1,09, в то время как для поддержания имеющегося уровня воспроизводства населения в среднем необходимо 2,15 детей (Капица, 2007)

ватели констатируют, что «у российской бедности, скорее, детское лицо» (Попов, 2008, с. 691).

В подобных условиях именно относительная бедность, порождаемая чрезмерным социальным неравенством, служит одной из главных причин снижения рождаемости, а ключевым фактором отказа иметь детей или рожать более одного ребенка является представление родителей о невозможности обеспечить им достойное существование. Этот фактор способен влиять и на смертность, создавая у человека пессимистическое видение своего места в обществе, чреватое стрессами, психосоматическими заболеваниями и даже суицидами.

Относительная бедность, определяемая на основе самооценки населения, почти в два раза превышает официально исчисляемый уровень бедности. Бедными себя считают около 40% граждан России, что обнаруживает непосредственную связь с уровнем неравенства (Руденко, 2012). В результате «бедность во многих регионах страны — это проблема чрезмерно высокого неравенства, и ее масштабы не могут быть радикально снижены в короткий срок без радикального снижения масштабов неравенства» (там же, с. 596), а «размеры этой группы достаточны для того, чтобы вызвать серьезные социальные потрясения в стране» (Левашов, 2007, с. 169).

Возникает довольно любопытная картина, в очередной раз опровергающая примитивный «экономический детерминизм» (см.: Юрвич, 2009б) и иллюстрирующая ведущую роль социально-психологических факторов. «Как ни странно, несмотря на то, что, согласно данным государственной статистики, в течение 2004—2006 гг. экономическое благополучие населения в целом неуклонно повышалось, субъективное качество жизни россиян хотя и медленно, но снижалось» (Зараковский, 2009, с. 98). Конечно, эту статистику можно заподозрить в необъективности. Но, скорее всего (одно другого не исключает), «на население негативно воздействует какой-то объективный психологический фактор» (там же). Этот фактор состоит в оценке человеком своего субъективного качества жизни в результате социальных сравнений (Хашенко, 2005). «Субъективное экономическое благополучие в большей мере опирается не на объективные, связанные с реальным, материальным положением, а на субъективные (психологические) критерии, детерминированные стандартами благосостояния той имущественной категории, к которой человек себя относит» (там же, с. 18). При этом «субъективное экономическое благополучие человека определяется относительно субъективно пе-

реживаемого уровня бедности, который выступает в качестве критерия, своеобразной „точки отсчета“ в оценке материального благосостояния» (там же, с. 13).

Социопсихосоматика

Отмечается и то, что с конца 1990-х годов к середине 2000-х в нашей стране существенно ухудшилась статистика заболеваний, в этиологии которых большую роль играют стрессогенные факторы, — заболеваний системы кровообращения и органов пищеварения, в то время как количество заболеваний инфекционными и паразитарными болезнями, напротив, снизилось (Зараковский, 2009). Г. М. Зараковский объясняет данный феномен в свете двух возможностей: 1) расхождения адаптации к происходящему на сознательном и бессознательном уровнях, 2) психофизиологических издержек более активного образа жизни, в частности, многократной занятости и т. п., необходимых для адаптации к новым экономическим условиям. Оба объяснения выглядят вполне комплементарными к воздействию неравенства доходов на психологическое состояние граждан; оно, в свою очередь, оказывает большое влияние на их здоровье, а значит, и на демографические процессы, о которых речь шла выше. Видимо, в подобных случаях можно говорить не просто о психосоматике, а о социопсихосоматике, состоящей в том, что образ общества, который вырабатывается у человека, посредством психологических процессов оказывает влияние на его психофизиологическое состояние.

При этом следует подчеркнуть, что образ общества, характеризующегося чрезмерным материальным неравенством, может фрустрировать человека не только как фон для низкой оценки его собственного субъективного благополучия. Большую социопсихосоматическую роль могут играть и другие стороны этого образа: ощущение вопиющей социальной несправедливости, неуправляемости ситуации или ее нахождения под контролем «злых сил» (очевидно, что различия в уровне доходов надо сокращать, но этого почему-то не делается), стагнации положения дел и отсутствия перспектив его улучшения. Соответственно, образ общества, в котором живет человек, — это для него не когнитивная абстракция, а один из важнейших детерминантов протекающих в его организме процессов¹.

1 В данной связи следует отметить, что «обаятельная скромность буржуазии», характерная для западных стран, имеет не только политический (не раздражать население), но и психологический смысл. Заведомо недостижимые образцы выводятся из фокуса общественного сознания,

Статистика заболеваний, в этиологии которых большую роль играют психологические факторы, порождаемые механизмом социальных сравнений, дополняется статистикой самоубийств, алкоголизма, употребления психоактивных веществ и т. п. (Российский статистический ежегодник..., 2007; Доклад о развитии человека, 2007). Причины подобных разрушительных для общества явлений, естественно, очень разнообразны. Однако, как постоянно подчеркивают изучающие их исследователи, они относимы к «социальным болезням», выражающим общее состояние нашего общества и далеко не в последнюю очередь характерное для него распределение доходов. К пьянству, самоубийствам и другим формам самоуничтожения человека подталкивают и бедность как таковая, и ощущение своей «никчемности» в обществе, где основным мериллом того, насколько человек состоялся в жизни, являются деньги, и убежденность в невозможности улучшить свой материальный статус в условиях несправедливого распределения доходов, и другие подобные факторы. Соответствующие «социальные болезни», вносящие большой вклад в депопуляцию России и ухудшение качества ее населения, тоже во многом производны от чрезмерного социального неравенства и его социально-психологических последствий. Показательна выявленная Г. Л. Ворониным высокая отрицательная корреляция ($r=0,714$) между количеством самоубийств и восприятием людьми уважения к ним в обществе, а также их востребованности в нем, одним из главных показателей которых в наши дни также является уровень доходов (Воронин, 2009).

Характерно для современной России и огромное количество убийств¹, по количеству которых на 100 тыс. жителей мы занимаем одно из первых мест в мире, примерно в 10 раз превосходя большинство европейских стран и в 4 раза США, тоже очень неблагоприятные в данном отношении. По уровню смертности от убийств мы уступаем только некоторым латиноамериканским странам, таким как Колумбия, и ряду стран Африки, находящимся к югу от Сахары (нет нужды объяснять, что это за страны) (Лысова, Щитов, 2003). Количество убийств традиционно служит одним из главных инди-

в качестве ориентиров для которого задается образ жизни среднего класса, что в соответствии с описанной выше схемой повышает трудовую мотивацию и создает оптимистическое видение будущего.

1 При этом обращает на себя внимание высокая корреляция между количеством убийств и самоубийств, между количеством самоубийств и уровнем рождаемости, а также между другими подобными характеристиками общества (Воронин, 2009).

каторов уровня агрессивности общества, который применительно к современной России и по другим показателям является чрезвычайно высоким. Эта агрессивность, особенно характерная для нашей молодежной среды (Сочивко, Полянин, 2009), аккумулирует в себе разные факторы, например, влияние СМИ, прежде всего нашего телевидения и кинематографа, создающих культ «крутых парней» и «хороших бандитов». Большую роль играет и массовая фрустрация¹, как в описанных выше случаях, производная от чрезмерного неравенства доходов, задания завышенных ориентиров благополучия и невозможности их достижения. В данной связи особенно существенно, что «среди бедных все больше становится людей молодых, с наиболее высокими социальными ожиданиями»: 1/4 часть бедного населения России составляют люди в возрасте 16–30 лет (Шестакова, Соколова, 2007, с. 98).

Следует отметить и то, что крайне высокий уровень *бытовой* агрессии в современной России во многом служит компенсаторной производной от описанной ситуации. Раздражение значительных слоев населения своей бедностью, существующей на фоне цинично демонстрируемого богатства, и невозможностью что-либо изменить легальными путями (например, путем выборов), находит выражение в агрессии, которая в условиях невозможности ее обращения на власть имущих направляется на рядовых граждан. Это подтверждается, в частности, наиболее высоким уровнем бытовой агрессивности бедных слоев населения. Как свидетельствует статистика МВД, основная часть бытовых убийств совершается именно в этих слоях, из которых являются выходцами, например, большинство футбольных фанатов, известных своим агрессивным поведением. Показательно и то, что в нашей стране ежегодно более 10 тыс. женщин гибнет от рук своих мужей и партнеров, а вообще насилие фиксируется в каждой пятой семье (Лысова, Шитов, 2003).

Социально-политические последствия избыточного неравенства

Разумеется, чрезмерное неравенство доходов имеет и серьезные *социально-политические* последствия. «Важнейшим фактором соци-

1 Вспомним хорошо известную в психологии концепцию Н. Миллера и Д. Долларда, согласно которой именно фрустрация, невозможность достижения поставленных человеком перед собой целей, порождает агрессию. Этот механизм можно спроецировать и на макросоциальный уровень, где фрустрация предстает как массовая фрустрация, переживаемая людьми, которые оказались в сходных социально-психологических условиях.

альной напряженности может стать распространение в обществе представления о нелегитимности существующего положения вещей, ситуация, когда богатство или, напротив, бедность воспринимаются населением как несправедливые, незаслуженные» (Елецкая, 2009, с. 83), а в качестве несправедливого, в первую очередь в плане распределения собственности, наше общество расценивают около 80% населения (там же). Так, социологические опросы показывают: «Для россиян абсолютно нелегитимна частная собственность на природные ресурсы», признать которую готовы лишь 2% наших сограждан (Мареева, 2012, с. 399). Число граждан, выражающих позитивное отношение к частной собственности, к 2005 г. сократилось по отношению к началу 1990-х гг. с 71 до 43% (Славин, 2007). «Важная особенность бедности в России состоит в том, что она воспринимается большинством населения как результат социальной несправедливости, допущенной в ходе ваучерной приватизации в начале 90-х годов» (Шестакова, Соколова, 2007, с. 102). Некоторая амортизация в нашем общественном сознании итогов приватизации 1990-х, которые с начала реформ и по сей день считает несправедливыми подавляющее большинство населения (Левашов, 2007), была бы возможной только в том случае, если бы предопределенное в основном ею неравенство доходов обнаруживало тенденцию к сокращению. Лишь при постепенном выравнивании уровня доходов тема их первоисточников могла бы отойти¹ в прошлое как малоактуальная для сегодняшнего дня. Однако в современной России неравенство доходов не сокращается, а лишь возрастает, что еще более обостряет восприятие несправедливого распределения их источников. Это лишает легитимности в глазах значительной части населения не только частную собственность на природные ресурсы, но и другие формы собственности на источники обогащения (тем более что других источников в нашей стране намного меньше), а также сложившуюся в ней экономическую систему в целом. Неоднократно говорилось о том, что «население, 15 лет живущее в условиях рынка, считает рыночные отношения нелегитимными и аморальными» (Дондурей, 2007, с. 80), что, «по мнению общества, власть и собственность сосредоточились в руках бюрократов, богатых и криминала» (Левашов, 2007, с. 283) и т. п. Воспринимаемая нелегитимность распространяется и на политическую систему, что порождает протестные настроения

1 В данной связи О. И. Шкаратан отмечает «очевидное несовпадение политики правящих кругов с заявленными приоритетами по формированию среднего класса» (Шкаратан, 2004, с. 126), плохо реализуемыми в условиях столь вопиющего неравенства доходов.

и другие подобные явления, делая шаткой всю нашу общественно-политическую структуру, что, в свою очередь, порождает негативные экономические последствия — утечку капитала в результате неуверенности его обладателей в завтрашнем дне и т. д.

Сокращение неравенства доходов содействовало бы развитию среднего класса, все еще достаточно дефицитного для нашей страны, и другим улучшениям структуры нашего общества. Как подчеркивает французский лауреат Нобелевской премии по экономике М. Алле, справедливость в распределении доходов одновременно противодействует росту незаработанных доходов и образованию монополистических элит, обеспечивает возвышение наиболее способных, стабильность и безопасность (Алле, 1998). Уместно и применение «формулы» И. Бентама, согласно которой мерой «правильности» (т. е. социальной справедливости) является «наибольшее счастье наибольшего числа членов общества» (Бентам, 1998), что имеет куда более глубокий социальный и психологический смысл, нежели постоянно критикуемая нашими неолибералами «уравнительная» справедливость.

Как показывают опросы, за годы реформ отношение к богатым и к богатству в целом обнаруживает в нашей стране тенденцию к улучшению. Вместе с тем еще очень велика доля населения, негативно относящаяся к этим явлениям (Елецкая, 2009), а слово «капитализм» вызывает отрицательные эмоции у 61 % россиян (положительные — лишь у 26%) (Славин, 2007). Естественно, это во многом связано и с советской «уравниловкой», и с более ранними традициями нашего общества, и с православной этикой, и со многими другими факторами. Влияют на отношение к «новым богатым» также хорошо известные особенности их поведения. Однако существует и еще одна причина негативного отношения к богатству в нашей стране: живленное в общественное сознание представление о современной российской экономике как об «игре с нулевой суммой», в условиях которой *одни богатеют за счет других*: соответственно, бедные, да и средние слои населения часто воспринимают богатых как разбогатевших за их счет. Нарушается широко известный в социальных науках «принцип Парето», согласно которому повышение общественного благосостояния происходит лишь в том случае, «когда улучшение положения одних членов общества не приводит к ухудшению положения других»¹.

1 Именно поэтому, как подчеркивают в своем докладе два нобелевских лауреата Дж. Стиглиц и А. Сен, размер ВВП на душу населения не может служить адекватным индикатором благосостояния общества, нуждаясь

«Почему народ живет плохо?» — ставит вопрос А. Ю. Шевяков и отвечает: «богатые пресыщены, высокие доходы используются в значительной мере на потребление (включая накопление неприпроизводительной собственности) или деньги вывозятся за рубеж, в то время как 80% населения страны получают слишком мало относительно прожиточного минимума» (Шевяков, 2008, с. 305). Представляется, что в подобных условиях улучшение отношения к богатым исчерпало свои ресурсы и не имеет других перспектив, кроме существенно-го изменения распределения доходов в нашем обществе. По мнению вышеупомянутого нобелевского лауреата М. Алле, которого трудно заподозрить в приверженности советским настроениям, деньги должны зарабатывать трудом, а не доставаться путем получения даровых доходов, независимо от того, проистекают они от сверхприбыли на земельную собственность, чистого процента на капитал, прибыли, связанной с инфляцией, или же политических махинаций и интриг. Несправедливые, незаработанные доходы должны быть по возможности устранены или сведены к минимуму (Алле, 1995).

Достаточно часто отмечается и то, что одна из главных «болезней» современного российского общества — коррупция, по уровню которой мы занимаем 154-ю позицию в мире из 178 возможных (Transparency international, 2012), соседствуя с такими государствами, как Кения, Конго, Новая Гвинея и Папуа, — тоже тесно связана с неравномерным распределением доходов. Значительная часть избыточных доходов образует «коррупционный фонд», который используется в разрушительных для общества целях (Rodriguez, 2000). Кроме того, когорту «новых богатых» обильно пополняют коррумпированные чиновники за счет своих коррупционных сумм, что еще больше ухудшает отношение населения и к богатым, и к сложившемуся у нас способу распределения доходов.

Характерное для современной России распределение расходов государственного бюджета чревато возрождением того, что мы очень хотели бы забыть, — классовой борьбы и ее хорошо известных из нашей истории последствий. В частности, по сравнению с 1999 г. у нас в 1,5 раза выросло число сторонников социал-демократических идей (Славин, 2007). Парадокс, правда, состоит в том, что в советские годы, когда никакой классовой борьбы у нас не было, на всех уровнях отечественной образовательной системы нас заставляли штудировать

в дополнении другими показателями, в том числе и распределения доходов (Stiglitz, Sen, Fitoussi, 2009), а экономический рост может сочетаться как с увеличением, так и с сокращением неравенства (Growing unequal..., 2008).

учение о классовой борьбе, в современной же России, которая буквально трещит от противоречий, вполне подходящих под характеристику классовых, это учение предано забвению. Объяснение данного парадокса, впрочем, может быть достаточно простым: марксистское учение предано забвению именно потому, что оно сейчас слишком актуально для нашей страны и, в случае широкого внедрения в умы, может иметь такие же глобальные последствия, как и в начале прошлого века. Из истории хорошо известно, что от воплощения классовых противоречий (таких как заинтересованность богатых в сохранении status quo, а бедных в его радикальном изменении) до классовой борьбы всего один шаг, и он легко может быть сделан при определенных обстоятельствах. А попытка предать забвению концепцию, слишком точно описывающую реальную ситуацию, ни в коей мере не может заменить изменение самой ситуации. В результате, по мнению большинства россиян, в нашем обществе становятся все более заметными противоречия между бедными и богатыми (в 2006 г. их отметили 84% опрошенных), между низшими и высшими классами (76%), между работодателями и работниками (53%) (Левашов, 2007). По мнению социологов, линия напряжения, которая пролегает между богатыми и бедными, по своему накалу в 1,5–2 раза превышает все остальные лиги межгрупповой напряженности (Славин, 2007), причем постоянно нарастает доля россиян, которые считают, что наше государство выражает интересы богатых граждан и государственной бюрократии (Левашов, 2007). Не выглядит чрезмерно алармистской такая констатация: «Социально-классовый разлом общества на две явно неравные части: богатое и сверхбогатое меньшинство (5%) и нищее, бедное и едва накормленное большинство (до 60%), – объективно удерживают Россию в зоне повышенных рисков, в зоне предкризисного состояния, вероятных классовых конфликтов» (там же, с. 88).

Способы сокращения неравенства

Сокращение неравенства доходов оказало бы на наше общество многостороннее позитивное воздействие, в том числе и социально-психологическое. В частности, как пишет Н. П. Попов, резкое снижение разрыва в уровне доходов «до 79 раз уменьшит широко распространенное сейчас чувство социальной несправедливости, отчуждения, бессилия что-либо изменить в своей жизни, протеста против существующего порядка» (Попов, 2008, с. 691). Подчеркнем в очередной раз, что авторы подобных высказываний выступают отнюдь

не за советскую «уровниловку», а лишь за *сокращение* неравенства. Однако, несмотря на многообразие и очевидность негативных экономических, социальных и психологических последствий чрезмерного неравенства, предпринимаются, в основном нашими неолибералами, и попытки его оправдать, что неудивительно, ведь оно выгодно получающим сверхдоходы, готовым оплачивать идеологический заказ на это оправдание. Попытки изменить отношение массового сознания россиян к чрезмерному неравенству доходов и к предлагаемым способам его уменьшения, таким как введение прогрессивной шкалы налогообложения и налога на роскошь, предпринимаются с помощью внедрения в него формул «бороться надо не с богатством, а с бедностью», означающих некий вариант социально-экономического развития, при котором бедные становятся богаче, но не за счет богатых. Такой вариант, очевидно, предполагает рост «общего пирога», который потенциально обогащает все слои населения. Однако, во-первых, основную часть нашего ВВП составляют доходы от продажи сырья, что делает развитие по принципу увеличения «общего пирога» проблематичным и больше напоминает «игры с нулевой суммой»: увеличение доходов одних социальных групп предполагает уменьшение доходов других, а борьба с бедностью возможна лишь за счет ограничений богатства. Во-вторых, даже в условиях постоянного возрастания «общего пирога» необходимо его распределение в интересах основной части общества, вследствие чего в развитых странах и существует прогрессивная шкала налогообложения; в наших же условиях рост ВВП при благоприятной экономической конъюнктуре лишь обостряет социальное неравенство. Справедливо отмечается, что «экономика растет не для всех. Ее рост положительно сказывается лишь на немногочисленной элите и фактически не затрагивает большинство домохозяйств» (Шестакова, Соколова, 2007, с. 95). Из общего прироста доходов почти половина (45%) достается наиболее благополучной десятой части населения, в то время как наиболее бедным 10% населения лишь 3% (Славин, 2007). При этом, по данным социологов, 70% российских семей не ощущают никаких последствий от усилий правительства по преодолению бедности и неравенства (Шестакова, Соколова, 2007).

Исследователи подчеркивают, что «ситуация в стране парадоксальная, экономический рост в условиях существующих распределительных отношений только усиливает неравенство», «не способствует смягчению проблемы бедности» (Руденко, 2012, с. 597). Подсчитано, что помимо положительной и статистически значимой (коэффициент корреляции Пирсона 0,8472) зависимости между уровнем эко-

номического развития и неравенством в регионах России наблюдается также положительная, хотя и не такая значимая (коэффициент корреляции Пирсона 0,4774), зависимость между темпами прироста доходов на душу населения и изменениями в неравенстве распределения доходов (там же). В частности, в период экономического роста 2000–2008 гг. неравенство росло почти во всех регионах (там же), различия между укладами жизни разных слоев населения продолжали углубляться (Шкаратан и др., 2009).

При этом, правда, обсуждение соответствующих мер сокращения неравенства испытывает на себе влияние специфической организации – точнее, дезорганизации – нашей общественной жизни. Так, многие наши сограждане, в принципе понимающие необходимость введения прогрессивной шкалы налогообложения, хорошо помнят, в каких мучительных условиях им приходилось платить налоги в те годы, когда она существовала, и опасаются возвращения подобной практики. Тем не менее, сторонники прогрессивного налогообложения резонно подчеркивают: «Мы много копируем у западных стран; стоило бы перенять их методы регулирования неравенства доходов <...> единый социальный налог с его регрессивной шкалой – антисоциален» (Шевяков, 2007, с. 203), для нашей страны характерна «очевидная абсурдность плоского налогообложения доходов, которое, тем не менее, никак не удастся изменить» (Сверхвысокое неравенство..., 2008, с. 316). Отсутствие подобных изменений, необходимость которых и очевидна для нашей страны, и соответствует международной практике, может иметь только одну явную причину – сложившийся в нашем обществе баланс интересов, который пока не отвечает здравому смыслу и комплексу потребностей основной части общества.

Глава 14

Психологические технологии и механизмы глобальной манипуляции

Вводные замечания

Информационно-психологические воздействия (ИП-воздействия) на современного человека тотальны, многомерны и многоуровневые. При этом они высокоманипулятивны и становятся причиной неадекватности исторического сознания, социального восприятия происходящих в мире событий и прогнозирования будущего. Перед психологической наукой возникает проблема изучения навязываемого видения социально-политической реальности в интересах определенных социально-политических, экономических и иных проектов. В этой связи актуально углубленное психологическое осмысление социального познания и степени его адекватности, в частности, навязанных социальных представлений о происходящем и грядущем, а также «апокалипсических ожиданий».

Исследования ИП-воздействий характеризуются многозначностью, фрагментарностью, слабой практической ориентированностью научного знания (Гостев, 2017). Глобализация, например, предполагает сложнейший процесс взаимодействия традиционных элементов цивилизационной системы с новациями во всех сферах жизни современного человека (Россия в глобализирующемся мире..., 2007; и др.). В последние же 25–30 лет о глобализационных тенденциях говорилось как о чем-то естественном, неизбежном и прогрессивном. Умалчивались важные аспекты, связанные именно с манипуляцией сознанием людей¹, особенно с коррозией духовно-нравственной сферы (Гостев, 2012; Психологическое здоровье..., 2014).

1 Говоря об информационно-психологическом воздействии на сознание человека, мы будем использовать термин «система сознания», включающий в себя понятие «актуального» и «потенциального сознания» на индивидуальном и групповом/коллективном уровнях.

Глобальная психоманипуляция происходит на фоне растущего системного кризиса человечества, связанного со сменой технологических укладов, с борьбой моделей однополярного и многополярного мира, со столкновением мировоззрений и этических кодексов и пр. *Она опосредует все виды информационно-психологических воздействий в планетарном информационном поле, имея свою специфику в зависимости от национально-культурных особенностей стран, регионов и т. п.* Мы исходим из того, что социальное восприятие (и антиципация) на индивидуальном, групповом, государственном, регионально-цивилизационном и глобальном уровнях создает кумулятивный эффект иллюзорности социального познания. Данный эффект очень трудно просчитать, учитывая сложность объективных закономерностей трансформации человечества, которые не улавливаются в должной мере системой социогуманитарного знания (см., например: Новое в науках..., 2015; Проблемы субъектов..., 2007). Но это не освобождает психологическую науку от изучения отражения системой индивидуального и группового сознания национальных и планетарных процессов.

Необходимо расширить научные представления о природе, содержании, функциях и эффектах ИП-воздействий, в частности, о деструктивных последствиях психоманипуляций на их основе. В данной главе предлагается более целостное их видение и предполагается формулирование следующих теоретико-методологических задач:

- 1) расширение предметного поля исследования проблемы;
- 2) рассмотрение тематики ИП-воздействий в глобальном контексте;
- 3) учет духовно-нравственных аспектов глобальной психоманипуляции, включая рассмотрение религиозного сознания как политического фактора;
- 4) изучение контрманипулятивных ресурсов личности и общества.

Объем главы не позволяет дать полную картину обсуждаемой тематики. Остановимся на некоторых результатах, работающих на решение указанных задач.

Психоманипулятивные ИП-воздействия предполагают передачу информации от некоего источника к человеку/группе/общности с целью изменения содержания системы сознания объекта воздействия (убеждений, мотивов, идеалов и т. п.), его психологических характеристик и поведения. Такие воздействия могут основываться на логических аргументах и/или играть на чувствах, быть нацеленными на конкретную аудиторию или обобщенным «посланием лю-

дям». Используются механизмы суггестирования, подражания, социального научения, конформизма, идентификации и т.д. Любое ИП-воздействие является в той или иной степени психоманипуляцией – *непреднамеренной* (на основе потоков информации в «информационных полях» различного уровня) и *преднамеренной* – со стороны субъектов воздействия. Актуально рассматривать указанные варианты применительно к конкретной личности и к многоуровневости группового сознания.

Изучение многоаспектности психоманипуляций предполагает разработку теоретико-методологического подхода к проблеме (Латынов, 2013; Проблемы субъектов, 2007; Психологическое воздействие, 2014). Данный подход по сути должен быть *междисциплинарным*. Необходимо, в частности, углубление взаимодействия социальной, политической и исторической психологии в их видении тематики (Гостев, 2015; Историогенез..., 2016; Историческая психология..., 2004; Королев, Журавлев, Кольцова, 2011). Полезной была бы ориентация на более глубокое взаимодействие психологии с гуманитарными науками (Гостев, 2007; Гостев, 2017). Важным направлением теоретико-методологической проработки проблемы глобальной психоманипуляции является также и концептуализация ее макропсихологического статуса (Макропсихология..., 2009; Юревич, 2014).

О значимых дефинициях

ИП-воздействия представляют собой огромный арсенал средств, механизмов влияния. При этом отсутствует общее понятие, применимое в психотерапии, политике, педагогике и др. (Лебедев, 2012). Введение термина «психоманипуляция» усиливает проблему дефиниций. Существуют также достаточно экзотичные термины, не имеющие признанного научного статуса, – «технотронное воздействие», «психозомбирование» и пр. Основываясь на анализе понятийного аппарата, используемого в работах по этой теме (Смирнов, 2016), *под психоманипуляцией обобщенно мы понимаем не замечаемое человеком и социальной общностью психологическое и духовно-нравственное воздействие, программирующее внутренний мир личности и групповое сознание определенного масштаба и уровня задаваемыми социальными представлениями, мировоззренческими смыслами и т. п.* Психоманипуляция обычно: а) скрывает свои цели; б) основана на искажении информации и ложных толкованиях; в) предполагает применение спецприемов воздействия на человека, на сознание/поведение социальных общностей, включая уровень народов и государств; г) ориентирована

на создание у людей иллюзии свободного сознательного формирования убеждений и решений, веры в то, что все происходящее в мире естественно и закономерно.

Сегодня все более значимым становится понятие *информационно-психологической войны* — многопланового, широкомасштабного применения способов и средств воздействия на индивидуальное и групповое сознание для достижения политических, дипломатических, экономических, военных целей субъекта воздействия. Применение ИП-оружия имеет долгую историю: слухи, дезинформация, искажение и подмена фактов практиковались всегда. В военное время ИП-война дезориентировала и деморализовывала противника. В мирное же время она используется в борьбе властных структур внутри страны, а также на международной арене. Сегодня ИП-войны происходят в столкновении идей и мировоззрений, «на полях истории», в геополитических битвах. Эффективность подобных войн возросла в связи с новыми возможностями СМИиК.

Среди широчайшего спектра методов и приемов ИП-воздействия отметим некоторые. Это дезинформация, «черная пропаганда», подкуп журналистов, двойные стандарты, тайные операции по деформации целей и приоритетов противника¹, «давление обстоятельствами», блокировка мобилизационных механизмов². В результате насаждается «хаос системы сознания» на основе лживых фактов, фальсифицированной исторической памяти, задаваемых ценностей, кому-то нужных иллюзий и искажений социального восприятия, дискредитации социально и экономически полезного и политически значимого. Методы ИП-войны «помогают» человеку даже при субъективной уверенности в сохранении своих убеждений и социальных установок реально изменять оценки социально-политических явлений или не замечать «помощи/подсказок» в интерпретации фактов. Понятно, что эффективным оружием массового поражения системы сознания становится СМИиК национального и транснационального уровня (особенно т. н. «независимая журналистика»). Субъектами ИП-воздействия являются также международные НПО, ТНК, террористические структуры, организации и лица, действующие внутри стран (например, коммерческие компании).

- 1 В частности, подбор целей, кажущихся позитивными, но труднореализуемых. Иллюстрацией является образ легкой евроинтеграции Украины.
- 2 Так, например, в 1990-е годы активно внедрялась и легко принималась людьми идея: «Запад — наш друг», что способствовало восприятию лозунга как привычного и не вызывало отрицания или чувства угрозы.

Основными объектами ИП-воздействий выступают: население страны, ее элита и оппозиция, социальные группы, негосударственные структуры и т. п. ИП-войны проводятся в различных сферах – политической, дипломатической, финансово-экономической, военной.

Отметим также важные для анализа исследуемой проблемы термины: *информационное противоборство*, т. е. взаимные информационно-психологические воздействия и защиты противостоящих сторон (Проблемы субъектов, 2007), *информационные операции*, т. е. передача конкретной информации с целью влияния (см., например: Смирнов, 2013), *мягкая сила* – система убеждения мирового сообщества в правоте и силе страны экономическими успехами, культурой/искусством, публичной дипломатией, гуманитарным сотрудничеством.

Сегодня важной темой становится *новая холодная война*, в которой на смену противостоянию советского периода приходит более сложное расхождение в духовно-нравственных мировоззренческих смыслах между Россией и «коллективным Западом». И это представляет собой еще одну важную психологическую тему. Осмыслению подлежит действие внешних причин – навязываемых нашему обществу идей, программ и т. п. – через внутреннюю поддержку со стороны тех, кого часто называют «пятой колонной».

Эффективным ИП-оружием являются *цветные революции*, направленные на демонтаж политических структур в стране, признанной некими субъектами политического действия недемократичной. Подобные технологии успешно применялись в различных странах в последние десятилетия. Но исследователь должен четко понимать: речь идет о технологии перераспределения власти и собственности между разными группами национальной и транснациональной элиты с использованием протестной активности масс в условиях «управляемого хаоса». «Цветные революции» представляются мировому сообществу как спонтанное народное волеизъявление, хотя они развиваются по давно прописанному сценарию (Шарп, 2005) и являются психологическими операциями, «политическими спектаклями» для мировых масс-медиа, оплаченными и контролируруемыми транснациональными структурами и их представителями в революционируемой стране. Несмотря на то, что в «цветных революциях» усматриваются «сценаристы», «режиссеры», «актеры» спектакля, многие люди (в том числе и некоторые психологи, исследователи данной темы) искренне считают, что подобные революции показывают демократичность общества. И это требует психологического объяснения прежде всего с точки зрения возможного действия защитных механизмов социального познания.

Информационная неопределенность в условиях глобальной психоманипуляции

Важной закономерностью ИП-воздействия является умолчание информации, неполнота описания события и т. п. Речь идет о формировании субъективно целостной и достоверной картины мира под влиянием неполной или «правильно ограниченной» информации¹. Изучение влияния *информационной неопределенности* особенно важно при рассмотрении интересующей нас тематики глобальной психоманипуляции, ибо в ней мы имеем дело с непубличностью деятельности планетарных субъектов мировой политики и экономики. Иллюзию достаточной информированности у объекта воздействия формирует, в частности, то, что при кажущемся разнообразии воздействий (этим задается образ «демократичности») предлагается по сути одна версия. Повторение ее образов в различных контекстах/дискурсах возводит психологический барьер против иных точек зрения. Когда же невозможно скрыть некую опасную для манипулятора информацию, вбрасывается много правдоподобной ложной информации. С. Кара-Мурза указывает (Кара-Мурза, 2000), что «свобода слова» на Западе предоставляется в той мере, в которой у власти есть уверенность в сохранении контроля за ИП-операциями. Позиция Сербии, например, по балканской теме в 1990-х освещалась в западных СМИиК искаженно. Позиция России по грузинским (2008 г.) и украинским событиям (2013–2017 гг.) также не доносится до Запада в должной мере.

Глобальная психоманипуляция и психические процессы

ИП-воздействию подвергаются различные сферы психики. Огромную роль играет образная сфера человека (Гостев, 2007). Изучение ИП-воздействий традиционно связано с проблематикой *социального стереотипа, социальной установки, социальных представлений* – социально-психологических явлений, неотъемлемо содержащих в себе образный компонент. В частности, при изучении формирования социальных представлений теоретически значимо раскрытие закономерностей присоединения образного компонента к понятийному знанию об объекте. Барьеры на пути проникновения групповых представлений в индивидуальную систему сознания и возникающие в этой связи защитные механизмы также имеют образное сопровождение.

1 Социально-психологическое воздействие информационной неопределенности раскрывается А.Н. Лебедевым (Лебедев, 2014а, б).

Отметим, что влияние на сферу воображения эффективно направляет социальное восприятие/антиципацию в определенном направлении. Взаимодействие *воображения* с социальным прогнозированием способно приводить к несвоевременным и неадекватным действиям масс, к социально-психологической истерии («украинские мечты» последних 12 лет о «принадлежности к Европе» тому пример) или разрушению инстинкта самосохранения в обществе (вспомним, как в 1990-е в РФ создавалась иллюзия национальной безопасности). ИП-воздействие усиливается взаимодействием воображения, *эмоциональной сферы и мотивации*. Наиболее известна апелляция к страху.

Роль образной сферы в глобальной психоманипуляции проясняется вводимым нами понятием *имаго-символосферы* общества, охватывающей всю совокупность внешних образов, воздействующих на внутренний мир личности (Гостев, 2007, 2014). «Война образов» в имаго-символосфере глубже и глубже размывает духовно-нравственные ценности. В результате традиционно понимаемое зло все чаще воспринимается многими как «добро», и наоборот. Как следствие, на данном фоне возможна любая психоманипуляция. В этой связи интерес представляет изучение переживаний человеком воздействия различной *символики образов и мифологических представлений* религиозно-мистического и секулярного содержания.

Роль совместного функционирования *внимания и памяти* обеспечивается приемами фиксации в фокусе сознания человека некоей информации, поддержания интереса к ней, забывания в нужный манипулятору момент.

Рассмотрение роли *мышления* в ИП-воздействиях предполагает сохранение способности к анализу-синтезу поступающей информации, выявлению противоречий, нестыковок версий и т. п. Утрата критического мышления относится к важным психологическим внутренним условиям, обеспечивающим эффективность воздействия. Вспомним, что после распада СССР реформы в РФ целенаправленно представлялись в СМИ и К нетрудными и быстро выполнимыми. Люди легко поверили в иллюзии.

Особая тема — подмена смысла слов, «тонкого» навязывания их толкования, *манипулятивная психолингвистическая герменевтика*. Наполняя определенным содержанием понятия, можно затушевывать их нравственную окраску. Слова «биржевой спекулянт», «наемный убийца», «проститутка» и термины «брокер», «киллер», «жрица любви» вызывают у человека эмоциональные оценки различной

интенсивности¹. На основе ложной трактовки понятия «глобализация» в человеческое сознание вбрасывались идеи естественности ликвидации национальных государств (Россия в глобализирующемся мире..., 2007). Особую роль в борьбе за мировоззрение людей выполняют искажения в содержании главных понятий западной цивилизации — *демократия, права человека, гуманизм, свобода, либерализм* и т. п. В 1990-е годы в России они активно перетолковывались. Сегодня борьба за демократию, права человека и т. п. становится главной точкой приложения ИП-оружия. Объявляется возможным убивать, калечить, ввергать в социальный хаос людей во имя их абстрактных прав (Югославия, Ирак, Афганистан, Ливия, Сирия, Украина тому яркие иллюстрации).

Обсуждение некоторых результатов изучения глобальной психоманипуляции

Рассмотрим более подробно некоторые аспекты глобальной психоманипуляции, другие вопросы оставим лишь для иллюстрации расширенного предметного поля ее изучения.

1. Серьезного обсуждения требует затронутый вопрос о манипуляциях понятиями *демократии, либерализма, гуманизма*. Слово «демократия» все больше превращается в политическое заклинание, используемое для прикрытия сооружения нового тоталитарного мироустройства. Умело создан неоспоримый образ ценности демократических институтов. Но не является ли жертвой психоманипуляции человек, не понимающий, что их функционирование — во многом игра, скрывающая действия реальных геополитических игроков²? Существующий в мире критический настрой к однополюсной глобализации дает основания считать, что «неодемократия Запада» окончательно превратит национальную и мировую политику в шоу-бизнес, приведет мир вместо «глобальной демократии» — к кастовой иерархичности.

1 О роли лингвистических подмен в психоманипуляциях см., напр.: Павлова, 2012.

2 Всесоюзный референдум о сохранении СССР, греческий кризис 2015 г., подавляемые протесты в Черногории по поводу вступления в НАТО, результаты референдума в Нидерландах в 2016 г. относительно вступления Украины в ЕС — лишь мизерная часть иллюстраций того, что к мнению народа никто не прислушивается, если оно противоречит «большой политике».

В то же время высказываемые нами замечания в адрес псевдо-демократических представлений в современном мире не отрицают их ценности: а) в усилении позиций гражданского общества; б) в борьбе с явным и скрытым «новым тоталитаризмом»; в) в противодействии проектам транснациональной власти; г) в сопротивлении негативным тенденциям в борьбе однополярной и многополярной глобализации, в частности, в наметившейся тенденции деглобализации человечества с его поиском новых форм своей интеграции. Иными словами, демократические институты все же позволяют людям влиять на политическую жизнь конкретного общества и через это — на геополитику в целом. Они, являясь обратной связью от народа, с которой властям приходится считаться, противодействуют нарождающемуся мировому элитарному макросоциуму.

Не менее актуален в этом плане вопрос о роли в глобальной манипуляции политических лидеров, особенно на уровне глав государств. Надо изучать, в частности, не только каналы их влияния на внутреннюю и мировую политику/экономику, но и определенную зависимость национального лидера от транснационального уровня власти. Предметом исследования должен стать психологический и духовно-нравственный выбор самого лидера, степень и содержание его ориентации на национальные интересы или на их предательство. С психологической точки зрения важно, что взаимодействие государственного лидера с, условно говоря, транснациональными силами зависит от индивидуальных особенностей лидера страны¹. Его характер, темперамент, личностные свойства и ценностные/мировоззренческие особенности, несомненно, «окрашивают» проводимую им внутреннюю и внешнюю политику в многовекторном поле социально-политических, экономических и иных воздействий на возглавляемую страну. Понятно, что инерция политических установок в обществе, настрой национальной элиты мощно влияет на нового лидера. Однако и он сам вносит определенные нюансы во внутреннюю и внешнюю политику. Глава государства является социально-политической «призмой», фильтрующей влияния народа и мировой элиты на властную вертикаль². Важно также учитывать, что транс-

-
- 1 Этот тезис касается также значимых политических деятелей в окружении национального лидера (равно как и в оппозиции) на уровне официальной и непубличной политики (например, на уровне лоббизма в парламенте).
 - 2 Отслеживание и психологический анализ политических перипетий в «Америке Трампа» представляется интересным предметом исследования с точки зрения комплексного подхода к глобальной психоманипуляции.

национальный уровень власти, политическая элита в конкретной стране влияют на ее демократические институты подбором и подготовкой кандидатов, спонсированием их программ, парламентскими играми и т. п. Поэтому выбор народом своего лидера противодействует глобальной психоманипуляции лишь в определенных рамках.

Выстраивая образ современного *либерализма*, будем учитывать, что он культивирует свободу человека от духовных законов мироздания, замену нравственности правовым регулированием, уничтожение национальных культур и религиозно-мировоззренческих систем, идею господства мировой элиты, постановку государств на службу глобальной спекулятивной финансово-экономической системе (см.: Юревич, 2015; и др.). Особо отметим ложное понимание сущности свободы человека, которое оправдывает проявление его «низшего Я», удовлетворение искусственных, деструктивных для личностного и духовного роста потребностей и пр.¹ Сегодня мы видим, как сбывается пророчество отечественной религиозно-философской мысли и западных традиционалистов, согласно которому «либерализм с хорошими намерениями» неизбежно переходит в то, что может быть названо «либерал-тоталитаризмом». Последний воплощает известный идеал сверхчеловека, претендующего на абсолютную вседозволенность за счет других.

Основу глобальной психоманипуляции укрепляет и многозначность понятия «гуманизм». Это слово с началом «перестройки» СССР усиленно ассоциировалось с чем-то «безусловно добрым», хотя в исторической ретроспективе данное понятие не распространялось на колонизируемые и угнетаемые Западом народы. Современное же представление о гуманизме включает пропаганду «нормальности» всех низменных склонностей человека, например, сексуальных извращений и пр. Особое место в манипуляции современным «гуманистическим сознанием» играют *политкорректность* и *толерантность*. Их, на наш взгляд, можно понимать как своеобразные *блоки осознанного восприятия в контексте защитных механизмов социального восприятия*. Под предлогом неpolitкорректности любую тему можно закрыть для обсуждения (ведь даже погодные предпочтения могут быть для кого-то неприятны). Толерантность ведет к полной утрате свободы слова и мысли, а фактически — к уни-

1 С психологической точки зрения (прежде всего, со стороны социальной, политической, исторической психологии и психологии личности) интересен созданный нравственно-психологический портрет современного российского либерал-демократа (Деягин, 2016).

чтожению нравственности. Уже сегодня видно, что наиболее непереносимыми к иным мнениям оказываются защитники толерантности¹.

2. Подчеркнем необходимость большего внимания социальной и политической психологии к ИП-войнам/оружию (Журавлев, Нестик, 2016б; и др.). В частности, тема отдельного разговора в данном контексте — координация и подконтрольность мировых СМИиК. Но изучение именно данного вопроса способствует прояснению роли публичной и особенно непубличной политики в «творении мировых новостей». Ведь когда в России или в мире происходит нечто важное, масс-медийный плюрализм заканчивается и СМИиК основных западных стран начинают повторять один и тот же набор тезисов, фактов, комментариев. При этом свобода информации в определенных темах может заканчиваться и без указаний сверху: журналисты сами догадываются, что нужно писать, показывать. И это очень интересная для социальной психологии проблема, ибо она говорит о *непроизвольном формировании социальных установок, общих представлений работников СМИиК в некоем условном «поле единомыслия-единочувствия» под влиянием стереотипов.*

ИП-оружие действует на скрытых тонких уровнях глобальной психоманипуляции. Это происходит, например, через «окна Овертона», т.е. через процесс изменения отношения общественного сознания к ранее неприемлемым для него идеям. Общество начинает обсуждать нечто ранее для него неприемлемое, затем считать это «нечто» уместным и в итоге признает и даже законодательно закрепляет его. «Окна Овертона» уже сработали на темах разрушения традиционной семьи, половых извращений, толерантности к проявлениям зла и т.д. Возможности «окон Овертона» усиливаются метафорой «человека играющего». Люди, принимая некие навязываемые правила социальных игр, начинают воспринимать общественную жизнь как сценическое действие разного масштаба и участвовать в ней, принимая условия игры, как актеры или заинтересованные зрители. В частности, интересно изучение восприятия людьми «театра политического спектакля» разного уровня. «Общество спектакля» — это некий театрализованный политический жанр с заданным общим замыслом сценического дейст-

1 Напомним, что термин «толерантность» имеет в том числе и медицинский аспект — неспособность организма сопротивляться болезни. По аналогии можно сказать, что в западном обществе толерантность — это отсутствие сопротивления деструктивным социально-политическим новациям.

вия, допускающий вместе с тем и импровизации, подсказки сфле-ра и пр.¹

3. Теоретически и практически значимым является изучение ИП-влияний в различных видах *глобального проектирования*. В области представлений людей о мировой политике речь прежде всего должна идти о содержании образа многополярности мира в противопоставлении его однополярности. В связи с образом полярности встает вопрос о представлениях людей относительно реальности суверенитета стран, а также проблема психологически маргинального положения элит между национальными и наднациональными центрами власти. Централизация планетарной власти, в принципе, возможна и через неформальные/теневые субъекты мирового управления.

Важнейшая тема изучения глобальной психоманипуляции — роль теории управляемого хаоса как элемента стратегии доминирования США и мощного фактора построения Нового мирового порядка. Существует взаимовлияние, взаимообусловленность *спонтанно* возникающего и *экспортируемого* социально-политического и ИП-хаоса. Актуально более глубокое и предметное осмысление ложных (продукт психоманипуляций) и реальных угроз человечеству.

Изучение *манипуляции социальными представлениями о глобальной финансово-экономической системе* ставит интересный вопрос для экономической психологии — изучение осведомленности людей о «тайных пружинах» данной системы (Глазьев, 2016).

4. Нельзя обойти вниманием *психоманипуляции духовно-нравственной сферой*. Предметом психологического исследования видится сопоставление целенаправленно разрушаемой сегодня традиционной нравственности и проталкиваемой «новой этики». В частности, актуально изучение атак на традиционные религиозные ценности. Следует исследовать психологические последствия искажения традиционного содержания мировых религий, с одной стороны, и тенденции создания универсальной религии, с другой (подробнее: Гостев, 2017).

Значимой психологической темой с выраженным духовно-нравственным содержанием является изучение *мифологических представлений*, которые, отражая глубинные пласты самосознания народа, особен-

1 Сильным игроком на сцене «глобального политического театра» становится международный терроризм. Провоцировать/порождать/исполнять террористические акты способны любые силы/сообщества, публичные и непубличные организации, спецслужбы государственного или транснационального характера. Психологии необходимо выстроить образ системного терроризма как многомерного и многоуровневого образования, используемого в глобальной психоманипуляции.

ности менталитета, являются частью его социально-политической традиции. Язык мифа хорошо транслирует духовные смыслы и содержание религиозной веры. Потому мифология становится притягательным объектом манипуляции. В то же время мифотворчество возникает и в самой социальной общности под ИП-влияниями, и эта порождаемая «новая мифология» взаимодействует с архетипическим содержанием национальной культуры данной общности.

Особая роль в рассмотрении мифологического сознания принадлежит выдающему отечественному философу А. Ф. Лосеву (Лосев, 2001), который анализирует восприятие мифа как *реальное непосредственное со-бытие, подлинно-конкретную действительность*. Это дает основания рассматривать мифологические представления как *особую форму символического отражения объективной действительности*. Также отметим, что мифологические образы соединяют социально-политические реалии с областями коллективного бессознательного в его взаимосвязи с «вселенскими измерениями», с метаисторическими влияниями.

Значимым выступает различие создаваемых/используемых в психоманипуляциях черных и светлых мифов. Оба вида представлений в зависимости от их содержания мы либо закавычиваем, либо нет. Черная мифология (без кавычек) работает на дискредитацию противника, опираясь на преднамеренно искаженную информацию. К таким мифам, например, относятся представления, созданные противниками «исторической России». Взятая в кавычки, «черная мифология» достаточно адекватна недостаткам оппонента. «Светлая мифология» работает на неадекватность образов — как в плане позитивной самопрезентации некой социальной общности и ее сторонников, так и в плане иллюзорности их представлений о других групповых субъектах. «Светлые мифы» сформированы в результате наивности, фрагментарности социального восприятия. Это, например, идеализация советского прошлого или иллюзии о «европейском будущем» в Украине. Светлая мифология (без кавычек) отражает объективные основания для положительных представлений группового субъекта о самом себе и других. Деление образов, однако, достаточно условно¹. Они могут быть отнесены к рассматриваемым типам *в зависимости от целей психоманипуляции и характеристик субъекта информационного воздействия, а также особенностей восприятия мифа объектом воздействия*. Хороший историко-культурологиче-

1 Так, в советской пропаганде были присущи и объективность обличения пороков Запада, и излишнее его очернение.

ческий материал по теме мифологизации социального восприятия дает В. Р. Мединский. В его книге (Мединский, 2015) представлены варианты черных и светлых мифов (в кавычках и без) относительно «исторической России».

В этой связи актуальна следующая проблема изучения глобальной психоманипуляции. «Психоисторическим оружием» в геополитических битвах (Фурсов, 2016а, б) становятся *манипуляции с исторической памятью*. Данные технологии направлены на уничтожение государствообразующих символов, систем традиционных социальных представлений, духовно-нравственных смыслов. За последние 30 лет в России историческая память нашего народа разрушалась активно. Особенно заметно умаление значения и даже осквернение Победы в Великой Отечественной войне. Поэтому большое значение имеет психологическое изучение способности к запоминанию, сохранению и воспроизведению духовной информации, передающейся из поколения в поколение (Грачева, 2011).

5. Тотальность глобальной психоманипуляции подталкивает к *поиску контрманипулятивных ресурсов*. Предварим обсуждение данного вопроса указанием на проблему активности объекта ИП-воздействия (Психологическое..., 2012; Психологическое воздействие..., 2014). Речь идет о тезисе, согласно которому человек является активным субъектом построения собственной картины мира, а потому неподвластен «промыванию мозгов». Данное положение, на наш взгляд, требует определения рамок своей применимости. *Необходимо учитывать возможность «информационной предзомбированности» человека*. Активный субъект творческого поиска информации противодействует психоманипуляциям, уже имея иллюзии социального восприятия/антиципации. Он может иметь псевдолиберальные идеи (Юревич, 2015), в частности, установку на объективность и независимость мировых массмедиа, русофобические взгляды, не признавать Нравственный Закон, не понимать метаисторический контекст происходящего в мире и многое другое. Даже при поиске альтернативной информации надо учитывать возможность ее организации субъектами психоманипуляции.

Поэтому разработка методов противодействия явным и скрытым психоманипуляциям достаточно сложна. Ее следует производить как применительно к отдельным областям/каналам ИП-воздействий, так и к некой общей суммарной психоманипуляции современным человеком. Очевидна, в частности, значимость дифференциально-психологического подхода: изучение а) индивидуально-типологических и личностных особенностей человека, определяющих разную

подверженность глобальной психоманипуляции по различным каналам, а также б) особенностей контрманипулятивного потенциала групповой ментальности различного уровня, включая национально-культурный и государственный.

Противодействие глобальной психоманипуляции следует рассматривать на взаимодействующих психологическом и духовно-нравственном уровнях. Отметим особую роль последнего (в том числе религиозного сознания) как в усилении возможностей современной тотальной психоманипуляции, так и в противодействии ей. Состояние духовно-нравственной сферы можно считать системообразующим фактором в обоих случаях. Результат суммарного воздействия на духовность и нравственность человека проявляется во всех аспектах глобальной «промывки мозгов». В мире происходит столкновение смыслов и ценностей человеческого бытия, метафизических и метаисторических сил, идет духовная война Лжи с Истиной. И это главный фактор и одновременно метауровень планетарной ИП-войны. Поэтому так важно присутствие в содержании внутреннего мира современного человека «духовной вертикали».

Необходимо более целостное и многоуровневое понимание содержания и закономерностей ИП-воздействий на современного человека. Расширение предметного поля исследования темы, включение ее в глобальный контекст позволяет говорить о феномене глобальной психоманипуляции как актуальном, теоретически и практически значимом предмете психологической науки. При рассмотрении глобальной психоманипуляции как многоплановой психологической проблемы отмечен ряд важных теоретико-методологических аспектов в ее изучении. Это позволяет не только сделать некоторые обобщения по теме, но и обозначить перспективы ее исследования.

При разработке теоретико-методологических оснований изучения проблемы глобальной психоманипуляции основным представляется раскрытие ее междисциплинарности. Прежде всего это касается углубления взаимодействия социальной, политической и исторической психологии с их особым взглядом на эту тематику. Но полезно также усиление взаимодействия психологических подходов с подходами из других областей гуманитарного знания. Оно поможет показать взаимодействие социально-психологических, глубинно-психологических, духовно-нравственных и религиозно-метафизических/метаисторических факторов в их совместном влиянии на человека и сообщества людей.

Требует осмысления психологическая проблема недостаточного понимания многими людьми деструктивности происходящего в мире, их низкой способности к социально-политической антиципации. Актуально изучение специфики преднамеренных и непреднамеренных ИП-воздействий, особенностей их отражения объектом воздействия на различных уровнях. Искажение социального восприятия и цивилизационного прогнозирования на индивидуальном, групповом, национально-государственном, регионально-цивилизационном и глобальном уровнях обладает кумулятивным эффектом, который, хотя его и трудно просчитать, должен стать предметом научной оценки.

Тема глобальной психоманипуляции должна сравниваться по степени исследованности с традиционной проблематикой ИП-воздействий на человека массмедиа, рекламы и маркетинга, политтехнологий. Особое значение приобретают изучение основных сфер глобальной психоманипуляции, в частности, ИП-войн «на полях истории» и в политических, экономических, идеологических пространствах, раскрытие непубличных аспектов геополитики и мировой экономики.

Особую теоретическую и практическую значимость имеет изучение содержания, форм, методов ИП-войны против России. Данная война исходит из метаисторических, проектно-цивилизационных, стратегических и тактических геополитических целей с учетом обратной связи в виде происходящих событий. Необходимо исследовать взаимодействие данных факторов, искать в них психологическую составляющую. Важно также изучать социально-психологические условия, через которые внешние ИП-воздействия достигают цели.

Следует осмыслять системное влияние на внутренний мир личности, на общество, на духовно-нравственную сферу человека многообразия образов имаго-символосферы информационного пространства на национальном и глобальном уровнях. Не менее актуальна и проблема многоплановой «информационной экранной зависимости» в ее дифференциально-психологическом измерении. Своей более глубокой психологической и духовно-нравственной оценки ждут видеоигры. В изучении рекламного воздействия хотелось бы видеть адекватную научную оценку подпитки рекламой «нижнего Я» человека и усиления его искусственных приземленных потребностей. Следует более четко говорить о рекламе как особом виде психопрограммирования, виртуализирующем внутренний мир личности. Особую роль в этих процессах играют бренды, при помо-

щи которых можно эффективно распространять те или иные мировоззренческие ценности.

Отдельная область исследования – воздействия новых информационных технологий (НИТ). В частности, при осмыслении их влияния на внутренний мир личности желательно преодолевать недооценку психологических и духовно-нравственных проблем, которые возникнут в формирующемся «обществе тотальной Сети». Не меньший интерес представляют «психология неочеловечества», психологические последствия «транснационального сетевого общества». При изучении манипулирования внутренним миром личности на основе НИТ полезно уделить внимание осознанию человеком негативных аспектов данных технологий, пониманию духовно-нравственного аспекта отчуждения от действительности при уходе в виртуальность. Особая тема – психоманипуляция идеями «неокиберчеловечества».

Изучение информационно-психологических воздействий на внутренний мир личности, общественное сознание и человечество в целом, естественно, предполагает эмпирические исследования, которые должны охватить структуру и функционирование системы социальных представлений человека/группы о планетарной ситуации по политическим, экономическим и прочим основаниям.

Глава 15

Психологические аспекты глобальных рисков и отношение к ним в обществе

Современные риски глобализуются: даже повседневные решения отдельных людей оказываются связанными с глобальными последствиями (Giddens, 1994; Россия в глобализирующемся мире..., 2007; Яницкий, 1997). Риски, накапливающиеся в последовательностях решений и действий, принимают обезличенный характер и уже не могут быть полностью и рационально просчитаны. Слова К. Маркса о том, что человек формулирует лишь такие проблемы, которые может решить, уже не относятся к современному обществу. Риск оказывается неотъемлемой характеристикой любого социального действия (Luhmann, 1993), а современный человек живет в мире «институционализированных рисков», когда от фондовых бирж и цен на энергоресурсы зависит экономическое благополучие каждого (Giddens, 1994). На место производства и распределения общественных благ приходит непрерывное производство рисков, которые сами по себе превращаются в источник прибыли.

При этом полемика вокруг того, что считать риском и с какой вероятностью, опирается не только на личные и групповые интересы, но и на социокультурные механизмы, конструирующие массовые страхи (Beck, 2005; Гаврилов, 2009; Бовина, 2011). Образ будущего (коллективные надежды и страхи) определяется групповыми ценностями. Культура влияет не только на то, что мы считаем желательным, но и на то, что мы определяем как угрозу социальному порядку. При этом риск неизбежно интерпретируется как нарушение культурных норм, как отклоняющееся поведение конкретных людей и социальных групп (Douglas, Wildavsky, 1982).

В обществе риска представления об угрозах будущего становятся мощным фактором, влияющим на текущую политическую и экономическую ситуацию. Риски оказываются «политически рефлексивными», т. е. вызывают к жизни новые политические силы, подвергают

перестройке социальные институты. В обществе риска солидарность на почве страхов оказывается мощной силой: переживание глобальных угроз и осознание схожести реакции на эти угрозы у жителей других государств ускоряет формирование воображаемых глобальных сообществ (Бек, 2000).

Вместе с тем, социально-психологические предпосылки переживания и осмысления глобальных рисков остаются слабо разработанными в научной литературе. Цель настоящей главы — восполнить этот пробел. Сначала мы уточним понятие глобальных рисков, выделим их психологические особенности, затем дадим определение отношению к глобальным рискам как социально-психологическому феномену, опишем его структуру, содержательные и формально-динамические характеристики. Наконец, мы проанализируем социально-психологические предпосылки предотвращения глобальных рисков и в заключение наметим перспективные направления дальнейших исследований в данной области.

Психологические особенности глобальных рисков

Под *глобальными рисками* понимаются вероятные события или условия, которые могут нанести серьезный урон одновременно нескольким странам или отраслям мировой экономики (The Global Risks Report, 2016). В отчетах Всемирного экономического форума глобальные риски сгруппированы в 5 категорий (Волков, 2015): экологические (изменение климата, нехватка воды, экстремальные погодные явления и т. д.); экономические (структурная безработица, резкие изменения в цене на энергоносители и т. д.), геополитические (в том числе международные военные конфликты, крупномасштабные террористические атаки, ослабление государственной власти и т. д.), социальные (крупномасштабная вынужденная миграция, общественные волнения, продовольственные кризисы, массовые эпидемии и т. д.) и технологические (сбой критически важных информационных систем, кража данных и кибератаки, а также негативные последствия технологического прогресса, связанные с искусственным интеллектом, геоинженерией, синтетической биологией и т. п.). Опубликованный в январе 2016 г. одиннадцатый отчет Всемирного экономического форума на основе опроса 742 экспертов указывает на 29 глобальных рисков. Наиболее серьезными из них признаны: климатические изменения, угроза применения оружия массового поражения, вынужденная миграция, нехватка воды, резкое изменение цен на энергоносители (The Global Risks Report, 2016).

В последние годы внимание экспертов все больше привлекают к себе глобальные катастрофические риски. Согласно одному из определений, это события, которые могут повлечь за собой гибель более 10 миллионов человек или нанести ущерб более 10 триллионов долларов (Bostrom, Cirkovic, 2008). К предельным формам глобальных рисков относятся экзистенциальные риски, т. е. события, ведущие к исчезновению человечества или радикальному ухудшению условий его жизни. Это природные риски (например, извержения супер-вулканов, столкновение с астероидом, космическое излучение); непреднамеренные последствия человеческих действий (например, изменение климата, пандемии, последствия развития искусственного интеллекта или экспериментальных запусков коллайдера); враждебные действия (ядерный конфликт, использование террористами средств массового уничтожения, использование биологического оружия и нанотехнологий, угроза тоталитарных режимов).

В более позднем варианте данная классификация включает в себя несколько типов рисков, грозящих уничтожением всего мира: цивилизационные, технологические (в том числе ядерное оружие, геновая инженерия и нанотехнологии, искусственный интеллект, коллаидеры и т. п.), антропогенные риски (изменение климата, исчерпание ресурсов, массовая утрата интереса к жизни, генетическое вырождение и т. п.), риски глобальной экономической нестабильности (социальное расслоение, финансовые кризисы), а также природные риски, такие как пандемии, астероиды, космические лучи и сверхвулканы (Волков, 2015).

А. П. Назаретян делит глобальные катастрофы на экзогенные (например, извержение вулкана) и эндогенные (например, когда технический прогресс и экстенсивное развитие опережают рост внутреннего разнообразия и духовности), обращая внимание на то, что именно последние приводили к наиболее существенным изменениям в истории человечества (Назаретян, 2001б). С математической точки зрения, глобальные риски являются «режимами с обострением» С. П. Курдюмова, когда измеряемая величина неограниченно растет за ограниченное время. И в этой ситуации гуманитарные технологии и система управления оказываются более критичны для выживания, чем собственно масштаб угрозы (Воробьев и др., 2000; Малинецкий, 2013). Согласно известному разграничению Н. Луманна, рисками вообще можно называть лишь ту неопределенность, которая связана с последствиями человеческих решений; именно это отличает риски от опасностей, порождаемых внешними природными силами (Луманн, 1994). Следует признать, что с социально-психо-

логической точки зрения в современном обществе противопоставление риска и опасности все более утрачивает смысл, так как любая возможная катастрофа, даже не связанная с деятельностью человека, оценивается не сама по себе, а в связи с решениями и действиями (или бездействием) различных лиц и социальных групп, сквозь призму технических возможностей, интересов и взаимоотношений государств или отдельных организаций. Проще говоря, попадая в поле общественного внимания, любая опасность превращается в риск.

Ник Бостром и Милан Циркович предлагают три основания для классификации рисков (Bostrom, Cirkovic, 2008). Во-первых, риски могут быть разными по масштабу (от индивидуального к локальному, глобальному, охватывающему множество поколений, вплоть до космического, когда исчезает не только человечество, но и сама возможность развития жизни во вселенной). Во-вторых, риски различаются по значимости последствий: от незаметных (таких как риск потери волоса на голове человека, риск глобального потепления на 0,001 по Цельсию, риск исчезновения одного вида насекомых) к существенным (таким как риск кражи машины, риск рецессии в стране, риск эпидемии испанки, риск резкого сокращения биологического разнообразия на планете) и к терминальным (таким как риск гибели человека в автокатастрофе, риск геноцида, риск глобального старения, риск вымирания человечества). В-третьих, риски могут иметь разную вероятность, оценка которой, впрочем, зависит от используемых способов измерения.

Как видим, существующие классификации рисков основаны на содержании объективных угроз лежащих в их основе природных и антропогенных процессов и на причинно-следственных связях между ними. Тем не менее, глобальные риски – это еще и социально-психологический феномен, коллективные представления, влияющие на поведение людей в различных сферах жизни. С этой позиции речь идет не столько об объективных угрозах, сколько о самосбы瓦ющихся и самоотменяющихся пророчествах, об образе будущего, который влияет на развитие событий в настоящем.

На наш взгляд, глобальные риски характеризуются несколькими психологическими особенностями.

Во-первых, подавляющее их большинство не подтверждается повседневным опытом, не обнаруживается органами чувств, носит неосознаваемый характер. Людям свойственно переоценивать маловероятные риски, после того, как они столкнулись с наглядными примерами их последствий, «прочувствовали» их на своем или чужом опыте. Наоборот, гораздо более вероятные риски недооцениваются,

если они описываются абстрактными прогнозами (Weber, 2006). Например, вероятность того, что к концу века последствия глобального потепления будут намного более суровыми, составляет 95%, то есть близки к 1:1. Но для обывателей это всего лишь цифры, а не часть эмоционального опыта (Stoknes, 2015).

Отсутствие таких рисков в автобиографической и коллективной памяти приводит к тому, что они достраиваются воображением по аналогии с другими катастрофами, носящими локальный характер, имеющими совсем другие причины, предвестия и последствия. В обществе отсутствует опыт противодействия подобным рискам, не выработаны адекватные механизмы прогнозирования и адаптации. Примером может служить гигантское землетрясение в Индийском океане в декабре 2004 г., за которым последовало цунами, унесшее жизни трехсот тысяч человек. Эта катастрофа не была предсказана, так как считалось, что для анализа данных достаточно датчиков на площади 1330 тыс. кв. км, т. е. никто не верил в возможность 9-балльных землетрясений, зарождающихся на площади диаметром в 3000 км (Малинецкий, 2008).

Между тем, скоротечность развития событий при наступлении глобальной катастрофы не оставляет времени на их осмысление и организацию ответов. Следовательно, психологический парадокс состоит в том, что для подготовки к таким катастрофам человеку не хватает опыта и воображения, а при их наступлении наиболее вероятны шаблонные реакции без возможности обучения на собственных действиях. По словам Э. Гидденса, чем тяжелее возможные последствия, тем меньше у нас представления о том, чем мы рискуем, так как если что-то «пойдет не так», то будет «уже слишком поздно» (Гидденс, 1994).

Во-вторых, глобальные угрозы воспринимаются как отдаленные во времени (Yudkowsky, 2008; Турчин, 2007, 2010). Это приводит к ряду когнитивных искажений: осмысление в абстрактных категориях, нечувствительность к масштабу возможных жертв и блокирование эмпатии, неготовность личности включить эти возможные события в свои жизненные сценарии и планы (Slovic, 2013).

В-третьих, переживание глобальной угрозы затрудняет поиск способов ее предотвращения. Иллюзия отдаленности и маловероятности глобальных рисков в массовом сознании вынуждает активистов и СМИ на использование алармистского подхода с целью доведения до массового сознания реальности угроз, приводит к целенаправленному нагнетанию коллективной тревоги. Между тем фрустрация и тревожные состояния снижают способность от-

дельных людей и социальных групп к поиску нестандартных решений, блокируют групповую рефлексию, подталкивают к упрощению ситуации и затрудняют достижение договоренностей (Нестик, 2014б, в). Эмоциональное переживание противоречия между опережающими потребительскими ожиданиями и негативным образом будущего, характерное для «предкризисных» обществ, снижает когнитивную сложность, размерность сознания, делает более вероятным проявление агрессии (Петренко, 1982; Назаретян, 2001а). Наконец, в соответствии с известным «эффектом рамки», стремление избежать вероятной потери повышает нашу склонность к рискованным решениям (Корнилова, 2014). Иными словами, алармизм с целью предупреждения глобальных катастроф парадоксальным образом повышает, а не снижает риски.

В-четвертых, существует асимметрия между техническими возможностями породить глобальные риски и когнитивными и социально-психологическими ресурсами для поиска способов управления ими. Согласно концепции техно-гуманитарного баланса А. П. Назаретяна, чем выше мощь производственных и боевых технологий, тем более совершенные механизмы сдерживания агрессии необходимы для сохранения общества (Назаретян, 1993, 2001, 2008). Для предупреждения таких рисков нужен не только интеллектуальный, но и социально-психологический капитал: высокий уровень межличностного и межгруппового доверия, идентификация членами группы себя с человечеством и с будущими поколениями, оптимизм, способность к групповой рефлексии и к коллективному прогнозированию. Между тем, в обществе риска способность к доверию сокращается из-за растущей неуверенности в социальных институтах, конфликта различных социальных ролей и правил, накладываемых лояльностью конкретным социальным группам (Селигмен, 2002; Столяр, 2008).

В-пятых, техногенные источники глобальных рисков способны к самовоспроизводству (цепная реакция, саморазвитие искусственного интеллекта, размножение нанороботов и т. п.), т. е. являются не разовым событием, а нарастающим процессом. С психологической точки зрения это означает, что в ходе катастрофы и даже при ее приближении будут усиливаться фаталистические установки. Убеждение личности или группы в способности влиять на свое будущее легко может смениться на выученную беспомощность, еще больше ускоряя и усугубляя катастрофические последствия.

В-шестых, глобальные риски осмысливаются в моральных категориях и требуют самоопределения личности. В отличие от рисков,

с которыми человек сталкивается в повседневной жизни, отношение к глобальным угрозам осмысливается с опорой на моральные ценности, которые могут по-разному трактоваться. По сравнению с другими рисками, возможность гибели человечества и судьба будущих поколений более непосредственно затрагивает идентичность личности и ее ценностно-смысловую сферу, в частности, ценностно-смысловую рациональность социального поведения человека (Купрейченко, Журавлев, 2010б и др.).

В-седьмых, представления о глобальных угрозах конструируются под влиянием межгрупповых отношений, используются элитами в своих политических и экономических интересах (Данлэп, 2001). Это приводит к тому, что массовые представления о глобальных катастрофах и способах их предотвращения далеки от научных, они тесно связаны с групповыми стереотипами и политическими взглядами. При этом сами люди могут не осознавать влияния политических убеждений на их отношение к глобальным рискам (Hoffman, 2015).

По мнению Н. Бострома, важной особенностью экзистенциальных глобальных рисков является тот факт, что их предупреждение является общественным благом и плохо регулируется рыночными механизмами (Bostrom, 2013). Поскольку такие риски влияют на будущие поколения, оценка их вероятности и последствий, как правило, сильно искажена текущими экономическими интересами элит. Вместе с тем, выживание человечества рассматривается как более существенная ценность, чем суверенитет отдельных государств. На наш взгляд, это открывает возможность использовать глобальные риски как аргумент в пользу нарушения международного права, когда общественным мнением манипулируют ради достижения определенных геополитических целей (примером может служить вторжение США в Ирак под предлогом предотвращения использования химического оружия). Иными словами, угроза одних глобальных рисков используется для того, чтобы создавать другие, — возможно, гораздо более масштабные и долгосрочные по последствиям — социальные катастрофы. Кроме того, следует учитывать, что принятие решений в таких ситуациях подвержено когнитивным искажениям: когда речь идет о предотвращении вероятной потери или ущерба, мы более склонны к рискованным действиям, чем тогда, когда на кону возможность выигрыша (Schunk, Winter, 2009). Существует вероятность того, что инструменты предотвращения глобальных рисков сами станут их новыми источниками (Турчин, Батин, 2013). Примером может быть ядерное сдерживание: огромные арсеналы ядерного оружия, призванные предотвратить глобальную войну, са-

ми превратились в источник экзистенциального риска для жизни на планете (Журавлев и др., 2011, 2016). На наш взгляд, это означает, что успешность деятельности, направленной на предотвращение глобальных рисков, в сильнейшей степени определяется межгрупповым взаимодействием.

Отношение к глобальным рискам как социально-психологический феномен

Человечество достигло такого уровня технического развития, когда вероятность его выживания напрямую зависит от *отношения к глобальным рискам*, т. е. 1) от характерных для членов определенной социальной группы особенностей антиципации, переживания и осмысления глобальных угроз, а также 2) от совместной деятельности представителей своей и чужих групп, направленной на их создание, использование или предотвращение.

К *ценностно-мотивационным компонентам* отношения личности и группы к глобальным рискам можно причислить субъективную значимость глобальных рисков для настоящего и будущего личности и группы, ценность человеческой жизни, продолжения человеческого рода и благосостояния будущих поколений. Сюда же относится оценка моральной допустимости различных способов использования, провокации или предотвращения глобальных кризисов. К *когнитивным компонентам* относятся: содержание представлений о глобальных угрозах, их источниках и последствиях; оценка вероятности рисков и возможности выживания; оценка способности отдельных людей, социальных групп и человечества в целом прогнозировать риски и влиять на развитие будущих событий; оценка отдаленности рисков во времени, долгосрочности их воздействия и последствий; представления о своем и чужом вероятном поведении в условиях катастрофы; представления о способах предотвращения рисков, их последствиях; представления о социальных группах, с действиями которых связаны реализация риска или его преодоление. В числе *аффективно-оценочных компонентов* следует выделить уровень тревоги в связи с определенными рисками, выраженность позитивной или негативной оценки ближайшего, среднесрочного и отдаленного будущего человечества, общий уровень оптимизма в отношении будущего — своего и своей социальной группы. Наконец, к *конативным (предповеденческим) компонентам* отношения личности и группы к глобальным рискам относятся готовность участвовать в тех или иных совместных действиях по прогнозированию, предотвращению, ис-

пользованию или провоцированию глобальных угроз, готовность к тем или иным действиям во время и после катастрофы.

Построение *социально-психологической типологии* отношения к глобальным рискам является задачей будущих исследований. Однако уже имеющиеся данные об отношении людей к конкретным рискам (ядерной угрозе, изменению климата, терроризму) позволяют с уверенностью говорить о существовании множества таких типов. Например, исследования представлений о глобальном потеплении у американцев позволили выделить несколько сегментов аудитории, различных по типу отношения (Myers et al., 2012): «алармисты», «озабоченные», «осторожные», «безразличные», «скептики», «противники». При изучении отношения к ядерной угрозе в массовом сознании Т. А. Нестиком были выделены несколько социально-психологических типов: «альтруистические фаталисты», «гедонистические фаталисты», «религиозные фаталисты», «алармисты», «выживальщики-ликвидаторы», «романтики» и «сторонники разоружения». При этом было показано, что оценка вероятности ядерной войны и оправданность применения ядерного оружия прямо связаны с фатализмом и недоверием социальным институтам. Напротив, озабоченность ядерной угрозой и ориентация на активные действия по ее предотвращению связаны с оптимизмом, верой в возможность изменить будущее и с просоциальными установками (Журавлев и др., 2016).

Среди *содержательных характеристик* отношения личности и группы к глобальным рискам можно выделить индивидуальные и групповые представления о рисках, их причинах и последствиях, вероятности и отдаленности во времени, о возможных и допустимых способах их предотвращения, а также представления о социальных группах, вовлеченных в формирование глобальных рисков и управление ими. Отношение личности и группы к глобальным рискам может быть генерализованным или, напротив, парциальным, когда представления об одних угрозах достаточно отчетливы, а представления о других еще не сформировались.

Среди *формально-динамических характеристик* отношения к глобальным рискам следует выделить значимость их для личности и социальной группы, структуру, внутреннюю согласованность и когнитивную сложность, устойчивость этих представлений во времени, скорость их конструирования и трансляции в обществе, степень распространенности и однородности отношения к ним у различных социальных групп. Будучи эмоционально окрашенными, восприятие, переживание и осмысление глобальных рисков могут формироваться при разных коллективных эмоциональных состояниях, они могут

быть в разной степени связаны с коллективным прошлым и с повседневным опытом совместной жизнедеятельности. Отношение к глобальным рискам может быть включено в процессы межгрупповых отношений, способно стимулировать или блокировать коллективную рефлексивность, может быть сопряжено не только с определенными ценностями, но и с групповыми стереотипами и предрассудками.

Социально-психологические предпосылки предотвращения глобальных рисков

Одной из ключевых особенностей современности является ее историчность, понимаемая как все большая рефлексивность, осознанность и субъектность (Турэн, 1998). Именно рефлексивность («ауто-поэтическая коммуникация» у Н. Лумана, «социальное действие» у А. Турэна, «коммуникативное поведение» у Ю. Хабермаса) дает нам надежду на выживание в обществе риска. Страхи перед будущим играют не только позитивную роль, привлекая внимание к возможным угрозам, но и негативную: они провоцируют «эгоизм национальных государств» и ксенофобию, снижая рефлексивность общества, его способность менять самого себя в результате самоотстранения, оценки себя «со стороны».

Ответ на глобальные риски требует отказа от шаблонных решений и готовности анализировать ситуацию во всей ее сложности. Согласно известному принципу У. Р. Эшби, управление сложными системами требует еще более сложных систем и поддержки разнообразия. Между тем, на практике реакция на глобальные риски проявляется в упрощении, централизации и радикализации.

Что же тогда способно повысить перспективную рефлексивность отдельных социальных групп и общества в целом перед лицом глобальных рисков?

Рефлексия начинается с повышения внимательности людей к информации о растущих глобальных рисках. Это само по себе крайне трудная задача. Исследования психологических барьеров, связанных с восприятием глобальных рисков, хорошо резюмирует П. Э. Стокнис: нам свойственно переоценивать риски, которые зримы, новы и непривычны, персонифицированы в конкретных жертвах, находятся вне личного контроля, постоянно обсуждаются, непосредственны и внезапны, затрагивают нас персонально и связаны с конкретным врагом; и наоборот, мы склонны недооценивать риски, которые скучны, обыденны и привычны, обезличены, отчасти поддаются контролю, не обсуждаются публично, отдалены во времени, нарастают

постепенно, имеют природный характер, сказываются на других людях и не связаны с «плохим парнем» (Stoknes, 2015). На наш взгляд, практические рекомендации, которые дает П. Э. Стокнес для пропаганды борьбы с изменением климата, можно отнести и к большинству других антропогенных глобальных рисков. Вместо запугивания грядущей катастрофой следует говорить о способах защиты, указывать на выгоды здорового образа жизни и важности реальных шагов для достижения благополучия. Вместо разговоров о разрушительной природе угроз, о неопределенности будущего нужно делать ставку на психологическую подготовку к неожиданностям, формирование высоких моральных чувств и солидарности; вместо заявлений о необходимости жертвовать чем-то — говорить о возможностях повышения конкурентоспособности, об инновациях и росте, которые могут помочь в преодолении угроз.

Действительно, многочисленные исследования, посвященные информированию о глобальном потеплении, свидетельствуют о том, что алармизм и запугивание менее эффективны, чем увязывание проактивных действий с повседневным опытом и возможностями улучшить свою жизнь (O'Neill, Nicholson-Cole, 2009; Bore, Reid, 2014).

Еще одно условие рефлексии рисков — это наличие возможности публично обсуждать свои опасения, находить поддержку, совместно искать решения и воздействовать на будущее. Одним из инструментов мониторинга и рефлексии глобальных рисков могут быть корпоративные и глобальные *сетевые сообщества*, формирование которых стало возможным благодаря Интернету (Нестик, Журавлев, 2016; и др.). Опыт преодоления последствий локальных катастроф и природных бедствий показывает, что сетевые сообщества могут выполнять функции информирования, психологической поддержки и мобилизации волонтеров (Морозова, Мирошниченко, 2011). Но такие сообщества могут и прогнозировать риски. Речь идет не только об интернет-сообществах социальных активистов (например, Avaaz), а также о сообществах клиентов крупных компаний, критически оценивающих корпоративные решения и активно участвующих в разработке новых продуктов и услуг. Объединение добровольцев и любителей вокруг научных проектов принимает масштабы, позволяющие говорить о создании «гражданской науки», основанной на сообществах по интересам, партиципативных исследованиях и краудсорсинге (Sauermann, Franzoni, 2015). Такие сообщества могут не только собирать данные для профессиональных ученых, но и помогать в их обсуждении и интерпретации, а в отдельных случаях и разрабатывать исследовательский проект на равных правах с профессиональными

учеными, включая формулирование целей и гипотез. Наибольшую эффективность гражданская наука демонстрирует в области экологических исследований, хотя разнообразие «гражданских» исследовательских проектов значительно шире – от астрономии и авиастроения до генетики и разработки квантовых компьютеров. Являясь формой демократизации науки, партиципативные исследования служат прообразом рефлексивных социальных механизмов нового типа, когда последствия технологических и социальных изменений регистрируются и обсуждаются с опорой на точные данные. Дальнейшее развитие «интернета вещей», алгоритмов работы с большими данными, лазерных резаков и 3D-принтеров создает условия, при которых интернет-сообщества и гражданская наука становятся потенциально мощным инструментом прогнозирования рисков и тестирования научно-технических идей. По-видимому, интернет-сообщества ученых-любителей могут вносить свой вклад в прогнозирование глобальных катастроф, участвуя в работе сетевых «когнитивных центров» по мониторингу рисков (Десятов и др., 2011).

Правда, эти же сообщества могут стать и еще одним источником глобальных рисков. Развитие технологий дает в руки инженеров-энтузиастов («мейкеров», «биохакеров» и т. п.) мощное оружие, которое может привести к непреднамеренным фатальным последствиям. Чтобы убедиться в этом, достаточно сложить вместе несколько фактов: публикацию в открытых источниках генетического кода человека, появление дешевого оборудования и технологий, которые уже сегодня позволяют не только печатать биоматериалы, но и заниматься генной инженерией в домашних условиях, конструировать новые вирусы. Кроме того, наиболее вероятный сценарий развития «интернета вещей» предполагает сосуществование множества технических платформ и рыночных ниш, не регулируемых едиными стандартами и используемых множеством сообществ разработчиков. Все это указывает на необходимость не только законодательного регулирования гражданской науки и научно-технического творчества, но и таких социальных технологий, которые позволяли бы участникам сообщества поддерживать групповую рефлексию, обнаруживать риски и страховать друг друга от ошибок.

Вклад социальной психологии в предотвращение глобальных рисков может состоять в разработке технологий, повышающих долгосрочность временной перспективы не только отдельных лиц, принимающих решения, но и всего общества. Еще одно важное направление работы – развитие глобальной идентичности, способности личности отождествлять себя не только со своим этносом и го-

сударством, но и со всем человечеством (Нестик, 2015б). Речь идет о формировании *двойной идентичности*, когда личность сохраняет принадлежность и к своей социальной группе, к обществу, и к мировому сообществу в целом. С точки зрения теории самокатегоризации, актуализация альтернативных идентичностей (неэтнических или неполитических) — гражданских, профессиональных, глобальных и т. п. — не только позволяет снизить межгрупповую напряженность (Gaertner, Dovidio, 2000), но и облегчает постановку суперординантных целей, связанных с предотвращением глобальных рисков. Анализ успешно преодоленных антропогенных кризисов показывает, что условиями успеха оказывались расширение групповой идентификации, рост внутреннего разнообразия и формирование ценностей, облегчавших межгрупповую интеграцию (Назаретян, 2001б).

Важным психологическим условием предотвращения и преодоления глобальных кризисов является позитивный образ будущего — способность ставить *долгосрочные позитивные цели*. Анализ преодоления кризисов свидетельствует: чем более долгосрочные цели мы ставим перед собой при выходе из кризиса, тем больших жертв удастся избежать (Арманд и др., 1999). Исследования управленческих команд российских организаций показывают, что позитивная оценка коллективного прошлого и будущего облегчает постановку более отдаленных целей, групповую рефлексию, а также веру членов команды в свою способность изменить ситуацию (Нестик, 2014б, в). Экспериментально доказано, что стремление избежать негативного исхода снижает креативность и повышает аналитические способности, тогда как стремление к позитивным целям подстегивает способность находить нестандартные решения, активируя правополушарную префронтальную кору нашего мозга (Friedman, Förster, 2005)¹.

Таким образом, не алармистский подход, не нагнетание тревоги повышают устойчивость человечества в отношении глобальных рисков, а повышение коллективной осознанности, постановка долгосрочных совместных целей и развитие доверия. Наибольшая вероятность преодолеть глобальные кризисы для человеческого общества связана не с избеганием апокалиптического будущего, а с постановкой совместных долгосрочных целей, по отношению к которым глобальные риски будут рассматриваться как препятствия.

1 Студентам было предложено провести воображаемую мышь из центра бумажного лабиринта к выходу. Одна группа испытуемых делала это, ведя мышь к швейцарскому сыру, а вторая группа избегала негативного исхода, уводя мышь от совы. После эксперимента первая группа решала на 50% больше задач на креативность (Friedman, Förster, 2005).

Проведенный нами анализ позволяет сделать ряд выводов о том, что в современном обществе и гуманитарные, социально-психологические технологии повышения групповой перспективной рефлексивности становятся важнейшим фактором, определяющим выживание человечества в условиях глобальных рисков.

Психологическая специфика глобальных рисков определяется целым рядом особенностей: 1) неподтверждаемостью реальности угроз повседневным опытом, автобиографической и коллективной памятью; 2) субъективной отдаленностью во времени, увеличивающей вероятность когнитивных искажений при их оценке; 3) сопряженностью с коллективными тревожными состояниями, затрудняющими поиск решений; 4) необходимостью ряда социально-психологических условий для их предвидения и предотвращения, которые не могут быть обеспечены в одночасье (доверие, глобальная идентификация, групповая рефлексивность); 5) разрушительностью для веры человека в свою способность влиять на будущее; 6) психологической амбивалентностью способов предотвращения, которые сами по себе могут рассматриваться как новые источники глобальной угрозы; 7) включенностью представлений о глобальных рисках в межгрупповые отношения, их подверженностью манипуляциям в интересах конкретных политических и экономических элит.

Отношение к глобальным рискам – сложный социально-психологический феномен, не сводимый к индивидуальным характеристикам человека, принимающего решения. Отношение к глобальным рискам следует понимать как характерные для личности или членов определенной социальной группы особенности антиципации, переживания и осмысления 1) глобальных угроз, а также 2) совместной деятельности представителей своей и чужих групп, направленной на их осознание, использование или предотвращение. Отношение к глобальным рискам включает в себя ценностно-мотивационные, когнитивные, аффективно-оценочные и предповеденческие компоненты. Оно имеет содержательные и структурно-динамические характеристики.

На отношение личности и группы к глобальным рискам влияют психологические механизмы различного уровня: внутриличностные (мотивационно-когнитивные искажения, временная перспектива, уровень тревожности, эффекты «управления ужасом смерти», ценностные ориентации, социальная идентичность); межличностные (сеть контактов, дискурсивные практики), групповые (самосбывающиеся пророчества, сдвиг к риску, когнитивные процессы в услови-

ях групповой тревоги и дефицита времени); межгрупповые (уровень ксенофобии, межгрупповая напряженность, групповые стереотипы), организационные (механизмы интерпретации «слабых сигналов» о приближающихся изменениях, когнитивные искажения при коллективном прогнозировании и принятии решений в организациях); социетальные (социально-экономическая ситуация в обществе, обсуждение рисков в СМИ и социальных медиа, формирование коллективных эмоциональных состояний, коллективная «память о будущем», создаваемая футурологами и индустрией развлечений).

Подводя итоги, можно выделить несколько перспективных направлений психологических исследований отношения к глобальным рискам.

Во-первых, психология может не только пролить свет на то, почему остаются незамеченными постепенно накапливающиеся изменения, ведущие к глобальной катастрофе, но и должна предложить социально-психологические технологии повышения коллективной рефлексивности в отношении источников глобальных рисков. В связи с этим пристального изучения требуют механизмы групповой рефлексии в больших социальных группах и сетевых сообществах (Журавлев, Нестик, 2012).

Во-вторых, мы все еще плохо понимаем динамику коллективных эмоциональных состояний, распространяющихся через социальные медиа и влияющих на оценку глобальных рисков, приемлемость тех или иных способов их предупреждения. Несмотря на богатый опыт изучения коллективных эмоций в малых группах и организациях, собственно психологические исследования макрогрупповых эмоциональных состояний находятся пока в зачаточном состоянии.

В-третьих, требуют дальнейшего изучения социально-психологические закономерности прогнозирования рисков как совместной деятельности, а также формирования коллективного образа будущего в больших социальных группах, объединенных на основании ценностей, а не конкретных целей. Особое значение приобретают исследования групповых факторов долгосрочной ориентации на будущее (Нестик, 2014б). Чрезвычайно перспективным в этой связи является изучение того, как межличностное и групповое взаимодействие влияет на протяженность временной перспективы, эффекты дисконтирования будущего, чувствительность к масштабам риска.

В-четвертых, требуют изучения социально-психологические механизмы, провоцирующие и усиливающие глобальные социальные кризисы: терроризм как реакция на фрустрацию и потерю идентичности, формирование гностического мировоззрения, приверженцы

которого обретают смысл жизни через уничтожение существующего мира, культуру смерти (Соснин, Нестик, 2008; Неклесса, 2015).

Наконец, для предотвращения глобальных рисков ключевое значение имеют психологические механизмы, поддерживающие формирование глобальной идентификации в условиях межгрупповой напряженности (Нестик, 2015а). Теория групповой идентичности и самокатегоризации успешно использовалась для поддержки межгрупповой интеграции за счет актуализации альтернативных, надгрупповых социальных категорий (материнство, профессия и т. д.). Значительно менее изученными психологами являются механизмы идентификации личности себя с человечеством, предыдущими и будущими поколениями. Как повысить значимость глобальной идентичности и мирового гражданства без разрушения национальной гордости и патриотических чувств? Может ли глобальная идентификация увеличить способность к межличностному доверию между представителями различных групп в условиях высокого субъективного риска? Как облегчить мобилизацию граждан различных государств для решения глобальных проблем, повысив при этом их защищенность от манипулятивного воздействия со стороны политических и экономических элит, различных пропагандистских машин, создаваемых государствами и террористическими организациями?

Решение этих и других вопросов не может быть найдено без участия психологической науки. Хочется выразить надежду на более широкое участие отечественных специалистов в исследованиях, посвященных психологии глобальных рисков.

Глава 16

Психолого-мировоззренческие концепции противодействия терроризму в условиях глобальных процессов

В настоящее время перед цивилизованным миром особенно остро стоит задача выработки стратегии борьбы с современным международным терроризмом, включающей военное противостояние и борьбу в духовно-религиозной, идеологической и мировоззренческой сферах.

Западные страны во главе с США осуществляют беспрецедентную деятельность на Ближнем Востоке, связанную с попытками экспорта либеральных ценностей. Еще президент Буш призывал к «распространению стратегии свободы», демократии. Он заявлял, что это главная цель национальной политики США в международных отношениях (President Bush..., 2003). Выдвинутая в июне 2004 г. администрацией США «Инициатива Большого Ближнего Востока и Африки» включала в себя социальные и политические предложения, направленные, как говорится в этом документе, на установление стабильности и предотвращение насилия в этом регионе мира (Exclusive Interview..., 2001). Эта инициатива была ориентирована на пропаганду принципов свободы (по западным представлениям) в мусульманском мире и прекращение порабощения женщин. Однако существует и другой, ранее утвердившийся взгляд, иное мировоззрение, свойственное представителям исламского мира, в частности, членам «Мусульманского братства», например, Саиду Кутбу¹: «Подчинение Шариату как ниспосланному Богом — необходимое условие гармоничной жизни... Гармония между человеческой жизнью и за-

¹ С. Кутб (1906–1966) — «крестный отец» современного радикального исламистского движения, повешенный в Египте в 1966 г. за свои деяния. Его брат Мухаммед Кутб стал профессором по проблемам Ислама в Саудовской Аравии, среди студентов которого был и Аль-Завахири — один из ведущих руководителей организации Аль-Каида в настоящее время (Robins, 2007, с. 298–318).

конами мироздания – это предпочитаемый путь для человечества. Это единственная гарантия против превратностей и жизненных конфликтов. Только находясь в этом состоянии, люди достигнут мира как с самими с собой, так и с универсальным мироустройством, ниспосланным Богом, живя в соответствии с его законами» (Qutb, 1980, гл. 6). Таким образом, западные страны во главе с США и радикальные исламисты стремятся к устройству мира совершенно разными средствами. Радикальные исламисты не намерены создавать мироустройство по «лекалам» западных обществ и их демократическому образцу, рассчитывая на следование всех людей мира заранее установленным законам ислама.

Приведенный ниже анализ основных положений идеологического, духовно-нравственного и социально-психологического противоборства с терроризмом в современных условиях вполне органично включается в более общее научное направление исследований современной психологии, обозначенное как психологические проблемы современного общества, интенсивно разрабатываемое в настоящее время (Динамика социально-психологических..., 1996; Психологические исследования..., 2013; Психологические проблемы..., 2012; Психология человека..., 2014; Социально-психологическая динамика..., 1998; Юревич, Журавлев, 2012).

Сопротивление глобализации

Война радикальных исламистов с либерализмом западного толка – это политический компонент общего сопротивления изменениям в мире, вызванным глобализацией (или вестернизацией). С точки зрения террористов, организации, которые правительство Соединенных Штатов и их союзники называют террористическими, широко вовлечены в социальную и культурную деятельность своих сообществ, организуют и спонсируют жизнь простых граждан, включая поддержку образовательных программ для подрастающего поколения.

«Хамас», «Тамильские тигры», IRA, ETA и «АльКаида» не без основания причислены правительствами западных стран к организациям, виновным в убийстве невинных граждан, в нанесении ущерба людям, их собственности, в создании хаоса в государствах западного мира. Они организуют террористические акты во многих регионах. Вместе с тем их активность распространяется также и на сферу образования и воспитания подрастающего поколения, поддержку социальной жизни людей, в том числе на благотворительность.

В определенных сообществах эти организации хорошо известны как структуры, помогающие бедным и обездоленным, заботящиеся о вдовах. С точки зрения террористов, «Хамас» и другие подобные организации ведут борьбу с региональными коррумпированными структурами в своих странах. «Хамас» получил поддержку беднейших слоев населения, поскольку его члены выступали как защитники именно обездоленных людей (что во многом объясняет победу этой организации на выборах). Для местного населения «Хамас» — это «Партия Бога», которая пытается трансформироваться в политическую партию и участвовать в демократических выборах.

В Северной Ирландии IRA также выполняла неофициальную функцию помощи католическим семьям, когда местные правительственные структуры не могли или не хотели этого делать.

«Тигры-Тамилы» («Тамильские тигры», «Черные тигры» и др.) — это организация, вовлеченная в процесс воспитания, сохранения здоровья населения, в работу социальных служб. Ее деятельность сконцентрирована далеко не только на организации актов терроризма, как это утверждается властными структурами Шри-Ланки.

Организация «Хесболла» в западных СМИ определяется исключительно как террористическая. Однако в регионах Ближнего Востока (например, в Ливане) считают, что она выполняет многообразные социальные функции. «Хесболла» проявила себя как эффективная структура в организации местных школ для обездоленных детей и других учреждений в контролируемых этой организацией регионах Ливана (Мохаддам, 2011).

С точки зрения террористов, перечисленные организации представляют интересы простых угнетенных людей. Сфера их социальной активности достаточно обширна. В то же время они атакуют «врага» — «коррумпированные региональные правительства» и мировые державы (особенно США), поддерживающие, по их мнению, продажные местные режимы (Мохаддам, 2011, с. 18–28; Zakaria, 2004, с. 1–20; Qutb, 1980).

Критика западной демократии с позиций исламских радикалов — это эхо раннего сопротивления колониальному влиянию Запада в прошлом веке. Вот, например, высказывание шейха Ахмада М. Шакира в начале XX в., которое имеет непосредственное отношение к современным радикальным исламистам, бросающим вызов законности демократии западного типа: «Законно ли, чтобы мусульман на собственных землях судили не по законам Шариата, ниспосланного Аллахом, а по законам языческой атеистической Европы? Конечно, нет. Их законодательство является итогом фальшивых

и сфабрикованных мнений. Они и изменяют его, и заменяют его в соответствии со своими прихотями... Поэтому законы, выдуманные, придуманные и созданные людьми, ясно как божий день, — это богохульство. И нет никакого сомнения в этом. Нет никакого убедительного основания, извинения для любого человека, связанного с Исламом, кем бы он ни был, действовать в соответствии с этими законами, подчиняться им или устанавливать их» (Robins, 2007, с. 299).

Современное сопротивление радикальных исламистов западной культурной экспансии проявляется не только в политике, но и в экономике, в социальной и культурной сферах. Во время интервью в октябре 2001 г. О. бен Ладена спросили, является ли идея «столкновения цивилизаций» неизбежной. Он ответил: «Нет никакого сомнения, что это так» (Laden, 2004). В послании к американскому народу в октябре 2002 г., озаглавленном «Письмо к американским людям», О. бен Ладен дал исчерпывающую оценку американскому образу жизни: «С сожалением говорим вам: вы самая порочная цивилизация в истории человечества» (Levis, 2002).

А. аль-Завахири, заместитель О. бен Ладена, обобщил взгляды мусульманского мира в отношении американской культуры и ее воздействия на регионы мусульманского мира в своем предвыборном послании иракскому народу в январе 2005 г. Он сказал, что мусульмане «должны противодействовать Америке в принципах», для того «чтобы разоблачать и показывать их многобожие, аморальность и лицемерие». «Свобода, к которой мы стремимся, — это не вульгарная и вызывающая презрение свобода Америки. Это не свобода банков, ростовщичества, гигантских компаний и лживых средств массовой информации. Это не свобода уничтожения других ради материальных интересов. Это не свобода СПИДа, проституции и однополых браков. Это не свобода азартных игр, алкоголя и разрушения семьи. Это не свобода использования женщин как товара для привлечения покупателей при заключении сделок, сопровождения путешественников и рекламы товаров... Подлинная свобода — это полное согласие с Шариатом, который стоит выше амбиций, враждебности и еретических тенденций», — говорил А. аль-Завахири (Zawahiri, 2005).

С точки зрения членов «Аль-Каиды» и большинства других радикальных исламистских групп, ни одно правительство на Ближнем Востоке адекватно не сопротивлялось вторжению западных ценностей, форм жизни и сопутствующим переменам. «Эти режимы открыто и постыдно являются либо секулярными, либо сектантскими, лицемерно претендующими быть исламскими, но не следующими

законам Шариата». Саудовский режим является объектом особой ярости О. бен Ладена (Larson, 2005). В этом отношении «Аль-Каида» следует традициям многих предыдущих повстанческих движений.

Роль идеологии в террористических движениях

В современных исламских террористических движениях религия операционализируется (и интерпретируется) как идеология и играет ту же роль, что и в других известных политико-идеологических течениях и доктринах, таких как разные формы национализма или либерализма.

Религия как идеология выполняет те же функции, что и светские радикальные идеологии: организация, пропаганда, рекрутирование и обучение, проведение операций. Ставящиеся задачи выполняются ею на нескольких уровнях: индивидуальном (вдохновить, мотивировать, стимулировать, мобилизовать); тактическом (информировать о способах совершения атак и выбора целей); операциональном (содействовать планированию операций на оперативном театре борьбы); стратегическом (обеспечить объяснение, моральное оправдание, обоснование законности деятельности террористов, в т. ч. убийства невинных людей, объяснение идеологической основы борьбы повстанческого движения).

Радикальные интерпретаторы Корана стремятся вдохновлять верующего, убеждать колеблющегося, устрашать и шантажировать противника. Подобно любой революционной догме, «радикальный ислам» — это не просто описание картины мира (мироустройства) или моральное оправдание конкретных действий (терактов), но и программа всеохватывающей деятельности по переустройству мира.

Прежде всего эта радикальная идеология легитимизирует борьбу, она заставляет видеть в грубой силе законную власть. Религиозные идеологии являются уникальной и мощной мобилизующей силой, поскольку имеют теологическое верховенство (согласно постулату, верующие имеют превосходство над неверующими, непосвященными), которое абсолютно: вы либо находитесь в рамках догматов религии, либо находитесь вне этих рамок как не верующие. Кроме этого, религиозные идеологии способствуют усилению поляризации ценностей по принципу «добра и зла», «правильного и неправильного», «света и тьмы», т. е. ценностей, ссылки на которые могут использоваться террористическими группами и организациями для превращения «ищущего» в законного убийцу (Letter from..., 2002).

Радикальный ислам оказался исключительно эффективным средством не просто мобилизующей, но и обладающей видимостью

«легитимности» идеологии. На основе радикальных интерпретаций Корана создается согласованная картина мира, получают объяснение все проблемы и трудности, объявляются и обвиняются главные враги: США, Израиль, западная цивилизация в целом, ООН, капитализм, глобализация и отступнические режимы. Чтобы вести идеологическую войну против радикального ислама, необходимо понимать, что идеология выполняет функцию выражения и оправдания эмоционального компонента социальной установки. Для многих приверженцев радикальных идеологий это имеет важное значение (Interview..., 2003).

Отвержение насилия в исламе

Среди исламских радикалов, с которыми современная цивилизация находится в состоянии войны, не все разделяют ваххабитские убеждения. Ваххабиты — это только те, кто стремится силой навязать свои взгляды другим, силой уничтожить местные режимы, установить нечто подобное халифату и насильственным путем экспортировать свое влияние по всему миру.

Противодействие исламистской радикальной идеологии не должно включать критику мусульманской мысли в целом. Огульная критика всего мусульманства способствует моральному оправданию действий террористов и их утверждений о том, что Запад находится в состоянии войны с исламом (как с религией, так и с цивилизацией в целом), тем самым усиливая сплочение и мобилизацию радикального исламского мира в оборонительной борьбе против его внешнего врага. Рациональный и действенный подход к борьбе с терроризмом должен быть конкретным и сфокусированным на анализе наиболее экстремистских критических «узловых точек» идеологии ваххабизма, которые трансформируют исламскую веру в угрозу. Главными направлениями борьбы идей должны быть:

- а) опровержение тех положений террористической идеологии, которые связаны с использованием ислама для побуждения, оправдания и «санкционирования» насилия;
- б) демонстрация различия взглядов сторонников насилия и приверженцев канонического ислама, в чем незаменимую роль должно сыграть образование населения, особенно молодых людей.

В целом, современное образование способно принципиальным образом изменить образ жизни и прежде всего образ мыслей (мировоззрение) человека (Ушаков, Журавлев, 2008). Характерной чертой

идеологии джихадистов (салафистов) является то, что они рассматривают ислам как универсальную силу, которую можно на законных основаниях распространять с помощью насилия, т. е. это «нападающая доктрина». Саид Кутб отмечал, что защита исламских земель — «это не главная цель исламского движения джихада, а средство установления священной власти в исламском мире, чтобы исламские движения стали бастионами распространения ислама по всей земле на все человечество, поскольку цель этой религии — все человечество, а ее сфера действий — вся земля» (Qutb, 1980, гл. 6).

Аятолла Хомейни еще в 1942 г. утверждал, что универсальная тенденция ислама — это хорошая экспансия, поскольку «все страны, которые покорены исламом или которые будут покорены в будущем, будут подвергнуты вечному рабству». Более того, экспансия исламской веры связана с насилием, так как «ислам утверждает: там, где присутствует добро (благородство), оно существует благодаря мечу и насилию и под сенью меча! Людей невозможно подчинить ничем, кроме меча! Меч — это ключ к раю, который можно открыть только для священных бойцов ислама» (Robins, 2007, с. 302).

Убеждение в том, что насилие необходимо и обязательно по самой природе человека, отражается в определении джихада, например, радикальной исламской организацией «Хесболла»: «Джихад — это коллективная обязанность, которая должна выполняться всеми мусульманами. Содержание джихада означает, что мы начинаем борьбу с врагом, даже если он не начинает борьбу с нами. Следовательно, джихад — это не защитная война. Это война по распространению мира Аллаха... т. е. распространению ислама для всех людей в мире, даже если неверующие не нападают на нас» (там же).

Сторонники джихада призывают к самозащите как законному средству вооруженной борьбы, поскольку защитная война признается законной практически во всех видах вооруженных противостояний. В интервью, опубликованном вскоре после события 11 сентября 2001 г., О. бен Ладен заявил: «Ислам жестко запрещает нанесение вреда невиновным женщинам, детям и другим людям. Такая практика борьбы запрещается даже в ходе военных столкновений» (Hafez, 2006). Однако спустя год, когда О. бен Ладен провозгласил законность атак 11 сентября 2001 г., он счел необходимым дать моральное оправдание убийства невинных людей: «Вы спросите, почему мы убиваем простых граждан, которых вы объявляете невинными... Хорошо, этот аргумент противоречит вашему собственному призыву, что Америка — это страна свободы и демократии, где каж-

дый человек, независимо от пола, религии, возраста или интеллектуальных способностей, имеет право голоса», поэтому, участвуя в выборах руководителей, американцы становятся соучастниками преступлений, совершаемых властными структурами против ислама. Они разделяют вину за то, что платят налоги и добровольцами вступают на военную службу (Robins, 2007, с. 303).

В мае 2005 г. «Аль-Каида» стремилась рассмотреть и обосновать проблему убийства мусульман мусульманами. Бывший эмир Ирака Абу Мушаб аль-Заркави в аудиобращении, рассматривая эту проблему, апеллировал не к признанным принципам Корана или прецедентам, установленным пророком Мухаммедом, а к простой полезности и практичности: «Пролитие мусульманской крови допустимо для того, чтобы избежать большего зла, подрывающего джихад... Бог знает, что мы стремимся не убивать мусульман, и мы в прошлом отменяли многие операции, чтобы избежать потерь. Однако мы не можем убивать неверных без некоторых жертв и среди мусульман — это неизбежно» (Azzam, 2006).

В противовес утверждению аль-Завахири, что убийство невинных санкционировано исламом, в Коране можно обнаружить множество аргументов, опровергающих эту позицию. Главный муфтий Саудовской Аравии шейх Абд аль-Азиз жестко осудил теракт 11 сентября 2001 г. и заявил, что обязанность духовенства — объяснять, что такие действия недопустимы (Robins, 2007, с. 304).

В ноябре 2003 г. саудовский имам шейх Нассер аль-Фахт, который ранее издал ряд предписаний, обосновывающих использование насилия для сопротивления, отказался от них после волны терактов «Аль-Каида» в Эль Риаде. Он заявил: «Подобные операции с использованием террористов-смертников не являются актами мученичества. Как люди, ответственные за эти взрывы, могут убивать невинных мусульман и немусульман, разрушать собственность в доме ислама? Мы не рассчитывали, что использование насилия достигнет такой степени. Мое послание таково: остерегайтесь Божьей кары и остановите кровопролитие. Бойтесь Бога и покайтесь в своих ошибках. Признание своих ошибок не должно вызывать чувства стыда и унижения» (Ain al Yaqeen, 2003).

В марте 2005 г. Исламский комитет Испании издал фетву в ответ на взрывы пассажирских поездов в Мадриде, которые произвела «Аль-Каида». В этих терактах погибли 191 человек и ранены более 2 тыс. Данная фетва — опирающийся на тщательно подобранные исламские источники документ, в котором рассматриваются различные аспекты идеологии террора, связывающие религию с наси-

лием. Она основывается на положении Корана: «И стремись к тому, что даровал тебе Аллах, к жилью последнему! Не забывай своего удела в этом мире и благодетельствуй, как благодетельствует тебе Аллах, и не стремись к порче на земле. Поистине – Аллах не любит сеющих порчу» (Коран, 1990, с. 326, суры 28, 77).

Интерпретация термина «порча» включает все формы анархии и терроризма, которые подрывают или разрушают мир и безопасность мусульман. В фетве приводятся выдержки из Корана и сочинений мусульманских богословов, обосновывающих ряд важных положений:

- к людям других вероисповеданий следует относиться с уважением;
- убийство – это самый тяжкий из всех грехов;
- в рай попадут те, кто делал добро;
- война может быть оправдана только тогда, когда она имеет строго оборонительный характер и ведется в строго определенных рамках, и даже во время войны убийство невинных, особенно женщин и детей, – это тяжкое преступление.

Авторы документа приходят к следующим заключениям:

- ислам отвергает терроризм во всех его формах и проявлениях;
- ислам является главной жертвой террористических атак, осуществленных группами, которые лицемерно объявляют себя «исламскими», убивая, в частности, мусульман и придавая исламской вере отрицательный имидж.

Радикалы манипулируют интерпретацией священных текстов в попытке получить поддержку среди мусульман или рекрутировать новых сторонников, которые совершают теракты и нарушают предписание Корана, отпадая от веры. Долгом каждого мусульманина является активная борьба против терроризма в соответствии с положениями Корана, который устанавливает обязательство предотвращать «порчу» земли от потрясений¹. Дж. С. Робинс отметил, что фетва Исламского комитета Испании может служить моделью для обоснованной аргументации, подкрепленной священными текстами и другими законными авторитетами, для организации противодействия и разоблачения незаконности террористических тактик

1 Мусульманский форум Великобритании в июле 2005 г. издал религиозный декрет в ответ на теракты в Лондоне (Religious, 2005). Хотя это послание менее детализировано, чем испанская фетва, в нем делаются аналогичные выводы.

представителей глобального джихада (джихадистов-салафистов), а также для использования психологических методов в идеологической борьбе против терроризма (Robins, 2007, с. 305).

Психологические методы: их понимание и роль в противодействии терроризму

В ряде наших исследований было отмечено, что борьба с терроризмом имеет в первую очередь идейно-духовную направленность (Журавлев, Нестик, Соснин, 2011а; Соснин, 2011, 2012а). Рассмотрим базовые компоненты методологии оперативного использования психологических методов как инструмента противодействия терроризму в современной борьбе и обозначим основные сферы этого противостояния. Следует при этом отметить, что разработка конкретных психологических методов и возможностей их применения относится к междисциплинарным (Психология: современные направления..., 2003) и научно-практическим (Ушаков, Журавлев, 2011) направлениям профессиональной деятельности психологов.

Психологические методы, применяемые в любых формах противодействия, в том числе и современному терроризму, понимаются как спланированное использование прежде всего средств массовой коммуникации для воздействия на социальные установки и представления, отношения и поведение людей (Павлова, Журавлев, 2007; Психологическое воздействие..., 2012; Павлова, 2003). Психологическое воздействие может осуществляться путем политических, военных и идеологических действий, направленных на сознание и эмоциональное состояние группового объекта – потенциального противника, чтобы вызвать у него определенные состояние и поведение и сформировать установки, способствующие реализации своих идеологических целей (Paddock, 1989, с. 45).

В социальной психологии закономерности формирования и изменения социальных установок и социального поведения личности и группы хорошо изучены (Павлова, 2003; Соснин, Журавлев, Красников, 2011; Социальная психология..., 2002), однако столь же хорошо известны и огромные сложности, с которыми сталкиваются специалисты, когда пытаются произвести на практике такого рода формирования или изменения.

Применение психологических методов на практике – это «операции тактического или стратегического плана, осуществляемые на полях войны или на потенциальном театре военных действий в мирное время или в ходе боевых действий и направленные главным

образом на сознание противника, а не на его тело» (Bernstein, 1989, с. 145).

Субъекты военных действий открыто опираются на создание военного превосходства, но при этом психологии врага уделяют недостаточное внимание. Практически проблемами психологии либо пренебрегают, либо реагируют на них с явным запозданием. Исторически складывалось так, что психологические методы в военное время использовались в основном на тактическом уровне. Мало внимания уделялось проведению стратегических психологических воздействий для нанесения ущерба противнику перед военными действиями. Должным образом подготовленные, они должны «предшествовать, сопровождать и следовать после всех форм применения силы» (Bernstein, 1989, с. 45) и тем самым быть компонентом общего стратегического плана.

Основная цель правительства в ответ на совершаемые террористические действия — убедить население, что оно делает все возможное для противодействия терроризму. Однако нет никаких статистических данных, подтверждающих, что акты возмездия государства сдерживают последующие террористические акции. Наоборот, в ряде случаев есть свидетельства, позволяющие предполагать, что применяемые правительством действия способствовали сплочению террористических групп. Это является аргументом в пользу того, что нужны какие-то дополнительные меры противодействия терроризму, к числу которых относятся и психологические средства и методы.

Психологическое воздействие способно быть не просто важным оружием в борьбе против терроризма, но одним из основных. Стратегическая роль психологических методов в противодействии терроризму состоит в том, что они являются важнейшим и долговременным компонентом данной борьбы.

Основные элементы использования психологических методов по противодействию терроризму таковы: предотвращение вступления в террористическую группу потенциальных террористов; учет разногласий внутри террористической группы; поддержка выходящих из террористической группы членов; поиск путей ослабления поддержки террористической группы и ее лидеров со стороны социального окружения. Указанные элементы являются компонентами стратегической программы использования психологических методов, которая должна проводиться десятилетиями, поскольку новые социальные установки не так легко сформировать, если ненависть возвращается и воспитывается в людях с рождения (Post, 2005, с. 105–110).

Поскольку цель терроризма – это воздействие на население, то в стратегию психологических воздействий по противостоянию терроризму необходимо включать также психологическую защиту от целей террористов. В современной психологии только начинает формироваться научное направление исследований психологических проблем безопасности личности, группы и общества (Проблемы психологической безопасности..., 2012; Тарабрина, Журавлев, 2012), которое в настоящее время чрезвычайно востребовано. Психологам также отводятся важнейшие функции в оказании помощи населению по оптимизации процессов адаптации в социальной среде (Психология адаптации..., 2007), преодолению стрессовых ситуаций (Стресс, выгорание..., 2011), обучению совладающим формам поведения (Совладающее поведение..., 2008) и т. д.

Идеологическое противодействие суицидальному терроризму

Исследователи терроризма полагают, что существуют три основных условия для совершения террористических актов с использованием террористов-самоубийц:

- религиозный догмат мученичества в исламе;
- стратегическое решение террористической организации использовать тактику суицидального терроризма;
- возможность вербовки террористов-смертников (Hoffer, 1951, с. 14–29).

В Коране есть прямое запрещение актов самоубийства и убийства невинных людей. Эти положения Корана дают основание для проведения психологического воздействия, направленного против суицидального терроризма. Необходимо показать, что суицидальные атаки являются не благородными актами мученичества, а актами убийства и самоубийства, осуждаемыми в догматах Корана.

Изменение экстремистских установок части мусульманского населения в первую очередь касается отношения молодых представителей исламских сообществ, отчужденных от жизненных перспектив. Существуют данные, позволяющие предположить, что современная молодежь для пропаганды уже потеряна. И все же главное – передавать базовые социокультурные установки последующему поколению. Основными вопросами остаются следующие: как можно мобилизовать родителей в мусульманских семьях противодействовать вступлению детей в структуры терроризма, а умеренных духовных руководителей ислама противостоять экстремистским интерпре-

тациям Корана, питающим представителей глобального джихада? Как мобилизовать политических лидеров мусульманских государств на противодействие терроризму, который подрывает основы мусульманской веры?

Психологическое воздействие по противостоянию терроризму — это один из основных и долговременных инструментов в борьбе с данным явлением. Важно при этом понимание и учет духовно-религиозной мотивации террористов, экстремистской интерпретации Корана, идеологии мученичества и расхождений с каноническим исламом.

В противодействии терроризму необходимо использовать некоторые проверенные программы и технологии:

- 1) вести кропотливую разъяснительную работу, направленную против искажений догматов традиционного ислама и против экстремистских версий трактовки Корана вместе с духовными лидерами ислама;
- 2) использовать психологические методы как инструмент долговременного противостояния радикальной экстремистской идеологии (см., например: Соснин, 2012б);
- 3) решать проблему реформирования системы мусульманского образования подрастающего поколения в странах Ближнего Востока, Персидского залива и Северной Африки, которая и в светских научных кругах, и в мусульманских является актуальной, активно обсуждается и требует глубокого анализа.

Раздел 6

**СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ
УСЛОВИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ
ГЛОБАЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ**

Глава 17

Глобальная идентичность в условиях развития современного общества

В начале XXI века мир оказался перед лицом острых глобальных проблем, решение которых невозможно без консолидации усилий национальных элит и без формирования глобального общественного мнения, которое поддержало бы геополитические инициативы отдельных правительств. Осознание глобальных рисков, не говоря уже об их предотвращении, требует способности личности к отождествлению себя не только с этническими, политическими и экономическими группами, но и с общностью высшего порядка — с человечеством в целом.

Создатель концепции общества риска У. Бек указывает на то, что в эпоху растущих глобальных финансовых, экологических и ядерных рисков космополитизм и международное сотрудничество становятся своего рода императивом, от которого зависит выживание человеческого рода. Именно переживание глобальных угроз и осознание схожести реакции на эти угрозы у жителей других государств ускоряет формирование воображаемых глобальных сообществ (Tiryakian, Beck, 2011; Кузнецов, 2014).

Целый ряд кросскультурных исследований свидетельствует о том, что субъективная значимость глобальных угроз, таких как гонка ядерных вооружений, разрушение окружающей среды и глобальное изменение климата, тесно связана с глобальной идентификацией и космополитическими ценностями (Der-Karabetian, 1992; Leung et al., 2015; Der-Karabetian, Michelle, 2015). Глобальное мировоззрение является одним из предикторов этически избирательного потребления товаров и природоохранного поведения (Grinstein, Riefler, 2015; Reese, Kohlmann, 2015; Der-Karabetian, Michelle, 2015).

Первые исследователи «глобального мировоззрения» понимали его как ценностную ориентацию, выражающуюся в значимости для личности глобальных проблем, при которой основной группой

членства выступает все человечество, а не принадлежность к отдельным этническим группам или государствам. При этом глобальное мировоззрение не предполагает ни информированности о международных отношениях, ни интереса к такого рода информации (Sampson, Smith, 1957).

К настоящему времени предложено несколько методик для измерения космополитизма (Sampson, Smith, 1957; Hett, 1993; Dye, 1963; Earle, Cvetchkovich, 1997; Riefler, Diamantopoulos, 2009; Saran, Kalliny, 2012; Cleveland et al., 2014) и глобальной идентичности (Der-Karabetian, Ruiz, 1997; Malsch, Omoto, 2007; Buchan et al., 2011; McFarland et al., 2012; Reese et al., 2014; Reysen, Katzarska-Miller, 2013). Выявлены связи глобальной идентичности с рядом личностных характеристик (низкий авторитаризм правого толка, низкий этноцентризм, высокая кросс-культурная компетентность, низкая ориентация на доминирование в межличностных отношениях, высокая открытость к новому, доброжелательность, невротизм и др.). Эти связи могут различаться в зависимости от группы респондентов. Так, например, у пожилых волонтеров глобальная идентификация может переживаться как чувство ответственности за человечество и быть тесно связанной с религиозностью (Pozzi et al., 2014), хотя в большинстве исследований, проведенных на других выборках, связь глобальной идентичности с религиозностью или религиозным консерватизмом не наблюдается (McFarland et al., 2013).

Вместе с тем, до сих пор не решен вопрос о том, как формирование глобальной идентичности связано с другими характеристиками социальной идентичности личности, с личным опытом и особенностями социализации, с коллективной памятью и представлениями о будущем (McFarland, Hornsby, 2015).

Психологический феномен «глобальное мировоззрение» получил свою операционализацию в области организационной психологии в связи с деятельностью транснациональных корпораций и необходимостью целенаправленного формирования корпоративных и политических лидеров глобального уровня. Под глобальным мировоззрением понимается глобальная идентификация лидера, позволяющая ему видеть мир как целое, ценить различия, учитывать сложность глобальных процессов и отслеживать мировые тренды (Rhinesmith, 1992). Выделяют различные компоненты глобального мировоззрения. Так, различают три ключевые компетенции, входящие в глобальное мировоззрение лидеров: во-первых, это способность анализировать информацию о глобальном бизнесе, во-вторых, умение завязывать и развивать отношения с основными заинтересованными сторо-

нами по всему миру, в-третьих – способность принимать решения с опорой на информацию о глобальных процессах (Bouquet, 2005).

Ключевыми компонентами глобального мировоззрения являются такие личностные характеристики, как космополитизм и когнитивная сложность (Levy et al., 2007), культурная компетентность и глобальная ориентация, предполагающая позитивное отношение к глобализации и способность быстро адаптироваться к ней (Storgy et al., 2014).

Анкетирование, проведенное среди 17000 руководителей, показало, что их глобальное мировоззрение не связано с размером компании: руководители малого бизнеса и крупных глобальных корпораций могут иметь схожие показатели уровня глобального мировоззрения (Javidan, Bowen, 2015). Вместе с тем, была обнаружена зависимость глобального мировоззрения от индустрии и профессиональной деятельности. Так, наиболее высоким уровень глобального мировоззрения оказался среди руководителей в телекоммуникационной индустрии, тогда как наименее развит он в производственных компаниях. Более высокие его показатели отмечены в таких корпоративных функциональных направлениях, как внутренние и внешние коммуникации, финансы и маркетинг, значительно менее развит глобальный взгляд на вещи в административных отделах, IT-службах, а также в производственных подразделениях.

Большой интерес представляют результаты глубинных интервью, проведенных М. Чех и ее коллегами среди 24 лидеров глобального уровня (Cseh et al., 2013). Как оказалось, ключевую роль в формировании компетенций глобального лидерства играют саморефлексия и процессы коллективного анализа совместного опыта. Помимо рефлексивности, авторы выделяют и другие личностные характеристики успешных глобальных лидеров: когнитивную гибкость, осознанность, любопытство, скромность.

К понятию глобального мировоззрения близки понятия «мировое гражданство» и «космополитизм». Мировое гражданство определяется как способность видеть себя частью мирового целого, допускать множественность лингвистических и культурных картин мира, понимать логику отношений господства, борьбы за власть и геополитическое влияние, заботиться о защите прав и благосостояния других людей (Stromquist, 2009). Безусловно, огромную роль в формировании мирового гражданства сыграли глобальные организации, такие как Мировой банк, Международный валютный фонд, Всемирная торговая организация, ООН и ЮНЕСКО. Значительный вклад в распространение идей мирового гражданства и формирование глобаль-

ной идентичности вносят некоммерческие организации (He, 2004). Тем не менее, в отсутствие глобального правительства статус «гражданина мира» остается прежде всего психологическим феноменом. Статус этот возникает через самоопределение личности, сознательный выбор международных норм и стремления действовать поверх границ и суверенитета отдельных государств. Благодаря коммуникационным технологиям, а также осознанию взаимозависимости стран перед лицом глобальных рисков, растет масштаб социальных движений, участники которых придерживаются космополитических взглядов (Falk, 1994; Keck, Sikkink, 1998). Международные активисты – это социальная группа, являющаяся сегодня воплощением идеи мирового гражданства. В этом отношении мировое гражданство – глобальное воображаемое сообщество людей, разделяющих космополитические нормы и ценности. Развитие Интернета и появление виртуальных социальных сетей подстегнуло формирование глобальных общественных движений, давая возможность людям с активной жизненной позицией быть услышанными и мгновенно объединять усилия. Примером такого глобального движения является Avaaz: созданное в 2007 г. группой активистов, к 2015 г. движение объединило 41 миллион человек в 16 странах на 6 континентах.

Перед лицом массовых угроз и в чрезвычайных ситуациях интернет-сообщества берут на себя роль «цифровых волонтеров», выполняя целый ряд функций – информирования и координации, поиска решений, социальной и эмоциональной поддержки (Морозова, Мирошниченко, 2011). Как показывают социологические исследования, активизм характерен для наиболее образованных и высокостатусных категорий городской молодежи, его мотивами являются возможность защитить свои права и возможность общаться с людьми, разделяющими те же ценности и убеждения (Седова, 2014). По сравнению с остальными россиянами, объединенные в сообщества активисты характеризуются более позитивным образом будущего и более разнообразными жизненными планами.

Понятие космополитизма, зародившееся еще в эллинистическую эпоху, получало за свою историю различные интерпретации – от религиозной христианской, оккультной и натурфилософской до чисто политической (Фрейхоф, 2003). В последние 20 лет оно постепенно выводится из противопоставления патриотизму и освобождается от негативных оценок, традиционных для советского общества. Сегодня оно осмысливается уже не как подмена интернационализма, а как открытость другому культурному опыту, при которой глобальное и локальное рассматриваются как дополняющие

друг друга. В этом значении космополитизм является необходимым условием разрешения глобальных проблем и ответа человечества на угрозы XXI века (Beck, 2006).

Остается спорным вопрос о психологических индикаторах космополитизма. Космополитическая личность характеризуется принятием разнообразия, открытостью к новому, самокритичностью и ориентацией на будущее. По-видимому, следует различать космополитическую идентичность, т. е. осознание себя гражданином мира и переживание чувства принадлежности к человечеству в целом, и космополитическую ориентацию как принятие культурных различий, открытость к Другому (Pichler, 2009).

Ключевыми факторами глобализации становятся растущие мобильность и сетевой характер общества (Urqu, 2002). Немаловажную роль играет глобализация образования. Начиная с 1980-х годов космополитизм получает существенную поддержку благодаря усилиям американских университетов и крупных корпораций, формирующих у молодых специалистов ориентацию на глобальную конкуренцию (Mitchell, 2003, 2007; Fincher, 2011). Стимулирование студенческого обмена между странами привело к повышению кросс-культурной компетентности и чувствительности к глобальным новостям. Появление массовых обучающих онлайн-курсов еще более усилило глобализационные эффекты Интернета, расширяя аудиторию и разнообразие возрастных групп. Вопрос о том, как именно связана космополитическая идентичность с отношением к глобальным рискам, пока остается открытым.

Несмотря на то, что космополитические установки и глобальная идентичность возникли среди интеллектуалов еще в эллинистическую эпоху и были тесно связаны с образом жизни мудреца, массовым явлением они стали лишь в XX веке. Идея общей судьбы человечества возникла относительно недавно. В конце Средних веков одним из первых ее выразил Данте. До него в рамках эллинистической и христианской традиций под человечеством понимались отдельные народы или только крещеный мир (Доброхотов, 1990; Gilson, 1968).

Глобальная идентичность может быть проявлением определенной нравственной позиции. На этот вывод наталкивают исследования среди людей, спасавших евреев от геноцида в нацистской Германии и в других странах во время Второй мировой войны (Oliner, Oliner, 1988; Monroe, 1996). Любопытно, что идентификация себя с человечеством прямо связана с уровнем моральной зрелости, но не обнаруживает связей с характером воспитания в семье. При этом большинство участников исследований признают, что нравственно

зрелая личность должна связывать себя с человечеством, даже если сами они себя таковыми не считают (McFarland et al., 2013). По-видимому, в формировании глобальной идентичности важную роль играют когнитивные процессы, в том числе эффект прототипа, на основе которого строится представление о всем человечестве. Проведенные недавно исследования показывают, что даже при наличии социального представления о человечестве как едином целом мы сравниваем другие народы с прототипом «человека», близким к своей этнической группе. Например, немцы и греки, представляя себе человечество, склонны думать о европейцах, а не о жителях Африки или Азии. Этот неосознаваемый этноцентризм в представлениях о человечестве влияет на готовность жертвовать чем-либо для жителей других стран и на оценку справедливости неравенства между странами в современном мире (Reese et al., 2016).

Если для И. Канта идея космополитизма была связана с признанием прав человеческой личности, то для глобальной экономики XXI века космополитизм оказался связанным прежде всего с обществом потребления. Существенную роль в формировании космополитических установок играет глобализация культуры потребления и соответствующие маркетинговые программы транснациональных компаний (Cannon, Yaprak, 2002; Cleveland et al., 2009; Zeugner-Roth et al., 2015). Потребители из разных стран стали рассматривать весь мир как единый рынок продуктов и услуг, на котором можно делать покупки и сравнивать предложения на основе глобальных стандартов. Формирование космополитической идентичности облегчается глобальным характером современных технологий, прежде всего Интернетом (Westjohn et al., 2009). Так, услугами крупнейшей социальной сети Facebook в августе 2015 г. за один день воспользовались более 1 миллиарда жителей земного шара.

Важным фактором формирования представлений о будущем является глобализация временной перспективы: благодаря системе образования, традиционным и электронным СМИ, жизненный мир человека расширился до пределов земного шара. У. Бек назвал этот эффект «внутренней глобализацией» (Beck, 2002). По-видимому, существует глобальная память (Liu et al., 2005). Например, исследование воспоминаний о политических событиях, охватившее более 5000 респондентов из 116 стран, свидетельствует о том, что глобальная память существует, причем представленность в коллективной памяти событий, произошедших за рубежом, не зависит от возраста опрошенных (Ellermann et al., 2007). Очевидно, предметом ожиданий и страхов могут быть процессы и события, носящие глобаль-

ный характер (например, изменение климата, угроза ядерной войны). Тем не менее, такие ожидания и страхи формируются под влиянием социальной категоризации и социального сравнения: оценивая будущее других социальных групп, мы сравниваем его с будущим своей.

С одной стороны, выход человека в космос, развитие информационных технологий, повышение мобильности и рост числа мигрантов дали возможность гражданам различных государств лучше осознать ограниченность мировых ресурсов, взаимозависимость государств перед лицом глобальных проблем.

С другой стороны, национальные государства предпринимают собственные попытки формулирования глобалистской «повестки дня». Парадоксальным образом космополитизм становится следствием защиты национально ориентированных геополитических интересов. Постепенно приходит понимание того, что существует множество космополитических проектов, имеющих свою региональную и национальную специфику (Beck, 2009; Delanty, He, 2008). Исследования в рамках проекта «Азиатский барометр» свидетельствуют об усилении региональной, транснациональной «азиатской» идентичности. Причем региональная идентификация тем сильнее, чем более выражены патриотические установки респондентов (Delanty, He, 2008). Заметим, что современные космополитические проекты бывают совершенно противоположными по декларируемым ценностям европейской гуманистической традиции (примером может служить террористическая организация «Исламское государство» с ее геополитическими амбициями).

Результаты исследований свидетельствуют о том, что вовлеченность в активную международную жизнь и частые путешествия по миру не усиливают космополитические установки национальных элит, а глобальное мировоззрение не исключает локализма и патриотизма (Helbling, Teneu, 2015). В формировании космополитических установок среди элиты ключевую роль играют не практики потребления, а постматериалистическая система ценностей и политическая идеология непосредственного окружения.

Впрочем, глобализация оказывает противоречивое воздействие на космополитические взгляды граждан: иммиграционные потоки и воздействие глобальных финансовых решений на национальные экономики приводят к тому, что граждане наиболее глобализированных стран чувствуют себя заложниками глобализации. Так, данные Евробарометра указывают, что в европейских странах уровень глобализации положительно коррелирует с коммунитаристски-

ми (часто националистическими) установками и негативно связан с распространением космополитических взглядов среди населения (Tenev et al., 2013). Парадоксально, но космополитическая ориентация как принятие культурных различий более распространена в глобализованных странах, тогда как космополитическая идентичность как переживание своей принадлежности к человеческому роду более характерна для экономически менее развитых регионов (Pichler, 2012).

По-видимому, глобальная идентификация может выполнять защитные функции, повышая самооценку членов социальной группы. Если результаты межгруппового сравнения оказываются не в пользу гражданского или этнического сообщества, то интеллектуальные и политические лидеры могут пытаться восстановить позитивную групповую идентичность за счет утверждения региональных или даже геополитических амбиций. Особенно вероятным это становится в условиях культурной травмы.

Рассматривая *культурную травму* в социально-психологическом аспекте, Т. П. Емельянова выделяет следующие ее факторы: высокая степень социальной фрустрированности некоторых групп населения, резкие изменения в социальной идентичности, а также способы совладания с травмой, а именно – коллективный копинг (Емельянова, 2008). В ходе переживания коллективной травмы возрастает интерес к национальному самосознанию, происходит трансформация культурных ценностей (Рассади́на, 2006). Для поколений россиян, родившихся до 1985 г., крах Советского союза и последовавшее за ним «лихое» десятилетие стали коллективной травмой, заставившей переживать чувства национального унижения. Поэтому отклик, который находят среди значительного числа россиян независимые, самостоятельные действия российского правительства на международной арене, может объясняться механизмами защиты позитивной групповой идентичности.

Формируя глобалистскую повестку дня, российские, американские и европейские лидеры опираются на образ будущего, в котором экономическая и политическая значимость национальных государств тесно связана с их ролью в решении глобальных проблем. По-видимому, это одна из причин, ведущих к формированию глобальной идентичности, позитивная оценка которой опирается на национальную гордость, а не на гордость за человечество.

При переходе от общества благосостояния к обществу риска меняются ценности, на которые опираются элиты при формировании образа будущего. На место идеалов прогресса и высокого качества

жизни заступают гарантии безопасности. В связи с этим политические и государственные структуры, отвечающие за безопасность, оказываются более востребованными и влиятельными, чем институты инновационного развития.

На наш взгляд, в условиях быстрых изменений все более важным критерием эффективности власти становится «время ее реакции» на общественно значимые события: власть воспринимается как сильная, если реагирует на возникающие проблемы мгновенно. В обществе риска политические элиты заинтересованы не столько в поддержке долгосрочно ориентированных социальных ожиданий и национальных стратегических целей, сколько в формировании у граждан чувства безопасности, уверенности в защите при любом сценарии будущего. В условиях непрерывного футур-шока, когда старые адаптационные механизмы культуры не успевают за происходящими изменениями, укрепляется власть, опирающаяся не столько на диалог элит о будущем или долгосрочные коллективные мечты социального большинства, сколько на управление тревогами по поводу ближайшего будущего.

Национальная геополитическая повестка строится преимущественно на переживании коллективной угрозы – вызовов военного, политического, экономического, культурного или экологического характера. Эти переживания усиливают национальную групповую идентификацию, что в свою очередь может затруднять конструктивный поиск решений международных проблем. Эксперименты М. ван Зомерена и его коллег показывают, что высокая значимость групповой идентичности провоцирует аффективное совладание с критической ситуацией: члены группы мобилизуются для коллективных действий через чувство гнева или тревоги. Актуализация групповой идентичности упрощает эмоционально-фокусированный копинг и ослабляет проблемно-фокусированный (Van Zomeren et al., 2008). Проблемно-фокусированный копинг подразумевает продумывание шагов по целенаправленному изменению реальности, взвешивание альтернатив и выбор оптимального способа действий. Иными словами, повышение значимости групповой идентичности перед лицом глобальных рисков затрудняет рефлекссию, оценку инструментальной полезности действий и облегчает аффективное реагирование на ситуацию.

Таким образом, коллективные эмоции, провоцируемые при освещении международных конфликтов, ядерных, террористических и экологических угроз, привлекают внимание к глобальной повестке, но не через глобальную, а через национальную идентификацию.

Как показал опрос, проведенный в декабре 2015—апреле 2016 гг. агентством GlobeScan по заказу ВВС, число жителей земного шара, считающих себя гражданами мира, растет (Grimley, 2016). Исследование, в ходе которого было опрошено 20 тыс. человек в 18 странах, впервые показало перевес глобальной идентификации (51% опрошенных) над национальной (43%). Рост числа «граждан мира» происходит в основном за счет развивающихся стран: так, в Нигерии 73% респондентов согласились с утверждением «Я считаю себя больше гражданином мира, чем гражданином своей страны» (на 13% больше, чем в 2015 г.), в Китае — 71% (прирост на 14%), в Перу — 70% (прирост на 27%), а в Индии — 67% (прирост на 13%). Наоборот, число «граждан мира» в развитых странах сокращается. В Канаде гражданами мира себя считают 54% опрошенных, в Великобритании — 47%, в США — 43%, а в Германии — лишь 30%. В России их число составило 24%. Данные по 14 странам, в которых такой опрос проводится регулярно с 2001 по 2016 гг., показывают, что рост глобальной идентификации в развивающихся странах и ее снижение в развитых — устойчивые тенденции последних шести лет. По-видимому, это связано с двумя основными факторами. В развивающихся странах глобальная идентификация может опираться на растущую включенность в мировую экономику, доступ к информационным ресурсам и мобильность населения. В индустриально развитых странах рост националистических настроений и ослабление глобальной идентификации могут объясняться увеличением потока мигрантов из стран третьего мира и обострением внутренних экономических проблем.

С социально-психологической точки зрения важно учитывать расхождения между когнитивной и эмоциональной составляющими глобальной идентичности. Наше представление о себе как части человечества и эмоциональная значимость этого факта — далеко не одно и то же (Reese et al., 2015). Участникам опроса GlobeScan задавали вопрос о том, какое основание их самоидентификации для них наиболее важно: национальное гражданство, мировое гражданство, локальное сообщество, религия, расовая или культурная принадлежность. Оказалось, что принадлежность к человечеству наиболее значимым основанием для самоидентификации считают лишь 17% всей выборки (Global Citizenship, 2016). Наиболее высоким этот показатель был в Испании (54%), Франции и Австралии (по 31%); наиболее низким он оказался в Индии (6%), России (4%) и Пакистане (2%).

В заключение хотелось бы отметить четыре перспективных направления социально-психологических исследований глобальной идентификации, которые становятся все более актуальными в связи с обострением глобальных рисков.

Во-первых, требует специального изучения связь глобальной идентификации и предпочитаемых способов реагирования на глобальные риски. Исследования в области социальной психологии риска показывают, что представления о риске выполняют функцию защиты позитивной групповой идентичности. Социальные представления о рисках конструируются в ходе межличностного и межгруппового взаимодействия (Бовина, 2011). Ключевую роль в их формировании играет стремление личности символически дистанцироваться от опасности, относя ее к внешним по отношению к своей группе силам, приписывая источник риска или его последствия не своей, а чужой группе (Joffe, 2003). Иными словами, коллективный образ будущего в значительной степени определяется степенью напряженности межгрупповых отношений и значимыми группами сравнения: представляя будущее, мы конструируем отличия своей группы от других. В этой связи можно предположить, что глобальная идентификация, будучи сопряжена с разными характеристиками этнической и гражданской идентичности, может по-разному сказываться на отношении к глобальным рискам. Например, высокая значимость глобальных рисков может быть связана с готовностью решать их в ущерб другим государствам и этническим группам. Это особенно вероятно в случае, если та или иная страна рассматривается как источник ядерной, биологической или террористической угрозы для всего мира (Журавлев, Нестик, Соснин, 2011б, в).

Во-вторых, остается открытым вопрос о том, можно ли считать участников глобальных интернет-сообществ коллективным психологическим субъектом (Журавлев, 2002; Журавлев, Нестик, 2016б)? В какой степени к глобальным коллективным субъектам применимы выявленные при исследовании локальных групп понятия ролевой структуры совместного творчества, его психологических механизмов и стадий?

В-третьих, огромное значение для понимания механизмов формирования глобальной идентичности имеют вопросы о том, как формируются глобальная коллективная память и образы глобального будущего (Нестик, 2014а), как связаны глобальная идентичность и отношение к глобальным рискам с долгосрочностью временной перспективы, пессимизмом или оптимизмом в отношении коллективного будущего?

Наконец, открытым остается вопрос: можно ли формировать глобальную идентификацию целенаправленно? Существующая научная литература не дает однозначного ответа на него. Так, опираясь на теорию М. Шерифа о суперординантной цели в межгрупповых отношениях, А. Дер-Карапетян предлагает алармистский путь к развитию глобальной идентификации через повышение осознанности глобальных угроз жителями планеты (Der-Karabetian, Michelle, 2015). Другие исследователи, в частности, С. МакФарленд, считают, что глобальную идентичность можно развивать с помощью примеров высоконравственного, иногда героического поведения конкретных людей, защищающих права граждан независимо от их расовой и этнической принадлежности (McFarland et al., 2013). В противоположность алармистскому подходу Ж. де Ривера и Х. Карсон указывают возможность празднования своего рода дней глобальной солидарности. С их точки зрения, такие праздники должны усиливать не чувства защищенности от угроз, а чувства радости, заботы людей друг о друге, личной связи между людьми (Rivera, Carson, 2015). Очевидно, дальнейшие исследования должны пролить свет на способы формирования и поддержания глобальной идентификации, которые не противоречили бы процессам этнической и гражданской идентификации.

Адекватное понимание таких феноменов, как современный терроризм, ядерное сдерживание, ксенофобия, толерантность, динамика социальных медиа и др., сегодня уже невозможно без прояснения механизмов формирования глобальной идентичности, представлений о глобальном будущем.

Глава 18

Жизненные ориентации человека в макropsихологическом проектировании общества

Введение

Любая наука в своем развитии стремится к практической реализации добытого ею научного знания (Журавлев, 2007а; Взаимоотношения..., 2015). Без такой реализации научное знание будет неполным. Именно гармоничное строение науки позволяет не только определить практический выход теоретического знания, но и сформулировать требования к знанию теоретическому, что помогает осуществить общую динамику науки. Не составляет исключения и психология (Ломов, 2006; Современная психология..., 2007; Проблемы субъектов..., 2007; Психологические исследования..., 2007; Доверие и недоверие..., 2013; Психология человека..., 2014; Взаимоотношения..., 2015; Новое в науках..., 2015).

Принято считать, что основным практическим приложением психологии является *непосредственная помощь человеку*. Однако все больше приобретает значимость та точка зрения, согласно которой возможно и ее опосредованное влияние на человека — на основе организации среды его жизнедеятельности. При таком подходе объектом прикладной психологии становится не просто человек, а *человек в среде его жизнедеятельности*. Соответственно, расширяется и роль психологии (Современная психология..., 2002; Позняков, Журавлев, 2004; Проблемы экономической психологии..., 2004; Журавлев, Позняков, Титова, 2008; Личность и бытие..., 2008; Харламенкова, Журавлев, 2009; Журавлев, 2011; Кольцова, Журавлев, 2008, 2012; Нравственность..., 2012; Психология..., 2012; Психологические проблемы..., 2012; Психологическое воздействие..., 2012; Психологические исследования..., 2013; и др.).

Участие психолога в проектировании среды предполагает, что он, начиная с проектирования социальной микросреды (семейное вза-

имодействие, общение с друзьями, деловое взаимодействие и т. п.), переходит к организационному проектированию и далее — к *макросоциальному проектированию*. Опыт включения психолога в такое проектирование как в России, так и за ее пределами выражен слабо. В этом отношении психология находится на начальном этапе развития данного направления в форме *макропсихологии* (Юревич, Журавлев, 2014; Современная социальная психология, 2014; Нестик, Журавлев, 2016). Один из ведущих представителей этого подхода А. В. Юревич с уверенностью утверждает, что данный подход «имеет большое будущее, поскольку современное общество все более отчетливо осознает, что его основные проблемы имеют психологическую составляющую, а их научное изучение и решение не могут быть полноценными без активного участия психологической науки» (Юревич, 2014, с. 10).

В соответствии с общей логикой науки, в макропсихологии можно выделить ее составляющую — *прикладную макропсихологию, объектом которой является человек (социальная группа) в макросреде*. Именно в прикладной макропсихологии может осуществиться синтез макропсихологии и существующей пока относительно независимо от нее *психологии массового поведения* (Соснин, 2015б), а в основе ее может лежать принцип социального взаимовлияния «социальная макросреда—массовое сознание—массовое поведение», где, в частности, изменение макросреды влечет за собой изменения в массовом сознании и поведении (справедлива и обратная динамика).

Существуют также прямые средства воздействия на каждый из элементов, представленных на схеме, — средства воздействия на среду, сознание и поведение. *Воздействие на макросреду* обычно происходит в результате реализации разного рода государственных проектов, — к примеру, программ, реализующихся в нашей стране: «Культура России (2012–2018 гг.)», Федеральной целевой программы развития образования на 2011–2015 гг., программы «Развитие физической культуры и спорта в Российской Федерации на 2006–2015 гг.» и др. Прямое *воздействие на массовое сознание* основано на использовании разного рода источников массовой информации, а *воздействие на массовое поведение* — на деятельности социальных институтов, регламентирующих поведение человека как члена общества, прежде всего — нормы права и нормы культуры.

Таким образом, необходима разработка *психологических основ проектирования макросреды, массового сознания и массового поведения*. Специфика психологического проектирования этих компонентов состоит в том, что в его основе должна лежать *рабочая модель человека*. Несмотря на существующие в психологии модели человека, признан-

ную прикладную модель человека в макросреде, могущую стать основой проектирования, представить сложно.

Для разрешения этой проблемы можно в первую очередь использовать разработки, представленные в настоящее время в организационной психологии как прикладной отрасли психологического знания. В этой связи следует обратить внимание на общие положения проектирования, используемые в том числе и в организационной психологии (Грачев, 2008):

1. Проектирование является функциональным компонентом системы управления. Проект направлен на решение управленческой задачи и представляет собой описание конечного результата (цели) и способов его достижения с учетом реальных возможностей достижения.
2. Общая схема управления включает в себя следующие компоненты: а) определение эталонного состояния объекта, б) оценка реального состояния, сравнение с эталонным и определение расхождения, в) построение программы, направленной на устранение расхождения, г) реализация программы, д) оценка результатов. Проект в полном виде включает в себя все компоненты.
3. Проект может включать в себя цель в явном виде — как эталонное состояние — либо в неявном виде — как набор эталонных способов действия. В соответствии с этим могут определяться и критерии эффективности достижения цели и, соответственно, реализации проекта: а) как набор показателей, служащих критериями эффективности, и б) как оценка выполнения установленного набора действий.

Итак, психологическое макропроектирование предполагает использование двух основных моделей, вытекающих из определения объекта прикладной макропсихологии, — *модель человека* и *модель среды*. При этом модель человека будет определять требования и, соответственно, *критерии эффективности*, а модель среды представит собой *управляемые параметры*, на которые должно быть направлено управляющее воздействие.

Очевидно, что макропроектирование производится в форме *социального проектирования*, которое чаще всего понимают как составляющую социального управления, способного осуществляться на разных уровнях — как отдельной организации, так и общества в целом. Главное, что в центре проектирования стоит человек с его жизненными интересами. Это понимается не только психологами, но и социологами. Так, Ж. Т. Тошенко считает, что в социальном проекте

происходит учет всех социальных факторов, определяющих жизнедеятельность человека и стимулирующих его самореализацию (Тощенко, 2001).

Таким образом, социальное проектирование будет перспективным при взаимодействии психологов и социологов. Совместными усилиями возможно построение серии социальных проектов, относящихся к разным уровням общества. При таком понимании социального проектирования ясно, что оно требует особой прикладной отрасли знания — *социальной инженерии*, актуальность которой отмечается многими исследователями (Марков, 1997; Луков, 2003, 2008).

Специфика социального проектирования состоит в том, что социальный проект зачастую существует в виде *образа* в социально-психологическом пространстве (Журавлев, Купрейченко, 2012) субъекта проектирования. Более того, этот образ может быть предметно и не реализован в виде проекта, но будет выполнять его функции, регулируя социальное поведение субъекта. Особенно это характерно для социальных организаций, в которых в реальности проект имеет форму некоторого эталонного образа (а не формализованного проекта), позволяющего лицу, принимающему решение (руководитель, рядовой член организации), осуществить социальное управление.

Таким образом, необходима некоторая рабочая модель человека, которая могла бы служить основанием макропсихологического проектирования. В этой связи имеет смысл провести анализ прикладных концепций человека, используемых в психологии, экономике, управлении.

Прикладные концепции человека

Есть то общее, что определяет практически все прикладные концепции человека: в их основе лежит представление об общих детерминантах человеческой жизни. Существуют разные точки зрения по этому поводу. Так, А. Маслоу считает, что основу психологического управления («хорошего психологического управления»), которое он обсуждает в связи с развитием организационной психологии, должна составлять ориентация на удовлетворение высших потребностей (Маслоу, 1997). При этом Маслоу не случайно стремится найти понятие более общее, чем потребности, используя термин «ориентация».

Представление о детерминантах, определяющих общую направленность поведения, можно встретить во многих работах методологического характера. К примеру, Б. Г. Ананьев говорит о *жизненной*

направленности, определяющей содержание устремлений и образа действий человека (Ананьев, 1968), а Е. П. Ильин понимает направленность как устойчиво доминирующую *общую мотивационную установку*, которая определяет стержневую линию жизни (Ильин, 2000). Наряду с понятием направленности, при обсуждении общих детерминант человеческой жизни используются понятия *жизненных и смысложизненных ориентаций* (Грачев, 1999; Коржова, 2006; Леонтьев, 2003; и др.).

В операциональном плане можно выделить три жизненные ориентации: дефицитарную (ориентацию на удовольствие), на самореализацию и духовную. Каждая ориентация имеет свои особенности и может быть использована при макропсихологическом проектировании. Явно эти ориентации обосновываются в трех концепциях — З. Фрейда, Э. Фромма и В. Франкла, — имеющих явно выраженный прикладной характер.

Зигмунд Фрейд считает, что основной ориентацией человека является ориентация на удовольствие, которая выступает его конечной жизненной целью (Фрейд, 1989). В соответствии с этим человек постоянно стремится к получению удовольствия и избегает неудовольствия. С этим стремлением Фрейд связывает и эталонное состояние — состояние покоя при максимальном удовольствии. Модель Фрейда близка к бихевиористской, в которой основной ориентацией человека считалась ориентация на получение наград и избежание наказаний. В связи с этим эффективным считалось такое поведение, которое позволяло получить максимум наград и минимум наказаний.

Эрих Фромм считает основной человеческой ориентацией ориентацию на самореализацию, а не стремление к удовольствию, которое, с его точки зрения, стало причиной краха надежд современного общества, поскольку ведет к эгоизму, себялюбию и алчности (Фромм, 1986). Ориентацию на самореализацию Фромм связывает с полным использованием человеком своих способностей в единении с миром и считает основным модусом состояние продуктивной активности. Обсуждая переживание, характерное для самореализации, Фромм дифференцирует два переживания — удовольствия и радости: удовольствие не связано с усилиями; радость же предполагает активность в процессе приближения к цели стать самим собой. Таким образом, в процессе самореализации человек ориентирован не на какой-то полезный результат, описываемый на языке наград и наказаний и отставленный во времени, а на сам процесс реализации потенциала. Причем чем полнее идет эта реализация,

тем больше реализуется соответствующая ориентация. В этом случае действует не принцип минимизации затрат, как в случае ориентации на удовольствие, а стремление производить затраты, обеспечивающие реализацию потенциала.

Виктор Франкл считает базовым стремлением человека потребность в смысле, которую он противопоставляет стремлению к наслаждению, а ориентацию на самореализацию понимает как результат, как следствие осуществления смысла (Франкл, 1990). Решая вопрос о том, что может выступать для человека целью, имеющей смысл, Франкл указывает на духовные ценности, имеющие общечеловеческую значимость. Другими словами, Франкл считает основной человеческой ориентацией духовную ориентацию. В последнее время именно она, ранее не привлекавшая особого внимания психологов, становится в их исследованиях если не ведущей, то чрезвычайно значимой. Именно в изучении духовности видит П. Н. Шихирев перспективы развития социальной психологии и считает духовность и соответствующие ей трансцендентные переживания системообразующими факторами (Шихирев, 1999). А. Л. Журавлев и А. В. Юревич даже одну из глав книги называют «Коллективные смыслы как основа индивидуального счастья» и ищут источник коллективных смыслов в национальной идее (Юревич, 2014). М. Селигман считает, что «счастливая жизнь не связана со стремлением к пику удовольствий. Она наполнена успешной реализацией индивидуальных достоинств и высшим духовным удовлетворением. Но жизнь, исполненная смысла, требует еще одного условия: наши достоинства должны служить чему-то значительно большему, чем наша собственная личность» (Селигман, 2006, с. 322).

Итак, согласно представлениям В. Франкла, а) основной ориентацией человека является ориентация на поиск смысла своего существования в области духовных ценностей, б) побочными результатами этой ориентации являются ориентации на удовольствие и самореализацию, в) основной способ отношения к миру – трансцендентный, при котором человек как бы выходит за пределы своей личности и «входит» в другую, внеличностную систему координат.

Подводя итоги краткого анализа практикоориентированных концепций человека, можно утверждать, что ядром рабочей модели человека, предназначенной для макропсихологического проектирования, выступают общие детерминанты жизнедеятельности человека – его жизненные ориентации. Эти ориентации определяют общую направленность поведения человека и представляют собой наиболее общие мотивационные установки, определяющие направ-

ленность всей человеческой жизни и реализуются в каждой ситуации жизнедеятельности.

Жизненные ориентации человека в плане построения операциональной модели могут быть сведены к трем основным: ориентации на *удовольствие (дефицитарной)*, ориентации на *самореализацию* и *духовной* ориентации. Все три ориентации представлены в каждом человеке. Доминирование определенной ориентации определяет основной жизненный смысл человека.

В своем *стремлении к удовольствию* (или избеганию неудовольствия) человек преодолевает препятствия, связанные с временным неудовольствием. В случае доминирования этой ориентации эталонное состояние, к которому стремится человек, — состояние покоя (отсутствие затрат) при переживании удовольствия. Основной способ отношения человека к действительности — использование ее в своих интересах.

Ориентация на самореализацию предполагает постоянную актуализацию своего потенциала, своих возможностей и характеризуется состоянием продуктивной активности. Эталонным состоянием в данном случае выступает переживание радости, захватывающее человека целиком и тем самым отличающееся от переживания удовольствия. Основной способ отношения человека к действительности — диалогический (реализация себя во взаимодействии с миром).

Духовная ориентация человека проявляется в стремлении реализовать в своей жизни духовные ценности. Это стремление проявляется в построении полной и непротиворечивой картины мира, в которой человек определяет свое место. Основной способ отношения человека к действительности — трансцендентный (растворение в объекте).

Полнотой присутствия всех трех жизненных ориентаций человека определяется его переживание счастья.

Экономические модели человека

Ориентированные на практику модели человека появились в связи с необходимостью учесть особенности человека при организации экономики, процессов управления на промышленных предприятиях, маркетинговой политики (Макгрегор, 1995; Социально-психологические исследования..., 1999; Чередняк, Журавлев..., 2001; Современные проблемы..., 2002; Психология управления..., 2010; Стресс, выгорание..., 2011). П. Стил и К. Ониг, обсуждая перспективы развития теории мотивации, приходят к выводу о том, что эти перспективы

связаны с взаимодействием психологических и экономических концепций (Steel, Onig, 2006).

Основные детерминанты, представленные в экономических моделях, так же, как и в психологических, можно разделить на три группы: а) удовольствие/неудовольствие, б) самореализация и в) общественный долг.

Детерминанта *удовольствие/неудовольствие* явно представлена в концепции Д. Бентама, согласно которой человек стремится к благосостоянию как равнодействующей двух векторов — страдания и наслаждения. При этом показательно название одного из трудов Бентама — «Теория наказаний и наград». Здесь мы встречаемся как с принципом удовольствия З. Фрейда, так и с ориентацией на награды и наказания, которые бихевиористы сформулировали значительно позже. Так что с точки зрения определения основной жизненной ориентации человека Бентам, с одной стороны, и Фрейд и бихевиористы — с другой, едины. Конечно же, Бентам видел и ориентации более высокого порядка (к примеру, альтруизм), но считал, что они — лишь проявления эгоизма человека и, следовательно, имеют в своей основе стремление к личному удовольствию (Бентам, 1998).

Сходные представления содержатся в работах Д. С. Милля. Он, как и Бентам, считает, что в основе поведения человека лежит стремление к удовольствию. При этом удовольствия высшие предпочтительнее низших. В стремлении к удовольствию человек проявляет себя как эгоист, однако при этом он вынужден учитывать желания других людей, что ограничивает его эгоизм (Милль, 1980).

Детерминанты *самореализации и общественного долга* в экономических моделях появляются наряду с удовольствием и неудовольствием. К примеру, Т. Веблен считает, что в основе природы человека лежат следующие инстинкты: мастерства, праздного любопытства, родительский, склонность к приобретательству, некоторый набор эгоистических инстинктов и инстинкт привычки (Веблен, 1984). По крайней мере, первые два инстинкта можно отнести к ориентации на самореализацию. Действительно, в психологии стремление реализовать свой потенциал на верхнем уровне (инстинкт мастерства) и потребность в познании (ее элементарный уровень — инстинкт любопытства), как правило, относят к самореализации. А вот родительский инстинкт, о котором говорит Веблен, логично связать с «общественным чувством», чувством долга.

В этой связи, конечно же, заслуживают внимания работы Маркса, который связывал основные ориентации человека с ориентацией на общее благо; при этом он считал, что такая ориентация не толь-

ко отвечает интересам общества, но и интересам самого человека и тем самым выступает условием его самореализации, саморазвития. Поэтому идеальное состояние с точки зрения соотношения интересов – это гармония интересов человека и общества (Бережной, 1981).

Конечно же, у Маркса такая точка зрения на основные ориентации человека представлена, пожалуй, наиболее ярко. Однако и другие экономисты отмечали в ориентациях человека относительно труда не только утилитарные стремления. Так, А. Маршалл считал, что когда человек здоров, его работа, даже выполняемая по найму, доставляет ему больше удовольствия, чем страдания (Маршалл, 1983).

Подытоживая обзор содержательного аспекта экономических моделей человека, можно сделать вывод: обсуждая проблему основных жизненных ориентаций человека, экономисты считают, что он ориентирован: а) на получение удовольствия, б) на самореализацию (творчество, стремление полностью реализовать свой потенциал), в) на общественные идеалы (общественное благо, стремление принести бескорыстную пользу другим).

Модели человека в теории и практике управления

Наиболее известными моделями человека, используемыми «управленцами», являются модели X и Y Д. Макгрегора (McGregor, 1960; Макгрегор, 1995). Они довольно тщательно проанализированы в работах специалистов; в нашем же контексте основное внимание следует обратить на содержательные аспекты этих моделей. Итак, Д. Макгрегор считает, что система управления в значительной степени зависит от образа подчиненного, которым пользуется руководитель в своей практике. Он приходит к выводу, что руководители используют в основном две модели подчиненных – X (ориентация на награды и наказания) и Y (ориентация на самореализацию). В своих работах Макгрегор приходит к существенному выводу о том, что реализация той или иной ориентации в человеке (и, соответственно, использование той или иной системы управления) в значительной степени задается организационными условиями.

В последние годы в связи с успехами Японии в различных областях социальной жизни У. Оучи определил третью модель – модель Z. Ее специфика состоит в том, что «рядовой» член организации сам, сознательно, подчиняет свою жизнь интересам организации, которая, в свою очередь, работает во благо общества. В связи с этим руководитель уделяет большое внимание формированию положительного отношения к компании, преданности ей, ответственности и чувств-

ва долга, моральной устойчивости и др. (эти качества входят в кодексы поведения японских компаний).

Итак, если определять специфику каждой из трех моделей на языке жизненных ориентаций человека, то получится, что в модели X человек предстает существом, ориентированным на получение наград и избежание наказаний, в модели Y — на реализацию своих способностей и склонностей, в модели Z — на определенные социальные идеалы. Поскольку характеристики каждой из трех моделей (особенно моделей X и Y) определены в большей степени описательно, на языке здравого смысла, то и приложения этих моделей на практике в основном касаются общей стратегии управления (модель Z имеет в большей степени констатирующий характер).

Таким образом, обсуждая проблему основных жизненных ориентаций при построении моделей человека, как экономисты, так и управленцы считают, что он ориентирован: а) на получение удовольствия, б) на самореализацию (творчество, стремление полностью реализовать свой потенциал), в) на общественные идеалы (общественное благо, стремление принести бескорыстную пользу другим).

Трехкомпонентная прикладная модель жизненных ориентаций человека как основание макропсихологического проектирования

В качестве общей модели детерминации жизнедеятельности человека в макросоциальной среде предлагается трехкомпонентная модель жизненных ориентаций человека, подробно описанная в наших прошлых работах (Грачев, 1999; 2008). В этой модели в значительной степени используются представления гуманистической психологии, содержащиеся в работах А. Маслоу, Э. Фромма, В. Франкла и др.

Можно выделить общие особенности, характерные для каждой из ориентаций.

Ориентация на удовольствие связана:

- с постановкой цели, т. е. с определением отставленного во времени результата, приводящего к удовольствию;
- с функциональным отношением к окружающему (стремление использовать окружающее для получения удовольствия);
- со стремлением максимизировать полезность результата и минимизировать затраты;
- с оценочностью, вытекающей из необходимости оценивать окружающее по критерию полезности (возможности доставить удовольствие);

- с состоянием комфорта как идеальным (максимальное удовольствие при минимуме затрат).

Ориентация на самореализацию проявляется:

- в стремлении человека наиболее полно реализовать свой потенциал — когнитивный, коммуникативный, практический;
- со стремлением производить затраты на верхнем уровне своего потенциала (решать сложные, но посильные задачи);
- с безоценочностью поведения (о которой говорят психологи-гуманисты, когда обсуждают требования к эффективному общению);
- со стремлением к «ощущению потока» (М. Чиксентмихайи) как идеальному, характеризующимся ощущением полной включенности (умственной и физической) в деятельность, потерей чувства времени, полной концентрацией внимания на деятельности и др.

Духовная ориентация связана:

- со стремлением реализовать в своей жизни общегуманистический идеал, т.е. ценности Добра, Истины, Красоты;
- со служением, стремлением отдать себя, невзирая на затраты, и, как следствие, с самосовершенствованием;
- со стремлением к высшим чувствам, обусловленным переживанием духовных ценностей (блаженство, благодать, созерцание, смирение, отрешенность, просветленность, сострадание, вина, раскаяние и др.).

Эти особенности могут быть представлены в макропсихологических показателях реализации жизненных ориентаций человека, а именно: *дефицитарных* (степень материального благополучия; уровень физического, психического, психологического здоровья; переживание безопасности; уверенность в будущем; переживание одиночества; уровень общения; социальная успешность, социальное признание; профессиональная успешность, профессиональное признание; степень влияния на основные сферы своей жизни; защищенность) *самореализационных* (переживание радости жизни; реализация себя как профессионала; реализация себя как супруга/супруги; реализация себя как сына/дочери; реализация в занятиях, увлечениях; реализация в общении с друзьями) и *духовных* (видение смысла жизни в работе; видение смысла жизни в семье; видение смысла жизни в занятиях и увлечениях; видение смысла жизни в общении с друзьями;

переживание чувства долга по отношению к обществу; переживание чувства долга по отношению к работе; переживание чувства долга по отношению к семье; переживание чувства долга по отношению к друзьям).

Каждый из этих показателей может представлять собой некоторую целевую функцию, которая определяет требования к социальным программам, направленным на оптимизацию и формирование среды жизнедеятельности человека¹.

Реализация жизненных ориентаций человека имеет свою специфику в каждой из сфер его жизни. С учетом этой специфики можно рассмотреть показатели реализации жизненных ориентаций как основания для определения требований к социальным программам макроуровня и, соответственно, задачи психологии в плане обеспечения этих требований в двух жизненных сферах — в семье и на работе (см. таблицы 7–8).

Из этих таблиц видно, что совокупность гуманистических показателей, используемых при проектировании социальных программ, может быть значительно шире, что заставляет обратиться к специалистам-психологам, выступающим в роли экспертов и (во взаимодействии с другими специалистами) в роли проектантов.

Жизненные сферы человека как объект психологического проектирования

Жизненные сферы человека, как уже говорилось, являются значимыми элементами среды и в данной связи выступают объектами проектирования, или управляемыми параметрами, в отличие от проявлений жизненных ориентаций, которые выполняют целевую функцию. Проблема выделения этих значимых для человека элементов, компонентов, факторов среды имеет прикладное значение и решается в различных отраслях прикладной психологии.

К примеру, в организационной психологии и психологии труда известна концепция Ф. Херцберга (Herzberg, 1974), в рамках которой он выделяет две группы факторов внешней среды, значимых для работника — гигиеники и мотиваторы. Увидеть эти компоненты можно и в работах, соотносящих жизненные интересы человека с внешней средой. Так, в известном опроснике терминальных ценностей (Сенин, 2003) восемь терминальных ценностей соотносятся

1 Несмотря на часто заявляемую гуманистическую направленность таких программ, «человеческие» показатели в них почти не выражены.

Таблица 7
 Макроусловия для реализации жизненных ориентаций человека
 в сфере семьи

Показатели реализованности жизненных ориентаций	Социальные программы	Обеспечивающие социальные организации	Задачи психологии
Степень материального благополучия семьи	«Жилище», «Поддержка малообеспеченных семей», «Развитие семейного бизнеса», образовательная программа «Подготовка ребенка к трудовой жизни»	Государственные органы, школа	Участие в проектировании и реализации образовательной программы
Степень здоровья членов семьи	«Семейное здоровье», образовательная программа «Подготовка к здоровому образу жизни»	Семейная медицина, школа, средства массовой информации	Разработка и внедрение программы «Психология семейного здоровья»
Переживание безопасности членами семьи, уверенность в будущем семьи	«Безопасная семья», образовательная программа «Защити себя и близких»	Средства массовой информации, школа	Разработка и внедрение программы «Психология семейной безопасности»
Качество общения в семье	Образовательная программа обучения общению	Школа, центры психологического консультирования	Проектирование и реализация образовательной программы. Обеспечение соответствующего направления психологического консультирования

Продолжение таблицы 7

Показатели реализованности жизненных ориентаций	Социальные программы	Обеспечивающие социальные организации	Задачи психологии
Социальная успешность семьи, социальный статус	Программа «Идеальная семья» (разработка модели идеальной российской семьи, пропаганда идеальной семьи, подготовка к созданию идеальной семьи)	Средства массовой информации, школа, центры психологического консультирования	Разработка модели идеальной семьи и типовых средств диагностики семьи. Участие в проектировании информационных воздействий. Обеспечение соответствующего направления психологического консультирования
Степень влияния членов семьи на основные сферы семейной жизни	Разработка и пропаганда модели семейного самоуправления (участие каждого в управлении семейной жизнью)	Средства массовой информации, школа	Участие в разработке модели семейного самоуправления. Участие в проектировании информационных воздействий
Переживание радости семейной жизни	Разработка и пропаганда модели семейного счастья	Средства массовой информации, школа, центры психологического консультирования	Разработка модели и средств диагностики семейного счастья. Участие в проектировании информационных воздействий и образовательной программы «Учись быть счастливым». Обеспечение соответствующего направления психологического консультирования
Наличие совместных и <i>интересных</i> для всех членов семьи занятий, увлечений	Расширение сети семейных клубов по интересам, разработка и производство семейных игр (по критерию интереса)	Учреждения культуры, общественное производство	Участие в проектировании типовых семейных клубов и семейных игр

Показатели реализованности жизненных ориентаций	Социальные программы	Обеспечивающие социальные организации	Задачи психологии
Наличие совместных и <i>развивающих</i> всех членов семьи занятий, увлечений	Расширение сети семейных клубов развития, разработка и производство семейных развивающих игр	Учреждения культуры, общественное производство	Участие в проектировании типовых семейных клубов и семейных игр
Высокая жизненная ценность (личная, социальная) семьи для всех ее членов	Разработка и пропаганда модели личного счастья как счастья семейного	Средства массовой информации, школа, центры психологического консультирования	Разработка модели личного счастья. Участие в проектировании информационных воздействий. Обеспечение соответствующего направления психологического консультирования
Чувство долга по отношению к семье у всех ее членов	Разработка и пропаганда модели семейной ответственности (обязательства каждого перед каждым)	Средства массовой информации, школа, центры психологического консультирования	Участие в разработке модели семейной ответственности. Участие в проектировании информационных воздействий. Обеспечение соответствующего направления психологического консультирования

Таблица 8

Макроусловия для реализации жизненных ориентаций человека в сфере работы

Показатели реализации жизненных ориентаций	Социальные программы	Обеспечивающие социальные организации	Задачи психологии
Степень материального благополучия работника	«Трудовая занятость населения», «Поддержка малообеспеченных», «Прогрессивные системы оплаты труда (социальная справедливость, стимулирующая роль оплаты)», образовательная программа «Как заработать себе на жизнь»	Государственные органы, школа, профсоюзы	Участие в проектировании и реализации образовательной программы. Психологическое консультирование по выбору профессии и поиску работы
Степень здоровья работника	Государственная программа «Развитие производственной медицины», службы охраны труда и техники безопасности	Государственные органы, профсоюзы	Разработка и внедрение программы «Психология профессионального здоровья»
Переживание безопасности работником, уверенность в будущем	Государственные гарантии трудовой занятости, программы для безработных	Государственные органы, средства массовой информации, профсоюзы	Разработка и внедрение программы «Психология профессиональной безопасности»
Качество общения в трудовом коллективе	Внедрение групповых (бригадных) форм труда	Государственные органы, средства массовой информации, профсоюзы, психологические службы на предприятиях	Участие в проектировании и внедрении групповых форм труда. Обеспечение соответствующего направления психологического консультирования
Социальная успешность работника, социальный статус	Программа «Идеальный работник» (разработка модели идеального российского работника, пропаганда идеального работника, подготовка к трудовой жизни)	Средства массовой информации, школа, профсоюзы, психологические службы на предприятиях	Разработка модели идеального работника и типовых средств диагностики работников. Участие в проектировании информационных воздействий. Обеспечение соответствующего направления психологического консультирования

Степень влияния работника на основные сферы производственной жизни	Разработка и пропаганда модели производственного самоуправления	Государственные органы, средства массовой информации, школа, профсоюзы, психологические службы на предприятиях	Участие в разработке модели производственного самоуправления. Участие в проектировании информационных воздействий.
Переживание радости труда	Разработка и пропаганда модели идеальной работы	Государственные органы, средства массовой информации, школа, профсоюзы, психологические службы на предприятиях	Разработка модели идеальной работы. Участие в проектировании информационных воздействий. Обеспечение соответствующего направления психологического консультирования
Наличие <i>интересных</i> для всех работников форм труда	Внедрение разных форм производственного творчества	Государственные органы, средства массовой информации, профсоюзы	Участие в проектировании основных форм производственного творчества (рационализаторство и изобретательство)
Наличие организационных форм профессионального <i>развития</i>	Развитие государственных и корпоративных форм профессионального обучения	Государственные и корпоративные программы профессиональной подготовки	Участие в проектировании и реализации основных форм профессиональной подготовки. Консультирование по профессиональному развитию и планированию карьеры
Высокая жизненная ценность труда (личная, социальная)	Разработка и пропаганда модели профессионала	Средства массовой информации, школа, центры психологического консультирования, психологические службы	Разработка модели профессионала. Консультирование по профессиональному развитию и планированию карьеры
Чувство профессионального долга	Разработка и пропаганда модели профессиональной ответственности	Средства массовой информации, школа, центры психологического консультирования, психологические службы	Разработка модели профессиональной ответственности. Участие в проектировании информационных воздействий. Обеспечение соответствующего направления психологического консультирования

с пятью жизненными сферами – профессиональной жизни, обучения и образования, семейной жизни, общественной жизни, увлечений. Сходные сферы выделяются и в социологических работах, изучающих ценностные ориентации, свободное время и т. п.

С учетом опыта психологов и социологов можно выделить 6 жизненных сфер человека, основу каждой из которых составляет характерная для нее деятельность (см. таблицу 9).

Таблица 9
Основные формы деятельности,
соответствующие жизненным сферам человека

Жизненная сфера	Основная форма деятельности
Семья	Воспитательная деятельность
Работа	Профессиональная деятельность
Учеба и самообразование	Учебная деятельность
Занятия и развлечения	Игровая деятельность
Социальная активность	Гражданская деятельность
Материальные условия жизни, включая домашнее хозяйство	Хозяйственная деятельность

Все эти формы деятельности имеют общие особенности: они а) определенным образом ориентированы, б) имеют определенное содержание, в) приводят к определенным результатам, которые соотносятся с жизненными интересами человека, г) протекают в определенных условиях и д) совершаются в процессе взаимодействия с другими людьми. Каждая из этих характеристик: а) имеет организационное воплощение, б) значима для человека по каждой из жизненных ориентаций, в соответствии с чем он стремится к оптимизации этой деятельности по каждой характеристике, в) находит свое отражение в представлениях человека о деятельности (представления о реальном и идеальном).

В результате можно выделить следующие организационно представленные компоненты, обеспечивающие основную деятельность и имеющие жизненное значение для человека: 1) содержание основной деятельности, 2) социальная значимость ее результатов, 3) ее условия, 4) оплата за ее выполнение, 5) контроль и оценка результатов, 5) статусное продвижение и 6) взаимодействие в процессе деятельности.

Последовательно можно определить требования к проектированию каждого из этих компонентов.

Требования к содержанию основной деятельности

Главные требования к содержанию основной деятельности можно найти в работах по профессиональной деятельности и психологии обучения. К примеру, известная в психологии труда и организационной психологии схема анализа работы Д. Хакмена и Г. Олдхема (Hackman, Oldham, 1980) основана на анализе следующих характеристик среды с точки зрения интересов работника: разнообразие, целостность (законченность результата), значимость (для общества, организации, других людей), обратная связь и автономия. Не требует особых доказательств, что эти характеристики могут использоваться для анализа не только работы, но и любой другой деятельности.

Таким образом, можно систематизировать и дополнить список организационных требований к содержанию деятельности:

- четко определенные обязанности (семейные, учебные, должностные и др.);
- высокая определенность типичных ситуаций, достаточная простота заданий;
- четкая постановка целей, уверенность в достижении целей;
- сложность, но посильность заданий и, как следствие, полная реализация потенциала человека;
- создание развивающей среды (существование некоторых требований, превышающих наличный уровень человека при обязательной помощи со стороны наставника);
- проблемность заданий;
- законченность, завершенность результатов деятельности;
- возможность выбора задания;
- самостоятельность при выполнении задания;
- возможность решать организаторские задачи;
- возможность обратиться за помощью и оказать помощь другим при выполнении задания.

Требования к социальной значимости результатов основной деятельности

Социальная значимость результатов основной деятельности существует в виде независимой от человека ценности — общественной, организационной, групповой. Эта значимость включает в себя два компонента — ценностный и информационный. В соответствии с этим она будет определяться а) тем, какую ценность имеют результаты

основной деятельности человека для общества, организации, группы, и б) информацией, которую имеет человек о результатах своей деятельности. (Важно заметить, что даже ребенок может иметь определенное представление о социальной значимости своей деятельности, поведения, и работа в этом аспекте — одно из направлений макропроектирования.)

В общем же основное направление работы по проектированию социальной значимости результатов состоит в обеспечении а) высокого уровня результатов основной деятельности (ребенка, ученика, работника), б) информированности человека о социальной значимости результатов.

Требования к условиям основной деятельности

Комплекс условий основной деятельности представляет собой совокупность факторов среды, определяющих здоровье, самочувствие и работоспособность человека (как это принято понимать в эргономике и инженерной психологии), и тем самым выступает компонентом жизнедеятельности человека.

Эти работы дают основания для вычленения следующих требований:

- соответствие санитарно-гигиеническим и эргономическим нормам;
- минимальная травматичность условий;
- оптимальность режимов деятельности;
- наличие условий для отдыха и личного пространства.

Требования к оплате основной деятельности

Конечно, эти требования, прежде всего, относятся к оплате труда, но могут использоваться и в других сферах, где предполагается вознаграждение за выполненную работу. Наиболее популярной концепцией, объясняющей процесс оценки работником своей оплаты, является теория справедливости С. Адамса, согласно которой работник соотносит вознаграждение за свой труд со своим вкладом и с вознаграждением, полученным референтными для него личностями, которые выступают объектами сравнения. Таким образом, можно определить требования к проектированию системы оплаты труда работника:

- стабильность и предсказуемость оплаты;
- справедливость оплаты;
- достаточный уровень оплаты.

Требования к оценке результатов основной деятельности

Эта оценка обслуживает прежде всего дефицитарную ориентацию человека. Однако в определенном смысле эффективная оценка создает условия для реализации и двух других ориентаций. Требования к оценке можно найти в многочисленных работах по педагогической психологии, где они определены для оценки учителем ученика, и в работах по психологии труда, в которых обсуждается оценка руководителем подчиненного.

Требования к оценке таковы:

- регулярность оценивания;
- объективность оценок;
- стабильность оценок;
- возможность взаимооценки;
- преобладание положительных оценок, высокая оценка со стороны значимых лиц.

В значительной степени требования к оценке задаются культурой (семейной, этнической, организационной) и имеют организационное воплощение (установленная система оценивания).

Требования к статусному продвижению

Статусное продвижение начинается уже в семье, когда детей определяют как старших/младших, оценивают статусную динамику («повзрослел», «стал старше» и т. п.). В школе статус определяется прежде всего ступенью обучения.

Общей особенностью включенности человека в разные организации является стремление к статусному продвижению. Особенно это касается профессионального продвижения, организационные возможности для которого определяются а) системой профессионального обучения, позволяющей повышать профессиональный уровень работника, и б) системой профессиональных перемещений, в основе которой лежит эффективная система аттестации.

Ясно, что определяющей здесь является система профессиональной подготовки, которая устанавливает уровень профессиональной компетентности работника. Это положение может быть распространено и на другие статусные системы, в результате чего может идти речь о своеобразной «статусной компетентности» (учебной, возрастной, этнической и др.).

Учитывая значимость статусного продвижения для реализации жизненных ориентаций человека, можно определить совокупность требований:

- стабильность и предсказуемость статусного продвижения;
- объективность продвижения;
- отсутствие угрозы исключения человека из статусной системы или понижения статуса;
- наличие системы статусной подготовки.

Требования к условиям для делового взаимодействия

Проблема социального взаимодействия довольно обстоятельно проработана в социальной психологии и социологии. Хорошо проработана и проблема делового взаимодействия, и не только производственного.

Можно утверждать, что значимость делового взаимодействия во всех сферах жизни человека возрастает; соответственно, повышается и роль его коммуникативной компетентности. Сегодня даже практики-управленцы, производя прием персонала, обращают внимание не только на профессионально важные качества, но и на коммуникативные характеристики будущих работников.

Поскольку деловое взаимодействие организационно задано, его можно характеризовать как компонент деятельности и делать объектом проектирования. При этом общие требования будут таковы: выраженность взаимодействия, основной язык взаимодействия — решение проблем, основная форма — сотрудничество, допустима конкуренция в форме соревнования.

Организационные требования, связанные с взаимодействием, в значительной степени сводятся к формированию соответствующих норм организационной культуры.

Итак, общие требования к компонентам основных форм деятельности человека позволяют осуществлять проектирование этих форм, что предполагает разработку типовых моделей деятельности и внедрение этих моделей в социальную жизнь с помощью социальных, образовательных программ и средств массовой информации.

1. Макропсихологическое проектирование представляет собой психологическое проектирование макросреды, массового сознания и массового поведения, ориентированное на воздействие на каждый из этих элементов в интересах человека.
2. Основу макропсихологического проектирования составляют две модели — модель жизненных ориентаций человека и модель среды его жизнедеятельности.
3. Трехкомпонентная модель жизненных ориентаций, включающая в себя ориентации дефицитарную, на самореализацию и духов-

ную, позволяет определить показатели реализованности ориентаций, выступающие целевыми функциями для социальных, образовательных программ и информационных воздействий.

4. Жизненные сферы человека как объекты проектирования имеют общие особенности, определяемые основной деятельностью, лежащей в основе каждой из сфер, и дают основания для разработки и внедрения типовых моделей деятельности в рамках социальных программ и средств массовой информации.
5. Участие психолога в макропроектировании связано с приоритетностью показателей интересов самого человека, а также предполагает взаимодействие психолога с другими специалистами.

Глава 19

Роль предпринимательства в развитии глобальных процессов

Восстановление института частной собственности в начале 1990-х годов оказалось полной неожиданностью для большинства граждан, утративших рыночные характеристики личности, вызвало сильнейший психологический шок и растерянность. Полная неготовность к рыночным отношениям повлекла за собой массовое снижение уровня жизни основной части населения. Оказалось, чтобы успешно освоить рыночные отношения и в этих условиях суметь материально обеспечивать свою жизнь, недостаточно быть специалистом — инженером, врачом, педагогом и т.д. Необходимо еще овладеть искусством и наукой успешного освоения ближайшей социально-экономической среды, научиться преобразовывать эту среду в комфортную среду обитания и обеспечить себе достаточный для этого материальный достаток. Чтобы справиться с этой задачей, человеку надо было интегрироваться в рыночную социально-экономическую среду, что требовало определенных энергетических, психологических и временных затрат. В современной российской науке проведены многочисленные исследования социально-психологической динамики личности и группы в условиях экономических преобразований (Купрейченко, Журавлев, 2007а, б; Психология адаптации..., 2007; Экономическое самоопределение, 2007; Социально-психологическая динамика..., 1998; Позняков, Журавлев, 2004; Проблемы экономической..., 2004; Экономическая психология..., 2007; Хашенко, 2007, 2011, 2012; Купрейченко, Журавлев, 2008).

Если говорить о формировании психологической готовности к предпринимательской деятельности, то исследовательская задача в первую очередь состоит в том, чтобы выявить психологические ресурсы участников предпринимательской деятельности, а также попытаться раскрыть, при каких условиях эти ресурсы дадут наивысший экономический эффект.

Исследования в области экономической психологии и психологии предпринимательства являются одним из приоритетных направлений стремительно развивающихся отраслей экономической психологии и акмеологии (Позняков, Журавлев, 1992, 1994, 1995, 2012в; Сумарокова, Журавлев, 1998, 2012; Журавлева, 2008; Психология..., 2000; Журавлева, Журавлев, 2002; Экономическая психология..., 2007; Социально-психологические исследования города, 2016; и др.). В последние годы отмечается значительный рост исследовательского интереса к предпринимательству, к психологической специфике предпринимательской деятельности и к его личностным характеристикам в исследованиях Е. В. Белкина, А. П. Вавилова, Л. Г. Лаптева, А. В. Максименко, Б. С. Павлова, А. И. Татаркина и др. Процесс формирования и развития предпринимательской среды в России рассматривается как комплексная проблема, имеющая экономические, социально-политические, нормативно-правовые, психологические аспекты.

Анализ литературных источников позволяет указать на то, что проблемы предпринимательства разрабатываются прежде всего в исследованиях по экономике. Классическим в этой сфере можно считать подход И. Шумпетера (Шумпетер, 1982), который интерпретирует предпринимательство как инновационную деятельность в сфере экономики. Большое внимание проблеме предпринимательства как новой социальной группе общества и предпринимателю как новому типу личности уделяют социологи Б. В. Безгодов, А. М. Зайцев, О. М. Киселева, С. М. Леднёв. Исследование проблемы предпринимательства проводится в культурологическом аспекте А. А. Агеевым, Е. А. Климовым, Д. Л. Спиваком, Т. В. Сергеевой. Исторический аспект темы затрагивается в работах В. Б. Перхавко, С. А. Шапкина и др.

Проведенные исследования способствовали оформлению различных подходов к трактовке феномена предпринимательства. В работах Т. И. Заславской, В. В. Радаева и др. оно рассматривается как социальная группа в структуре общества, выделяемая по критерию участия в экономических отношениях и наличию собственности. В исследованиях А. В. Бусыгина, А. В. Шестакова, Н. Ю. Ширшовой и др. предпринимательством называется особая активность, приводящая к изменению экономической ситуации и осуществлению инноваций. Сформирован также подход, в соответствии с которым предпринимательство определяется в качестве экономической деятельности по производству товаров и услуг, направленной на получение прибыли и связанной с распоряжением материальными и чело-

веческими ресурсами (см. работы В. П. Познякава, Е. Б. Филинковой, Й. Шумпетера и др.).

Успех предпринимательской деятельности обусловлен не только задатками, которыми обладают от рождения только немногие, как и любым иным врожденным даром, но и свободой предпринимательских действий в социально-экономическом пространстве. Как показал теоретический анализ проблемы, осуществление предпринимательства возможно лишь при наличии особой предпринимательской среды, которая предполагает определенную степень экономической свободы, наличие или возможность появления предпринимательской активности, возможность использования необходимых ресурсов. Вот некоторые ключевые факторы внешней среды: экономическая обстановка; политическая ситуация; правовая, технологическая, институциональная, географическая, социально-культурная среда; нравственные и религиозные нормы. Таким образом, рынок выступает не только фоновой средой функционирования предпринимательской деятельности, но и важнейшим фактором ее развития, требуя от предпринимателей соответствующей психологической подготовки к эффективному взаимодействию с данной средой.

В частности, вот как описывают рынок Р. Липси, П. Стейнер и Д. Пэрвис: «Это сцена, на которой разыгрывается пьеса о взаимодействии всех тех, кто принимает экономические решения: миллионы потребителей принимают самостоятельное решение, какие товары и в каком количестве покупать, предприниматели — что и как производить, владельцы факторов производства делают свой выбор, кому и как продавать. И все эти процессы осуществляются посредством рынка, своеобразного рыночного механизма» (цит. по: Крутик, Пименова, 1995, с. 52).

В частности, О. С. Дейнека отмечает, что к условиям, способствующим развитию предпринимательства, относятся как объективные возможности в обществе для предпринимательской деятельности, так и субъективные предпосылки в психологии людей, которые можно классифицировать следующим образом: политика государства в отношении частного бизнеса; культура, или система ценностей общества, которая психологически поощряет и поддерживает дух индивидуальной инициативы; склонности и способности людей к предпринимательству.

Большой вклад в разработку и изучение условий, благоприятных для развития предпринимательской деятельности, внесли К. А. Абульханова-Славская, С. Ю. Барсукова, В. А. Хашенко,

В. П. Позняков. По их мнению, эффективная предпринимательская среда должна обеспечивать цивилизованным и законопослушным предпринимателям необходимые экономические свободы. Это первое и определяющее условие развития предпринимательства, вторым же является развитие организационно-хозяйственного новаторства.

Психологическая сущность и структура предпринимательской деятельности в психологической и экономической науке также рассматривались с различных точек зрения: как проблема объяснения источников экономического роста и природы прибыли (Р. Кантильон, В. Зомбарт, М. Вебер), как накопление капитала (Ф. Кенэ, А. Смит), как организация производства (Ж. Б. Сей, К. Дж. С. Милль). Модели экономического человека появляются в рамках различных направлений: маржинализма (У. Джевонс, Л. Вальрас, В. Парето), субъективизма (К. Менгер, Е. Бем-Баверк, Ф. Визер,), институционализма (У. Джемс, Т. Веблен, У. Митчелл, Д. Коммонс,), неоклассицизма (Г. Мюнстерберг, Д. Кейнс, П. Самуэльсон).

По мнению лауреата Нобелевской премии Ф. Хайека, предпринимательство — это скорее характеристика поведения человека, чем особая форма социально-экономической деятельности. Пытаясь разграничить экономический и психологический подходы в оценке предпринимательства, К. Веспер писал, что для экономиста предприниматель — это тот, кто берет ресурсы, труд, материалы и другие активы и соединяет их в такие комбинации, которые увеличивают их первоначальную стоимость. Для психолога — это человек, который находится под влиянием определенных сил, таких как потребность получить что-то или достичь чего-то, потребность экспериментировать и добиваться цели или, может быть, стремление избежать подчинения власти других.

Ряд авторов (Й. Шумпетер, В. В. Радаев, Р. Хизрич и др.) исходит из того, что предпринимательство не является профессией. Так, Й. Шумпетер указывает на то, что в состоянии предпринимательства нельзя находится долгое время. По В. В. Радаеву, предпринимательская роль с функциональных позиций достаточно неустойчива. Исследователь отстаивает позицию, согласно которой никто не способен находиться в этой роли постоянно, даже если имеет к тому психологическую склонность. В трактовке Р. Хизрич предпринимательство — это скорее тактическая готовность к использованию благоприятных случайностей и спонтанное преодоление старых ограничений, нежели закономерная хорошо продуманная стратегия экономического поведения. Оно связано только «с поис-

ком и использованием новых способов производства и ведения бизнеса» (Хизрич, Питерс, 1990, с. 68).

Предпринимательство в отечественной психологии понимается как особая деятельность, которая ставит перед собой задачу – создать предприятия, ориентированные на получение прибыли (Л. И. Абалкин, И. Э. Мусаэлян, Ю. О. Сливницкий, М. К. Тутушкина). Таким образом, в отечественной психологии основной акцент делается на человеке как субъекте, инициаторе деловой активности, начинателе и творце дела (В. И. Верховин, С. Б. Логинов). Вследствие чего ключевой проблемой является проблема экономической самореализации человека в хозяйственной системе (И. Е. Задорожнюк, А. Л. Журавлев; В. П. Поздняков, Т. И. Заславская).

В современной отечественной психологии предпринимательство часто рассматривается в рамках традиционного деятельностного подхода (Ломов, 2006), с учетом психологических разработок в русле сознания и творчества (Воловикова, Журавлев, 1995; Журавлева, Журавлев, 2002; Галкина, Журавлев, 2016). С этих позиций ведутся поиски признаков, общих с другими видами профессиональной деятельности и отличительных, специфических именно для предпринимательства. Признается, что психологическая структура предпринимательской деятельности аналогична любой другой деятельности человека как субъекта социально-экономического взаимодействия. Соответственно этому в нее включают цель, мотив, анализ информации, планирование, принятие решений, средства реализации, профессиональные действия, текущие и завершающие результаты, оценку и непрерывную коррекцию хода событий.

Если исходить из деятельностной концепции предпринимательства, то предпринимательскую деятельность можно представить как активное взаимодействие человека с окружающей действительностью, в ходе которого личность выступает как субъект, целенаправленно воздействующий на объект и удовлетворяющий таким образом свои потребности, т. е. в основе предпринимательской деятельности, как и любой другой, лежит определенная потребность.

Выделяют следующие функциональные блоки предпринимательской деятельности, разрабатываемые в психологической науке: мотивационный блок (В. Д. Дружинин, К. Б. Мадсен, А. В. Воронин, П. Д. Щедровицкий, С. Соденберг); целеполагающий блок (М. Вудкок, Д. Фрэнсис, Ж. Л. Серван-Шрейбер); информационно-системный (Ковальски, Р. Рюттингер); блок принятия решения (В. А. Бункин, Дж. Таллок, И. Е. Задорожнюк). Выделенные функциональные блоки являются составляющими психологической системы деятель-

ности на том основании, что отражаемые в них структуры являются основными компонентами деятельности предпринимателя.

На базе потребностно-мотивационного блока построены многие зарубежные концепции предпринимательства, которые трактуют предпринимательскую деятельность шире, чем разновидность организационно-правовой деятельности. К. Э. Варнерида является одним из таких авторов. Он утверждает, что нет двух четко разграниченных групп людей — предприниматели и непредприниматели. Различия между людьми заключаются не в форме деятельности, а в уровне предприимчивости, которая заключена в их активности.

Наряду с установлением общих характеристик, к настоящему времени уже имеются научные наработки, раскрывающие психологические особенности предпринимательства и личности ее субъекта (Л. И. Абалкин, О. С. Дейнека, С. Т. Джанерьян, О. В. Дордукова, В. Г. Зазыкин, А. Л. Залипаев, Н. И. Конюхов, Л. Г. Лаптев, И. Э. Мусаэлян, Л. В. Ничепуренко, В. П. Поздняков, С. В. Рудакова, Ю. О. Сливницкий, Е. Б. Филинкова, А. П. Чернышев, В. М. Шепель и др.).

Проводимые в психологической науке исследования характеризуются постепенным расширением вектора исследовательских изысканий. В западной психологии в сферу исследования попадают мотивация достижения, ценностные ориентации, локус контроля субъектов предпринимательской деятельности, принятие решений в ситуации риска и неопределенности (Й. Шумпетер, Д. Макклелланд, Р. Брокхаус, Дж. Роттер, П. Друкер, Дж. М. Кейнс). В отечественной психологии подчеркивается важность рассмотрения психологических детерминант успешной профессиональной карьеры предпринимателей малого и среднего бизнеса (А. Л. Журавлев, Т. В. Корнилова, В. П. Поздняков, Е. В. Шорохова, А. Е. Чирикова). Изучаются вопросы адаптации личности к условиям предпринимательской деятельности (В. Г. Зазыкин, А. П. Чернышев, А. Н. Семенова и др.), факторы становления социального облика предпринимателя (М. И. Мелия, М. В. Розин и др.). Значительный блок исследований связан с выявлением особенностей морально-нравственной и этической сфер личности предпринимателя (Р. Г. Апресян, А. А. Иголкин, В. Н. Лавриненко), его самооценки (В. Н. Петриевский), смысловой сферы и профессиональной ментальности, ценностей, мотивов предпринимательской деятельности (И. В. Андреева, Е. П. Белинская, В. Г. Булычкина, А. Я. Варга, О. С. Дейнека, А. Л. Журавлев, Т. В. Корнилова, В. П. Поздняков, С. К. Рошин, Н. И. Толмачев, А. А. Чекунов, А. Е. Чирикова), имиджа (О. А. Адибекян, Р. Г. Апресян, В. С. Бакштановский, А. Я. Варга, А. А. Гуссейнов, С. Ю. Согомонов, А. Е. Чир-

кова), корпоративной культуры, факторов успешности деятельности (В. Г. Булычкина, А. П. Корнилов, Т. В. Корнилова, В. П. Поздняков, А. А. Чекунов, Г. Одиорн). Е. П. Ермолаевой и Г. М. Андреевой получены данные относительно специфики профессиональной идентичности и деформаций личности предпринимателей. В последние годы в центре внимания исследований С. К. Рощина, И. В. Тетеревковой и др. оказывается проблема социальной ответственности предпринимателя.

Психологические характеристики личности успешного предпринимателя

Одним из первых создателей психологического портрета предпринимателя является В. Зомбарт, утверждавший, что «дух предпринимательства — одна из составляющих частей капиталистического духа, наряду с мещанством и бюрократичностью» (Зомбарт, 1903, с. 72).

Существует множество вариантов групп качеств, приписываемых успешным предпринимателям, каждый автор дает им свое толкование. Все эти варианты в той или иной мере конкретизируют основные принципы, сформулированные еще к началу XX в. российским предпринимательством. Предприимчивость как свойство личности опирается на врожденные задатки, которые разные авторы называют по-разному. Адам Смит называл этот задаток «склонность к обмену» (Смит, 2007, с. 38), которая проявляет себя вовне в форме хозяйственной инициативы и делового творчества и по мере накопления опыта такого рода формируется как свойство личности — предприимчивость. Г. К. Гинс, этнический россиянин, эмигрировавший в годы гражданской войны, рассматривал предприимчивость как «добавочное свойство», складывающееся тогда, когда у человека возникает необходимость удовлетворить основные потребности, «приспосабливаясь к новым условиям» (Гинс, 1992, с. 54).

В совокупность личных качеств, образующих в синтезе предприимчивость, современные авторы включают следующие черты: честность, компетентность, целеустремленность, инициативность, лидерство, уважение мнения других, позитивное отношение к людям, непрерывная учеба, готовность к риску, умение преодолеть сопротивление среды, настойчивость в достижении поставленной цели, чувство ответственности, упорство, большая сила воли, творчество, трудолюбие и высокая работоспособность, умение привлекать к себе партнеров, коммерческий и финансовый склад ума, умение законным способом получать причитающееся. Причем, как утверждают

авторы, этот список далеко не полный. Такого рода попытку определения структуры предприимчивости вряд ли можно считать удачной.

Обобщая обзор источников по психологии предпринимателя, можно отметить, что, несмотря на существование в значительной степени статистически обоснованного психологического портрета успешного предпринимателя, выделенного путем теоретических и эмпирических исследований, одномерная зависимость успешности предпринимательства исключительно от личностных особенностей субъекта не подтверждается, так как многое определяется и условиями среды, и ситуационными факторами.

Анализ большого массива точек зрения на совокупность качеств, необходимых успешному предпринимателю, позволяет утверждать, что нет жестко ограниченной системы качеств личности, присущих каждому преуспевающему бизнесмену. Но общим для всех является, как отмечал Й. Шумпетер, способность мысленно построить наиболее выгодную комбинацию имеющихся сил и средств и успешно реализовать ее в хозяйственной деятельности. Что касается общечеловеческих качеств предпринимателя, то они могут быть самыми разнообразными, начиная от крайне негативных до практически идеальных в моральном отношении.

Итак, в основе предпринимательской деятельности лежит такая психологическая характеристика личности, как *предприимчивость*. Современные исследователи психологии предпринимательства по-разному трактуют это понятие. Так, по мнению В. П. Познякава, «предприимчивость – это деловая активность, инициативность, способность к начинанию и осуществлению дела, приносящего успех» (Позняков, 2012, с. 345). О. С. Дейнека, в свою очередь, рассматривает предприимчивость как «комплекс качеств, обеспечивающих способность достигать конкретных целей в хозяйственной, социальной или иных сферах общественной жизни за счет своей инициативы, изобретательности, самостоятельности, находчивости, нестандартных решений, готовности рисковать и нести ответственность за результаты» (Дейнека, 2000, с. 45).

Деятельность отечественного предпринимателя в современных социально-экономических условиях осуществляется в пространстве, характеризующемся ситуационной неопределенностью и нестабильностью. Социальным фоном предпринимательской деятельности является негативное отношение к личному успеху в отечественной культуре. Предприниматель постоянно находится в маргинальных ситуациях, которые преодолевает, противодействуя другим хозяйствующим субъектам, претендующим на его успех и ресурсы.

Важной особенностью его поведения является функционирование в условиях ситуационных лимитов, ограничивающих его жизненное пространство. Высокая ситуативная вариативность его профессиональных задач не позволяет ему типизировать и технологизировать варианты их решения. В этих условиях предприниматель вынужден проявлять активность, направленную на творческое преобразование ситуации и динамизирующую личностное развитие.

Собранные результаты и сделанные на их основе научные выводы позволяют выделить детерминанты успешности предпринимательской деятельности, которые конкретизируются в следующих личностных особенностях: преобладание мотивации достижения успеха, самостоятельность, ответственность, адекватная самооценка, способность анализировать ситуацию и извлекать релевантную предпринимательской деятельности информацию, способность к взвешенному риску, способность переживать неудачи, эвристичный стиль мышления, способность к предвидению, компетентность в области экономики, технологии, права, отсутствие морально сдерживающих стереотипов, касающихся занятия предпринимательской деятельностью. Соответственно, условием развития личности предпринимателя является такая форма психологического воздействия, посредством которой приобретает субъектный опыт преодоления сложных проблем, дающий возможность осознавать, оценивать и осваивать собственные силы.

Как утверждает А. Маслоу, клинические исследования со всей очевидностью подтверждают мысль Э. Фромма о том, что среднестатистический человек зачастую не имеет четко определенных жизненных целей и планов их реализации. По мнению А. Маслоу, самоактуализированного человека, в отличие от обычного, уже не беспокоят проблемы выживания, он просто живет и развивается; если побудительные мотивы обычного человека лежат вовне, в возможности удовлетворения потребностей, то самоактуализированный человек, напротив, движим внутренними потенциями, заложенными в его природе, требующими своей реализации и развития. Опираясь на эти соображения А. Маслоу, есть основания предполагать, что «среднестатистический человек» довольствуется главным образом двумя модусами частной собственности — владением и использованием, в то время как самоактуализированный человек нуждается в широкой свободе для распоряжения своей собственностью не столько для удовлетворения базовых потребностей, сколько для саморазвития, самоопределения, самоактуализации. Подобная мотивация порождает у самоактуализированного человека склонность к преоб-

разованию (а не только к потреблению) окружающей среды «ради интереса», ради самоактуализации. А это по существу есть склонность к предпринимательству как к личностному творчеству. В таком случае личность перестает быть только владельцем и пользователем своей частной собственности, но становится ее творцом, устремленным на ее совершенствование и умножение. А это означает, что личность по своему внутреннему психологическому потенциалу является предпринимателем по призванию (а не по нужде), причем не каким-нибудь «среднестатистическим» борцом за выживание с помощью предпринимательства, а успешным устройтеlem жизни своей и своих близких. Это есть подлинное чувство хозяина не только имущества, но и самой жизни и условий ее процветания.

Личностно ориентированное предпринимательство доступно только самоактуализированной личности, которая свободна от экономической зависимости от кого бы то ни было, преодолела уже порог борьбы за материальное благосостояние и сознает свою деятельность как «игру интеллектуальных и физических сил», как экономическое творчество по самореализации на основе инновационных и рискованных операций с частной собственностью, мотивированной не уровнем доходов, а удовлетворением, проистекающим из самого творческого процесса. Предпринимательство в этом случае по сути своей является «художественным произведением личности» (Ф. М. Достоевский), объективирующимся как в оригинальном продукте творчества, так и, в особенности, в духовном облике личности самого творца. Человек в этом случае становится полновластным «хозяином жизни».

Становление самоактуализированной личности предпринимателя в историческом контексте проходит три этапа. Сначала формируется авторитарный, одержимый накопительский характер, который складывался с начала XVI в. вплоть до конца XIX в. Постепенно «накопительский характер» уступил место «рыночному характеру», в результате чего человек осознал свою не «потребительскую стоимость», которая определяется способностями, знаниями и умениями, а «меновую стоимость», при которой один и тот же принцип определения стоимости действует и на рынке личностей, и на товарном рынке: на первом продаются способности (возможности) личности, на втором товары (Э. Фромм). При этом успех зависит главным образом от способности человека к выгодному взаимному обмену. На третьем, заключительном, этапе изменения рыночных отношений их длительное совершенствование приводит к формированию «Нового Человека». Э. Фромм приводит более 20 качеств, которые, по его

мнению, будут присущи этой личности. На первом месте в данном списке стоит «готовность отказаться от всех форм обладания, чтобы в полной мере быть» (Фромм, 1990, с. 78). Сравнительный анализ характеристик личности, приводимый в работах А. Маслоу, практически совпадает с перечнем качеств «Нового Человека» Э. Фромма, т. е. оба автора говорят о самоактуализированной личности.

Если попытаться определить, исходя из позиций теории самоактуализации, тип хозяйствующей личности, формирующийся в современном российском обществе, приходится констатировать, что из-за произошедшего имущественного расслоения людей на одном полюсе оказались предприниматели, ведущие свою деятельность на уровне, способствующем удовлетворению базовых потребностей (их подавляющее большинство), а на другом – преуспевающие предприниматели с «накопительским характером», который был типичен для Европы конца XIX в. Подлинно «рыночный характер» предпринимателя, свойственный самоактуализированной личности, в России только начинает формироваться.

Предприимчивость личности: экономические, психологические и педагогические аспекты

Реструктуризация экономики России, неизбежная в связи с вынужденным (из-за жесткой конкуренции) переходом производства на высокие технологии, порождает на рынке труда бескомпромиссную конкурентную среду. В ближайшее время ожидать смягчения ситуации не приходится, что обуславливает *необходимость целенаправленной подготовки личности к экономической деятельности.*

Экономическая деятельность личности как научная проблема носит междисциплинарный характер, следовательно, подготовка личности к экономической деятельности выходит за рамки только психологической науки, интегрируя ее со смежными научными направлениями, такими как экономика, политология, юриспруденция, педагогика и др.

В психологической науке *экономическую деятельность следует рассматривать как специфическую разновидность деятельности, порождаемую потребностью личности в экономическом благополучии и характеризующуюся соответствующими особыми целями, мотивами, способами действий и результатом.* Целью экономической деятельности личности является получение дохода, близкого к притязаниям индивида. Экономические мотивы представляют собой побуждения к обеспечению процессов удовлетворения физических и социальных потреб-

ностей индивида. Способы действий представлены экономическими операциями, с помощью которых осуществляется обретение, сохранение и умножение собственности. Результатом экономической деятельности личности является уровень богатства, достаточный для удовлетворения ее потребностей. Поскольку удовлетворение потребности порождает новую потребность, цикл активности замыкается на личности и вновь разворачивается в следующий вариант деятельности.

В экономической деятельности можно выделить и сугубо психологические результаты. Так, она позволяет: овладеть навыками и приемами анализа деловых ситуаций; отработать умение поиска дополнительной информации; приобрести навыки применения теоретических знаний для анализа практических проблем; наглядно представить особенности принятия решения в ситуации неопределенности, а также различные подходы к разработке плана действий, ориентированных на конечный результат; принимать самостоятельные решения на основе комплексного анализа ситуации. Таким образом, психологически успешность экономической деятельности личности определяется способностью личности к экономическому творчеству, быстротой, глубиной и прочностью овладения способами и приемами данной деятельности. Способность личности к успешной экономической деятельности внешне проявляется как предприимчивость, которая представляет собой важнейшую психологическую характеристику личности. Если оценивать личность по условной экономической схеме «затраты—выпуск», то предприимчивость обнаруживает себя внешне в достижениях успеха с минимальными затратами ресурсов — материальных, финансовых, времени, трудовых усилий.

Объективным результатом предприимчивости личности, реализующей свои потенциальные ресурсы (способности), выступает доход личности. В этой связи представляется правомерным говорить об измерениях личности в различных сферах общественных отношений. Так, личность в политическом измерении может быть представлена шкалой таких ее характеристик, как убежденность в тех или иных политических концепциях, преданность определенным политическим идеалам и пр. Юридическое измерение личности — мера ее законопослушности, педагогическое измерение — шкала обучаемости и т. д. Личность в экономическом измерении представляет собой потенциальную стоимость ее субъективных возможностей, проявляющихся в профессиональной деятельности, измеряемую в рублях за единицу времени.

Предприимчивость в этом смысле присуща не только владельцам и менеджерам коммерческих предприятий, но и каждому отдельно взятому человеку, которому приходится в повседневной жизни решать многочисленные задачи, требующие хотя бы элементарных экономических умений и навыков. К примеру, устройство на работу, приобретение жилья, обеспечение семейного бюджета и многие другие обязанности взрослого человека связаны с необходимостью: адекватно оценить себя, свои возможности и окружающую среду под углом зрения актуальной экономической потребности, принять по проблеме решение и реализовать его. Это сближает повседневную частную жизнь личности с предпринимательской деятельностью, а способность к принятию оптимальных экономических решений и их реализации выступает в качестве психологической причины имущественного расслоения населения.

Но способности не непосредственно определяют экономическую успешность личности, а преломляясь через ее психологическую готовность к экономической самореализации, которая характеризуется мобилизацией ресурсов субъекта экономической деятельности на оперативное или долгосрочное выполнение конкретной экономической деятельности или экономической задачи. Чтобы начать реально действовать в задуманном направлении, необходимо мысленно представить всю картину будущей ситуации, связанной с предстоящей деятельностью. Подобное внутренне видение ситуации является тем главным психологическим условием, которое необходимо для успешного формирования психологической готовности к экономической деятельности.

К современным ориентирам социальной системы, определяющим ее содержание, относится и всесторонняя подготовка человека к жизни в обществе, к сознательному и компетентному участию в различных видах деятельности, присущих человеку как общественному существу, в том числе и экономической. Возникают вопросы: какие именно знания и в каком объеме необходимы для достижения и поддержания материального благополучия? каковы технологии и способы обогащения личности? как использовать полученные знания для повышения материального уровня жизни граждан и улучшения экономического развития общества в целом?

Но, как оказалось, предприимчивость личности не сводится лишь к знаниям, умениям и навыкам (хотя они включены в ее состав в снятом виде), необходимым для выполнения экономической деятельности. Многочисленные исследования убедительно доказали, что прямой связи между когнитивными способностями и экономи-

ческими достижениями не существует. В первую очередь это связано с тем, что традиционный тип информации, получаемый из учебников и книг, добыт опосредованно (другими людьми), а предпринимателю необходимы контекстные (лично добытые в процессе деятельности) знания из социальной практики, которые пригодны для внедрения в собственную экономическую практику. Отсюда вытекает одна из важнейших психологических трудностей формирования готовности к успешной экономической деятельности, связанная с тем, что она не поддается алгоритмизации и стандартизации, а потому успех одного человека не может копировать успех другого один к одному. Поэтому подготовить человека к успешной экономической деятельности в рамках обучающих программ не представляется возможным, можно говорить лишь о формировании *психологической готовности* к ней.

Технология формирования психологической готовности личности к экономической деятельности предполагает реализацию комплекса психологических функций, среди которых:

- диагностика уровня и структуры психологической готовности к предпринимательской деятельности; самопознание личностных характеристик человека, необходимых для достижения экономически значимых результатов;
- поиск личностного смысла и смысла экономической деятельности;
- анализ и коррекция знаний рыночной среды;
- нейролингвистическое программирование и тренинги, ориентированные на оптимизацию наличных ресурсов личности (или иные подобные тренинговые программы).

В результате комплексной реализации этих функций может происходить зарождение и развитие психического новообразования — готовности к предпринимательской деятельности в условиях рыночных отношений. Наиболее полно отвечающими заданным требованиям являются проективные и исследовательские методы.

Взрастить в человеке способность к успешной предпринимательской деятельности посредством полученной специальности, помочь ему освоить науку и искусство материального обустройства своей жизни — это важнейшая цивилизационная проблема, которую предстоит человечеству решать в ближайшие годы. На сегодняшний день научный инструментарий мало кого из участников социально-экономической деятельности ориентирует на формирование предприимчивости. Здесь возникает крупная научная задача:

разработать практико-ориентированные программы и технологии, применение которых может коренным образом изменить экономическое положение граждан и их семей в лучшую сторону. Содействие научным инструментарием совершенствованию образа жизни людей, ее материальных и духовных слагаемых, упрочение стабильности общества — одна из главных задач современной науки и социальной практики.

Психологический структура предпринимательской деятельности

Предпринимательство, как и любая другая деятельность человека, разворачивается под влиянием одной из потребностей.

Первым импульсом, который «напоминает» о начале актуализации потребности личности, является *нужда* и ее осознание. По своей сущности она обнаруживает себя в форме психического состояния беспокойства, неудовлетворенности, дефицита, «сбоя» в жизнедеятельности, отвлекающего внимание от того, чем занят человек в этот момент времени.

Нужда как слагаемое потребности по мере «наполнения» социальным содержанием из окружающей среды образует *идеальное ядро будущей деятельности*, включающее в себя: знания и умения личности, ориентированные на удовлетворение данной потребности; привычный, сложившийся в опыте уровень притязаний, а также основные слагаемые будущей деятельности — цель, мотивы, способы действий. Сформировавшееся идеальное ядро деятельности затем разворачивается в реальную деятельность. В результате выстраивается полная циклическая структура деятельности следующего вида: *нужда — притязания — знания и умения — представление о ситуации в целом — решение действовать — цель — мотив — способы действий — результат деятельности — коррекция нужды — удовлетворение нужды — завершение деятельности*.

Эта схема может стать привычной, если ситуация, в которой действует человек, осознается подобной сама себе, т.е. привычной. В этом случае в предприимчивости нет необходимости. Если же жизненная ситуация претерпела существенные изменения, предприимчивость как свойство личности оказывается затребованной и активностью преобразуется в предпринимательство.

Существует множество вариантов групп качеств, приписываемых успешным предпринимателям, и каждый автор (Г. К. Гинс, М. Г. Лакуста, А. Г. Поршневу, Ю. Л. Смаростин, Л. Г. Скамай и др.) дает свое толкование им. Анализ большого массива точек зрения на совокуп-

ность качеств, необходимых успешному предпринимателю, произведенный нами, позволяет утверждать, что нет жестко ограниченной системы качеств личности, присущих каждому преуспевающему бизнесмену. Но общим для всех предпринимателей является одноединственное свойство — предприимчивость, содержание которого до настоящего времени никому исчерпывающе не удалось раскрыть. Исходя из проведенных исследований (Китова, Токов, 2013), мы можем сказать, что предприимчивость включает в себя по меньшей мере пять важнейших характеристик личности:

- 1) особо чуткое отношение к собственности (чужой и своей) как к священной и неприкосновенной, неуклонное стремление непрерывно приумножать свою, не выходя за рамки установленных правовых и моральных норм, соблюдение этических правил конкуренции в хозяйственной деятельности;
- 2) способность создавать наиболее оригинальные хозяйственные комбинации сил и средств, приносящие наивысший доход в данных конкретных социально-экономических условиях, и практически успешно реализовывать предпринимательские замыслы;
- 3) непрерывная энергичность мышления и действий, высочайшее чувство времени, вынуждающее человека быть всегда в состоянии четко отслеживать ход хозяйственной жизни, поддерживать высокую бдительность;
- 4) способность продолжать эффективную деятельность в условиях неопределенности, при необходимости идти на разумный риск, принимать решения под свою экономическую и социальную ответственность, в любой ситуации обеспечивать непрерывное управление;
- 5) умение поддерживать успешное деловое сотрудничество с органами государственной власти, средствами массовой информации, общественностью, персоналом, деловыми партнерами, не осложняя во вред делу взаимоотношения с конкурентами.

Российское предпринимательство прошло противоречивый исторический путь развития, на котором параллельно с политическими и экономическими реальностями изменялись и его психологические условия. Тем не менее предпринимательство как социально-экономическое явление оказалось неистребимым. Необходимость его в любых социально-экономических условиях объясняется наличием психологически активных, предприимчивых людей, характеризую-

щихся необычайной энергичностью и новаторской направленностью, которые не свойственны основной массе населения.

По нашему мнению, предприимчивость как свойство личности опирается на врожденные задатки, которые включают в себя следующие основные характеристики личности: особо чуткое отношение к чужой (и своей) собственности; способность создавать наиболее оригинальные хозяйственные комбинации сил и средств, приносящие наивысший доход в любых социально-экономических условиях; непрерывная энергичность мышления и действий, высочайшее чувство времени; способность действовать в условиях неопределенности, идти на разумный риск, принимать решения под свою экономическую и социальную ответственность; эффективная коммуникабельность (Китова, Токов, 2013).

По своей психологической сущности предпринимательство является разновидностью повседневной деятельности предприимчивых людей, вырастающей до уровня смысла и образа жизни человека; элементы предприимчивости могут обнаруживаться еще в детском возрасте, но более высоко диагностируются у студентов старших курсов.

Чтобы начать реально действовать в задуманном направлении, надо добиться мысленного представления всей картины будущей ситуации, связанной с предпринимательскими намерениями. Подобное внутреннее видение ситуации является главным психологическим условием, которое необходимо для успешного старта предпринимательской деятельности.

Глава 20

Психологические критерии в структуре моделей государственного управления

Для организации политического курса любого современного государства необходимы научно выверенные и надежные основания для принятия решений. В современных условиях развития цивилизации большинство государств в качестве базового принципа управления избирают позицию, что цель развития государства – улучшение качества жизни граждан: предоставление гарантий безопасности и достойных условий жизни, создание здорового общества, условий и предпосылок для самореализации индивидов. Это требует разработки единой интегральной модели качества жизни, включающей в себя экономические, социальные и психологические критерии.

Качество жизни: подходы к определению и оценке

Качество жизни – общее благополучие индивида и общества, вмещающее положительные и отрицательные характеристики жизни, которые в общей совокупности определяют уровень качества жизни человека. Качество жизни учитывает удовлетворенность жизнью, включая в это понятие многие факторы жизнедеятельности человека и общества (физическое здоровье, семья, образование, работа, благосостояние, религиозные убеждения, окружающая среда). Понятие качества жизни используется в различных отраслях науки: здравоохранении, политологии, экономике и др.

Качество жизни не следует путать с уровнем жизни, определяющимся только исходя из экономических показателей.

Всемирная организация здоровья трактует качество жизни следующим образом: «Восприятие индивидом своего положения в жизни в контексте культуры и системы ценностей, в которых он живет и к которым стремится». Существуют два подхода к определению качества жизни – объективный (наличие определенных условий: уро-

вень жизни, доход, качество жилища и т. д.) и субъективный (психологическая удовлетворенность имеющимися условиями жизни). Безусловно, для построения полноценной модели должны учитываться оба подхода.

В отличие от уровня жизни, который можно измерить в финансовых показателях, провести *объективное* измерение качества жизни, особенно на протяжении долгого времени и в масштабах общества и страны, измерить *субъективное благополучие* очень сложно. Например, при измерении субъективной удовлетворенности необходимо выделить рефлексивную оценку жизни и отделить ее от текущего эмоционального состояния опрашиваемого.

Предметом нашего исследования стала проблема оценки качества жизни как фактора государственного управления и выделения ее психологических составляющих. Нужно было выделить основные подходы к оценке качества жизни населения, проанализировать результаты их использования в России, выявить психологические критерии качества жизни в государственном управлении. В связи с этим определились конкретные задачи: 1) проанализировать используемый арсенал показателей и математических моделей по оценке качества жизни, сравнить их эффективность и 2) предложить интегрированную модель качества жизни для диагностики состояния качества жизни россиян и выделения его психологических составляющих.

Качество жизни выступает комплексным оценочным инструментом, характеризующим различные сферы жизнедеятельности и самочувствия человека. Оценка качества жизни как психологического феномена зарождалась в русле поиска ответов на вопрос, почему человек подвержен деструктивным психическим состояниям (таким как депрессия, тревога, стресс и агрессия) и склонен проявлять негативные формы поведения. Позже исследования качества жизни личности стали расширять границы анализа. Исследователи начали активно анализировать влияние на качество жизни совокупности различных аспектов жизнедеятельности человека, таких как семья, досуг и окружающая среда.

Среди теоретических и методологических проблем качества жизни, исследуемых отечественными учеными, можно выделить следующие:

- *социологические*: дифференциация социальных слоев по уровню и качеству жизни, разработка системы социологических индикаторов уровня и качества жизни, социальное страхование

и качество жизни пожилых людей, исследование средних классов, бедности и неравенства, повышение уровня качества жизни средствами государственного управления, выявление социальных механизмов качества жизни;

- *экономические*: потребительские бюджеты и характеристика уровня и качества жизни социальных групп, финансовые условия обеспечения качества и уровня жизни, качество трудовой жизни, доходов и заработной платы;
- *психологические*: мониторинг субъективных оценок качества жизни, культурологические характеристики качества жизни, положение трудоспособного населения, детей и старших возрастных групп, политика занятости, планирование и прогнозирование роста народного благосостояния;
- *вспомогательные*: математико-статистические методы оценки уровня жизни, математические методы моделирования социально-экономической безопасности.

С психологической точки зрения понятие качества жизни находит свое отражение в концепции «ощущаемого качества жизни», или «субъективного благополучия».

Социально-экономические и математические модели измерения качества жизни

Индексы и типологии

После обработки данных экспериментов часто необходимо привести набор различных параметров к одной интегральной шкале. Для этого используются индексы.

Индексом в статистике называется составной показатель на основе точек в многомерном пространстве, или, иначе говоря, интегральный показатель нескольких индикаторов из различных шкал. В социальных науках существует множество широко известных индексов для обобщения наблюдений, таких как Индекс гендерного неравенства, Индекс развития человеческого потенциала, Индекс Доу-Джонса.

В простейших индексах всем показателям приписывается одинаковый вес (например, среднее арифметическое), но часто есть смысл определить одни показатели как более важные и имеющие большее влияние на результирующее значение.

Основные этапы построения индекса таковы. Сначала выбираются показатели, которые, на взгляд исследователя, с достаточной пол-

нотой покрывают социальную проблему. Каждый показатель должен быть приведен к локальной шкале. Во многих индексах шкала также нормализуется. Затем исследуются взаимовлияние показателей, оценивается их корреляция. После этого конструируется функция, приводящая показатель к его вкладу в индекс. Определяется шкала и вес. После окончания этих процедур, как и в других моделях, следует протестировать индекс путем оценки получившихся результатов, а также, при возможности, путем построения и проверки прогнозов. При необходимости индекс корректируется и дополняется новыми показателями.

Индексы являются основным инструментом количественной оценки качества жизни. О распространенных индексах, их преимуществах и недостатках, будет сказано далее.

Иногда составление индексов затруднено невозможностью построить подходящие (количественные) шкалы для показателей. Тогда применяются типологии — составные показатели, классифицирующие по многомерной количественной шкале. Приведем простой пример. Классификация по возрасту и здоровью имеет четыре крайности: молодой—здоровый, молодой—больной, старый—здоровый, старый—больной. Такая классификация может быть изображена на декартовых координатах для дальнейшего анализа. Для определения качества жизни иногда используется типология ценностей различных народов — культурная карта мира Инглхарта—Вельцеля, построенная на основе Всемирного обзора ценностей.

Математические модели

Математическая модель является следующим уровнем формализации эмпирических результатов. Это способ представления реальности с помощью исключительно математических объектов и отношений, описывающих существенные связи в изучаемом объекте. Такая модель позволяет предсказывать состояние системы без последующей апелляции к опыту. Математические модели успешно работают в экономике (например, модель спроса и предложения), могут использоваться в социологии (например, в демографии), но их построение затруднено в гуманитарных предметных областях вследствие их сложности и слабой определенности. К таким областям относится и качество жизни: здесь нет общепринятых математических моделей, которые бы описывали взаимосвязь факторов и давали прогнозы. Тем не менее, обоснованное движение в сторону формализации позволяет глубже понять проблему. Рассмотрим основные понятия математического моделирования качества жизни.

Можно выделить основные этапы построения и использования математической модели. На этом создания качественной модели выясняется характер законов и связей, действующих в системе. Перед исследователями стоит задача: выявить характерные черты и определяющие особенности качества жизни. Далее происходит постановка математической задачи, которая может быть детерминированной (описываться дифференциальными уравнениями) или стохастической (описываться вероятностными значениями). Перед постановкой задачи необходимо выделить существенные факторы и дополнительные (начальные, граничные) условия.

Следующий этап – изучение модели. Оно состоит из ее математического обоснования (доказательства непротиворечивости модели, обоснования корректности уравнений, доказательства наличия уникального решения), качественного исследования (выявления поведения модели в предельных ситуациях, оценки ее адекватности) и численного исследования (разработки алгоритма, численных методов исследования, компьютерного эксперимента).

Наконец, наступает период получения результатов и их интерпретации, сравнения полученных данных с результатами качественного анализа и, если возможно, натурного эксперимента, уточнения и модификации модели. Полученные результаты используются для предсказания явлений и закономерностей, для апостериорной оценки качества прогнозов.

Задачи моделирования делятся на прямые (изучение поведения модели по известным характеристикам) и обратные (оценка характеристик исходя из поведения).

Принцип материального единства мира обуславливает универсальность математических моделей. Согласно этому принципу, моделирование сложных объектов путем аналогий является продуктивным подходом. Так, например, модель колебательного контура, состоящего из конденсатора и катушки индуктивности, успешно переносится на модель взаимодействия двух биологических популяций и может быть даже применена для оценки зарплаты и занятости в зависимости от равновесия рынка труда.

Экономико-математические модели оценки качества жизни

В первых попытках количественно оценить благоприятность стран для жизни использовались экономические показатели. В 1960-е годы в научном сообществе утвердилась классификация стран на развитые, развивающиеся (менее развитые) и наименее развитые. К развитым относились страны с постиндустриальной экономикой с пре-

обладанием третьего сектора (сферы услуг). Такие страны имели высокие ВВП и ВНП и высокий доход на душу населения. К развивающимся странам относили страны с индустриальной экономикой, преобладанием второго сектора (индустриального производства). К наименее развитым – доиндустриальные, с низкими ВВП и доходом на душу населения. Эта классификация легла в основу традиции оценки благосостояния с помощью ВВП и ВНП на душу населения.

Валовой внутренний продукт – макроэкономический показатель, отражающий рыночную стоимость всех конечных товаров и услуг (т. е. предназначенных для непосредственного употребления), произведенных за год во всех отраслях экономики на территории государства для потребления, экспорта и накопления, вне зависимости от национальной принадлежности использованных факторов производства. Для оценки благосостояния разумно измерять ВВП с учетом покупательной способности (см. рисунок 2).

Одна из проблем такой оценки очевидна: ВВП на душу населения не учитывает неравенство в распределении доходов. Простейшими показателями неравенства являются R/P 10% (Richest to poorest 10%)

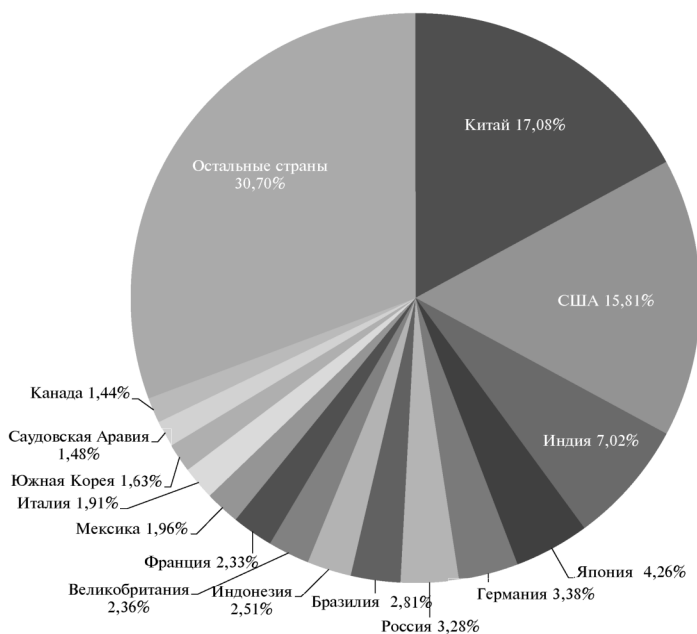

Рис. 2. Соотношение ВВП по паритету покупательной способности стран мира (по данным МВФ 2016 г.)

и R/P 20% – коэффициенты отношения уровня дохода 10–20% самых богатых граждан страны к уровню дохода 10–20% самых бедных. Наименьшее расслоение наблюдается в Японии, Финляндии, Чехии, Венгрии. Естественным расширением этих показателей является коэффициент Джини.

Коэффициент Джини – статистический показатель, оценивающий расслоение общества по определенному признаку (в данном случае – по уровню дохода домохозяйств). Он был предложен в 1905 г. и используется до сих пор. В отличие от коэффициентов R/P, коэффициент Джини учитывает расслоение во всех слоях общества, а не только в среде самых богатых и бедных (см. рисунок).

Коэффициент высчитывается по следующей формуле:

$$G = \frac{\sum_{i=1}^n \sum_{j=1}^n |x_i - x_j|}{2 \sum_{i=1}^n \sum_{j=1}^n x_j} = \frac{\sum_{i=1}^n \sum_{j=1}^n |x_i - x_j|}{2n \sum_{i=1}^n x_i}$$

где x_i – доход i -того домохозяйства, а n – количество домохозяйств.

Интерпретировать его можно следующим образом. Отсортируем все домохозяйства по возрастанию уровня доходов. Построим кривую Лоренца: над каждым домохозяйством она принимает значение, равное сумме доходов всех домохозяйств, которые беднее, чем данное. Таким образом, при идеальном равенстве, когда на любые $n\%$ домохозяйств приходится $n\%$ дохода, кривая Лоренца приобретает вид прямой. Чем больше неравенство, тем ниже «проседает» кривая: беднейшие слои населения не вносят значительного вклада в общую сумму доходов. Отношение площади под кривой Лоренца к площади под прямой равенства и есть коэффициент Джини (см. рисунок 3).

Стоит отметить, что богатство и уровень дохода – разные категории. Однако, согласно исследованиям Алана Крюгера, неравенство в доходах коррелирует с социальной иммобильностью: чем больше неравенства, тем меньше социальных лифтов. Таким образом, как разница в доходах ведет к разнице в богатстве, так и разница в богатстве, в свою очередь, ведет к усилению неравенства в доходах.

Также для учета неравенства можно использовать медианный доход вместо среднего. В 2013 г. компания Gallup провела исследование, показавшее сильную корреляцию между медианным доходом домохозяйств и процентом населения с постоянным рабочим местом.

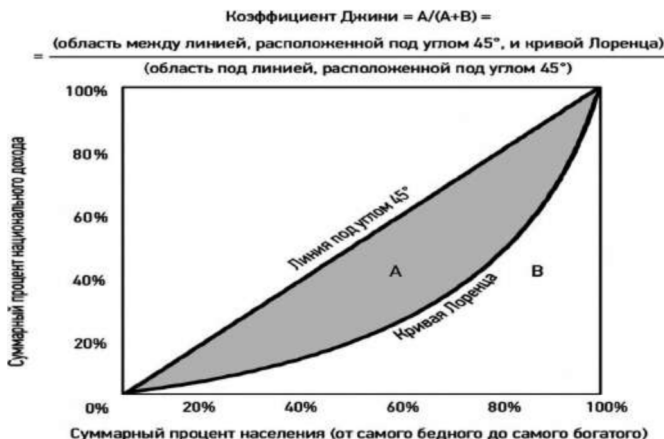

Рис. 3. Пример неравномерного распределения доходов населения

Социальные и социально-экономические модели

Оценка качества жизни как следствия из объема ВВП стало предметом резкой критики: объем производства не дает гарантий достойной жизни населения. Среди множества предложенных методов оценки качества жизни с учетом как экономических, так и социальных показателей общепринятым стал Индекс развития человеческого потенциала (ИРЧП). Он был предложен в 1990 г. и модифицирован в 2010. Новая версия основывается на *трех показателях*: 1) *ожидаемая продолжительность жизни*, 2) *продолжительность образования* и 3) *валовой национальный доход по паритету покупательной способности на душу населения*.

Вероятностная продолжительность жизни (термин введен Э. Галлеем в XVII в.). Для расчета показателя используются специальные таблицы ожидаемых смертей, которые рассчитываются на основе прогнозов. Прогнозируется период до которого могут дожить люди среднего возраста, родившиеся в определенном календарном году, если характерные для года их рождения возрастные коэффициенты смертности будут сохраняться неизменными.

Продолжительность образования делится на среднюю (среднее количество лет учебы среди населения старше 25 лет) и ожидаемую среднюю (высчитывается по образовательным стандартам, коэффициентам поступления и отчисления в школах и университетах и т. д.).

Валовой национальный продукт — это совокупная ценность всех товаров и услуг, произведенных в течение года на территории госу-

дарства (т. е. ВВП), плюс доходы, полученные гражданами страны из-за рубежа, минус доходы, вывезенные из страны иностранцами.

Итак, ИРЧП подсчитывается следующим образом.

Индекс ожидаемой продолжительности жизни $LEI = (LI - 20) / (85 - 20)$, где LI – ожидаемая продолжительность жизни в годах (т. е. возраст нормализуется приведением из шкалы 20–85 к шкале 0–1).

Индекс образования $EI = (MYSI + EYSI) / 2$.

Индекс средней продолжительности образования $MYSI = MYS / 15$, где MYS – средняя продолжительность образования в годах (15 – максимальный из существующих).

Индекс ожидаемой продолжительности образования $EYSI = EYS / 18$, где EYS – ожидаемая средняя продолжительность образования в будущем (18 – получение master's degree в США и Европе).

Индекс дохода $I = (\ln(GPIpc) - \ln(100)) / (\ln(75000) - \ln(100))$, где GPIpc – валовой национальный доход по паритету покупательной способности на душу населения в долларах США.

ИРЧП – среднее геометрическое из трех показателей:

$$HDI = \sqrt[3]{LEI \cdot EI \cdot I}.$$

В том же 2010 г. был представлен ИРЧП с поправкой на неравенство. Уровень неравенства подсчитывался с помощью уже упомянутого коэффициента Джини для оценки неравенства доходов домохозяйств. При переподсчете с учетом неравенства одни страны (Чехия, Словения, Финляндия) потеряли не больше 6% рейтинга, тогда как другие (Ангола, Намибия, Нигерия, Чад и др.) – более 40%.

На сегодняшний день ИРЧП является самым распространенным показателем качества жизни. Тем не менее, критики этого индекса отмечают, что ИРЧП оценивает качество жизни исходя из непсихологических показателей: уровень дохода, продолжительность жизни и образования, неравенство. Он основывается на предположении, что измеряемые факторы сильно коррелируют с удовлетворенностью жизнью. С этой точки зрения ИРЧП измеряет лишь условия, существующие в обществе для высокого качества жизни, но не само качество. Хотя данное предположение подтверждается статистически, принимаются также и попытки оценить качество жизни «напрямую», с учетом социальных и психологических факторов, полностью избегая экономических показателей.

Индекс социального прогресса – один из альтернативных показателей оценки уровня жизни (одного из экономических показателей качества жизни). Социальный прогресс определяется как «способность общества удовлетворить основные потребности граждан, установить

фундамент, позволяющий гражданам и сообществам поддерживать и улучшать качество их жизни, и создать условия для того, чтобы все индивиды могли полностью раскрыть свой потенциал» (Мерзлякова, 2010, с. 181). Создатели данного индекса попытались оценить не инвестиции в жизнь населения (экономические показатели: ВВП, затраты на образование и т. д.), а результаты этих инвестиций, которые действительно важный для людей.

Индекс составляется по следующим категориям: основные человеческие потребности (питание и медицинские услуги, водоснабжение и санитария, дом, персональная безопасность); основы благополучия (доступ к базовым знаниям, доступ к информации и коммуникации, здоровье и благополучие, качество окружающей среды); права и возможности (личные права, личные свободы и право выбора, толерантность, доступ к высшему образованию).

Каждый пункт состоит из конкретных показателей. Например, при оценке уровня доступа к базовым знаниям используются четыре показателя: коэффициент грамотного населения (процент людей старше 15, способных написать и прочитать небольшой текст о своей повседневной жизни, а также произвести простые арифметические вычисления), процент учащихся начальной школы (отношение количества людей, независимо от возраста проходящих обучение в начальной школе, к количеству людей возраста, установленного в этом государстве как возраст для обучения в начальной школе), процент получающих неполное среднее образование (аналогично), процент получающих полное среднее образование (аналогично) и процент девочек в начальной и средней школах. Все коэффициенты нормализуются. Вес каждого компонента определяется с помощью анализа главных компонент.

На вершине рейтинга в 2016 г. оказались Финляндия, Канада, Дания, Австралия, Швейцария, Швеция, Норвегия, Нидерланды, Великобритания, Исландия. Поскольку индекс принципиально не учитывает экономические показатели, появляется возможность сравнить между собой результаты стран со схожими ВВП на душу населения. Полученные результаты говорят об эффективности использования ВВП для повышения качества жизни населения.

Странами с близким к России по уровню ВВП на душу населения, по результатам 2016 г., являются: Чили, Хорватия, Эстония, Греция, Венгрия, Казахстан, Латвия, Литва, Малайзия, Панама, Польша, Португалия, Словакия, Словения, Уругвай. По полученным результатам, Россия, имея одинаковый с этими странами уровень ВВП, опережает их по коэффициенту доступа к высшему образова-

нию (77,39), сохраняет с ними баланс по уровню доступа к базовым знаниям (97,63). Тем не менее, она отстает по остальным десяти показателям, и, следовательно, уступает всем этим государствам по общему уровню социального прогресса.

Модели, учитывающие психологические факторы

Психология – наиболее сложная для формализации предметная область, и количество математических моделей в ней невелико. При оценке психологических факторов качества жизни основной подход – проведение опросов, включающих в том числе и прямые вопросы («Вы счастливы?»), и обработка результатов, на основе которых высчитываются показатели. Хотя добиться объективных результатов в такой методике непросто, она позволяет, в отличие от вышеперечисленных подходов, напрямую подойти к проблеме исследования счастья и его причин.

С 2012 г. подразделение ООН по поиску решений стабильного развития публикует «Всемирный доклад о счастье». Это первая попытка дать оценку глобальному уровню счастья, его причинам и последствиям.

В 2013 г. ОЭСР разработала рекомендации к оценке субъективного благополучия, в которых принято учитывать три фактора: *оценку жизни* (рефлексивную оценку человеком своей жизни в целом или интересующего аспекта); *аффекты* (оценку человеком своих чувств и общего эмоционального состояния, как правило, в заданной временной рамке) и *эвдемонию* (чувство смысла в жизни, хорошее психологическое состояние).

Индекс счастья рассчитывается с учетом этих рекомендаций. Он состоит из следующих показателей:

- *ВВП по ППС на душу населения* с поправкой на инфляцию с 2011 г., который приводится к логарифмической шкале, так как в таком виде гораздо лучше подходит к данным (источник: World Bank);
- *ожидаемая продолжительность жизни здорового человека* (источник: World Health Organization);
- *социальная поддержка*: опрашиваемым задается вопрос «Если вы попали в трудное положение, есть ли у вас родственники или друзья, на помощь которых вы всегда можете рассчитывать?», из ответов (да = 1, нет = 0) вычисляется средний показатель (источник: Gallup World Poll);
- *свобода жизненного выбора*: задается вопрос «Вы довольны или недовольны своими возможностями делать жизненные выборы?»;

из ответов (доволен = 1, не доволен = 0) вычисляется средний показатель;

- *щедрость*: задается вопрос «Жертвовали ли вы в ближайшие месяцы деньги на благотворительность?», вычисляется средний показатель и делается поправка на ВВП по ППС на душу населения;
- *восприятие коррупции*: задаются два вопроса — «Распространена ли коррупция в правительстве или нет?» и «Распространена ли коррупция в бизнесе или нет?», вычисляются средние показатели. В странах, где по первому вопросу нет данных, второй показатель используется как окончательный. В остальных странах окончательный показатель вычисляется как среднее из двух.

Впервые «Индекс счастья» был рассчитан в 2006 г. для 178 стран мира, опросы проводились среди резидентов стран независимо от национальности и гражданства. Это сделано для того, чтобы можно было говорить об уровне счастья всего населения мира, а не только граждан, проживающих в своих странах. Особенности уровня жизненной удовлетворенности мигрантов не рассматривались отдельно.

По результатам последних данных 2017 г., самый высокий показатель уровня счастья (7,0 и более) наблюдается в следующих странах (с 1 по 13 места): Норвегия, Дания, Исландия, Швейцария, Финляндия, Нидерланды, Канада, Новая Зеландия, Швеция, Австралия, Израиль, Коста-Рика, Австрия. Из 155 стран, в которых проводилась оценка, Россия находится на 49-м месте с общим показателем 5,963; показатель ВВП по ППС на душу населения — 1,282 (47 место из 155), по социальной поддержке — 1,469 (22 из 155), по ожидаемой продолжительности жизни — 0,547 (92 из 155), по свободе жизненного выбора — 0,374 (102 из 155), по щедрости — 0,052 (147 из 155), по восприятию коррупции — 0,033 (138 из 155).

Ранее (до 2006 г.) для оценки счастья использовался Международный индекс счастья, который часто критиковали за переоценку экологических факторов и продолжительности жизни, в результате чего на первых местах оказывались страны с не очень высоким уровнем жизни, но отличной экологией (например, Вьетнам).

Другие индексы, связанные с качеством жизни

Были рассмотрены основные индексы, цель которых — непосредственно оценить качество жизни. Однако для построения модели можно использовать и другие данные. Отметим некоторые более частные индексы:

- *Глобальный индекс миролюбия* оценивает уровень конфликтности стран. Учитывает количество войн, количество погибших, уровень организованной преступности, количество беженцев, количество заключенных, количество тяжких преступлений, количество офицеров полиции, военные расходы, доступность оружия, импорт и экспорт оружия и другие показатели. Основной вывод: безопасность коррелирует с годовым доходом, уровнем школьного образования, прозрачностью государственных структур, отсутствием коррупции. Индекс критикуется за учет большого количества качественных показателей (используется шкала рангов), оценка которых может подвергаться сомнению. Самый высокий глобальный индекс миролюбия, по результатам 2016 г., имеют Исландия, Дания, Австрия, Новая Зеландия, Португалия. Россия, к примеру, находится на 151 месте из 163.
- *Годы жизни, скорректированные по нетрудоспособности* (Disability Adjusted Life Years). Этот индекс дополняет традиционную оценку ожидаемой продолжительностью жизни здорового человека, оценивая «бремя болезни» в общем коэффициенте потерянными по нетрудоспособности годами. Годы жизни, скорректированные по нетрудоспособности, считаются как сумма двух показателей: среднее количество потерянных лет жизни (Years of Life Lost) и среднее количество потерянных трудоспособных лет жизни (Years of Life Lost due to Disability): $DALY = YLL + YLD$. Многие болезни не приводят к полной потере трудоспособности, но ограничивают ее. Для многих болезней составлена таблица весовых коэффициентов (например, шизофрения – 0,576, потеря пальца – 0,030), и потерянные годы считаются с учетом коэффициентов. Один из неожиданных выводов данного исследования – с психическими болезнями связаны 28% потерянных по нетрудоспособности лет. Из-за небольшого уровня смертности (не более 2%) влияние этого фактора недооценивалось. Самыми здоровыми являются страны Европы и Северной Америки, а некоторые страны Африки теряют более половины (вплоть до 80%!) трудоспособных лет из-за болезней.
- *Всемирный индекс благотворительности* основывается на тех же исследованиях Gallup, что и Индекс социального прогресса, но, в отличие от него, рассматривает не только материальную помощь. Подсчитываются результаты ответов на вопросы «Жертвовали ли вы деньги в ближайшие месяцы?», «Работали ли вы в качестве волонтера в последние месяцы?» и «Оказывали ли вы помощь незнакомцам в последние месяцы?». Высокие показатели

обнаруживают как богатые, так и бедные страны (в 2016 г. первые места заняли Мьянма, США, Австралия, Новая Зеландия, Шри-Ланка, Канада, Индонезия, Великобритания, Ирландия, ОАЭ).

Качество жизни и система ценностей

Еще одна важная модель, касающаяся качества жизни, — *Всемирный отчет о ценностях*, ставящий целью провести глобальное исследование ценностей людей и их изменений со временем. Исследования по этому проекту осуществляются Организацией экономического сотрудничества и развития с 1981 г. и на текущий момент охватывают около сотни стран.

Регулярно многочисленными международными организациями оцениваются поддержка демократии, терпимость к этническим меньшинствам, поддержка гендерного равенства, отношение к религии и уровень религиозности, отношение к окружающей среде, работе, среде, политике, национальной идентичности и культуре, а также уровень удовлетворенности жизнью.

Отметим некоторые важные результаты этих исследований:

- Большая часть различий в ценностях сводится к двум измерениям: «традиционные ценности — светско-рациональные ценности» и «ценности выживания — ценности самовыражения».
- Традиционные ценности подчеркивают важность религии, особых отношений между родителями и детьми, уважение к авторитетам и традиционные семейные ценности. В обществах с ориентацией на традиционные ценности более распространен национализм.
- В странах с преобладанием светско-рациональных ценностей менее акцентируется внимание на религии и традиционной семье. Такие общества терпимее относятся к разводам, абортам и эвтаназии.
- В странах с преобладанием ценностей выживания много внимания обращают на обеспечение экономической и физической безопасности человека. Во многих таких обществах широко распространен этноцентризм.
- В странах с преобладанием ценностей самореализации высокий приоритет отдают таким ценностям, как терпимость к иностранцам, к гомосексуализму, наличие гендерного равенства и возможность каждого члена общества участвовать в принятии политических и экономических решений.
- Расположение конкретного общества в системе координат, отражающих уровень качества жизни, коррелирует со сложившимися

в нем философскими, политическими и религиозными традициями. Так, исследования установили сильную созависимость качества жизни общества и чувства экзистенциальной безопасности его членов. Чем выше качество жизни в конкретном обществе, тем сильнее чувство экзистенциальной безопасности — вера в то, что жизнь достаточно безопасна, чтобы считать выживание само собой разумеющимся. Наибольший прирост такой уверенности наблюдается, когда общество переходит от доиндустриальной ступени развития к индустриальной. Одновременно с этим в таких обществах резко возрастает роль светско-рациональных ценностей.

- Сдвиг от ценностей выживания к ценностям самореализации происходит при нарастании *sense of individual agency* (чувство уверенности, чувство смысла, чувство единства), заключающегося в вере в возможность влиять на мир. Максимальный прирост в этой уверенности наблюдается при переходе общества от индустриальной ступени к постиндустриальной (экономике знаний).
- Ценности могут значительно различаться внутри общества у разных социальных и этнических групп, а также между мужчинами и женщинами.
- Общества можно разделить на так называемые культурные зоны, отражающие сходства и особенности исторического развития разных народов. Примером может служить культурная карта мира Инглхарта—Вельцеля (Inglehart, Welzel, 2005). Ученые выявили, что страны «в правом верхнем углу» (Норвегия, Дания, Швеция, Исландия, Финляндия), имеющие высокий уровень качества жизни, показывают высокие результаты и по субъективной удовлетворенности жизнью. Таким образом, «культурная карта мира» может претендовать на роль хоть и простой, но вполне адекватной формальной модели качества жизни.

Психологические критерии диагностики, оценки и проектирования качества жизни общества и государства

В мире утверждается понимание того, что приоритеты человечества выше приоритетов какого-либо государства и что любое государство должно считаться с общепризнанными ценностями человечества. Цель существования и развития государства, общества или цивилизации — в развитии человека, в раскрытии его потенциала, в обеспечении условий для развития и поддержания здорового образа жизни

индивида и члена общества. На эту установку опирается использование феномена качества жизни как критерия успешности государства.

Вполне возможно, что одной только оценки качества жизни окажется недостаточно для полного понимания состояния общества и перспектив его развития. Тем не менее, предложенный здесь комплекс характеристик может быть использован для составления весьма внушительного портрета общества, достаточного для общей оценки его состояния и выделения симптомов назревающих проблем.

Качество жизни как критерий успешности общества (создания условий для здоровья его членов, привлекательности его для жизни и развития) претендует на объективность и достаточную независимость от культуры и традиций. Математические критерии оценки качества жизни могут использоваться при сравнении двух обществ (государств, цивилизаций) с точки зрения предпочтительности для жизнедеятельности человека и человечества. С помощью социально-экономических критериев можно строить ориентиры для политического курса государства. Но для качественного достижения этой цели необходимо выделить универсальные критерии, отражающие структуру общечеловеческих ценностей, т. е. те, которые действительно могут претендовать на независимость от идеологии конкретного общества. Необходимо прийти к общепринятой методологии измерения показателей.

Более того, существуют и другие сложности. Для построения общей модели необходимо оценить влияние того или иного критерия на общую успешность. Для построения математической модели необходимо придать весовые коэффициенты каждому из критериев, что видится весьма проблематичным в связи со сложностью соотношения различных критериев оценки качества жизни (доход, счастье, гигиена и образование и др.).

На сегодняшний день существует лишь одна интегральная модель оценки качества жизни – модель Инглхарта–Вельцеля (Inglehart, Welzel, 2005), оценивающая влияние условий жизни на ценности населения. Исходя из выводов этих ученых, ценности складываются последовательно, подобно потребностям, иерархически сменяя одна другую: гарантия соблюдения одних ценностей ведет к появлению других, более сложных, связанных с более высоким уровнем гуманистического развития. Эти выводы можно взять за основу «вертикальной» модели ценностей, сглаживающей противоречия между различными подходами – экономическим, социологическим, психологическим. Такая модель учитывала бы различные уровни сформированности ценностей и более полно и объективно оценивала бы

качество жизни общества, объединяя в себе объективный и ценностный подход. Авторы утверждают, что ценности качества жизни хронологически развиваются по следующим объективным закономерностям, которые можно представить следующим образом:

- для построения политического курса необходимо явно или неявно учитывать наличное качество жизни населения, так как это один из основных показателей имеющихся проблем;
- для выявления и более полного учета и управления факторами необходимо сформировать единую модель качества жизни;
- экономические модели качества жизни не охватывают его сущности, сводя его к понятию «уровень жизни»;
- модели оценки социального прогресса оценивают не вход (объем инвестиций в здравоохранение), а результат (здоровье населения) и представляют собой более адекватную оценку качества жизни;
- психологические модели решают проблему оценки удовлетворенности населения существующими условиями, хотя добиться объективности в них сложно.

Обобщая обзор моделей качества жизни, используемых в международных мониторингах этого феномена, следует отметить, что на сегодняшний день существует лишь одна принимаемая всеми модель — «вертикальная» модель качества жизни, которая учитывает последовательное «вызревание» гуманистических ценностей, являющихся ведущими критериями качества жизни. Эта модель учитывает такие параметры, как:

- благополучие общества для выживания его граждан (продолжительность жизни, отсутствие конфликтов и низкий уровень преступности, гарантии безопасности);
- базовое материальное обеспечение (жилище, личное пространство, базовый комфорт);
- состояние здоровья (гигиена, здравоохранение, базовое психологическое здоровье), социальное благополучие и критерий справедливости;
- качество образования;
- уровень гражданских свобод.

Использование данной модели в качестве маркеров государственного управления позволит: полноценно оценивать качество жизни, понимать факторы, влияющие на него в текущей ситуации; глубже

понимать причины социальных проблем, исходя из законов развития ценностей населения; прогнозировать возникающие проблемы, связанные с оценкой населением условий своей жизни; выделять факторы, которыми необходимо управлять для корректировки качества жизни.

Проведенный системный и хронологический анализ различных подходов к измерению качества жизни позволяет современной науке приблизиться к созданию достаточно строгой интегративной модели, на которую можно было бы опираться при построении политического курса государства, уточнять факторы, влияющие на качество жизни, предлагать способы его улучшения.

Без внедрения подобной модели полноценная оценка качества жизни в обществе невозможна, а следовательно, проблематична и оценка социального самочувствия населения, что необходимо для интегративного развития современного российского общества.

Глава 21

Место нравственной элиты в общественной жизни современной России¹

Поиски больших социальных групп, ответственных за состояние российского общественного сознания, привели когда-то к наделению интеллигенции особыми качествами, определяющими прогрессивную направленность развития страны. И произошло это не со времени появления в «Новом мире» открытого письма Д. С. Лихачева «О русской интеллигенции» (Лихачев, 1993), в котором академик отстаивает положительный образ интеллигенции в России во все исторические периоды (начиная от Киевской Руси и Великого Новгорода до настоящего времени, т. е. до 1990-х годов), а много раньше. Историк Федор Гайда отмечает: «Само слово *intelligentia* (лат. «понимание, разум») явилось в Россию из немецкой философии, в первую очередь – из Гегеля, где означало интеллектуальную способность, самосознание. Иногда так именовались и люди – носители подобных способностей. Однако до поры оно никого особо не вдохновляло. Превратить слово в лозунг, в идеологическое оружие смогли лишь русские *социалисты-народники*» (Гайда, 2011). Об интеллигенции как передовой силе, призванной вести за собой всю страну, заявили в 1868 году Н. К. Михайловский, Н. В. Шелгунов и П. Н. Ткачев. Об интеллигенции говорили также П. Л. Лавров и Г. В. Плеханов. Ф. Гайда пишет о том, что в конце 1880-х годов понятие «интеллигенция» было заимствовано у социалистов Д. С. Мережковским. М. О. Меньшиков называл В. Г. Белинского первым интеллигентом, потому что тот учил современников «ненавидеть и презирать» Россию (Гайда, 2011). Историк подчеркивает оппозиционный к власти характер интеллигенции. Общеупотребимым это слово сделалось только после публикации в 1909 г. сборника «Вехи»

1 Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 15-06-10082.

с резкой критикой «интеллигенции». Разная судьба ждала интеллигенцию после 1917 г. Не все подвергалось уничтожению. Новой власти нужны были специалисты.

В сталинской конституции 1936 г. «трудовая интеллигенция» была включена в состав «трудящихся». Ф. Гайда приходит к выводу, что именно И. В. Сталин окончательно закрепил представление об «интеллигенции» как особой не интеллектуальной, а социальной группе «работников умственного труда», которой «конституционно запрещалось быть оппозиционной. Для нее это означало перспективу гибели или полного перерождения» (там же).

В примерах поступков «подлинных интеллигентов», приводимых Д. С. Лихачевым (Лихачев, 1993), много подлинного героизма и свидетельства проявления лучших человеческих качеств: бескорыстия, доброты, бесстрашия, чувства собственного достоинства и уважения к человеческой личности. Да и сам Дмитрий Сергеевич, прошедший в молодые годы испытание ГУЛАГом, в 1990-е оставался для многих эталоном подлинного интеллигента: высококлассным профессионалом, готовым бесстрашно встать на защиту истины и справедливости. Но в целом интеллигенция как передовая часть общества именно в 1990-е сходила с политической сцены. Наступало время элиты: финансовой, управленческой, творческой и т. д.

Термин «элита» пришел в современную психологию из политологии и социологии. В этих смежных с психологией науках термин закрепился со времен В. Парето (Парето, 2011) как традиционно используемый для обозначения принадлежности к правящему классу общества.

После октябрьской революции в России и свержения прежних элит выделились новые «лучшие люди», вокруг которых стали формироваться новые перспективы поступательного общественного и хозяйственного развития, хотя слово «элита» в советский период по отношению к героям того времени и не употреблялось (оно носило скорее негативный оттенок и использовалось для обозначения имущественного неравенства капиталистического мира). Подспудно и в СССР был элитарный принцип распределения благ, только напрямую с размером кошелька он связан не был.

В 1961 г. вышел культовый фильм «Девять дней одного года». Его герои – ученые, рискующие здоровьем и даже жизнью ради открытия тайн микромира. Герой культового фильма 1971 г. «Укрошение огня» – главный конструктор ракет, обеспечивших Советскому Союзу первенство в освоении космоса. Зрители советской эпохи, возможно, впервые на экране увидели своего современника, облада-

ющего почти неограниченными материальными возможностями. Но и машина с личным водителем, и даже личный самолет для человека такого уровня имели только вспомогательное значение для выполнения основной, главной работы всей его жизни. Этими героями восхищались, им стремилась подражать молодежь. Особый вес и престиж в обществе имели профессии ученого, конструктора, артиста, писателя, врача, летчика и т. п. В кино озабоченность деньгами и материальным достатком выпадала на долю отрицательных персонажей.

В широкое повседневное употребление слово «элита» (или «элиты») попало после снятия негласного запрета в постперестроечный период темы денег. Так сложилось в нашей новейшей истории, что принадлежность к элите первоначально связывалось с финансовым благополучием и только позднее оно стало распространяться на другие группы успешных и оказывающих влияние людей. А. Л. Журавлев и А. Б. Купрейченко отмечают: «Под *элитой* понимается социальная категория людей, *характеризующаяся* наиболее высоким уровнем развития тех или иных качеств, свойств, способностей и *успешно проявляющая* их совокупность в конкретных сферах жизнедеятельности общества. В таком смысле вполне уместно говорить о разных *видах* элиты, что и встречается в современных публикациях: политическая и управленческая, экономическая и бизнес-элита, интеллектуальная и научная, творческая и художественная, культурная и духовная и др.» (Журавлев, Купрейченко. 2010а, с. 8). Хотя и названы творческая, научная и другие виды элит, авторы специально оговаривают возможность отнесения к элите лиц не только не обремененных финансовым благополучием, но скорее противоположного устройства. Они говорят о целесообразности «рассматривать и *нравственную элиту*, относя к ней тех людей, которые *достигли* высокого уровня развития нравственных качеств и успешно *проявляют* их в сфере человеческих отношений, в жизни реальных социальных групп, в человеческих сообществах, существенно *вливая* на их нравственную атмосферу, как минимум, повышая ее общий уровень» (там же).

К 2010 году тема «нравственной элиты» созрела, что и отразилось на появлении ряда публикаций (Журавлев, Купрейченко, 2010а, б, в). Можно даже предположить, что эта тема послужила возвращению в отечественную гуманитарную мысль идеи об особой русской интеллигенции, как ее понимал академик Д. С. Лихачев.

Учителя, ученые, библиотекари и т. п. деятели науки и культуры уступили свои лидирующие позиции в обществе более успешным

в материальном отношении элитарным слоям населения. Социологи отмечают: «В ходе адаптации к новым условиям жизни высокопрофессиональные группы должны научиться эффективно использовать социально-экономические ресурсы и социокультурный капитал. Одной из таких групп является интеллигенция; ее статус и предназначение в меняющемся российском обществе до сих пор окончательно не определены» (Шиняева, Ключева, Займалин, 2012, с. 110). Проведенное авторами исследование показало, что современная интеллигенция неоднородна внутри своей общности: «Единственная группа, которая с большим отрывом выделяет статусную ценность профессиональной деятельности, — это руководители высшего и среднего звена: более половины от их числа (56%) относятся к типу «люди статуса»» (там же, с. 115). Можно предположить, что именно в этой группе совпадают определения интеллигенции и элиты.

Но материальная и статусная составляющие не являются ведущими в духовно-нравственной роли интеллигенции в жизни общества. Поскольку сама потребность в нравственных ориентирах в российском обществе не исчезла, место подлинной интеллигенции не может слишком долго оставаться вакантным. Отсюда закономерно появление темы *нравственной элиты*, не только не привязанной к материальному благополучию и высокому статусу, но зачастую очень далекой от этих внешних атрибутов жизненного успеха.

В исследовании российского менталитета тема *нравственных ориентиров* исторически является приоритетной. Она пронизывает гуманитарную традицию, великую русскую литературу, всю российскую культуру. Еще Достоевский говорил о *первичности нравственных вопросов* по отношению к вопросам хозяйственным. В «Дневнике писателя» за 1880 г. он писал: «Что же, разве я про экономическую славу говорю, про славу меча или науки? Я говорю лишь о братстве людей и о том, что ко всемирному, ко всечеловечески братскому единению сердце русское, может быть, изо всех народов наиболее предназначено, вижу следы сего в нашей истории, в наших даровитых людях, в художественном гении Пушкина» (Достоевский, 2002, с. 188). Речь не идет о том, что русские более нравственные, чем другие народы, но речь идет о *нравственном идеале*. Тот же Достоевский проникновенно говорит о *необходимости* для русского человека знать о том, что есть те, кто своей жизнью этот идеал воплощает: «Если у нас грех, неправда, искушение, то все равно есть на земле там-то, где-то святой или высший; у того зато правда, тот зато знает правду; значит, не умирает она на земле, а, стало быть, когда-нибудь и к нам перейдет и воцарится по всей земле, как обещано» (Достоевский, 1958, с. 42).

Советский период способствовал укреплению в стране главенства *нравственных авторитетов*, оставив нам в наследство замечательные кинообразы беззаветной преданности, любви к Родине, стремления к подвигам и презрения к материальным лишениям. За последние четверть века ситуация изменилась кардинально. Как показывают исследования психологов, материальная составляющая жизненного опыта человека постепенно заняла одно из ведущих мест в иерархии ценностей современной личности (Журавлева, 2013). Получило широкое распространение слово «элита» по отношению прежде всего к людям состоятельным. Однако накопился и отрицательный опыт поведения нуворишей, особенно «золотой молодежи». Российское общественное сознание вновь обратилось к поиску нравственного идеала (а возможно, этот поиск никогда не прекращался) (Воловикова, 2004).

В основе феномена, названного А. Л. Журавлевым и А. Б. Купрейченко «эффектом воспроизводства субъектом ценностной системы другой исторической эпохи» (Журавлев, Купрейченко, 2010а, с. 6), лежат наблюдения над той немногочисленной социальной группой, которая смогла сохранить личностную свободу и относительную независимость от происходящих вокруг изменений системы ценностей и приоритетов. Отмечается здоровое отношение к себе и другим, жизненный оптимизм таких людей, не связанный с уровнем материального благосостояния, даже их некоторая неадаптивность, будто эти люди продолжают жить в другом историческом времени и ориентироваться на иные ценности и идеалы.

Вообще для переломных эпох характерно появление *человека из прошлого*, придерживающегося ценностей и идеалов ушедшего времени. Из-за универсального и неизменного характера некоторых базовых ценностей возможно появление *человека вне времени*. Того же, кто улавливает позитивные тенденции развития и может прогнозировать их, можно назвать *человеком будущего*. Важнейшая социальная роль разных указанных типов людей состоит в отстаивании, поддержании, сохранении и воспроизводстве универсальных ценностей. Авторы выделяют тех субъектов, которые выступают в качестве хранителей культурных и духовных ценностей, носителей нравственных идеалов: «К ним, *прежде всего*, относятся мудрецы и старцы, талантливые наставники и воспитатели, священнослужители и духовные учителя, ученые и писатели, художники и поэты, а также другие *авторитетные* именно в нравственном отношении общественные фигуры» (там же, с. 7).

В трудные моменты своей истории общество само находит эти «нравственные маяки», помогающие устоять в условиях резких из-

менений ценностных приоритетов. Такими людьми, к мнению которых прислушивались, на точку зрения которых опирались, были академики Д. С. Лихачев, А. Д. Сахаров, писатель В. Г. Распутин. В 1990-е годы, как показывали опросы общественного мнения, максимальное доверие было к Патриарху Алексию II. Важно отметить, что всегда находилось то лицо, ценностным ориентациям которого доверяло большинство российских граждан. Причем это правило касается не только больших общностей (страны, региона, края), но и жителей небольших селений. Авторы приводят народную пословицу «Не стоит село без праведника», наиболее точно передающую незаменимую роль таких людей в сохранении общности. И именно их они относят к «*нравственной элите*»: «Представители этой категории людей, придерживаясь нравственных устоев и не допуская забвения обществом универсальных нравственных ценностей, дают интерпретацию событий жизни своих современников и общественных тенденций с позиций вечных, абсолютных, гуманистических ценностей» (там же).

А. Л. Журавлевым и А. Б. Купрейченко выделены *основные признаки* нравственной элиты:

- участие в общественно полезной деятельности;
- строгое следование в своем поведении нравственным принципам, нормам и правилам жизнедеятельности человека;
- способность оказывать нравственное влияние на других людей (в том числе через поступок);
- способность жертвовать своими интересами ради других, оказание безвозмездной помощи, проявление разных форм помогающего поведения.

Подчеркиваются такие качества представителей нравственной элиты, как способность к активной защите моральных устоев общества и благотворное влияние на моральный климат близкого окружения (Журавлев, Купрейченко, 2011б). Отмечается *позитивная роль страдания* в истории становления высоконравственных людей. Добавление этого необычного компонента естественно в российских условиях, где нравственность всегда была ценностью, но самому человеку, исповедующему нравственные приоритеты, приходилось особенно трудно в реальных жизненных обстоятельствах. Не случайно именно в «эпоху первоначального накопления капитала» (1990-е годы) психологи стали вновь активно обращаться к проблеме морального сознания (Брушлинский, Темнова, 1993), к анализу обыденных представлений о «порядочном человеке» (Воловикова, Гренкова,

1997; Воловикова, 2012), к темам нравственного идеала (Воловикова, 2004), нравственно-психологической регуляции экономической активности (Журавлев, Купрейченко, 2003), нравственной детерминации экономического самоопределения (Купрейченко, 2014), нравственного самоопределения молодежи (Купрейченко, Воробьева, 2013), к исследованию социальных представлений о совести российской молодежи (Мустафина, 2011; Воловикова, Мустафина, 2016), ориентаций личности на нравственные ценности (Журавлева, 2013), наконец, в целом к психологии нравственности как к области психологического исследования (Юревич, Журавлев 2013), и др.

В 2015–2016 гг. исследователи вернулись к идее нравственной элиты и провели успешную эмпирическую проверку некоторых идей о характерных признаках нравственной элиты, высказанных в публикациях 2010 г. А. Л. Журавлевым и А. Б. Купрейченко (Воловикова, Журавлев, 2016; Воловикова, Комарова, 2015; и др.). Был использован метод, отчасти заимствованный у японских ученых (Azuma, Kashiwagi, 1987) и уже показавший свою эффективность в ряде исследований имплицитных представлений о нравственной личности (Воловикова, Дикевич, 2011; Воловикова, 2012; и др.). При выборе метода исследования авторы также следовали народной мудрости, приведенной в книге современной грузинской писательницы Марии Сарджишвили: «Если хочешь узнать человека, не слушай, что о нем говорят другие, – послушай, что *он* говорит о других» (Сила молитвы..., 2015, с. 156).

Японские исследователи Х. Азума и К. Кашиваги изучали «имплицитные концепции интеллектуальности» (обыденные представления об умном человеке). Сначала они просили вспомнить и описать человека, которого респондент «знает лично» и которого считает умным, и лишь затем из полученных ответов отбирали с помощью частотного анализа качества «умного человека», из которых и составляли анкету закрытого типа, построенную по принципу одномодальной шкалы. Исследователи подчеркивали: «Таким образом, мы хотим начать с конкретного, предлагая нашему испытуемому подумать о конкретной личности, которую субъект хорошо знает, и знает как интеллектуальную, и думает, что эти личностные характеристики, которые могут быть приписаны этой личности, позволяют судить о ее интеллектуальности» (Azuma, Kashiwagi, 1987, с. 18). Факторизация данных, полученных с помощью анкеты на основном этапе исследования, позволила выделить несколько личностных типов (сочетаний качеств) умного (с точки зрения респондентов) человека.

В России аналогичное исследование было проведено Н. Л. Смирновой (Александровой): в представлениях об умном человеке был обнаружен большой вес этического фактора (Смирнова, 1993; Александров, Александрова, 2009).

Распространив принципы построения анкеты на исследование представлений об образцово нравственной личности («порядочном человеке»), нам на первом этапе удалось собрать более 200 дескрипторов, с помощью которых респонденты описывали конкретное лицо, о котором они могли сказать: «это действительно порядочный человек!» (Воловикова, Гренкова, 1997). Для анкеты частотным методом был отобран 41 дескриптор. Далее респондентам предлагалось напротив каждого из качеств отметить, есть ли оно у описываемого «порядочного человека» (применялись три варианта оценки: «есть», «нет» и «не уверен»). Также, исходя из понимания С. Л. Рубинштейном *поступка* как «имплицитного суждения» (Рубинштейн, 1976), в анкету был добавлен вопрос о конкретном поступке, доказывающем, что описываемый человек действительно является нравственным образцом.

Предъявление данной методики взрослой выборке успешных людей позволило выявить их имплицитные представления о нравственном образце (о нравственной элите) (Воловикова, Журавлев, 2016). Выборка из 71 человека (средний возраст 39 лет, 45% – мужчины) состояла из людей, достигших заметного успеха в жизни. Среди них были врачи и экономисты, юристы и музыканты, художники и психологи, руководители лабораторий, институтов и творческих коллективов, главные редакторы изданий и директора компаний.

Исследование вызвало интерес у респондентов, поэтому отказов заполнить анкеты не наблюдалось.

Частотный анализ заполненных анкет показал, что «безотказный» является наиболее отвергаемым качеством для человека, которого представители этой группы могут назвать нравственным, далее в списке отвергаемых оказались «верит в Бога», «хорошо одевается», «гордый». Среди наиболее принимаемых лидируют качества «не предаст друга», «ответственный», «добросовестный» (см. таблицу 10).

Таким образом, после варимакс-вращения выделились 6 факторов с суммарной долей дисперсии 52,41%. С большим отрывом лидирует *фактор коммуникативности* (доля дисперсии 17,38%). Его составили дескрипторы: щедрый (0,78), с чувством юмора (0,72), общительный (0,71). Второе место (доля дисперсии 10,86%) занял *фактор надежности*: смелый (0,74), пунктуальный (0,68), ответственный (0,66). *Фактор интеллигентности* (8,32%) занял третье место. Его составили дескрип-

Таблица 10
Результаты факторного анализа дескрипторов
порядочного человека

№	Дескрипторы	Фактор 1	Фактор 2	Фактор 3	Фактор 4	Фактор 5	Фактор 6
1	Скромный	0,02	0,06	0,34	-0,42	0,50	-0,15
2	Пунктуальный	-0,04	0,68	0,10	0,03	0,18	-0,13
3	Тактичный	-0,02	0,06	0,74	-0,00	0,06	-0,00
4	Уважающий других людей	0,11	0,07	0,71	0,07	0,05	-0,05
5	Не предаст друга	0,07	0,13	-0,08	0,62	0,06	-0,04
6	Добросовестный	-0,15	0,54	0,20	0,20	0,35	0,21
7	Любит Родину	0,08	0,01	0,15	0,31	0,30	0,06
8	Образованный	0,09	0,05	-0,19	-0,17	0,11	0,71
9	Смелый	0,05	0,74	-0,08	0,14	0,05	0,05
10	Не выдаст чужую тайну	-0,19	0,39	0,24	0,48	0,24	-0,08
11	Не нарушает закон	-0,13	-0,03	0,07	0,11	0,61	0,25
12	Бережливый	-0,00	0,45	0,05	-0,52	0,35	0,08
13	Верит в Бога	0,35	0,01	-0,00	0,01	0,45	0,02
14	Гордый	0,11	0,54	0,05	0,01	-0,15	0,27
15	Воспитанный	-0,27	0,21	0,48	-0,27	0,23	0,40
16	Не нарушает данное им слово	-0,01	0,20	0,17	0,35	0,16	-0,21
17	Трудолюбивый	0,35	0,46	-0,03	-0,21	0,43	0,14
18	Умный	0,20	0,18	-0,12	-0,00	0,16	0,72
19	Справедливый	0,38	-0,24	0,02	0,34	0,28	0,01
20	Ответственный	-0,00	0,66	0,21	0,09	0,16	-0,02
21	Не курит	0,13	-0,01	0,18	-0,65	0,12	0,30
22	Может дать совет	0,54	-0,06	-0,04	-0,17	0,12	0,55
23	Хорошо одевается	0,11	0,41	-0,02	-0,33	0,00	0,51
24	Волевой	0,51	0,54	-0,27	-0,16	-0,05	0,11
25	Не ворует	0,10	0,19	-0,14	0,20	0,62	0,22
26	Честный	0,05	0,18	0,09	0,12	0,26	-0,14
27	Культурный	0,10	0,02	0,48	-0,20	0,06	0,58
28	Аккуратный	0,08	0,38	0,06	-0,14	0,49	0,17

Продолжение таблицы 10

№	Дескрипторы	Фактор 1	Фактор 2	Фактор 3	Фактор 4	Фактор 5	Фактор 6
29	Не сквернословит	0,10	-0,08	0,19	-0,37	0,70	0,08
30	Добрый	0,39	-0,41	0,41	-0,23	0,17	-0,21
31	Соблюдает правила этикета	0,30	-0,08	0,40	-0,12	0,43	0,33
32	Общительный	0,71	-0,08	-0,03	0,12	-0,13	0,49
33	Щедрый	0,78	0,15	0,11	0,01	0,15	-0,05
34	Начитанный	0,52	-0,06	0,17	0,06	0,06	0,62
35	Рассудительный	0,35	0,24	0,18	-0,04	0,06	0,20
36	С чувством юмора	0,72	0,03	0,02	-0,00	-0,23	0,17
37	Не сплетничает	-0,30	0,17	0,10	0,11	0,54	-0,20
38	Уважает старших	0,06	0,07	0,72	-0,05	0,05	-0,16
39	Не врет	-0,14	0,22	0,06	0,06	0,58	0,02
40	Безотказный	0,22	-0,22	0,30	0,01	0,36	0,18
41	Интеллигентный	-0,13	0,18	0,61	0,07	0,18	0,52
Общая дисперсия факторов:		3,68	3,92	3,48	2,54	4,03	3,82
Доля общей дисперсии:		0,09	0,10	0,08	0,06	0,10	0,09
Доля дисперсии: 52,41		17,38	10,86	8,32	6,09	5,24	4,52

торы: уважает старших (0,72), тактичный (0,71), уважающий других людей (0,71), интеллигентный (0,61). В фактор *доверия* (6,09%) вошли: не предаст друга (0,62), не курит с отрицательным значением (-0,65), т. е. курит. В фактор *просоциальности* (5,24%) вошли: не сквернословит (0,70), не ворует (0,62), не нарушает закон (0,61). Последнее место занял фактор *образованности* (4,52%): умный (0,72), образованный (0,71), начитанный (0,62). Таким образом, в данной выборке первое место заняли качества, помогающие поддерживать общение с другими людьми, далее идут качества надежности, уважения к другим людям, доверия, отрицания асоциального поведения (фактор «просоциальности») и образованности.

Если вновь обратиться к таблице 10, чтобы посмотреть, какие важные для российского сознания качества не вошли ни в один фактор или хотя бы только приблизились к тому, чтобы войти, то можно отметить, что это дескрипторы *честный, справедливый, рассудительный, безотказный, верит в Бога и любит Родину*.

«Совокупность признаков», соответствием которым указывает на принадлежность к нравственной элите (Журавлев, Купрейченко, 2010а, б, в), подтвердилось, прежде всего, на уровне *представлений о нравственном поступке*.

Об участии в общественно полезной деятельности говорит статус персонажа, о котором идет речь: «это мой начальник, он в меня поверил...»; «мой коллега, зав. кафедрой...»; «при публикации научных трудов отражал имена сотрудников, включая аспирантов»; «она была моей начальницей...»; «мой коллега – ученый физик, пользуется международным авторитетом»; «зам. директора НИИ..., профессионально честный...».

О строгом следовании нравственным принципам, нормам и правилам говорит каждый из сюжетов на тему «никогда не...»: «она никогда не ставит себя выше, важнее других»; «не ведет никаких тайных интриг за спиной»; «зная мои тайны, не рассказывает их другим людям»; «не обманет, не предаст»; «не выпячивается, не навязывает своего мнения»; «имеет четкие принципы и четко следует им»; «честно выполняет свои обязательства в бизнесе, хотя обстоятельства складываются так, что она вполне могла нарушить их в силу объективных, не зависящих от нее причин»; «имея большие властные полномочия, никогда не использовал их в личных целях, в том числе в целях наживы».

Способность воздействовать, влиять на других людей в нравственной сфере доказывается не только приводимыми примерами, но и собственно самим фактом, что каждый из этих людей назван нравственным образцом – «*порядочным человеком*».

Оказание безвозмездной помощи другим людям, реализация разных форм помогающего поведения доказывается конкретными примерами оказания помощи: «помогал малознакомым людям в сложных ситуациях, выступал посредником в близкородственных отношениях»; «несмотря на свою болезненность, готова помогать всем и вся»; «когда у подруги был серьезно болен ребенок и отсутствовали финансовые средства на лечение, моя знакомая приютила их с ребенком у себя, наняла врача и безвозмездно оплатила лечение»; «на фирме начались финансовые проблемы, и она была закрыта; последнюю зарплату мне не выплатили; позже начальница выплатила причитающуюся мне зарплату из своих денег».

Примеры по поводу *неприспособленности нравственной элиты* к реалиям современной жизни такие: «выбрал себе самый плохой дачный участок, хотя был председателем кооператива»; «ему неоднократно предлагали прекрасную высокооплачиваемую работу в США,

но он отказывался: „Лучше я буду приезжать к вам в Штаты на конференции, а жить хочу у себя, любоваться российскими березками“»; «пожертвовала своей работой ради женщины, которая одна воспитывает детей»; «отказался от материальной выгоды в пользу принципов».

Отметим, что хотя ни в одном из факторов «любовь к Родине» не набрала большого веса, однако в описаниях запомнившихся поступков она была заметна. Некоторая противоречивость (а возможно, и незрелость) представлений о нравственном образце заметна также при сопоставлении результатов факторного анализа выделившихся дескрипторов и контент-анализа поступков нравственного («порядочного») человека.

Но особенно явно эта противоречивость выступила по поводу другого дескриптора — «верит в Бога», что вполне объяснимо атеистическим характером государства в детские или юношеские годы респондентов при эмоциональной притягательности для них образцов подлинного христианского поведения — проявлений самоотвержения, бескорыстия и любви.

Сравнение с результатами заполнения анкеты позволяет заметить удивительный парадокс. Описывая знакомого «порядочного человека», эти элитные респонденты дают образ православного идеала жертвенной любви к людям, но, не зная почти ничего о родном (по рождению) православии, они об этом не догадываются, продолжая на когнитивном уровне отрицать наличие веры в Бога у описываемого лица, при этом приводя не только примеры бескорыстной помощи, самопожертвования и честности в отношениях, но и проявления такого специфического качества, как умение прощать обиды (и даже забывать о них), обладая при этом всеми реальными возможностями (материальными и ситуационными), чтобы соответствующим образом ответить.

Понятие «нравственная элита» востребовано в современной социальной психологии в связи с тем, что оно наследует место в духовно-нравственной регуляции жизни российского общества, принадлежащее прежде понятию «интеллигенция».

В исследовании имплицитных представлений о нравственном образце у лиц, достигших в жизни высокого социального статуса, получила подтверждение гипотеза о совокупности признаков, соответствие которым указывает на принадлежность нравственной элите.

Показано, что характерный для российского менталитета *приоритет нравственного закона над житейским успехом* отличает представления реализовавшихся, успешных людей.

Выявлен *противоречивый характер нравственных предпочтений респондентов*. Так, относительно низкая оценка значимости любви к Родине (в связи с нравственностью человека) сочетается с рассказами об отказе покинуть страну, чтобы жить в более благоприятных в житейских отношениях условиях, а отвергаемая большей частью респондентов вера в Бога сочетается с доминированием в рассказах православного идеала смирения и непривязанности к славе, деньгам и могуществу.

Заключение

В самом общем виде *глобализацию* можно определить как сложную, диалектически противоречивую трансформацию процессов интернационализации экономической, политической, социальной и культурной жизни человечества, предполагающую формирование новых экономических, геополитических, социокультурных пространств (Арсентьева, 2008). Общемировое объединение социальных, экономических, политических и культурных сфер ведет к созданию глобального социально-экономического сообщества, которое способствует преодолению и даже разрушению некоторых территориальных барьеров и границ и, возможно, в определенной степени угрожает национальным суверенитетам современных государств.

Процесс глобализации не есть нечто совершенно новое, так как вся предшествующая современности социально-экономическая история развития человечества — это история поиска форм наиболее эффективного разделения труда и интеграции усилий для достижения социально значимых целей. И современные глобальные процессы можно рассматривать в этом смысле лишь как «новую страницу» длинной летописи.

Признаками глобализации выступают ослабление национальных экономик, создание эффективно действующих транснациональных корпораций и усиление их влияния, формирование свободных торговых зон, беспрепятственное перемещение капиталов и тенденции к сближению культур.

Развитие человечества в целом осуществляется через симбиоз вышеуказанных разнородных сфер и направлений, внутри которых происходят специфические, взаимосвязанные глобальные процессы. Эти сферы и направления неравноценны, разнородны и находятся в определенной иерархии по отношению друг к другу.

Интернет стал источником новых моделей взаимодействия общества и государства и оказывает огромное влияние на особенности и тенденции развития массового поведения в политической, экономической и социальной сферах, что создает новые психологические ситуации, понимание которых позволяет объяснять современные социальные процессы.

Для более полного анализа психологических детерминант развития глобальных процессов последние были рассмотрены на трех относительно традиционных психологических уровнях — личностном, социальном и макропсихологическом.

Личностно-психологические особенности отражают специфику потребностей, мотивов, эмоций, личностных характеристик человека и его психологических ресурсов, способствующих как адаптации человека к происходящим изменениям, так и усилению глобальных процессов.

Развитие глобальных *групповых процессов* связано: а) с различными факторами, к которым можно отнести общие коллективные смыслы, исторические предпосылки и современные тенденции урбанизации (их можно рассматривать в одном из проявлений как отражения склонности людей к объединению в большие социальные общности), б) с пониманием социальных потребностей, присущих человеку: например, желания делиться с окружающими радостными событиями, и т. д.

Макропсихологические особенности глобальных процессов связаны с особенностями развития современного российского общества, которые затрагивают интересы практически каждого человека, группы и общества (патриотизм, менталитет, чувство собственности, роль семьи и др.).

Не менее значимо понять состояние и динамику глобальных процессов *в экономической сфере*. Здесь существенную поддержку может оказать дальнейшее обращение к исследованию избыточного неравенства доходов в современном обществе, к анализу социальной психологии российского предпринимательства, к выделению системы факторов экономического сознания населения в условиях вторичной экономической социализации личности и группы.

В современном мире неуклонно актуализируются проблемы *глобальных угроз* и *стратегий противодействия им*. Говоря об угрозах, невозможно переоценить значимость изучения глобальных геополитических рисков и социально-психологических проблем, связанных с потребностями ядерного сдерживания и стратегической стабильности цивилизации, с противостоянием Запада и России,

исследования социокультурных и социально-психологических детерминант этих явлений. Мы убедились также, что выделение социально-психологических стратегий противодействия глобальным угрозам не может быть свободно от нравственного развития, отражающего особенности российской культуры, и от принципов «морального универсализма», духовно-нравственных технологий противодействия глобальным манипуляциям в мировом информационном пространстве, не может в полной мере осуществиться без осознания места нравственной элиты в общественной жизни современной России и мирового сообщества.

В качестве определения перспектив дальнейшего развития темы глобальных процессов важно рассмотреть вопросы, связанные с пониманием универсальных психологических принципов регулирования, которые с наибольшей вероятностью будут интегрировать в себя содержание гуманистических концепций развития общества и концепций сотрудничества. Уже сейчас перед исследователями стоит большая совокупность вопросов, на которые сложно дать однозначные ответы. Эти ответы могут предоставить в дальнейшем прежде всего эмпирические исследования и анализ возможных точек практического приложения их результатов.

Психологические знания и технологии могут оказаться серьезным механизмом воздействия на сознание как отдельного человека, так и больших социальных общностей, что чрезвычайно актуализирует развитие позитивных и купирование негативных, с точки зрения правовой и этической позиций, психологических разработок. Выявление психологических основ развития глобальных процессов приобретает важную фундаментальную и прикладную, теоретическую и практическую, а также социальную значимость, ожидая и требуя обращения в первую очередь к исследованию *социально-психологических механизмов глобальных трансформаций*.

Современные концепции трансформации общества начали развиваться с эволюционных теорий, затем усилились научными представлениями о социальных изменениях, переросли в свое время в теории революций и т. д. Сейчас все чаще начинают говорить о теориях *социальных взрывов*, а «социальная революция» представляется уже излишне затяжным (в смысле реализации последствий) социальным процессом. «На бескрайних информационных просторах интернет-ресурсов можно найти массу работ, изобилующих терминами „динамика“, „сетевая война“, „нелинейность“, „синергетика“, „бифуркация“ и, конечно, „социальный взрыв“» (Чернявский, 2012, с. 2). Многие из этих терминов заимствованы из точных

наук — физики, химии, математики. «Социальный взрыв» является подходящим образным понятием для оценки социальной среды, так как речь идет о социальных процессах, которые происходят с очень большой скоростью.

Если продолжить эти традиции и говорить о социальных взрывах психологической этимологии, используя естественнонаучные термины, нам представляется наиболее показательным обращение к понятию сингулярности. Термин «сингулярность» заимствован у астрофизиков, которые используют его при описании космических черных дыр, а в некоторых теориях начала Вселенной — точки с бесконечно большой массой, температурой и нулевым объемом. По аналогии, в будущей «психологической теории социальных взрывов» («социальные взрывы» могут быть множественными, разнородными, разнонаправленными, с разными масштабами охвата, мощностью, амплитудой и скоростью распространения и др., это тема для отдельного анализа) было бы целесообразно говорить о психологических точках сингулярности, способных привести к масштабным социальным взрывам с необратимыми последствиями (желательно позитивными). Разобраться в такого рода «психологических точках сингулярности», которые пока никак себя не проявляют, но заключают в себе силу, способную привести при определенных условиях к достаточно быстрым, в том числе мгновенным, социальным изменениям разного масштаба, включая глобальный, — задача самого ближайшего будущего.

Литература

- Адорно Т.* Исследование авторитарной личности / Под общ. ред. В. П. Култыгина. М.: Серебряные нити, 2001.
- Айзинова И. М.* Социально-экономические аспекты проблемы обеспечения жильем населения России // Научные труды Института народнохозяйственного прогнозирования РАН. 2012. № 10. С. 344–369.
- Акопов Г. В., Рулина Т. К., Привалова В. М.* Менталистика как историко-психологическое направление науки // История отечественной и мировой психологической мысли: Постигая прошлое, понимать настоящее и предвидеть будущее: Материалы Международной конференции по истории психологии «IV московские встречи» (26–29 июня 2006 г.) / Отв. ред. А. Л. Журавлев, В. А. Кольцова, Ю. Н. Олейник. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2006. С. 453–455.
- Актуальные проблемы социальной психологии и психологии профессиональной деятельности: Коллективная монография / Под ред. Д. А. Китовой, О. И. Каяшевой. СПб.: НИЦ АРТ, 2015.
- Александров И. О.* Формирование структуры индивидуального знания. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2006.
- Александров Ю. И., Александрова Н. Л.* Субъективный опыт культуры и социальные представления. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009.
- Алехина И. В., Комиссарова Т. А., Кузьмичев А. Д.* и др. Национальная программа «Российская деловая культура». М.: Торгово-промышленная палата РФ, 1997.
- Аллахвердян А. Г., Мошкова Г. Ю., Юревич А. В., Ярошевский М. Г.* Психология науки. М.: Изд-во Московского психолого-социального ин-та, 1998.
- Алле М.* Экономика как наука. М.: Наука для общества, РГГУ, 1995.

- Алле М.* Глобализация: разрушение условий занятости и экономического роста. Эмпирическая очевидность. М.: ТЕИС, 2003.
- Анализ положения детей в РФ: Совместный доклад Независимого института социальной политики и Детского фонда ООН (ЮНИСЕФ). 2011. URL: <http://soprotivlenie.org/zakon/analiz-polozheniya-detej-v-rf> (дата обращения: 10.06.2017).
- Ананьев Б. Г.* Человек как предмет познания. Л.: ЛГУ, 1968.
- Андерсон Р., Шихирев П.* «Акулы» и «дельфины»: Психология и этика российско-американского делового партнерства. М.: Дело Лтд, 1994.
- Андреева Т. В.* Психология современной семьи. СПб.: Речь, 2005.
- Аргайл М.* Психология счастья. СПб.: Питер, 2003.
- Арджирис К.* Организационное научение. М.: Инфра-М, 2004.
- Ариели Д.* Поведенческая экономика. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2013.
- Арманд А. Д., Люри Д. И., Жерихин В. В.* и др. Анатомия кризисов. М.: Наука, 1999.
- Аронсон Э.* Эпоха пропаганды: Механизмы убеждения, повседневное использование и злоупотребление. СПб.: Прайм-Еврознак, 2003.
- Арсентьева И. И.* Глобализация и перспективы мирового развития // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. 2008. № 81. С. 7–15.
- Артёмьева Т. И.* Проблема менталитета русского народа в трудах И. А. Сикорского // История отечественной и мировой психологической мысли: Ценить прошлое, любить настоящее, верить в будущее: Материалы Международной конференции по истории психологии «IV Московские встречи» (26–29 июня 2006 г.) / Отв. ред. А. Л. Журавлев, В. А. Кольцова, Ю. Н. Олейник. М.: Изд-во «Институт психологии РАН». 2010. С. 298–305.
- Аршинов В. И., Горюхов В. Г.* Социальное измерение NBIC-междисциплинарности // Философские науки. 2010. № 6. С. 22–35.
- Ахмарова Г. С.* Истоки формирования купеческой ментальности // История отечественной и мировой психологической мысли: Постигаая прошлое, понимать настоящее и предвидеть будущее: Материалы Международной конференции по истории психологии «IV Московские встречи» (26–29 июня 2006 г.) / Отв. ред. А. Л. Журавлев, В. А. Кольцова, Ю. Н. Олейник. М.: Изд-во «Институт психологии РАН». 2006. С. 459–461.
- Балацкий Е. В., Саакянц К. М.* Индексы социального неравенства // Мониторинг общественного мнения. 2006. № 2. С. 122–128.
- Бандура А., Уолтерс Р.* Подростковая агрессия: Изучение влияния воспитания и семейных отношений. М.: Прогресс, 1999.

- Барабаничиков В. А., Журавлев А. Л., Кольцова В. А.* Системное исследование психического в работах Б. Ф. Ломова // Психологический журнал. 2007. Т. 28. № 3. С. 5–13.
- Барлыбаев Х. А.* Глобализация: вопросы теории и практики // Век глобализации. 2008. Вып. 2. С. 12–20.
- Барлыбаев Х. А.* Глобализация: от анализа вширь к исследованию вглубь // Век глобализации. 2016. № 1–2 (17–18). С. 58–69.
- Батчиков С. А., Жуковский В. С.* Очередная официальная попытка оправдания тупикового социально-экономического курса: (о правительственном отчете-2014) // Российский экономический журнал. 2015. № 2. С. 52–65.
- Бахтуридзе З.* Манипуляция массами в политическом процессе. URL: <http://vapp.ru/docs.massmani/31> (дата обращения: 15.10.2017).
- Донских Е.* Бедные дети: «АиФ» рассчитал «народную инфляцию» // Аргументы и факты. 2012. № 49. С. 19.
- Бедрицкий А. В.* Реализация концепции информационной войны военно-политическим руководством США на современном этапе: Дис. ... канд. политич. наук, 2007.
- Бек У.* Что такое глобализация? Ошибки глобализма – ответы на глобализацию. М.: Прогресс-Традиция, 2001.
- Бек У.* Космополитическое общество и его враги // Журнал социологии и социальной антропологии. 2003. № 3. С. 25–53.
- Бентам И.* Введение в основания нравственности и законодательства. М.: РОССПЭН, 1998.
- Бергер П., Лукман Т.* Социальное конструирование реальности: Трактат по социологии знания. М.: Медиум, 1995.
- Бердяев Н. А.* Душа России // Русская идея. М.: Республика, 1992. С. 295–312.
- Бережной Н. М.* Проблема человека в трудах К. Маркса. М.: Высшая школа, 1981.
- Березина Т. Н.* О вероятностном аспекте явлений прошлого и будущего // Философия и культура. 2010. № 11. С. 71–80.
- Березина Т. Н.* Время как вероятность // Мир психологии. 2011. № 3. С. 30–43.
- Березина Т. Н.* Вероятностные представления времени // Философские исследования. 2013. № 11. С. 50–80.
- Бестужев-Лада И. В., Наместникова Г. А.* Социальное прогнозирование: Курс лекций. М.: Педагогическое общество России, 2002.
- Бобков В. Н., Квачева В. Г., Щербакова О. И.* Нобелевский лауреат Ангус Дитон и развитие российской науки: Исследование уровня и качества жизни, методы оценки и измерения неравенства и беднос-

- ти // Уровень жизни населения регионов России. 2015. № 4. С. 7–26.
- Бовина И. Б.* Риск: социально-психологический взгляд // Психология и право. 2011. № 4. С. 1–10.
- Богатырь Н. В.* Современная технокультура сквозь призму отношений пользователей и технологий // Этнографическое обозрение. 2011. № 5. С. 30–39.
- Богатырь Н. В.* Роль пользовательских сообществ в создании и распространении технологических инноваций // Этнографическое обозрение. 2012. № 3. С. 88–104.
- Бодрийяр Ж.* Реквием по масс-медиа // Ж. Бодрийяр. Поэтика и политика. М., 1999. С. 193–226.
- Бодров В. А., Дикая Л. Г., Журавлев А. Л.* Психологическая адаптация к профессиональной деятельности: Основные направления и результаты современных исследований // Актуальные проблемы психологии труда, инженерной психологии и эргономики. Вып. 3. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012. С. 9–32.
- Бодров В. А., Журавлев А. Л.* Методологические принципы и результаты фундаментальных исследований профессиональной деятельности // Проблемы психологии и эргономики. 2003. Вып. 2 (23). С. 64–69.
- Бойков В. Э.* Социально-политические ценностные ориентации россиян: содержание и возможности реализации // Социс. 2010. № 6. С. 27–35.
- Большой энциклопедический словарь / Под ред. А. М. Прохорова. М.: Советская энциклопедия, 1990.
- Боммес М.* Международная миграция и дерегуляция коллективных форм социальной идентичности в национальных государствах. URL: http://www.cisr.ru/files/publ/Migr_Bommess.pdf. (дата обращения: 10.10.2017).
- Бондаренко Н. В., Ветров Ю. П., Куцетеров Р. М., Харитонов С. А.* История российского предпринимательства. Ставрополь: Кавказский край, 2001.
- Борисов В. А., Синельников А. Б.* Брачность и рождаемость в России: Демографический анализ. М.: Госкомстат России, 1995.
- Бредникова О., Кайзер М.* Транснационализм и транслокальность (комментарии к терминологии) // Миграция и национальное государство / Под ред. Т. Бараулиной, О. Карпенко. СПб.: ЦНСИ, 2004.
- Брик Л. В.* Анализ эффективности воздействия СМИ на формирование социально-позитивных ориентаций молодежи // Вестник МГТУ. 2008. Т. 11. № 1. С. 15–24.

- Брушлинский А. В.* Избранные психологические труды. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2006.
- Брушлинский А. В., Темнова Л. В.* Интеллектуальный потенциал личности и решение нравственных задач // Психология личности в условиях социальных изменений / Под ред. К. А. Абульхановой-Славской, М. И. Воловиковой. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 1993. С. 45–56.
- Буянова Ю. В.* История исследования понятия «менталитет» в зарубежной психологии // История отечественной и мировой психологической мысли: Постигая прошлое, понимать настоящее и предвидеть будущее: Материалы Международной конференции по истории психологии «IV московские встречи» (26–29 июня 2006 г.) / Отв. ред. А. Л. Журавлев, В. А. Кольцова, Ю. Н. Олейник. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2006. С. 168–171.
- Быховец Ю. В., Тарабрина Н. В.* Психологическая оценка переживания террористической угрозы. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2010.
- Бэрон Р., Ричардсон Д.* Агрессия. СПб.: Питер, 1997.
- Вавакина Т. С., Позняков В. П.* Образ делового партнера в представлениях российских предпринимателей // Знание. Понимание. Умение. 2013. № 2. С. 217–224.
- Вахин А. А., Журавлев А. Л.* Особенности исследования динамики социальной напряженности по материалам СМИ // Знание. Понимание. Умение. 2004. № 1. С. 101–108.
- Ващенко В. П.* Инновационная политика и проблемы развития национальной инновационной сферы // Наука. Инновации. Образование. М., 2006. С. 219–226.
- Веблен Т.* Теория праздного класса. М.: Прогресс, 1984.
- Вебер М.* Протестантская этика и дух капитализма: Избранные произведения. М.: Прогресс, 1991.
- Величковский Б. М.* Когнитивная наука: основы психологии познания: В 2 т. М.: Смысл; Академия, 2006.
- Верч Дж.* Коллективная память // Междисциплинарные исследования памяти / Под ред. А. Л. Журавлева, Н. Н. Корж. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009. С. 33–46.
- Вершинин М. С.* Политическая коммуникация в информационном обществе. СПб.: Изд-во В. А. Михайлова, 2001.
- Взаимоотношения исследовательской и практической психологии / Под ред. А. Л. Журавлева, А. В. Юревича. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2015.

- Видавски А., Дейк К.* Теории восприятия риска: кто боится, чего и почему? // Thesis. 1994. Вып. 5. С. 268–276.
- Винокуров М. А., Карнышев А. Д.* Введение в экономическую этнопсихологию: Учебное пособие. Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2007.
- Виртуальные надежды: состояние и перспективы политического Рунета // Polis. Политические исследования. URL: <http://www.politstudies.ru/fulltext/2002/1/5.htm> (дата обращения: 15.10.2017).
- Войскунский А. Е.* Пол. Гендер. Интернет // Вестник РГНФ. 2004. № 1. С. 169–178.
- Войскунский А. Е.* Психология и Интернет. М.: Акрополь, 2010.
- Волков Ю. И.* Глобальные риски XXI века // Проблемы анализа рисков. 2015. Т. 12. № 2. С. 6–20.
- Волкова Е. Н.* Проблемы изучения распространенности и выявления случаев насилия над детьми // Национальный психологический журнал. 2007. № 1 (2). Сентябрь. С. 44–47.
- Воловикова М. И.* Представления русских о нравственном идеале. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2004.
- Воловикова М. И.* Нравственная психология: задачи, методы и современное состояние // Проблемы нравственной и этической психологии в современной России. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2011. С. 21–39.
- Воловикова М. И.* Житейские представления о порядочном человеке. М.: Канон+, 2012.
- Воловикова М. И.* Психология масс в контексте праздничной культуры // Социальная и экономическая психология. 2016. Т. 1. № 3. С. 111–121. URL: <http://soc-econom-psychology.ru/engine/documents/document252.pdf> (дата обращения: 29.10.2017).
- Воловикова М. И., Борисова А. М.* Психолого-мировоззренческие функции праздника в российском обществе // Психологические проблемы современного российского общества / Отв. ред. А. Л. Журавлев, Е. А. Сергиенко. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012б. С. 105–124.
- Воловикова М. И., Гренкова Л. Л.* Современные представления о порядочном человеке // Российский менталитет: вопросы психологической теории и практики / Под ред. К. А. Абульхановой, А. В. Брушлинского, М. И. Воловиковой. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 1997. С. 93–111.
- Воловикова М. И., Дикевич Л. Л.* Динамика представлений русских о нравственном идеале // Проблемы нравственной и этической психологии в современной России. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2011. С. 298–318.

- Воловикова М. И., Журавлев А. Л.* Роль нравственной элиты в воспитании молодежи // Ресурсы развития социально-профессиональной траектории учащейся молодежи: Вызовы XXI века: Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Курск, 2015. С. 25–29.
- Воловикова М. И., Журавлев А. Л.* ИмPLICITные представления о признаках нравственной элиты // Психологический журнал. 2016. Т. 37. № 3. С. 50–59.
- Воловикова М. И., Журавлев А. Л., Сумарокова В. А.* Испытание страхом (Чернобыль в судьбе человека) // Сознание личности в кризисном обществе / Под ред. К. А. Абульхановой-Славской, А. В. Брушлинского, М. И. Воловиковой. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 1995. С. 95–108.
- Воловикова М. И., Комарова М. Н.* Нравственные представления современной российской элиты // Прикладная юридическая психология. 2015. № 2. С. 176–184.
- Воловикова М. И., Мустафина Л. Ш.* Представления о совести в российском менталитете. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016.
- Воловикова М. И., Тихомирова С. В., Борисова А. М.* Психология и праздник. М.: Пер Сэ, 2003.
- Володихин Д.* Требуется осечка...: Ближайшее будущее России в литературной фантастике // Социальная реальность. 2007. № 1. С. 79–93.
- Воробьев Ю. Л., Малинецкий Г. Г., Махутов Н. А.* Управление риском и устойчивое развитие: Человеческое измерение // Общественные науки и современность. 2000. № 6. С. 150–162.
- Воронин Г. Л.* Объективные и субъективные показатели общественного благополучия // Социологический журнал. 2009. № 3. С. 41–54.
- Всемирная история: В 10 т. Т. 7 / Отв. ред. А. А. Губер, М. Я. Гефтер, А. С. Ерусалимский, Л. М. Иванов. М.: Социально-экономическая литература, 1960.
- Вундт В.* Проблемы психологии народов // Преступная толпа. М.: Изд-во «Институт психологии РАН»–КСП+, 1998. С. 201–231.
- Вяльцев С. В.* Национальный менталитет как предмет этнопсихологического исследования // Объединенный научный журнал. 2004. № 4. С. 21–22.
- Гаврилов К. А.* Социология восприятия риска: Опыт реконструкции ключевых подходов. М.: ИС РАН, 2009.
- Гайда Ф.* «Интеллигенция»: чем гордиться? // Православие.ru: Интернет-журнал. 2011. 23 июня. URL: <http://www.pravoslavie.ru/jurnal/47186.htm> (дата обращения: 24.10.2017).

- Гайдар Е. Т.* Гибель империи: Уроки для современной России. М.: Российская политическая энциклопедия, 2006.
- Галкина Т. В., Журавлев А. Л.* К вопросу о психологическом механизме творчества и поведения: анализ и развитие концепции Я. А. Пономарева // Человеческий фактор: проблемы психологии и эргономики. 2016. № 1 (77). С. 21–26.
- Гальперин П. Я.* Методы обучения и умственное развитие ребенка. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1985.
- Гаранина О. Д.* Социальные фобии миллениума: наука в образе Франкенштейна // Научный вестник МГТУ ГА. 2012. № 182. С. 40–45.
- Гареев М. А.* Великая победа и современные интересы международной безопасности // Военно-исторический журнал. 2014. № 9. С. 30–34.
- Гареев М. А.* Священный долг нашей памяти // Национальные интересы. 2010. № 30 (7). С. 2–6.
- Гидденс Э.* Судьба, риск и безопасность // Thesis. 1994. № 5. С. 107–134.
- Гинс Г. К.* Предприниматель. М.: Посев, 1992.
- Глазьев С. Ю.* Последняя мировая война: США начинают и проигрывают. М.: Книжный мир, 2016.
- Глобальное сообщество: новая система координат (подходы к проблеме). СПб., 2000. С. 55.
- Глуценко Г.* Транснационализм мигрантов и перспективы глобального развития // Мировая экономика и международные отношения. 2005. № 12. С. 73–79.
- Головин Н. А.* Теоретико-методологические основы исследования политической социализации. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2004.
- Горшков М. К.* Фобии, угрозы, страхи: социально-психологическое состояние российского общества // Социс. 2009. № 7. С. 26–32.
- Горшков М. К., Крумм Р., Тихонова Н. Е.* и др. О чем мечтают россияне: идеал и реальность / Под ред. М. К. Горшкова, Р. Крумма, Н. Е. Тихоновой. М.: Весь мир, 2013.
- Горшков М. К., Петухов В. В., Крумм Р.* Россия на новом переломе: страхи и тревоги / Под ред. М. К. Горшкова, Р. Крумма, В. В. Петухова. М.: Альфа-М, 2009.
- Горшков М. К., Шереги Ф. Э.* О жизненных планах российской молодежи: настоящее и будущее // Россия и Китай: Молодежь XXI века / Отв. ред. М. К. Горшков, Ли Чунлинь, З. Т. Голенкова, П. М. Козырева. М.: Новый хронограф, 2014. С. 384–404.
- Гостев А. А.* Психология вторичного образа. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2007.
- Гостев А. А.* Проблема российского менталитета в свете отечественной православно-христианской традиции // История отечест-

- венной и мировой психологической мысли: Ценить прошлое, любить настоящее, верить в будущее: Материалы Международной конференции по истории психологии «IV московские встречи» (26–29 июня 2006 г.) / Отв. ред. А. Л. Журавлев, В. А. Кольцова, Ю. Н. Олейник. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2010. С. 22–32.
- Гостев А. А.* Манипулирование внутренним миром личности: духовно-нравственный аспект (на примере экранных образов) // Психологическое воздействие в межличностной и массовой коммуникации. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2014. С. 54–75.
- Гостев А. А.* Влияние православно-христианской традиции на российский менталитет как проблема исторической психологии // Историкогенез и современное состояние российского менталитета / Отв. ред. В. А. Кольцова, Е. В. Харитонова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2015. С. 25–47.
- Гостев А. А.* Глобальная психоманипуляция: психологические и духовно-нравственные аспекты. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2017.
- Гостев А. А., Борисова Н. В.* Психологические идеи в творческом наследии И. А. Ильина: на путях создания психологии духовно-нравственной сферы человеческого бытия. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012.
- Гостев А. А., Соснин В. А., Степанов Е. И.* На путях становления отечественной конфликтологии // Психологический журнал. 1996. Т. 17. № 2. С. 110–128.
- Градосельская Г. В.* Субъективные и объективные оценки благосостояния // Социологический журнал. 2003. № 3. С. 86–98.
- Грачев А. А.* Жизненные ориентации как детерминанты жизнедеятельности // Психологические проблемы самореализации личности / Под ред. А. А. Крылова, Л. А. Коростылевой. СПб.: Институт практической психологии, 1999.
- Грачев А. А.* Психологическое проектирование вуза как социальной организации // Известия РГПУ им. А. И. Герцена, 2002. С. 5–16.
- Грачев А. А.* Психологическое проектирование производственной организации. СПб.: Институт практической психологии, 2008.
- Грачева Т. В.* Память русской души. Рязань: Зерна-Слово, 2011.
- Гребенников И. В.* Основы семейной жизни. М.: Просвещение, 1991.
- Гребенищикова Е. Г.* Биоэтические измерения технотнауки: «Стадия-Два» и становление гибридных интерфейсов // Гуманитарные научные исследования. 2011. № 4. URL: <http://human.snauka.ru/2011/12/329> (дата обращения: 13.10.2017).

- Гребенищикова Т. А., Павлова Н. Д., Афиногенова В. А.* Модификация интенционального пространства в постсобытийном интернет-дискурсе // Психология дискурса: проблемы детерминации, воздействия, безопасности / Под. ред. А. Л. Журавлева, Н. Д. Павловой, И. А. Зачесовой. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016. С. 201–219.
- Гриженко Е. М.* Психология: Учебник / Под ред. А. А. Крылова. М.: ПБОЮЛ Е. М. Гриженко, 2000.
- Грицай Л. А.* Материнство и наука: к вопросу о родительских установках современных российских женщин-ученых // Социология науки и технологий. 2011. Т. 2. № 4. С. 99–104.
- Гудков Л.* Идеологема «врага»: «Враги» как массовый синдром и механизм социокультурной интеграции // Образ врага / Сост. Л. Гудков; ред. Н. Конрадова. М.: ОГИ, 2005. С. 7–79.
- Гудков Л.* Понятие времени в социологии и временные характеристики социальных структур в социологических исследованиях // Пути России. Будущее как культура: Прогнозы, репрезентации, сценарии. Т. XVII. М.: Новое литературное обозрение, 2011. С. 31–69.
- Гулевич О. А.* Социальная психология справедливости. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2011.
- Гумилёв Л. Н.* Древняя Русь и Великая степь. М., 1998.
- Гуремина Н. В.* Оценка личностных качеств современного российского предпринимателя // Международный журнал экспериментального образования. 2014. № 5 (2). С. 65–67.
- Гусев А. Б.* Оценка факторов, препятствующих инновационному развитию России // Наука. Инновации. Образование. 2007. № 2. С. 233–239.
- Гусельцева М. С., Кончаловская М. М., Марцинковская Т. Д., Уварина Е. Ю.* Структура и содержание идентичности российской интеллигенции. М.: Нестор-История, 2012.
- Данилевский Н. Я.* Россия и Европа. М.: Книга, 1991.
- Данлэп Р. И.* Обыденное восприятие глобального риска // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 11: Социология: Реферативный журнал. 2001. № 2. С. 52–57.
- Дейнека О. С.* Экономическая психология. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2000.
- Делягин М.* Падение в смуту: опасения и надежды // Наш современник. 2013. № 6. С. 190–219.
- Делягин М. Г.* Светочи тьмы. Физиология либерального клана: от Гайдара и Березовского до Собчак и Навального. М.: Книжный мир, 2016.
- Демократия: развитие российской модели. М.: Экон-Информ, 2008.

- Десятов И. В., Малинецкий Г. Г., Маненков С. К., Митин Н. А., Отоцкий П. Л., Ткачев В. Н., Шишов В. В.* Когнитивные центры как информационные системы для стратегического прогнозирования // Информационные технологии и вычислительные системы. 2011. № 1. С. 65–81.
- Джидарьян И. А.* Психология счастья и оптимизма. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2013.
- Дзарасов Р. С.* Экономика «насаждения отсталости»: к реальным причинам реформы РАН // Вестник РАН. 2014. Т. 84. № 4. С. 291–303.
- Динамика социально-психологических явлений в изменяющемся обществе / Отв. ред. А. Л. Журавлев. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 1996.
- Дмитриев А. В.* Скандал: исследовательские задачи // Скандал как форма коммуникации. М.: Изд-во СГУ, 2012.
- Доверие и недоверие в условиях развития гражданского общества / Отв. ред. А. Б. Купрейченко, И. В. Мерсиянова. М.: Изд-во НИУ ВШЭ, 2013.
- Доклад о развитии человека 2007/2008. Опубликовано для Программы развития ООН (ПРООН). Пер. с англ. М.: Весь мир, 2009. URL: <https://www.vesmirbooks.ru/books/reports/hdr> (дата обращения: 12.06.2017).
- Доклад о развитии человека 2013. Опубликовано для Программы развития ООН (ПРООН). Пер. с англ. М., 2013. URL: <https://www.vesmirbooks.ru/books/reports/hdr> (дата обращения 11.0.2017).
- Доклад о развитии человеческого потенциала в Российской Федерации 2010. Цели развития тысячелетия в России: взгляд в будущее. М., 2010. URL: <https://www.vesmirbooks.ru/books/reports/hdr> (дата обращения: 19.08.2017).
- К Дондурей Д.* Без модернизации массового сознания любые социально-экономические преобразования обречены // Мир перемен. 2007. № 2. С. 70–85.
- Донцов А. И., Стефаненко Т. Г., Уталиева Ж. Т.* Язык как фактор этнической идентичности // Вопросы психологии. 1997. № 4. С. 75–86.
- Достоевский Ф. М.* Собрание сочинений: В 10 т. Т. 9. М.: Гос. изд-во худож. лит., 1958.
- Достоевский Ф. М.* Дневник писателя за 1880 г. // Русская идея: Сборник произведений русских мыслителей. М.: Айрис-пресс, 2002. С. 318–351.
- Доценко Е. Л.* Психология манипуляции: Феномены, механизмы и защита. М.: ЧеРо–Юрайт, 2003.

- Дробышева Т. В.* Динамика ценностных ориентаций личности в условиях раннего экономического образования: Дис. ... канд. психол. наук. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2002.
- Дробышева Т. В.* Развитие идеи Б. Ф. Ломова о системной детерминации психики в социально-психологическом исследовании // Развитие психологии в системе комплексного человекознания / Материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 40-летию Института психологии и 85-летию его основателя Б. Ф. Ломова. Часть 1. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012. С. 26–35.
- Дробышева Т. В.* Факторы и механизмы экономической социализации личности в группах работающих и неработающих пенсионеров // Наука. Культура. Общество. 2015. № 4. С. 115–129.
- Дробышева Т. В.* Экономическая социализация личности: ценностный подход. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2013.
- Дробышева Т. В., Журавлев А. Л.* Влияние экономического образования на ценностные ориентации личности младших школьников // Психология совместной жизнедеятельности малых групп и организаций. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2001. С. 95–120.
- Дубин Б.* Координата будущего в общественном мнении России // Пути России. Будущее как культура: Прогнозы, репрезентации, сценарии. Т. XVII. М.: Новое литературное обозрение, 2011. С. 500–513.
- Дубов И. Г.* Феномен менталитета: психологический анализ // Вопросы психологии. 1993. № 5. С. 20–29.
- Душацкий Л. Е.* Ценностно-мотивационные доминанты российских предпринимателей // Социологические исследования. 1999. № 7. С. 91–95.
- Евсина О. В.* Качество жизни в медицине – важный показатель состояния здоровья пациента (обзор литературы) // Личность в меняющемся мире: здоровье, адаптация, развитие. 2013. № 1. С. 3–15.
- Елецкая М. А.* Отношение современных россиян к богатству и бедности // Социологический журнал. 2009. № 2. С. 82–96.
- Емельянова Т. П.* Культурная травма: социально-психологические аспекты // Материалы итоговой научной конференции института психологии РАН 14–15.02.2008. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2008. С. 75–85.
- Емельянова Т. П.* Социальные представления и символический коупинг в условиях культурной травмы // Макропсихология современности. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012. С. 103–110.

- менного российского общества. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009. С. 85–136.
- Емельянова Т. П.* Социальные представления: История, теория и эмпирические исследования. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016а.
- Емельянова Т. П.* Феномен коллективных чувств в психологии больших социальных групп / Институт психологии РАН. Социальная и экономическая психология. 2016б. Т. 1. № 1. С. 3–22. URL: <http://soc-econopsychology.ru/engine/documents/document195.pdf> (дата обращения: 16.10.2017).
- Емельянова Т. П., Дробышева Т. В.* Ценностные ориентации как фактор социальных представлений о бедности в группах малообеспеченных россиян // Человек, субъект, личность в современной психологии. Материалы Международной научной конференции. Том 3. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2013а. С. 244–247.
- Емельянова Т. П., Дробышева Т. В.* Динамика представлений об экономическом благосостоянии у работающих взрослых в условиях до и поствыборной ситуации в России // Знание. Понимание. Умение. 2013б. № 3. С. 74–80.
- Емельянова Т. П., Дробышева Т. В.* Образ будущего благосостояния в обыденном сознании россиян // Психологический журнал. 2013в. Т. 34. № 5. С. 16–32.
- Емельянова Т. П., Дробышева Т. В.* Структурно-функциональный подход к анализу социальных представлений о бедности на примере работников бюджетной сферы // Знание. Понимание. Умение. 2015. № 3. С. 250–263.
- Емельянова Т. П., Журавлев А. Л.* Психология больших социальных групп как коллективных субъектов // Психологический журнал. 2009. Т. 30. № 3. С. 5–15.
- Ениколопов С. Н.* Враждебность в клинической и криминальной психологии // Национальный психологический журнал. 2007. № 1 (2). Сентябрь. С. 33–39.
- Ефремов Ю. Н., Полищук Р. Ф.* Государство и лженаука // В защиту науки. Бюллетень. Вып. 1. М., 2006. С. 105–110.
- Жизненные силы человека: социальная метатеория или виталистская социологическая парадигма? / Под ред. С. И. Григорьева, Л. Д. Деминой. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2000.
- Журавлев А. Л.* Психологические особенности коллективного субъекта // Проблема субъекта в психологической науке / Под ред. А. В. Брушлинского, М. И. Володиковой, В. Н. Дружинина. М.: Академический проект, 2000. С. 133–150.

- Журавлев А. Л., Купрейченко А. Б.* Нравственно-психологическая регуляция экономической активности. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2003.
- Журавлев А. Л., Купрейченко А. Б.* Роль нравственной элиты в российском обществе: постановка проблемы и возможности исследования // Психологический журнал. 2010а. Т. 31. № 2. С. 5–19.
- Журавлев А. Л., Купрейченко А. Б.* Нравственная элита в российском обществе: основные признаки и функции // Наука. Культура. Общество. 2010б. № 2. С. 42–49.
- Журавлев А. Л., Купрейченко А. Б.* Нравственная элита в российском обществе: концептуальные основы психологического исследования // Вестник практической психологии образования. 2010в. № 3 (23). С. 28–34.
- Журавлев А. Л., Купрейченко А. Б.* Социально-психологическое пространство личности. М: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012.
- Журавлев А. Л., Нестик Т. А.* Организация обучающего взаимодействия инструкторов и операторов // Человеческий фактор: проблемы психологии и эргономики. 2008. № 2. С. 9–14.
- Журавлев А. Л., Нестик Т. А.* Психология управления совместной деятельностью: Новые направления исследований. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2010а.
- Журавлев А. Л., Нестик Т. А.* Управление совместной деятельностью в условиях неопределенности // Социальная психология труда: Теория и практика. Т. 2. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2010б. С. 91–114.
- Журавлев А. Л., Нестик Т. А., Никитенко И. В.* Знания и социальные представления о них у сотрудников организации // Социальные представления и самоопределение молодежи в изменяющемся мире: Материалы международной научной конференции (Саратов, 23–24 октября 2009 г.). Ч. 1. Саратов: ООО «Приволжское издательство», 2009. С. 220–226.
- Журавлев А. Л., Нестик Т. А., Соснин В. А.* Проблема психологических технологий в современной России // Вызовы эпохи в аспекте психологической и психотерапевтической науки и практики: Материалы V международной научно-практической конференции. Казань, 2011а. С. 158–163.
- Журавлев А. Л., Нестик Т. А., Соснин В. А.* Психологические аспекты стратегической стабильности и ядерного сдерживания // Психологический журнал. 2011б. Т. 32. № 2. С. 5–24.
- Журавлев А. Л., Нестик Т. А., Соснин В. А.* Социально-психологические аспекты стратегической стабильности и ядерного сдерживания

- в современном мире: постановка проблемы и практика исследований // Знание. Понимание. Умение. 2012. № 3. С. 116–123.
- Журавлев А. Л.* Социально-психологическая зрелость: обоснование понятия // Психологический журнал. 2007. Т. 28. № 2. С. 44–54.
- Журавлев А. Л.* Актуальные проблемы социально ориентированных отраслей психологии. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2011.
- Журавлев А. Л.* Большие социальные группы как субъекты: возможности исследования // Личность и бытие: субъектный подход. Материалы научной конференции. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2008. С. 312–315.
- Журавлев А. Л.* Коллективный субъект: основные признаки, уровни и психологические типы // Психологический журнал. 2009. Т. 30. № 5. С. 72–80.
- Журавлев А. Л.* Коммуникативные качества личности руководителя и эффективность руководства коллективом // Психологический журнал. 1983. Т. 4. № 1. С. 57–67.
- Журавлев А. Л.* Основные тенденции развития психологических исследований в Институте психологии РАН // Психологический журнал. 2007б. Т. 28. № 6. С. 5–18.
- Журавлев А. Л.* Психологические особенности коллективного субъекта // Проблема субъекта в психологической науке / Под ред. А. В. Брушлинского, М. И. Володиковой, В. Н. Дружинина. М.: Академический проект, 2000. С. 133–150.
- Журавлев А. Л.* Психологические факторы физического и психического здоровья человека (по материалам исследований ИП РАН) // Психологический журнал. 2004. Т. 25. № 3. С. 107–117.
- Журавлев А. Л.* Психология коллективного субъекта // Психология индивидуального и группового субъекта / Под ред. А. В. Брушлинского, М. И. Володиковой. М.: Per Se, 2002. С. 51–81.
- Журавлев А. Л.* Психология человека и экономические реформы // Человек и труд. 1991. № 1. С. 53–64.
- Журавлев А. Л.* Региональные особенности доверия предпринимателей к разным видам организаций / Социально-психологические проблемы ментальности: Материалы III Международной научной конференции. Смоленск, 1998. С. 314–317.
- Журавлев А. Л.* Социально-психологический анализ исполнительной деятельности // Психологический журнал. 2007а. Т. 28. № 1. С. 6–16.
- Журавлев А. Л., Дробышева Т. В.* Ценностные ориентации формирующейся личности в разные периоды развития российского общества // Психологический журнал. 2010. Т. 31. № 5. С. 5–16.

- Журавлев А. Л., Дробышева Т. В.* Экономическая социализация формирующейся личности: теоретическая модель и экспериментальное исследование (на примере ценностных ориентаций личности) // Психологический журнал. 2011. Т. 32. № 2. С. 59–81.
- Журавлев А. Л., Емельянова Т. П.* Психология больших социальных групп как коллективных субъектов // Психологический журнал. 2009. Т. 30. № 3. С. 5–15.
- Журавлев А. Л., Журавлева Н. А.* Программа социально-психологического исследования экономического сознания личности // Современная психология: состояние и перспективы исследований. Ч. 5. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2002. С. 11–41.
- Журавлев А. Л., Кольцова В. А., Королев А. А., Луков В. А., Журавлев В. В., Мухамеджанов М. М., Воскобойников А. Э.* Историческая психология: предмет, структура и методы / Под ред. А. А. Королева. М.: МосГУ, 2004.
- Журавлев А. Л., Нестик Т. А.* Групповая рефлексивность: основные подходы и перспективы развития // Психологический журнал. 2012. Т. 33. № 4. С. 27–37.
- Журавлев А. Л., Нестик Т. А.* Психологические особенности глобальных рисков и отношение к ним в обществе // Психология отношения человека к жизнедеятельности: проблемы и перспективы: Тезисы докладов международной научно-практической конференции. Владимир: ВлГУ–ООО «Транзит-ИКС», 2016а. С. 12–17.
- Журавлев А. Л., Нестик Т. А.* Психологические особенности коллективного творчества в сетевых сообществах // Психологический журнал. 2016б. Т. 37. № 2. С. 19–28.
- Журавлев А. Л., Нестик Т. А., Соснин В. А.* Проблема психологических технологий в современной психологии // Вызовы эпохи в аспекте психологической и психотерапевтической науки и практики: Материалы международной научно-практической конференции / Под ред. С. В. Петрушина. Казань: Отечество, 2011а. С. 158–163.
- Журавлев А. Л., Нестик Т. А., Соснин В. А.* Психологические аспекты стратегической стабильности и ядерного сдерживания // Психологический журнал. 2011б. Т. 32. № 2. С. 5–24.
- Журавлев А. Л., Нестик Т. А., Соснин В. А.* Социально-психологические аспекты психологической стабильности и ядерного сдерживания в XXI веке. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016.
- Журавлев А. Л., Позняков В. П.* Динамика межгрупповых отношений в условиях изменения форм собственности // Психологический журнал. 1992. Т. 13. № 4. С. 24–32.

- Журавлев А. Л., Позняков В. П.* Социально-психологические трудности становления малого бизнеса в России (анализ группового мнения предпринимателей) // Психологический журнал. 1993. Т. 14. № 6. С. 23–34.
- Журавлев А. Л., Позняков В. П.* Деловая активность предпринимателей: методы оценки и воздействия. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 1995.
- Журавлев А. Л., Позняков В. П.* Программа социально-психологического исследования российских предпринимателей // Современная психология: состояние и перспективы исследований. Юбилейная научная конференция. Часть 5. Программы и методики психологического исследования личности и группы. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2002. С. 90–110.
- Журавлев А. Л., Позняков В. П.* Экономическая психология: теоретические проблемы и направления эмпирических исследований // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2004. Т. 1. № 3. С. 46–64.
- Журавлев А. Л., Позняков В. П.* Социальная психология российского предпринимательства: Концепция психологических отношений. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012.
- Журавлев А. Л., Позняков В. П., Дорофеев Е. Д.* Социально-психологические факторы деловой активности и успешность деятельности предпринимателей // Социально-психологические исследования руководства и предпринимательства / Отв. ред. А. Л. Журавлев, Е. В. Шорохова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 1999. С. 44–67.
- Журавлев А. Л., Позняков В. П., Титова О. И.* Гендерные особенности конкуренции и партнерства // Наука. Культура. Общество. 2008. № 4. С. 102–115.
- Журавлев А. Л., Соснин В. А.* Психология массового поведения: истоки и современные тенденции // Знание. Понимание. Умение. 2014. № 1. С. 49–61.
- Журавлев А. Л., Соснин В. А., Красников М. А.* Социальная психология: Учебное пособие. М.: Форум, 2014.
- Журавлев А. Л., Юревич А. В.* Коллективные смыслы как предпосылка личного счастья // Психологический журнал. 2014. Т. 35. № 1. С. 5–15.
- Журавлев А. Л., Юревич А. В.* Психологические аспекты поиска российской национальной идеи // Вопросы философии. 2016. № 8. С. 69–78.

- Журавлева Н. А.* Динамика ценностных ориентаций личности в российском обществе. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2006.
- Журавлева Н. А.* Ценностные ориентации предпринимателей в изменяющемся российском обществе // Вестник РУДН. Психология и педагогика. 2008. № 1. С. 46–49.
- Журавлева Н. А.* Ценностные ориентации личности в современном российском обществе // Современная личность: Психологические исследования. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012. С. 200–228.
- Журавлева Н. А.* Психология социальных изменений: ценностный подход. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2013.
- Журавлева Н. А., Журавлев А. Л.* Динамика экономического сознания российских предпринимателей в 90-е годы XX века // Современные проблемы психологии управления. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2002. С. 122–144.
- Журавлева Н. А., Журавлев А. Л.* Новые тенденции в ценностных ориентациях личности в современном российском обществе // Вестник РУДН. Психология и педагогика. 2004. № 2. С. 20–39.
- Зараковский Г. М.* Качество жизни населения России: психологические составляющие. М.: Смысл, 2009.
- Зарубина Н. Н.* Научные знания как детерминанты трансформации практик питания // Вестник МГИМО. 2015. № 3 (42). С. 264–266.
- Зимбардо Ф.* Эффект Люцифера. Почему хорошие люди превращаются в злодеев. М.: Альпина нон-фикшн, 2014.
- Зинченко В. П.* Большой психологический словарь. М.: Машиностроение, 2009.
- Зинченко Ю. П., Журавлев А. Л., Ковалева Ю. В., Сергиенко Е. А.* V Съезд Российского психологического общества // Психологический журнал. 2012. Т. 33. № 5. С. 82–91.
- Зомбарт В.* Современный капитализм: В 2 т. Т. 1. М., 1903.
- Зубец А. Н., Тарба И. В.* Качество жизни в России // Финансы. 2013. № 12. С. 68–70.
- Иваненко Т. А.* Некоторые аспекты информированности граждан о продуктах, полученных из генномодифицированных организмов // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. «Естественно-математические и технические науки». 2011. № 4. С. 138–144.
- Извольский А.* Три истошных вопля паникера: почему мы не готовы к большой войне // Завтра. 2015. № 48.

- Ильин В. А.* Частные капиталы и национальные интересы // Вестник РАН. 2013. Т. 83. № 7. С. 579–586.
- Ильин Е. П.* Мотивация и мотивы. СПб.: Питер, 2000.
- Ильин И. А.* Путь духовного обновления. М.: Русская книга – XXI век, 2006.
- Ильин И. А.* О частной собственности // Русская философия собственности (XVII–XX вв.). СПб.: СП «Ганза», 2013.
- Ильин И.* О Русской идее. 2015. URL: <https://omiliya.org/article/o-russkoi-idee-ivan-ilin> (дата обращения: 12.11.2017).
- Иноземцев В.* О невозможности модернизации России // Российская модернизация: размышляя о самобытности: Сб. статей / Под ред. Э. А. Паина, О. Д. Волкогоновой. М.: Три квадрата, 2008. С. 12–19.
- Институциональная экономика отвергает рыночный фундаментализм: Обсуждение научного сообщения / Материалы подгот. Г. В. Чуба // Вестник РАН. 2013. Т. 83. № 8. С. 681–684.
- Интеллект, творчество и формирование личности в современном обществе: Сборник трудов Всероссийской школы молодых ученых / Науч. ред. А. Л. Журавлев, Т. Н. Ушакова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2010.
- Историогенез и современное состояние российского менталитета. Вып. 2. М.: «Институт психологии РАН», 2016.
- Кролев А. А.* Историческая психология: предмет, структура и методы // Вестник РУДН. Сер. «Психология и педагогика». 2008. № 2. С. 7–13.
- Кабанес О., Насс Л. Р.* Революционный невроз. М.: Изд-во «Институт психологии РАН»–КСП+, 1998.
- Кант И.* Критика чистого разума. М.: Эксмо, 2006.
- Капица С.* Мировой демографический кризис // Мир перемен. 2007. № 1. С. 145–161.
- Капица С. П.* Науке мешают откаты // В защиту науки. Бюллетень. Вып. 7. М., 2010. С. 60–64.
- Кара-Мурза С. Г.* Манипуляция сознанием. М.: Алгоритм, 2000.
- Кара-Мурза С. Г.* Императив перехода к инновационному развитию России: состояние на старте // Наука. Инновации. Образование. М., 2007. С. 214–232.
- Кара-Мурза С. Г.* Приватизация промышленности: результаты и отношение населения / Наука. Культура. Общество. 2013. № 2–3. С. 93–132.
- Караяяна А. Г., Сыромятников И. В.* Психологические операции противника и организация противодействия им. СПб.: Питер, 2006.

- Карнышев А. Д., Бурменко Т. Д., Иванова Е. А.* Человек и собственность: Учебное пособие. Иркутск: БГУЭП, 2006.
- Касюк А. Я., Манохин И. В., Харичкин И. К.* Глобализация и новый мировой порядок // Вестник МГЛУ. 2016. Вып. 10 (749). С. 167–181.
- Кейнс Д. М.* Антология экономической классики. В 2 т. Т. 2. М.: Эконом, 1993.
- Кейнс Дж. М.* Общая теория занятости, процента и денег. М.: Гелиос АРВ, 1999.
- Кирилл*, Святейший Патриарх. Русский народ – главный творец нашей цивилизации (из выступления Патриарха Московского и всея Руси Кирилла на XVII Всемирном русском народном соборе) // Завтра. 2013. Ноябрь. № 45.
- Китов А. И.* Экономическая психология. М.: Экономика, 1987.
- Китов А. И.* Личность и перестройка: заметки психолога. М.: Профиздат, 1990.
- Китова Д. А.* Формирование психологической готовности к предпринимательской деятельности // Тенденции развития современной психологической науки: Тезисы юбилейной конференции. Часть 2 / Отв. ред. А. Л. Журавлев, В. А. Кольцова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2007. С. 58–72.
- Китова Д. А., Агирбова Д. М., Хатуева С. Т., Балова Д. Ю.* Психологическая готовность молодежи к управлению семейной экономикой. Карачаевск: Изд-во КЧГУ, 2010.
- Китова Д. А., Балова Д. Ю.* Психологические особенности представлений студентов о создании семьи // Прикладная психология и психоанализ. 2011. № 1. URL: <http://ppip.idnk.ru> (дата обращения: 9.10.2017).
- Китова Д. А., Гараганов А. В.* Методологические принципы исследования потребностей как основы социальной активности личности // Вестник УРАО. 2016. № 2. С. 104–107.
- Китова Д. А., Токов Р. Х.* История становления и развития предпринимательства в России. Глава монографии «Актуальные психологические проблемы развития личности в процессе профессиональной подготовки». Черкесск: СевКавГГТА, 2013.
- Китова Д. А., Ханова З. Г.* Психологические особенности представлений студентов о предпринимательской деятельности // Международная научно-практическая конференция «Экономическая психология в современном мире», посвященная памяти основателя российской экономической психологии А. И. Китова. URL: <http://epsy.fa.ru/search> (дата обращения: 12.07.2017).

- Клаттербак Д.* Командный коучинг на рабочем месте: Технология создания самообучающейся организации. М.: Эксмо, 2008.
- Климов И. А.* Социальная мобилизация – морфогенез структуры и действия // Россия: трансформирующееся общество. М.: Канон-Пресс-Ц, 2001. С. 328–336.
- Климов И.* О хамстве и хамах // Социальная реальность. 2006. № 7–8. С. 77.
- Ключевский В. О.* Русская история: Полный курс лекций. М.: Мысль, 1993.
- Ключников Б.* Интернационал национал-патриотов // Наш современник. 2013. № 1. С. 102–136.
- Князев Ю.* Нужна ли России государственная идеология? // Мир перемен. 2014. № 2. С. 106–116.
- Ковалева Ю. В., Соснин В. А.* Психоисторическое противостояние Запада и России в XXI веке: социокультурные и социально-психологические детерминанты // Институт психологии РАН. Социальная и экономическая психология. 2017. Т. 2. № 1. С. 119–142.
- Козырева П. М., Герасимова С. Б., Киселева И. П., Низамова А. Э.* Динамика социального самочувствия россиян // Россия: трансформирующееся общество. М.: Канон-Пресс-Ц, 2001. С. 243–255.
- Колеман Д.* Комитет 300. Тайны мирового правительства. М.: Витязь, 2003.
- Коллонтай В. М.* Эволюция западных концепций глобализации // Мировая экономика и международные отношения. 2002. № 1. С. 24–30.
- Кольцова В. А.* Психологические предпосылки революционных преобразований общественной жизни // История отечественной и мировой психологической мысли: судьбы ученых, динамика идей, содержание концепций: Материалы всероссийской конференции по истории психологии «VI Московские встречи» (30 июня–2 июля 2016 г.) / Отв. ред. А. Л. Журавлев, В. А. Кольцова, Ю. Н. Олейник. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016.
- Кольцова В. А., Журавлев А. Л.* Введение: Уникальность научного подхода Б. Г. Ананьева // Методология комплексного человекознания и современная психология. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2008. С. 9–13.
- Кольцова В. А., Журавлев А. Л.* К 40-летию ИП РАН и 85-летию со дня рождения Б. Ф. Ломова // Психологический журнал. 2012. Т. 33. № 1. С. 4–6.
- Кольцова В. А., Соснин В. А.* Социально-психологические проблемы патриотизма и особенности его воспитания в современном рос-

- сийском обществе // Психологический журнал. 2005. Т. 26. № 4. С. 89–97.
- Кондратьев М. Ю., Ильин В. А.* Проблема интрагруппового структурирования в контексте задач реализации форсайт-проектов // Мир образования – образование в мире. 2013. № 1. С. 174–185.
- Константиновский Д. Л., Вознесенская Е. Д.* Образование за рубежом: социокультурный аспект // Социологический журнал. 2007. № 4. С. 97–114.
- Коран. М.: Наука, 1990.
- Корнилова Т. В.* Экспериментальная психология: Теория и методы: Учебник для вузов. М.: Аспект-Пресс, 2002.
- Корнилова Т. В.* Принятие решений и риск: психология неопределенности: Электронное издание по проекту РГНМФ. 2014. URL: <http://www.rfh.ru/downloads/books/144693004.pdf> (дата обращения: 10.10.2017).
- Королёв А. А., Журавлев А. Л., Кольцова В. А.* История и психология: немолчный диалог: Учебное пособие / Под ред. А. А. Королёва. М.: Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2011.
- Кортунов С. В.* Национальная идентичность: постижение смысла. М.: Аспект-Пресс, 2009.
- Кортунов С. В.* Россия в мировой политике после кризиса. М.: ИД ГУ ВШЭ, 2010.
- Кочеткова Н. А., Журавлев А. Л.* Динамика социально-психологических качеств российских предпринимателей в изменяющихся экономических условиях // Совместная деятельность в условиях организационно-экономических изменений / Отв. ред. А. Л. Журавлев. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 1997. С. 35–44.
- Кравченко С. А.* Новые риски еды: необходимость гуманистической биополитики // Полис: Политические исследования. 2014. № 5. С. 139–152.
- Кранчунов Д. Е.* Визуальная составляющая народных традиций как средство преодоления кризиса идентичности в современной России // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2013. № 9 (137). С. 249–254.
- Красильникова М. Д.* Интегральные показатели социального самочувствия // Вестник общественного мнения: Данные. Анализ. Дискуссии. 2011. Т. 107. № 1. С. 109–117.
- Красников М. А.* Регулятивная функция дезинформации в процессе межличностного общения: Автореферат дис. ... канд. психол. наук. М., 2006.

- Краткий словарь по социологии. М.: Изд-во политической литературы, 1989.
- Кричевский Р. Л., Маржине А. В.* Психологические факторы эффективности руководства. Кишнев: Штинса, 2001.
- Кричевский Р. Л., Рыжак М. М.* Психология руководства и лидерства в спортивном коллективе. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1985.
- Кросс Р., Паркер Э.* Невидимая сила социальных связей: Как на самом деле работают организации. Киев: Калидос Паблишинг, 2006.
- Кругликова М.* Генно-модифицированный популизм. Кому выгоден закон о запрете ГМО // Коммерсантъ. Деньги. 2016. № 6. 15 февраля. С. 21.
- Кругляков Э. П.* Мракобесие и инновации: Взгляд под другим углом // В защиту науки. Бюллетень. Вып. 7. М., 2010. С. 3–19.
- Крутик А. Б., Пименова А. Л.* Введение в предпринимательство: Учебное пособие. СПб.: Политехника, 1995
- Крысько В. Г.* Социальная психология: Словарь-справочник. М.: Владос-Пресс, 2001.
- Крюкова Т. Л., Журавлев А. Л., Сергиенко Е. А.* Основные направления психологических исследований совладающего поведения // Совладающее поведение: современное состояние и перспективы. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2008. С. 7–19.
- Кузнецов В. И.* Что такое глобализация? // Мировая экономика и международные отношения. 1998. № 2. С. 16.
- Куксон К.* Земля не носит ГМО // Ведомости. 2016. № 4055. 14 апреля.
- Купрейченко А. Б.* Доверие и недоверие технике и социотехническим системам: Постановка проблемы и обоснование подхода к исследованию // Ученые записки ИМЭИ. 2012. Т. 2. № 1. С. 126–137.
- Купрейченко А. Б.* Нравственная детерминация экономического самоопределения. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2014.
- Купрейченко А. Б., Воробьева А. Е.* Нравственное самоопределение молодежи. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2013.
- Купрейченко А. Б., Журавлев А. Л.* Исследование нравственных отношений современных российских предпринимателей // Психология и экономика: Материалы 1-й Всероссийской конференции по экономической психологии РПО. Калуга: Калужский филиал МГЭИ, 2000. С. 276–279.
- Купрейченко А. Б., Журавлев А. Л.* Самоопределение, адаптация и социализация: соотношение и место в системе социально-психологических понятий // Психология адаптации и социальная среда: Современные подходы, проблемы, перспективы / Отв. ред.

- Л. Г. Дикая, А. Л. Журавлев. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2007а. С. 62–95.
- Купрейченко А. Б., Журавлев А. Л.* Феномены самоопределения личности и группы в экономической среде // Психология адаптации и социальная среда: современные подходы, проблемы, перспективы. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2007б. С. 129–148.
- Купрейченко А. Б., Журавлев А. Л.* Структура и личностные детерминанты экономического самоопределения субъекта // Психологический журнал. 2008. Т. 29. № 2. С. 5–15.
- Купрейченко А. Б., Журавлев А. Л.* Роль нравственной элиты в российском обществе: постановка проблемы и возможности исследования // Психологический журнал. 2010а. Т. 31. № 2. С. 5–19.
- Купрейченко А. Б., Журавлев А. Л.* Ценностно-смысловая рациональность экономического поведения населения современной России // Психология в экономике и управлении. 2010б. № 2. С. 15–23.
- Купрейченко А. Б., Журавлев А. Л.* Психологическое и социально-психологическое пространство личности и группы: понимание, виды и тенденции исследования // Психологический журнал. 2011а. Т. 32. № 4. С. 45–56.
- Купрейченко А. Б., Журавлев А. Л.* Проблемы формирования и выявления нравственной элиты: итоги дискуссии // Психологический журнал. 2011б. Т. 32. № 5. С. 97–99.
- Кэмбелл Д.* Модели экспериментов в социальной психологии и прикладных исследованиях. СПб.: Прогресс, 1996.
- Лазурский А. Ф.* Очерк науки о характерах. Петроград, 1917.
- Лайнбарджер П.* Психологическая война. М.: Военное изд-во МО СССР, 1962.
- Латынов В. В.* Психология коммуникативного воздействия. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2013.
- Лебедев А. Н.* Влияние опыта реципиента на эффективность психологического воздействия // Психологическое воздействие: Механизмы, стратегии, возможности противодействия. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012. С. 97–112.
- Лебедев А. Н.* Информационная неопределенность как механизм психологического воздействия // Психологическое воздействие в межличностной и массовой коммуникации / Отв. ред. А. Л. Журавлев, Н. Д. Павлова М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2014а. С. 32–43.
- Лебедев А. Н.* Психологические механизмы социальной памяти в условиях ценностно-смысловой неопределенности // Гуманитар-

- ные науки. Вестник Финансового университета. 2014б. № 1 (13). С. 58–63.
- Лебедева Н. М., Татарко А. Н.* Ценности культуры и развитие общества. М.: ГУ ВШЭ, 2007.
- Лебон Г.* Психология народов и масс. СПб.: Макет, 1995.
- Лебон Г., Тард Г.* Психология толп. Мнение и толпа. М.: Изд-во «Институт психологии РАН»–КСП+, 1998.
- Левада Ю.* Исторические рамки «будущего» в общественном мнении // Левада Ю. Ищем человека: социологические очерки 2000–2005. М.: Новое издательство, 2006. С. 62–75.
- Левашов В. К.* Социополитическая динамика российского общества: 2000–2006. М.: Academia, 2007.
- Левицкий Р., Сондерс Д., Барри Б., Минтон Дж.* Самое главное о переговорах. М.: Форум, 2006.
- Ледяев В. Г.* Власть: концептуальный анализ. М.: РОССПЭН, 2001.
- Ленчук Е. Б.* Проблемы перехода России к инновационной модели развития // Наука. Инновации. Образование. М., 2006. С. 154–168.
- Леонтьев А. Н.* Деятельность. Сознание. Личность. М.: Изд-во Моск. гос. ун-та, 1975.
- Леонтьев Д. А.* Психология смысла. М.: Смысл, 2003.
- Лига М. Б.* Качество жизни как основа социальной безопасности: Монография / Под ред. М. В. Константинова. М.: Гардарики, 2006.
- Лига М. Б.* Качество жизни новая парадигма общественного развития // Учёные записки ЗабГУ. Сер. «Философия, социология, культурология, социальная работа». 2009. № 4. С. 48–55.
- Лиотар Ж. Э.* Состояние постмодерна. СПб.: Алетейя, 1998.
- Лихачев Д. С.* О русской интеллигенции // Новый мир. 1993. № 2. С. 3–9.
- Личность и бытие: субъектный подход: Материалы научной конференции / Отв. ред. А. Л. Журавлев, В. В. Знаков, З. И. Рябикина.* М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2008.
- Личность профессионала в современном мире / Отв. ред. Л. Г. Дикая, А. Л. Журавлев.* М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2013.
- Лобза Е. В.* Специфика образования образов политиков в Интернете // Психология восприятия власти. Вып. 1 / Под ред. Е. Б. Шестопал. М.: Се Мысль, 2002. С. 217–233.
- Ломов Б. Ф.* Психическая регуляция деятельности: Избранные труды. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2006.
- Ломов Б. Ф., Сурков Е. Н.* Антиципация в структуре деятельности. М.: Наука, 1980.
- Лоренц К.* Агрессия. М.: Прогресс, 1994.
- Лосев А. Ф.* Диалектика мифа. М.: Мысль, 2001.

- Лосский Н. Ф.* Характер русского народа. М.: Ключ, 1990.
- Луков В. А.* Социальное проектирование. М.: Изд-во МГСА—Флинта, 2003.
- Луков В. А.* Тезаурусная концепция социального проектирования // Социальные технологии, исследования. 2008. № 3. С. 30—38.
- Луманн Н.* Понятие риска // Thesis. 1994. № 5. С. 135—160.
- Лурье С. В.* Метаморфозы традиционного сознания: Опыт разработки теоретических основ этнопсихологии и их применения к анализу исторического и этнографического материала. СПб.: Типография им. Котлякова, 1994.
- Лысова А. В., Щитов Н. Г.* Системы реагирования на домашнее насилие // Социологический журнал. 2003. № 3. С. 99—115.
- Майерс Д.* Социальная психология. СПб.: Питер, 1997.
- Макгрегор Д.* Человеческий фактор и производство // Социологические исследования. 1995. № 1. С. 146—151.
- Макропсихология современного российского общества / Под ред. А. Л. Журавлева, А. В. Юревича. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009.
- Максименко А. А., Пичугина Е. Г., Шмигирилова Л. Н., Панкратова Е. В.* Отношение россиян к достижениям научно-технического прогресса // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 1—2. URL: <http://www.scienceeducation.ru/ru/article/view?id=20231> (дата обращения: 25.10.2017).
- Малафеева С. Л.* Влияние памятников истории и культуры на формирование исторического сознания и патриотических чувств личности (на примере дворцово-парковых ансамблей России) // История отечественной и мировой психологической мысли: Ценить прошлое, любить настоящее, верить в будущее. М.: Институт психологии РАН. 2010. С. 555—561.
- Малинецкий Г. Г.* Перспективы и технологии управления стратегическими рисками в первой половине XXI века // Стратегия гражданской защиты: проблемы и исследования. 2013. № 2. С. 15—17.
- Малинецкий Г. Г.* Размышления о немыслимом // А. В. Турчин. Структура глобальной катастрофы. Риски вымирания человечества в XXI веке. М.: НОУ ВПО «ОмГА», 2008. С. 18—37.
- Мамонтова Т. В., Айбазов А. М., Русакова О. С.* Современные тенденции развития мирового и российского рынка биотехнологий в животноводстве // Сборник научных трудов ГНУ СНИИЖК. 2014. № 7. С. 292—300.
- Манхейм К.* Избранное: Социология культуры. М.—СПб.: Университетская книга, 2000.

- Марков А. П.* Основы социокультурного проектирования. СПб.: Гуманитарный университет профсоюзов, 1997.
- Маркс К., Энгельс Ф.* Собрание сочинений. Изд. 2-е. Т. 23. М.: Государственное изд-во политической литературы, 1955.
- Маршалл А.* Принципы политической экономии: В 3 т. Т. 1. М.: Прогресс, 1983.
- Маршалл А.* Принципы экономической науки. М.: Прогресс, 1993.
- Маслоу А.* Новые рубежи человеческой природы. М.: Смысл, 1999.
- Маслоу А.* Психология бытия. М.: Рефл-бук; К.: Ваклер, 1997.
- Матвеева Л. В.* Субъект в информационной коммуникации: закономерности психологического воздействия СМИ // Психология дискурса: Проблемы детерминации, воздействия, безопасности / Под. ред. А. Л. Журавлева, Н. Д. Павловой, И. А. Зачесовой. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016. С. 131–142.
- Мединский В.* Мифы о России. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2015.
- Мельническая Т. Б.* Информационно-психологическая безопасность населения в условиях риска радиационного воздействия: концепции, модели, технологии: Дис. ... д-ра психол. наук. СПб., 2009.
- Мерзлякова И. В.* Социальные регуляторы благополучия человека и общества // Гуманитарный вектор. Сер. «Педагогика, психология». 2010. № 3. С. 179–187.
- Мескон М. Х., Альберт М., Хедоури Ф.* Основы менеджмента. М.: Дело, 1992.
- Методология комплексного человекознания и современная психология / Отв. ред. А. Л. Журавлев, В. А. Кольцова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2008.
- Методы психологического обеспечения профессиональной деятельности и технологии развития ментальных ресурсов человека. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2014.
- Милль Д. С.* Основы политической экономии. Т. 1. М.: Прогресс, 1980.
- Мильнер Б. З.* Управление знаниями. М.: Инфра-М, 2003.
- Миролюбова Д. О.* Психолого-акмеологические особенности рефлексивного прогнозирования в деятельности управленческих кадров: Дис. ... канд. психол. наук. М., 2002.
- Мкртычян Г. А.* Психология экспертной деятельности в образовании: Теория. Методология. Практика. Н. Новгород: НГЦ, 2002.
- Модернизация российского образования: проблемы и перспективы / Под ред. М. К. Горшкова, Ф. Э. Шереги. М.: Центр социального прогнозирования, 2010.
- Момджан К.* Об одном многократно упоминаемом процессе // Сумерки глобализации. М.: АСТ–Ермак, 2004. С. 39–45.

- Морозов В. П.* Невербальная коммуникация: экспериментально-психологические исследования. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2011.
- Морозова Е. В., Мирошниченко И. В.* Сетевые сообщества в условиях чрезвычайных ситуаций: новые возможности для граждан и для власти // Полис. Политические исследования. 2011. № 1. С. 140–152.
- Московичи С.* Век толп: Исторический трактат по психологии масс. М.: Центр психологии и психотерапии, 1996.
- Мохаддам Ф.* Терроризм с точки зрения террористов: что они переживают и думают и почему обращаются к насилию. М.: Форум, 2011. С. 18–28.
- Муздыбаев К.* Переживание времени в период кризисов // Психологический журнал. 2000. Т. 21. № 4 С. 5–21.
- Мустафина Л. Ш.* Структура социальных представлений учащейся молодежи о совести: Дис. ... канд. психол. наук. М., 2012.
- Мягков А. Ю., Ерофеев С. В.* Самоубийства в Ивановской области: анализ временных трендов // Социологический журнал. 2007. № 2. С. 37–58.
- Мягков П., Русинов Ф., Петросян Д.* Возрождение предпринимательства в России // Экономист. 1993. № 1. С. 55–60.
- Нагимова А. М.* Теоретические подходы к исследованию проблемы качества жизни // Известия Саратовского университета. 2010. Т. 10. Сер. «Социология. Политология». Вып. 4. С. 3–6.
- Назаретян А. П.* Технология и психология: к концепции эволюционных кризисов // Общественные науки и современность, 1993. № 3. С. 82–93.
- Назаретян А. П.* Психология стихийного массового поведения: Лекции. М.: Пер Сэ, 2001а.
- Назаретян А. П.* Цивилизационные кризисы в контексте Универсальной истории. М.: Пер Сэ, 2001б.
- Назаретян А. П.* Антропология насилия и культура самоорганизации: Очерки по эволюционно-исторической психологии. М.: Изд-во ЛКИ, 2008.
- Нанотехнологии: что это такое и зачем они нужны? // ВЦИОМ. 2008. 15 июля. Пресс-выпуск № 1004.
- Нартова-Бочавер С. К., Астанина Н. Б.* Психологические проблемы справедливости в зарубежной персонологии: теории и эмпирические исследования // Психологический журнал. 2014. Т. 35. № 1. С. 16–32.
- Насиновская Е. Е.* Возрождение характерологии // Психологический журнал. 1998. Т. 19. № 1. С. 180–182.

- Наумова Н. Ф.* Время человека // Социологический журнал. 1997. № 3. С. 159–176.
- Национальная идея России: В 6 т. Т. 1. М.: Научный эксперт, 2012.
- Некlessа А. И.* Сердце тьмы: травматическая инклюзия // Актуальные проблемы экономики и права. 2015. № 2. С. 280–295.
- Немов Р. С.* Психологический словарь. СПб.: Владос, 2007.
- Нестик Т. А.* Социальное конструирование времени // Социологические исследования. 2003. № 8. С. 12–21.
- Нестик Т. А.* Развитие культуры обмена знаниями через социальные сети // Методические и аналитические материалы комитета ТПП РФ по деловой этике. М.: Изд-во ТПП РФ, 2006. С. 133–145.
- Нестик Т. А.* Психологические аспекты управления знаниями // Инновационное развитие. Экономика, интеллектуальные ресурсы, управление знаниями / Под ред. Б. З. Мильнера. М.: Инфра-М, 2009. С. 590–611.
- Нестик Т. А., Журавлев А. Л.* Совместное творчество как ресурс деятельности организации: состояние и перспективы исследований // Психологический журнал. 2011. Т. 32. № 1. С. 3–21.
- Нестик Т. А.* Коллективный образ будущего: социально-психологические аспекты прогнозирования // Вопросы психологии. 2014а. № 1. С. 1–11.
- Нестик Т. А.* Отношение к будущему в российских управленческих командах: лидерское видение и корпоративный форсайт // Экономические стратегии. 2014б. № 2. С. 134–141.
- Нестик Т. А.* Социальная психология времени. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2014в.
- Нестик Т. А.* Социально-психологическая детерминация группового отношения к времени: Дис. ... д-ра психол. наук. М.: Институт психологии РАН, 2015а.
- Нестик Т. А.* Глобальная идентичность в обществе риска // Наука. Культура. Общество. 2015б. № 4. С. 130–140.
- Нестик Т. А.* Психологические аспекты распространения ядерного оружия и готовности к его применению // Институт психологии РАН. Сер. «Социальная и экономическая психология». 2016. Т. 1. № 1. С. 143–173.
- Нестик Т. А., Журавлев А. Л.* Управление совместной деятельностью: новые направления исследований в зарубежной психологии // Психологический журнал. 2009. Т. 30. № 4. С. 5–15.
- Нестик Т. А., Журавлев А. Л.* Обмен знаниями, групповая рефлексивность и корпоративная память как объекты социальной психологии // Психологический журнал. 2010. Т. 31. № 3. С. 5–16.

- Нестик Т. А., Журавлев А. Л.* Управление совместной деятельностью в условиях неопределенности // Социальная психология труда: теория и практика. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2010. С. 91–114.
- Нестик Т. А., Журавлев А. Л.* Совместное творчество как ресурс деятельности организации: состояние и перспективы исследований // Психологический журнал. 2011а. Т. 32. № 1. С. 3–21.
- Нестик Т. А., Журавлев А. Л.* Формы организации и стимулирования совместного творчества в современных компаниях // Знание. Понимание. Умение. 2011б. № 1. С. 190–196.
- Нестик Т. А., Журавлев А. Л.* Групповая рефлексивность: основные подходы и перспективы исследований // Психологический журнал. 2012. Т. 33. № 4. С. 27–37.
- Нестик Т. А., Журавлев А. Л.* Психологические особенности глобальных рисков и отношение к ним в обществе // Психология отношения человека к жизнедеятельности: Проблемы и перспективы: Тезисы докладов международной научно-практической конференции. Владимир: Владимирский гос. ун-т, 2016. С. 12–17.
- Нестик Т. А., Журавлев А. Л.* Психологические особенности коллективного творчества в сетевых сообществах // Психологический журнал. 2016. Т. 37. № 2. С. 19–28.
- Нестик Т. А., Журавлев А. Л., Соснин В. А.* Психологические аспекты стратегической стабильности и ядерного сдерживания // Психологический журнал. 2011. Т. 32. № 2. С. 5–24.
- Нестик Т. А., Журавлев А. Л., Соснин В. А.* Социально-психологические аспекты стратегической стабильности и ядерного сдерживания в современном мире: постановка проблемы и практика исследований // Знание. Понимание. Умение. 2012. № 3. С. 116–123.
- Нестик Т. А., Никитенко И. В.* Социально-психологические аспекты экономики знаний // Экономическая психология: актуальные теоретические и прикладные проблемы. Иркутск: БГУЭП, 2006. С. 35–39.
- Нестик Т. А., Солдатова Г. У.* Основные модели цифровой компетентности // Наука. Культура. Общество. 2016. № 1. С. 107–119.
- Нисова М. В.* Аудитория гражданской инициативы «Бессмертный полк» // Журналистский ежегодник. 2015. № 4. С. 191–192.
- Новое в науках о человеке: К 85-летию со дня рождения академика И. Т. Фролова / Отв. ред. Г. Л. Белкина; ред.-сост. М. И. Фролова. М.: Ленанд, 2015.
- Нонака И., Takeuchi Х.* Компания – создатель знания. М.: Олимп-Бизнес, 2003.

- Нравственность современного российского общества: психологический анализ / Отв. ред. А. Л. Журавлев, А. В. Юревич. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012.
- Нугаев Р. М.* Современная социология знания: некоторые итоги и перспективы // Социология: 4М. 1997. № 8. С. 5–16.
- Нурминский И. И., Гладышева Н. К.* Статистические закономерности формирования знаний и умений учащихся. М.: Педагогика, 1991.
- О чем мечтают россияне (размышления социологов): Аналитический доклад / Под ред. М. К. Горшкова. М.: ИС РАН, 2012.
- Обзорный доклад о модернизации в мире и Китае (2001–2010). М.: Весь мир, 2011.
- Обознов А. А., Акимова А. Ю.* Доверие человека технике как фактор надежности профессиональной деятельности // Знание. Понимание. Умение. 2013. № 2. С. 225–231.
- Общая теория безопасности (актуальные методологические и социально-политические проблемы): Учебное пособие / Под ред. А. И. Позднякова. М.: ВАГШ, 1994.
- Овчинников Б. В.* Виртуальная надежда: состояние и перспективы политического Рунета // Полис. Политические исследования. 2002. № 1. С. 46–65.
- Олейник И. В., Соснин В. А.* Тоталитарная секта: как противостоять ее влиянию. М: Генезис, 2005.
- Ольшанский Д. В.* Психология масс. СПб.: Питер, 2001.
- Османов А. И.* Об уроках и правде истории Великой Отечественной войны // Вестник Института ИАЭ. 2005. № 2. С. 2–16.
- Островская Е. А.* Транснациональные пространства глобальных межкультурных взаимодействий: Методология социологического изучения // Журнал социологии и социальной антропологии. 2013. Т. XVI. № 2 (67). С. 168–188.
- Островский Е.* Менеджер смотрит под ноги, а лидер – на горизонт // Top manager. 2000. URL: <http://gtmarket.ru/laboratory/expertize/2006/725> (дата обращения: 20.10. 2017).
- Оучи У. Г.* Методы организации производства: японский и американский подходы. М.: Экономика, 1984.
- Павлова Н. Д.* Механизмы и средства оказания субъектом дискурсивного воздействия // Психологическое воздействие. Механизмы, стратегии, возможности противодействия. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012. С. 53–73.
- Павлова Н. Д., Журавлев А. Л.* К междисциплинарной проблематике дискурса // Ситуационная и личностная детерминация дискур-

- са / Под ред. Н. Д. Павловой, И. А. Зачесовой. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2007. С. 6–11.
- Панарин И. Н.* Психологическая безопасность военнослужащих // Ориентир. 1995. № 8. С. 48–51.
- Панарин И. Н.* Информационно-психологическое обеспечение национальной безопасности России. Автореф. дис. ... д-ра полит. наук. М., 1998.
- Панарин И. Н.* Информационная война и геополитика. М.: Поколение, 2006.
- Панарин И. Н.* СМИ, пропаганда и информационная война. М.: Поколение, 2012.
- Парадигмы в психологии: науковедческий анализ / Отв. ред. А. Л. Журавлев, Т. В. Корнилова, А. В. Юревич. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012.
- Парето В.* Трансформация демократии. М.: Издат. дом «Территория будущего», 2011.
- Парыгин Б. Д.* Социально-психологический климат коллектива. Л.: Наука, 1981.
- Патриотизм современной российской молодежи: концептуальные основания и технологии воспитания. М.: Альфа-М, 2013.
- Пауэлл Т., Пауэлл Дж.* Психотерапия по методу Хосе Сильвы. СПб.: Питер, 2000.
- Петражицкий Л. И.* Теория права и государства в связи с теорией нравственности: В 2 т. Т. 1. СПб., 1909.
- Печчеи А.* Человеческие качества. М.: Прогресс, 1980.
- Платонов К. К. — выдающийся отечественный психолог XX века: Материалы юбилейной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения К. К. Платонова (22 июня 2006 г.) / Отв. ред. А. Л. Журавлев, В. А. Кольцова, Т. И. Артемьева. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2007.
- Поддьяков А. Н.* Психология счастья и процветания и проблема зла // Нравственность современного российского общества: психологический анализ / Под ред. А. Л. Журавлева, А. В. Юревича. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012. С. 109–136.
- Позняков В. П.* Новая социальная группа: признаки, мотивы действий, трудности становления // Человек и труд. 1992а. № 4–5. С. 14–17.
- Позняков В. П.* Исследование взаимоотношений между предпринимателями и государственными структурами и подготовка предложений по их оптимизации // Рабочие тетради по предпринимательству и маркетингу. М.: Институт системных исследований проблем предпринимательства и маркетинга, 1992б. № 2 (4). С. 58–66.

- Позняков В. П.* Психологические отношения и деловая активность российских предпринимателей. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2001.
- Позняков В. П.* Экономическая психология как отрасль психологической науки // Проблемы экономической психологии: В 2 т. Т. 1. / Отв. ред. А. Л. Журавлев, А. Б. Купрейченко. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2004. С. 27–57.
- Позняков В. П.* Социальная психология предпринимательства: состояние исследований и современные тенденции развития // А. Л. Журавлев, В. А. Соснин, М. А. Красников и др. Социальная психология: Учебное пособие. М.: Форум–Инфра-М, 2006. С. 331–350.
- Позняков В. П.* Программы и методики социально-психологического исследования российских предпринимателей. М.: Изд-во МосГУ, 2010.
- Позняков В. П.* Предприимчивость // Знание. Понимание. Умение. 2012. № 3. С. 345–346.
- Позняков В. П.* Психологические отношения субъектов совместной жизнедеятельности // Знание. Понимание. Умение. 2013. № 1. С. 167–174.
- Позняков В. П.* Социально-психологические характеристики российских предпринимателей с разным уровнем деловой активности // Знание. Понимание. Умение. 2013. № 4. С. 212–220.
- Позняков В. П., Вавакина Т. С.* Деловое партнерство как вид социального взаимодействия: ресурсно-ценностный подход // Человеческий фактор проблемы психологии и эргономики. 2014. № 2 (69). С. 3–11.
- Позняков В. П., Вавакина Т. С.* Ценностные ориентации как фактор отношения российских предпринимателей к деловому партнерству // Психология в экономике и управлении. 2009. № 1. С. 51–64.
- Позняков В. П., Журавлев А. Л.* Динамика межгрупповых отношений в условиях изменения форм собственности // Психологический журнал. 1992. Т. 13. № 4. С. 24–32.
- Позняков В. П., Журавлев А. Л.* Российские предприниматели в современной социальной структуре // Социологические исследования. 1994. № 5. С. 61–68.
- Позняков В. П., Журавлев А. Л.* Деловая активность предпринимателей: методы оценки и воздействия. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 1995а.
- Позняков В. П., Журавлев А. Л.* Социально-психологический анализ отношения предпринимателей к органам власти и экономической политике государства // Психология предпринимательской дея-

- тельности / Под ред. В. А. Бодрова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 1995б. С. 59–86.
- Позняков В. П., Журавлев А. Л.* Экономическая психология: теоретические проблемы и направления эмпирических исследований // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2004. Т. 1. № 3. С. 46–64.
- Позняков В. П., Журавлев А. Л.* Социальная психология российского предпринимательства: концепция психологических отношений. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012.
- Позняков В. П., Познякова Н. Н., Тихомирова С. В.* Социальная психология российского предпринимательства. Разработка информационно-исследовательской базы данных // Знание. Понимание. Умение. 2012. № 4. С. 227–234.
- Позняков В. П., Титова О. И.* Психологические отношения российских предпринимателей: гендерные особенности // Вестник РГНФ. 2002. № 3. С. 162–173.
- Позняков В. П., Титова О. И.* Конкурентные и партнерские отношения российских предпринимателей: региональные и гендерные особенности // Проблемы экономической психологии: В 2 т. Т. 2 / Отв. ред. А. Л. Журавлев, А. Б. Купрейченко. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2005. С. 181–204.
- Полани М.* Личностное знание: На пути к посткритической философии. М.: Прогресс, 1985.
- Полегаев В. И., Алферов В. В.* О неядерном сдерживании, его роли и месте в системе стратегического сдерживания // Военная мысль. 2016. № 7. С. 3–10.
- Пользователи интернета в мире. URL: http://www.bizhit.ru/index/polzovateli_interneta_v_mire/0-404 (дата обращения: 12.07.2017).
- Попов Н. П.* Бедность не порок? // Вестник РАН. 2008. Т. 78. № 8. С. 688–692.
- Попова И. М.* Представления о настоящем, прошедшем и будущем как переживание социального времени // Социологические исследования. 1999. № 10. С. 135–145.
- Попова С. М., Шахрай С. М., Яник А. А.* Измерения прогресса. М.: Наука, 2010.
- Почепцов Г. Г.* Психологические войны. М.: Рефл-бук; К.: Ваклер, 2000.
- Преснякова Л.* Скромное обаяние криминала против тщетных усилий тюрьмы // Социальная реальность. 2006. № 1. С. 38–50.
- Принцип развития в современной психологии / Отв. ред. А. Л. Журавлев, Е. А. Сергиенко. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016.

- Проблемы психологической безопасности / Отв. ред. А. Л. Журавлев, Н. В. Тарабрина. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012.
- Проблемы субъектов в постнеклассической науке / Отв. ред. В. И. Аршинов, В. Е. Лепский. М.: Когито-Центр, 2007.
- Проблемы фундаментальной и прикладной психологии профессиональной деятельности / Под ред. В. А. Бодрова, А. Л. Журавлева. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2008.
- Проблемы экономической психологии: В 2 т. Т. 1 / Отв. ред. А. Л. Журавлев, А. Б. Купрейченко. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2004.
- Проблемы экономической психологии: В 2 т. Т. 2 / Отв. ред. А. Л. Журавлев, А. Б. Купрейченко. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2005.
- Прогресс психологии: критерии и признаки / Под ред. А. Л. Журавлева, Т. Д. Марцинковской, А. В. Юревича. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009.
- Психологические исследования духовно-нравственных проблем / Отв. ред. А. Л. Журавлев, А. В. Юревич. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2011.
- Психологические исследования личности и ее ценностного мира в современном российском обществе: Сб. науч. трудов / Ред.-сост. И. М. Городецкая; отв. ред. Б. С. Алишев, А. Л. Журавлев, М. Г. Рогов. Казань: КГТУ, 2007.
- Психологические исследования нравственности / Отв. ред. А. Л. Журавлев, А. В. Юревич. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2013.
- Психологические исследования проблем современного российского общества / Отв. ред. А. Л. Журавлев, Е. А. Сергиенко. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2013.
- Психологические проблемы семьи и личности в мегаполисе / Отв. ред. А. Л. Журавлев, А. И. Ляшенко, Н. Е. Иноземцева, Д. В. Ушаков. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012.
- Психологические проблемы современного российского общества / Отв. ред. А. Л. Журавлев, Е. А. Сергиенко. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012.
- Психологический словарь / Под. общ. ред. А. В. Петровского, М. Г. Ярошевского. М.: Политиздат, 2007.
- Психологическое воздействие в межличностной и массовой коммуникации / Отв. ред. А. Л. Журавлев, Н. Д. Павлова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2014.

- Психологическое воздействие: механизмы, стратегии, возможности противодействия / Под ред. А. Л. Журавлева, Н. Д. Павловой. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012.
- Психологическое здоровье личности и духовно-нравственные проблемы современного российского общества / Отв. ред. А. Л. Журавлев, М. И. Воловикова, Т. В. Галкина. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2014.
- Психология XXI века: Учебник для вузов / Под ред. В. Н. Дружинина. М.: ПЕР СЭ, 2003.
- Психология XXI столетия: теория, эксперимент, социальная практика / Отв. ред. А. Л. Журавлев, Н. П. Фетискин, Т. И. Миронова. М.—Кострома: Изд-во КГУ им. Н. А. Некрасова, 2009. Т. 2. С. 133—139.
- Психология адаптации и социальная среда: современные подходы, проблемы, перспективы / Отв. ред. Л. Г. Дикая, А. Л. Журавлев. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2007.
- Психология дискурса: проблема детерминации, воздействия, безопасности. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016.
- Психология и психоанализ власти. Личность, государство, власть: политическая и социальная психология лидерства: Хрестоматия: В 2 т. / Сост. Д. Я. Райгородский. Самара: Бахрах-М, 1999.
- Психология масс: Хрестоматия / Ред.-сост. Д. Я. Райгородский. Самара: Бахрах-М, 1998.
- Психология нравственности / Отв. ред. А. Л. Журавлев, А. В. Юрвич. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2010.
- Психология предпринимательской деятельности (Развитие российского предпринимательства в начале 1990-х гг.) / Под ред. В. А. Бодрова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 1995.
- Психология сегодня: Теория, образование и практика / Под ред. А. Л. Журавлева, Е. А. Сергиенко, А. В. Карпова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009.
- Психология совместной жизнедеятельности малых групп и организаций / Отв. ред. А. Л. Журавлев, Е. В. Шорохова. М.: Изд-во «Социум»; «Институт психологии РАН», 2001.
- Психология управления в современной России: Теория, эмпирические исследования, практика: Материалы Международной научно-практической конференции / Под ред. А. Л. Журавлева Т. А. Жалагиной, И. Д. Лельчицкой, Е. Д. Короткиной. Тверь: Тверской гос. ун-т; М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2010.
- Психология человека в современном мире. Том 1. Комплексный и системный подходы в исследованиях психологии человека. Личность как субъект жизненного пути: Материалы Всероссийской юби-

- лейной научной конференции / Отв. ред. А. Л. Журавлев, В. А. Барбаншиков, М. И. Воловикова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009а.
- Психология человека в современном мире. Том 4. Субъектный подход в психологии: история и современное состояние. Личность профессионала в обществе современных технологий. Нейрофизиологические основы психики (Материалы Всероссийской юбилейной научной конференции, посвященной 120-летию со дня рождения С. Л. Рубинштейна, 15–16 октября 2009 г.) / Отв. ред. А. Л. Журавлев, М. И. Воловикова, Л. Г. Дикая, Ю. И. Александров. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009б.
- Психология человека в современном мире. Том 5. Личность и группа в условиях социальных изменений: Материалы Всероссийской юбилейной научной конференции / Отв. ред. А. Л. Журавлев. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009 в.
- Психология человека в современном мире. Том 6. Духовно-нравственное становление человека в современном российском обществе. Проблема индивидуальности в трудах отечественных психологов: Материалы Всероссийской юбилейной научной конференции / Отв. ред. А. Л. Журавлев, М. И. Воловикова, Т. А. Ребеко. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009 г.
- Психология человека и общества: научно-практические исследования / Под ред. А. Л. Журавлева, Е. А. Сергиенко, Н. В. Тарабриной. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2014.
- Психология: современные направления междисциплинарных исследований: Материалы научной конференции, посвященной памяти чл.-корр. РАН А. В. Брушлинского (8 октября 2002 г.) / Отв. ред. А. Л. Журавлев, Н. В. Тарабрина. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2003.
- Психология: Учебник для экономических вузов / Под ред. В. Н. Дружина. СПб.: Питер, 2000.
- Путятина Т. П.* Формирование исторического сознания школьной молодежи в условиях трансформации российского общества: Дис. ... канд. социол. наук. М., 2007.
- Развитие психологии в системе комплексного человекознания: Материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 40-летию Института психологии РАН и 85-летию его основателя Б. Ф. Ломова: В 2 ч. Ч. 2 / Отв. ред. А. Л. Журавлев, В. А. Кольцова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012.
- Разумовский А.* Что мы едим? // Аграрное обозрение. 2015. № 1 (47). С. 42–44.

- Райх В.* Психология масс и фашизм. СПб.: Университетская книга, 1997.
- Ракитянский Н. М.* Психологические особенности взаимодействия элиты и общества в процессе политического реформирования // Психология восприятия власти. Вып. 1. М.: СП «Мысль», 2002. С. 63–74.
- Рассадина Т. А.* Трансформация традиционных ценностей россиян в постперестроечный период // Социологические исследования. 2006. № 9. С. 95–102.
- Ребеко Т. А.* Ментальная репрезентация как формат хранения информации // Ментальная репрезентация: динамика и структуры. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 1998. С. 25–54.
- Ребер А.* Большой толковый психологический словарь. М.: Вече–АСТ, 2000.
- Регуш Л. А.* Психология прогнозирования: успехи в познании будущего. СПб.: Речь, 2003.
- Рейтинг национальных угроз – 2013 // ВЦИОМ. Пресс-выпуск № 2351. URL: <http://wciom.ru/index.php?id=515&uid=114302> (дата обращения: 10.11.2017).
- Римашевская Н. М.* Бедность и маргинализация населения («социальное дно») // Социс. 2004. № 4. С. 33–44.
- Рифф К., Зараковский Г. М.* Качество жизни населения России. М.: Смысл, 2009.
- Роджерс К.* Взгляд на психотерапию: Становление человека. М.: Прогресс-Универс, 1994.
- Родитейн М. Н.* Становление гендерной психологии: парадигма ментальностей // История отечественной и мировой психологической мысли: Постигая прошлое, понимать настоящее и предвидеть будущее: Материалы Международной конференции по истории психологии «IV московские встречи», 26–29 июня 2006 г. / Отв. ред. А. Л. Журавлев, В. А. Кольцова, Ю. Н. Олейник. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2006. С. 268–271.
- Розанов В. В.* Собрание сочинений. М.: Республика, 2009.
- Ромазан И. В.* Психологические особенности предпринимателя как субъекта деятельности: Дис. ... канд. психол. наук. СПб., 1996.
- Росс Л., Нисбетт Р.* Человек и ситуация: Уроки социальной психологии. М.: Аспект-Пресс, 1999.
- Российская деловая культура: история, традиции, практика. М.: Торгово-промышленная палата РФ, 1998.
- Российская идентичность в социологическом измерении (аналитический доклад). М.: Институт социологии РАН, 2007.

- Российский менталитет: вопросы психологической теории и практики / Под ред. К. А. Абульхановой, А. В. Брушлинского, М. И. Володиковой. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 1997.
- Российский статистический ежегодник. М.: Росстат, 2012.
- Россия в глобализирующемся мире: мировоззренческие и социокультурные аспекты / Отв. ред. В. С. Степин. М.: Наука, 2007.
- Россия в XXI веке. М.: Академия геополитических проблем, 2012.
- Ротова Е. Е., Машилов К. В., Жигарева Е. Б., Коган Б. М.* Современные психологические подходы к анализу качества жизни (обзор литературы) // Системная психология и социология. 2012. № 5. С. 65–70.
- Рубинштейн С. Л.* Бытие и сознание. М.: Изд-во АН СССР, 1957.
- Рубинштейн С. Л.* Проблемы общей психологии. М.: Просвещение, 1976.
- Рубцов В. В., Журавлев А. Л., Марголис А. А., Ушаков Д. В.* Развитие системы образования одаренных детей: приоритетные направления // Нижегородское образование. 2010. № 4. С. 7–14.
- Руденко Д. Ю.* Альтернативные подходы к измерению бедности в регионах России // XII Международная конференция по проблемам развития экономики и общества: В 4 кн. Кн. 2. М.: Издат. дом НИУ ВШЭ, 2012. С. 589–598.
- Рукавишников В. О., Рукавишникова Т. П., Золотых А. Д., Шестаков Ю. Ю.* В чем едино «расколотое общество» // СОЦИС. 2003. № 8. С. 96–107.
- Русалинова А. А.* Социальное самочувствие человека в современном мире как научная проблема // Вестник СПбГУ. 1994. Сер. 6. Вып. 1. С. 49–60.
- Русинова Н. Л., Сафронов В. В.* Социальная стратификация здоровья в России: тенденции в 1990-е и 2000-е годы // Социологический журнал. 2012. № 1. С. 28–46.
- Рюмин В. А.* Глобализация и цивилизационные перспективы человечества // Глобализация в социально-философском измерении: Сб. материалов конференции. СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2003. С. 64–69.
- Рюмина Л. И.* Манипуляции в СМИ как следствие «разорванной коммуникации» // Информационная и психологическая безопасность в СМИ: В 2 т. Т. 2. М.: Аспект-Пресс, 2008. С. 226–234.
- Рябкина З. И.* Личность и предметно-пространственная среда: Хрестоматия. Краснодар, 2000.
- Саватеев А. Д.* Антиавторитарные выступления и исламская культура // Протестные движения в арабских странах: предпосылки, особенности, перспективы / Отв. ред. И. В. Следзевский, А. Д. Саватеев. М.: Либроком, 2012.

- Савельева И. М., Полетаев А. В.* Знание о прошлом: теория и история: В 2 т. Т. 2. СПб.: Наука, 2006.
- Савченко Т. Н., Головина Г. М.* Субъективное качество жизни: подходы, методы оценки, прикладные исследования. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 1996.
- Сверхвысокое неравенство — реальная угроза стабильности общества. Обсуждение научного сообщения // Вестник РАН. 2008. Т. 78. № 4. С. 314–316.
- Седова Н. Н.* Гражданский активизм в современной России: форматы, факторы, социальная база // Социологический журнал. 2014. № 2. С. 48–71.
- Селигман М.* Новая позитивная психология: научный взгляд на счастье и смысл жизни. М.: София, 2006.
- Селигман М.* Путь к процветанию: новое понимание счастья и благополучия. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2013.
- Селигман А.* Проблема доверия. М.: Идея-Пресс, 2002.
- Семейные люди богатеют быстрее // Lenta.ru. 2006. URL: <https://m.lenta.ru/news/2006/01/18/wealth> (дата обращения: 12.12.2016).
- Семенов В. Е.* Российская полиментальность и социально-психологическая динамика на перепутье эпох. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2008.
- Семенов В. Е.* Духовно-нравственные ценности и воспитание как важнейшие условия возрождения России // Психологические исследования духовно-нравственных проблем / Отв. ред. А. Л. Журавлев, А. В. Юревич. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2011. С. 60–70.
- Семенов В. Е.* Что мы думаем о наркотиках // *Семенов В. Е.* Российская полиментальность и социально-психологическая динамика на перепутье эпох (избранные научные работы: 1971–2007 гг.). СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2008. С. 367–370.
- Сенге П., Клейнер А., Робертс Ш., Росс Р., Рот Дж., Смит Б.* Танец перемен: Новые проблемы самообучающихся организаций. М.: Олимп-Бизнес, 2003.
- Сенин И. Г.* Опросник терминальных ценностей. Ярославль: Психодиагностика, 2003.
- Сергиенко Е. А.* Системно-субъектный подход: обоснование и перспективы // Психологический журнал. 2011. Т. 32 (1). С. 120–132.
- Серегин А. В.* Противостоять нашествию забвения // Вестник МГИМО. 2012. № 4 (25). С. 57–64.
- Серый А. В.* Система личностных смыслов: структура, функции, динамика. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2004.
- Сикорский И. А.* Русские и украинцы. Киев, 1913.

- «Сила молитвы» и другие рассказы. М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2015.
- Симонович Н. Е.* Понятие и содержательные аспекты социального самочувствия // Вестник РГГУ. Сер. «Психологические науки». 2012. № 15 (95). С. 258–265.
- Симонян Р.* О некоторых социокультурных итогах российских экономических реформ 90-х годов // Мир перемен. 2010. № 3. С. 98–113.
- Синякина Е. Г.* Психолого-историческая реконструкция психологических характеристик русского крестьянства дореволюционного периода // История отечественной и мировой психологической мысли: Ценить прошлое, любить настоящее, верить в будущее: Материалы международной конференции по истории психологии «V Московские встречи» (30 июня–03 июля 2009 г.) / Отв. ред. А. Л. Журавлев, В. А. Кольцова, Ю. Н. Олейник. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2010. С. 593–604.
- Скандал как форма коммуникации. М.: Изд-во СГУ, 2012.
- Служба социального развития предприятия: Практическое пособие. М.: Наука, 1989.
- Смирнов А. А.* Информационно-психологическая война. Об одном средстве международного информационного противоборства // Журнальный клуб Интелрос «Свободная мысль». 2013. URL: <http://www.intelros.ru/readroom/svobodnaya-mysl/sv6-2013/23349-informacionno-psihologicheskaya-voyna.html> (дата обращения: 06.11.2017).
- Смирнова Н. Л.* Исследование имплицитных концепций интеллекта // Психология личности в условиях социальных изменений. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 1993. С. 97–103.
- Смит А.* Исследование о природе и причинах богатства народов. СПб.: Питер, 2007.
- Смолл М., Маккензи Р. А.* Как делать деньги. Ловушка времени. М.: Вече–Персей–АСТ, 1995.
- Совладающее поведение: Современное состояние и перспективы / Под ред. А. Л. Журавлева, Т. Л. Крюковой, Е. А. Сергиенко. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2008.
- Совместная деятельность в условиях организационно-экономических изменений / Отв. ред. А. Л. Журавлев. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 1997.
- Совместная деятельность: Методология, теория, практика / Отв. ред. А. Л. Журавлев, П. Н. Шихирев, Е. В. Шорохова. М.: Наука, 1988.

- Современная психология: многообразие научного поиска / Под ред. Р. А. Ахмерова, С. П. Дырина, А. Л. Журавлева. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2007.
- Современная психология: состояние и перспективы: Тезисы докладов на юбилейной научной конференции ИП РАН: В 2 т. / Отв. ред. А. В. Брушлинский, А. Л. Журавлев. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2002.
- Современная психология: Справочное руководство / Отв. ред. В. Н. Дружинин. М.: Инфра-М, 1999.
- Современная социальная реальность России и государственное управление: социальная и социально-политическая ситуация в России в 2012 году: В 2-х т. Т. 1. М.: ИСПИ РАН, 2014.
- Современное состояние и перспективы развития психологии труда и организационной психологии: Сборник материалов международной научно-практической конференции (Москва, 15–16 октября 2015 года) / Отв. ред. Л. Г. Дикая, А. Л. Журавлев, А. Н. Занковский. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2015.
- Современные проблемы психологии управления / Отв. ред. Т. П. Емельянова, А. Л. Журавлев, Г. В. Телятников. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2002.
- Современные тенденции развития психологии труда и организационной психологии / Отв. ред. Л. Г. Дикая, А. Л. Журавлев, А. Н. Занковский. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2015.
- Современный экономический словарь / Под ред. Б. А. Райзберг, Л. Ш. Лозовского, Е. Б. Стародубцевой. М.: Инфра-М, 2006.
- Соколов А. В.* Форсайт: взгляд в будущее // Форсайт. 2007. № 1. С. 8–15.
- Соколов В. М.* Толерантность: состояние и тенденции // Социс. 2003. № 8. С. 54–64.
- Солдатова Г. У., Нестик Т. А.* Отношение к интернету среди интернет-пользователей: технофобы и технофилы // Вестник Московского государственного областного университета. Сер. «Психологические науки». 2016. № 1. С. 54–61.
- Солдатова Г. У., Нестик Т. А., Рассказова Е. И., Зотова Е. Ю.* Цифровая компетентность российских подростков и родителей: результаты всероссийского исследования. М.: Фонд Развития Интернет, 2013.
- Солдатова Г. У.* Психология межэтнической напряженности. М.: Смысл, 1998.
- Солдатова Г. У., Нестик Т. А.* Историко-эволюционная перспектива человечества: от парадигмы конфликта к парадигме толерантности // Национальный психологический журнал. 2011. № 2 (6). С. 15–24.

- Соловьев В.* Сочинения: В 2 т. М.: Мысль, 1988.
- Соснин В. А.* Перспективы урегулирования этнополитического конфликта // Психологический журнал. 1993. Т. 14. № 6. С. 23–34.
- Соснин В. А.* Урегулирование и разрешение конфликтов: проблема посредничества в прикладной исследовательской практике Запада // Психологический журнал. 1994. Т. 15. № 5. С. 130–141.
- Соснин В. А.* Культура и межгрупповые процессы: этноцентризм, конфликты и тенденции национальной идентификации // Психологический журнал. 1997. Т. 18. № 1. С. 50–60.
- Соснин В. А.* Роль средств массовой информации и системы образования в воспитании исторической памяти в современной России // Психологический журнал. 2009. Т. 30. № 4. С. 102–105.
- Соснин В. А.* Психология современного терроризма: Учебное пособие для вузов. М.: ФОРУМ, 2010а.
- Соснин В. А.* Современный терроризм и проблема мотивации террористов-смертников // Прикладная юридическая психология. 2010б. № 4. С. 43–50.
- Соснин В. А.* Содержание, основные функции и особенности воспитания патриотизма в современных российских условиях // Психология нравственности / Отв. ред. А. Л. Журавлев, А. В. Юревич. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2010 в. С. 318–337.
- Соснин В. А.* Проблема религиозных и ненаучных духовных практик в воздействии на массовое сознание населения // Психологическое воздействие: Механизмы, стратегии, возможности противодействия / Отв. ред. А. Л. Журавлев, Н. Д. Павлова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2011а. С. 249–267.
- Соснин В. А.* Духовно-религиозные основы суицидального терроризма // Психологические исследования духовно-нравственных проблем / Отв. ред. А. Л. Журавлев, А. В. Юревич. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2011б. С. 355–388.
- Соснин В. А.* Психология суицидального терроризма в XXI веке: исторические аналогии и геополитические тенденции // Психологический журнал. 2011 в. Т. 32. № 4. С. 30–44.
- Соснин В. А.* Идеология глобального Джихада как духовно-нравственная мотивация оправдания суицидального терроризма исламскими радикалами // *NB: Национальная безопасность*. 2012а. № 1 (18). С. 92–101.
- Соснин В. А.* Психология суицидального терроризма: исторические аналогии и геополитические тенденции в XXI веке. М.: Форум, 2012б.
- Соснин В. А.* Психология, геополитика и терроризм: тенденции развития современной межнациональной и межконфессиональной

- ситуации в России // Нравственность современного российского общества: психологический анализ / Отв. ред. А. Л. Журавлев, А. В. Юревич. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012в. С. 227–254.
- Соснин В. А.* Психологические аспекты противодействия немедицинскому употреблению наркотиков: современная проблематика и тенденции // Психологический журнал. 2013. Т. 34. № 1. С. 132–144.
- Соснин В. А.* Духовно-нравственное противодействие терроризму в современном мире: роль психологических операций // Психологическое воздействие в межличностной и массовой коммуникации / Отв. ред. А. Л. Журавлев, Н. Д. Павлова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2014. С. 331–346.
- Соснин В. А.* Особенности менталитета народов христианско-православной и исламской культур и современный терроризм // Историогенез и современное состояние российского менталитета / Отв. ред. В. А. Кольцова, Е. В. Харитоновна. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2015а. С. 230–348.
- Соснин В. А.* Психология массового поведения. М.: Форум–Инфра-М, 2015б.
- Соснин В. А.* Проблема ИГИЛ в современной геополитической ситуации: детерминанты феномена привлекательности и стратегии противодействия // Социальная и экономическая психология. 2016. Т. 1. № 1. С. 126–142.
- Соснин В. А.* Социально-политическая и духовно-нравственная консолидация российского общества: проблема космополитизма и будущее развитие России // Наука. Культура. Общество. 2015. № 3. С. 42–56.
- Соснин В. А.* Терроризм начала XXI в.: проблема интерпретации и источников терроризма (о социально-психологических и идейных истоках современного терроризма) // Вопросы философии. 2005. № 6. С. 3–36.
- Соснин В. А.* Феномен коррупции в России как социополитическая, социокультурная и социально-психологическая проблема // Психологический журнал. 2014а. Т. 35. № 3. С. 78–90.
- Соснин В. А.* Феномен патриотизма: основные понятия, функции и особенности воспитания в современных российских условиях // Человеческий фактор: проблемы психологии и эргономики. 2014б. № 2 (69). С. 12–19.
- Соснин В. А., Журавлев А. Л.* Коррупция в России как политическая и социально-психологическая проблема // Человеческий фактор: проблемы психологии и эргономики. 2013а. № 4 (67). С. 6–16.

- Соснин В. А., Журавлев А. Л.* Феномен коррупции в России как социополитическая и психологическая проблема // Прикладная юридическая психология. 2013б. № 2. С. 8–24.
- Соснин В. А., Журавлев А. Л.* Психология массового поведения: истоки и современные тенденции исследования // Знание. Понимание. Умение. 2014. № 1. С. 49–61.
- Соснин В. А., Журавлев А. Л., Красников М. А.* Социальная психология: Учебное пособие для студентов вузов. М.: Форум—Инфра-М, 2011.
- Соснин В. А., Журавлев А. Л., Нестик Т. А.* Проблема психологических технологий в современной психологии // Вызовы эпохи в аспекте психологической и психотерапевтической науки и практики: Материалы V Международной научно-практической конференции. Казань: Отечество, 2011. С. 158–163.
- Соснин В. А., Журавлев А. Л., Нестик Т. А.* Социально-психологические аспекты стратегической стабильности и ядерного сдерживания в современном мире: постановка проблемы и практика исследований // Знание. Понимание. Умение. 2012. № 3. С. 116–123.
- Соснин В. А., Лунев П. А.* Как стать хозяином положения: анатомия эффективного общения. М.: Издат. центр Academia; Ин-т психологии РАН, 1996.
- Соснин В. А., Нестик Т. А.* Современный терроризм: социально-психологический анализ. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2008.
- Соснина Л. М.* Тенденции исследования справедливости в зарубежной социальной психологии // Психологический журнал. 2006. Т. 27. № 5. С. 40–49.
- Социальная психология экономического поведения / Отв. ред. А. Л. Журавлев, Е. В. Шорохова. М.: Наука, 1999.
- Социальная психология: Учебное пособие для вузов / Отв. ред. А. Л. Журавлев. М.: Пер Сэ, 2002.
- Социально-психологическая динамика в условиях экономических изменений / Отв. ред. А. Л. Журавлев, Е. В. Шорохова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 1998.
- Социально-психологические исследования города / Отв. ред. Т. В. Дробышева, А. Л. Журавлев. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016.
- Социально-психологические исследования руководства и предпринимательства / Отв. ред. А. Л. Журавлев, Е. В. Шорохова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 1999.
- Социальные неравенства и социальная политика в современной России / Под. ред. М. К. Горшкова, Н. Е. Тихоновой. М.: Наука, 2008.

- Социокультурные особенности российской модернизации: Дискуссия. М.: Экон-Информ, 2009.
- Сочивко Д. В., Полянин Н. А.* Молодежь России: образовательные системы, субкультуры, исправительные учреждения. М.: МПСИ, 2009.
- Спок Б.* О воспитании детей. М.: АСТ, 1997.
- Статистика суицида. URL: <https://aee.su/statistika-suitsida-2017-postranam.html> (дата обращения: 02.11.2017).
- Степаншин С. В.* Государственный аудит и экономика будущего. М.: Наука, 2008.
- Стефаненко Т. Г.* Этнопсихология: Учебник для высших учебных заведений. М.: Академический проект, 1999.
- Столяр В. Ю.* Доверие как инструмент управления глобальным риском // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. 2008. № 82 (1). С. 330–336.
- Столяренко Л. Д.* Основы психологии: Учебное пособие. Ростов-на-Дону: Феникс, 2002.
- Стресс, выгорание, совладание в современном контексте / Под ред. А. Л. Журавлева, Е. А. Сергиенко. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2011.
- Субъектный подход в психологии / Под ред. А. Л. Журавлева, В. В. Знакова, З. И. Рябикиной, Е. А. Сергиенко. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009.
- Султанов Ш.* Терроризм в гибридном интернете // Завтра. 2015. № 46.
- Сумарокова В. А., Журавлев А. Л.* Доверие предпринимателей к разным видам организаций: региональные особенности // Социально-психологическая динамика в условиях экономических изменений / Отв. ред. А. Л. Журавлев, Е. В. Шорохова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 1998. С. 258–272.
- Сумарокова В. А., Журавлев А. Л.* Региональные и половые различия доверия предпринимателей к разным видам организаций // Знание. Понимание. Умение. 2012. № 4. С. 36–45.
- Сухарев А. В.* Этнофункциональная информационная безопасность в условиях кризиса культуры // Психологический журнал. 2009. Т. 30. № 4. С. 100–101.
- Сырцова А.* Возрастная динамика временной перспективы личности: Дис. ... канд. психол. наук. М., 2008.
- Сэмюэлс Э.* Тайная жизнь политики. М.: Гуманитарная академия, 2002.
- Талызина Н. Ф.* Управление процессом усвоения знаний. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1975.

- Тодуа З. Экспансия исламистов на Кавказе и в Центральной Азии. М.: Ин-Октавио, 2006.
- Турчин П. В. Историческая динамика: На пути к теоретической истории. М.: УРСС, 2007.
- Ходкинсон Д. П., Сперроу П. Р. Компетентная организация: психологический анализ процесса стратегического менеджмента. Харьков: Гуманитарный центр, 2007.
- Тарабрина Н. В., Быховец Ю. В. Террористическая угроза: теоретико-эмпирическое исследование. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2014.
- Тарабрина Н. В., Журавлев А. Л. Психологическая безопасность: на пути к комплексным, междисциплинарным исследованиям (вместо предисловия) // Проблемы психологической безопасности / Отв. ред. А. Л. Журавлев, Н. В. Тарабрина. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012. С. 5–21.
- Тарасов К. С. Теоретические подходы к проблеме распространения ядерного оружия // Вестник МГИМО. 2015. № 4 (43). С. 130–138.
- Тард Г. Общественное мнение и толпа. М., 1902.
- Тенденции развития современной психологической науки: Тезисы юбилейной научной конференции (31 января–1 февраля 2007 г.): В 2 ч. Ч. 1 / Отв. ред. А. Л. Журавлев, В. А. Кольцова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2007.
- Теория и методология психологии: Постнеклассическая перспектива / Отв. ред. А. Л. Журавлев, А. В. Юревич. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2007.
- Тимофеева Е. А. Национальный менталитет и этническая самоидентификация // История отечественной и мировой психологической мысли: Постигая прошлое, понимать настоящее и предвидеть будущее: Материалы Международной конференции по истории психологии «IV Московские встречи» (Москва, 26–29 июня 2006 г.) / Отв. ред. А. Л. Журавлев, В. А. Кольцова, Ю. Н. Олейник. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2006. С. 554–557.
- Тихомирова С. В. Динамика социальных представлений о празднике у современной российской молодежи. Дис. ... канд. психол. наук: М., 2008.
- Тойнби А. Дж., Икеда Д. Диалоги Тойнби – Икеда. М.: ЛЕАН, 1998.
- Толерантность как фактор противодействия ксенофобии: управление рисками, ксенофобии в обществе риска / Под ред. Ю. П. Зинченко, А. В. Логинова. М.: Наука, 2011.
- Фридман Т. Л. Плоский мир: Краткая история XXI века. URL: <https://www.livelib.ru/quotes> (дата обращения: 10.07.2017).

- Тощенко Ж. Т.* Социология. М.: Прометей—Юрайт-М, 2001.
- Трубецкой Е.* Смысл жизни. URL: http://www.odinblago.ru/trubeckoi_smysl (дата обращения: 17.10.2017).
- Тугарёва Е. В.* Динамика решений в двусторонних экономических сделках // Экономическая психология в современном мире: Материалы Международной научно-практической конференции (22–24 ноября 2012 г.) / Отв. ред. А. Лебедев. М.: Экон-Информ, 2012. С. 204–206.
- Тукмаков Д.* Твиттер-революции // Завтра. 2011. Апрель.
- Турчин А. В.* О возможных причинах недооценки рисков гибели человеческой цивилизации // Проблемы управления рисками и безопасностью: Труды Института системного анализа РАН. Т. 31. М., 2007. С. 266–305.
- Турчин А. В.* Проблема стабильного развития и перспективы глобальных катастроф // Общественные науки и современность. 2010. № 1. С. 156–163.
- Турчин А. В., Батин М. А.* Футурология. XXI век: бессмертие или глобальная катастрофа? М.: Бином—Лаборатория знаний, 2013.
- Урнов М. Ю.* Эмоции в политическом поведении. М.: Аспект-Пресс, 2008.
- Усенко О. Г.* К определению понятия «менталитет» // Русская история: Проблемы менталитета: Тезисы докл. науч. конференции. М.: Ин-т рос. истории РАН. М., 1994. С. 3–7.
- Ушаков Д. В., Журавлев А. Л.* Образование и конкурентоспособность нации: психологические аспекты // Наука. Культура. Общество. 2008. № 3. С. 99–108.
- Ушаков Д. В., Журавлев А. Л.* Фундаментальная психология и практика: проблемы и тенденции взаимодействия // Психологический журнал. 2011. Т. 32. № 3. С. 5–16.
- Феномен и категория зрелости в психологии / Отв. ред. А. Л. Журавлев, Е. А. Сергиенко. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2007.
- Филинкова Е. Б.* Психология российского предпринимательства: Учебное пособие. М.: Ректор, 2007.
- Франкл В.* Человек в поисках смысла. М.: Прогресс, 1990.
- Фрейд З.* Психология бессознательного. М.: Просвещение, 1989.
- Фрейхоф В.* Космополитизм // Мир Просвещения: Исторический словарь. М.: Памятники исторической мысли, 2003. С. 31–41.
- Фролькис В. В.* Старение и увеличение продолжительности жизни. Л.: Наука, 1988.
- Фромм Э.* Анатомия человеческой деструктивности. М.: АСТ, 1998.
- Фромм Э.* Бегство от свободы. М.: Прогресс, 1990.

- Фурсов А. И.* Русофобия – психоисторическое оружие Запада // Наш современник. 2016а. № 1. С. 141–148.
- Фурсов А. И.* Вопросы борьбы в русской истории: Логика намерений и логика обстоятельств. М.: Книжный мир, 2016б.
- Хазин М.* Красный проект. О новой модели развития // Завтра. 2012. № 33. С. 156.
- Харламенкова Н. Е., Журавлев А. Л.* Психология личности как открытой и развивающейся системы (к юбилею Л. И. Анцыферовой) // Психологический журнал. 2009. Т. 30. № 6. С. 30–39.
- Хау Дж.* Краудсорсинг. Коллективный разум как инструмент развития бизнеса. М.: Альпина Паблишер, 2012.
- Хащенко В. А.* Экономико-психологические модели субъективно-экономического благополучия // Психологический журнал. 2005. Т. 26. № 4. С. 5–19.
- Хащенко В. А.* Типология субъективного экономического благополучия // Психологический журнал. 2007. № 1. С. 58–69.
- Хащенко В. А.* Субъективная шкала благосостояния и субъективное экономическое благополучие // Психологический журнал. 2011. Т. 32. № 3. С. 27–42.
- Хащенко В. А.* Психология экономического благополучия. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012.
- Хащенко В. А.* Социально-психологическая детерминация субъективного экономического благополучия: Дис. ... д-ра психол. наук. М., 2012.
- Хесле В.* Кризис индивидуальной и коллективной идентичности // Вопросы философии. 1994. № 10. С. 112–123.
- Хизрич Р., Питерс М.* Предпринимательство, или Как завести собственное дело и добиться успеха. Вып. 1. Предприниматель и предпринимательство. М.: Прогресс, 1990.
- Хилл Н.* Закон успеха: Думай и богатей. Екатеринбург: Литур, 2000.
- Холодная М. А.* Когнитивные стили: О природе индивидуального ума. СПб.: Питер, 2004.
- Хорни К.* Невротическая личность нашего времени. Самоанализ. М.: Айрис-Пресс, 2004.
- Червинская К. Р.* Концепция «извлечение экспертных знаний» в инженерно-психологическом контексте // Вестник СПбГУ. 2008. Сер. 12. Вып. 3. С. 394–402.
- Червинская К. Р.* Психологические основы инженерии знаний. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2009.
- Черевикина М. Ю.* Инновационная система СО РАН: от плановой модели к рыночным отношениям // Наука. Инновации. Образование. 2007. № 2. С. 240–280.

- Чередняк Ю., Журавлев А. Л.* Совместная жизнедеятельность трудового коллектива в условиях частичного сокращения персонала // Психология совместной жизнедеятельности малых групп и организаций / Отв. ред. А. Л. Журавлев, Е. В. Шорохова. М.: Изд-во «Социум»; «Институт психологии РАН», 2001. С. 178–201.
- Чубарьян А. О.* Вторая мировая война в современной историографии и общественном сознании // Вестник Российской Академии наук. 2016. Т. 86. № 5. С. 387–395.
- Чугунов А. В.* Социологические аспекты формирования информационного общества в России: Обзор исследований аудитории Интернета. СПб.: Изд-во С.-Петербург. гос. ун-та, 2000.
- Шаков А. М., Китова Д. А.* Условия оптимизации целевых ориентаций личности // Вестник КЧГУ. 2007. № 5. С. 34–41.
- Шарп Д.* От диктатуры к демократии: Концептуальные основы освобождения. М.: Новое издательство, 2005.
- Шафаревич И. Р.* Русофобия. М.: Эксмо, 2005.
- Шебанова М. А.* Различные формы транснациональных социальных взаимодействий // Гуманитарные и социальные науки. 2010. № 5. С. 218–229.
- Шевяков А. Ю.* Социальная политика и реформирование распределительных отношений // Вестник РАН. 2007. Т. 77. № 3. С. 195–210.
- Шевяков А. Ю.* Неравенство и формирование новой социальной политики государства // Вестник РАН. 2008. Т. 78. № 4. С. 304–316.
- Шевяков А. Ю.* Мифы и реалии социальной политики. М.: ИСЭПН РАН, 2011.
- Шестакова Е., Соколова Т.* Бедность и неравенство в постсоциалистических государствах: взгляд извне и изнутри // Мир перемен. 2007. № 1. С. 92–107.
- Шестопал Е. Б.* Теоретико-методологические проблемы исследования образов власти // Психология восприятия власти. М.: Смысль, 2002.
- Шиняева О. В., Клюева Т. В., Займалин Е. П.* Интеллигенция в российском обществе // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2012. № 3 (23). С. 110–120.
- Сихирев П. Н.* Современная социальная психология. М.: Изд-во «Институт психологии РАН»; КСП+; Академический проект, 1999.
- Шкаратан О. И.* Государственная социальная политика и положение средних слоев в современной России // Социологический журнал. 2004. № 1/2. С. 106–128.

- Шкаратан О. И., Красилова Н. А., Смыслов Д. А., Ястребов Г. А.* и др. Социально-экономическое неравенство и его воспроизводство в современной России. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2009.
- Шкуратов В. А.* Историческая психология. М.: Смысл, 1997.
- Шматова Ю. Е., Морев М. В.* Измерение уровня счастья: литературный обзор российских и зарубежных исследований // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2015. № 3 (39). С. 141–162.
- Шмигин И.* Философия потребления: потребитель, производство и маркетинг. Харьков: Гуманитарный центр, 2009.
- Шумпетер Й.* Теория экономического развития. М.: Прогресс, 1982.
- Щербакова И. В., Ядов В. А.* Культура предупредительного поведения в большом городе: опыт видеонаблюдения пассажиров у дверей метро Будапешта, Москвы, Нижнего Новгорода и Санкт-Петербурга // Социологический журнал. 2007. № 4. С. 138–148.
- Эдвинссон Л.* Корпоративная долгота: Навигация в экономике, основанной на знаниях. М.: Инфра-М, 2005.
- Эжиев И. Б.* Геополитический риск как политическая категория // Власть. 2009. № 12. С. 143–146.
- Экономическая психология в России и Беларуси / Под ред. А. Л. Журавлева, В. А. Поликарпова. Минск, 2007.
- Экспертиза в современном мире: от знания к деятельности / Под ред. Г. В. Иванченко, Д. А. Леонтьева. М.: Смысл, 2006.
- Энциклопедический социологический словарь / Под ред. Г. В. Осипова. М.: Норма, 1995.
- Юревич А. В.* Критический анализ американских социально-психологических концепций «справедливого обмена» // Вопросы психологии. 1981. № 5. С. 158–166.
- Юревич А. В.* Нравственность как психологическая проблема // Вопросы психологии. 2009а. № 4. С. 3–13.
- Юревич А. В.* Динамика психологического состояния современного российского общества // Вестник РАН. 2009б. Т. 79. № 2. С. 112–118.
- Юревич А. В.* Психология социальных явлений. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2014.
- Юревич А. В.* Факторы формирования и эволюции национальных менталитетов // Институт психологии РАН. Социальная и экономическая психология. 2016. Т. 1. № 3. С. 83–110.
- Юревич А. В., Журавлев А. Л.* Макропсихологическое состояние современного российского общества // Экономическая наука современной России. 2012. № 2. С. 137–140.

- Юревич А. В., Журавлев А. Л.* Психология нравственности как область психологического исследования // Психологический журнал. 2013. Т. 34. № 3. С. 4–14.
- Юревич А. В., Журавлев А. Л.* Количественная оценка психологического состояния современного российского общества // Современная социальная реальность России и государственное управление: Социальная и социально-политическая ситуация в России в 2012 г.: В 2 т. Т. 1. М.: ИСПИ РАН, 2014. С. 92–100.
- Юревич А. В., Журавлев А. Л.* Метаморфозы либерального психотипа // Вестник РАН. 2015а. Т. 85. № 2. С. 164–172.
- Юревич А. В., Журавлев А. Л.* Психологические факторы коррупции // Вестник РАН. 2015б. Т. 85. № 11. С. 1019–1027.
- Юревич А. В., Журавлев А. Л.* Патриотизм как объект изучения психологической науки // Психологический журнал. 2016а. Т. 37. № 3. С. 88–89.
- Юревич А. В., Журавлев А. Л.* Психологические аспекты поиска российской национальной идеи // Вопросы философии. 2016б. № 8. С. 69–78.
- Юревич А. В., Ушаков Д. В.* Экспертная оценка динамики психологического состояния российского общества: 1981–2011 гг. // Вопросы психологии. 2012. № 3. С. 30–44.
- Юревич А. В., Цапенко И. П.* Нужны ли России ученые? М.: URSS, 2001. Юридический энциклопедический словарь М.: Инфра-М, 2001.
- Яницкий О. Н.* Модернизация в России в свете концепции «общества риска» // Куда идет Россия? Общее и особенное в современном развитии / Под ред. Т. Заславской. М.: Интерцентр, 1997.
- Ярошевский М. Г.* Историческая психология науки. СПб.: Изд-во Междунар. фонда истории науки, 1995.
- Abrams D., Wetherell M., Cochrane S., Hogg M. A., Turner J. C.* Knowing what to think by knowing who you are: Self-categorisation and the nature of norm formation, conformity and group polarization // British Journal of Social Psychology. 1990. V. 29. P. 97–119.
- Action J. M.* Bombs away? Being realistic about deep nuclear reductions? // Washington Quarterly. 2012. V. 29. P. 97–119.
- Adams J. S.* Wage inequities, productivity and work quality // British Journal of Industrial Relations. 1963. V. 3. P. 9–16.
- Adas M.* Prophets of rebellion: Millenarian protest movements against the European colonial order. Chapel Hill, NC: University of North California Press, 1979.
- Agre P. E.* Real-time politics: The Internet and the political process // The Information Society. 2002. V. 18. P. 311–331.

- Ain al-Yaqeen. Arab political magazine // Weekly. Saudi Arabia. 2003. 28 november.
- Albrecht K.* The power of minds at work. Organizational intelligence in action. N. Y.: AMACOM, 2003.
- Allen B. P.* Frightening information and extraneous arousal: Changing cognitions and behavior regarding nuclear war // Journal of Social Psychology. 1993. V. 133 (4). P. 459–467.
- Allen P. D.* Information operation planning. London: Artech House, 2007.
- Allison G.* Essence of decision. Boston: Little, Brown, 1971.
- Altemeyer B.* What happens when authoritarians inherit the Earth? A Simulation // Analyses of Social Issues and Public Policy. 2003. V. 3 (1). P. 161–169.
- Alvesson M., Kärreman D.* Odd couple: Making sense of the curious concept of knowledge management // Journal of Management Studies. 2001. V. 38. P. 995–1018.
- Amabile T. M.* The social psychology of creativity: A componential conceptualization // Journal of Personality and Social Psychology. 1983. V. 45. P. 357–376.
- Anderson T. L.* Drug abuse and identity: Linking micro and macro factors // The Sociological Quarterly. 1994. V. 35 (1). P. 159–174.
- Anderson W.* All connected now. Life in the first global civilization. Oxford, 2001.
- Anstee J.* Norms and the management of identities: The case for engagement between constructivism and the social identity approach // Psychology and Constructivism in International Relations: An Ideational Alliance / Eds V. P. Shannon, P. A. Kowert. Michigan, USA: University of Michigan Press, 2012. P. 76–91.
- Arbon P.* The development of conceptual models for mass-gathering health // Prehospital and Disaster Medicine. 2004. V. 9. P. 208–212.
- Argyris C., Schon D. A.* Organizational learning: A theory of action perspective. Reading, Mass.: Addison-Wesley, 1978.
- Armstrong S. J., Mahmud A.* The influence of learning styles on the creation of actionable knowledge in public sector managers // Academy of Management Proceedings. 2004. P. 69–78.
- Arnold K. M., McDermott K. B., Szpunar K. K.* Imagining the near and far future: the role of location familiarity // Memory and Cognition. 2011. V. 39 (6). P. 954–967.
- Arquilla J., Ronfeld D.* Networks and netwars. Santa monica, CA: Rand, 2001.
- Aya R.* Theories of revolution reconsidered: contrasting models of collective violence // Theory and Society. 1979. V. 8 (1). P. 135–165.

- Azuma H., Kashiwagi K.* Descriptors for an intelligent person: A Japanese study // *Japanese Psychological Research* 1987. V. 29 (1). P. 17–26.
- Azzam M.* Al-Qaeda five years on: The threat and the challenges. Chatham House Briefing Paper (UK). 2006. 8 pages. September.
- Barber B.* Strong democracy. Berkeley, CA: University of California Press, 1984.
- Barber B.* The new telecommunications technology: Endless frontier or end of democracy // *Communications cornutopia* Markle Foundation / Eds G. Roger, P. Monroe. Washington, D. C.: Brookings Institution, 1998. P. 72–98.
- Barber B.* The sociology of science // *International encyclopedia of the social science*. V. 14. N. Y., 1979.
- Barber B. L., Eccles J. S., Stone M. R.* Whatever happened to the jock, the brain and the princess? Young adult pathways linked to adolescent activity involvement and social identity // *Journal of Adolescent Research*. 2001. V. 16 (5). P. 429–455.
- Barber S. J., Mather M.* Forgetting in context: The effects of age, emotion, and social factors on retrieval-induced forgetting // *Memory and cognition*. 2012. V. 40. P. 874–888.
- Barbrook R.* Imaginary futures: From thinking machines to the global village. L: Pluto Press, 2007.
- Barnett F. R.* Political warfare and psychological operations. Washington: National Defence University and National Strategy Information Center, Inc., 1989.
- Barsade S. G.* The ripple effect: Emotional contagion and its influence on group behavior // *Yale University: Administrative Science Quarterly*. 2002. V. 47. P. 644–675.
- Bar-Tal D.* Why does fear override hope in societies engulfed by intractable conflict, as it does in the Israeli society // *Political Psychology*. 2001. V. 22. P. 601–627.
- Bar-Tal D.* Collective memory of physical violence: Its contribution to the culture of violence // *The role of memory in ethnic conflict* / Eds E. Cairns, M. D. Roe. UK: Houndmills, 2003. P. 77–93.
- Bar-Tal D.* The necessity of observing real life situations: Palestinian–Israeli violence as a laboratory of learning about social behavior // *European Journal of Social Psychology*. 2004. V. 34. P. 677–701.
- Bar-Tal D.* Sociopsychological foundations of intractable conflicts // *American Behavioral Scientist*. 2007. V. 50 (11). P. 1430–1453.
- Bar-Tal D., Halperin E., De Rivera J.* Collective emotions in conflict situations: Societal implications // *Journal of Social Issues*. 2007. V. 63 (2). P. 441–460.

- Bassett J. F.* Psychological defenses against death anxiety: integrating terror management theory and firestone's separation theory // *Death Studies*. 2007. V. 31. P. 727–750.
- Beck U.* Risk society revisited: Theory, politics and research programmes // *The risk society and beyond. Critical issues for social theory* / Eds B. Adam, U. Beck, J. Loon. L.: Sage Publications, 2005. P. 211–229.
- Beck U.* The cosmopolitan vision. Cambridge, Malden (Ma.): Polity, 2006.
- Beck U.* Imagined communities of global risk. Lecture for the risk conference in Shanghai, 2009. September. P. 1–18.
- Bennett W. L.* Communicating global activism // *Information, Communication and Society*. 2003. V. 6 (2). P. 143–168.
- Bennett W. L.* Global media and politics: Transnational communication regimes and civic cultures // *Annual Review of Political Science*. 2004. V. 7 (1). P. 125–148.
- Bennett W. L.* News: The politics of illusion. N. Y.: Longman, 2009.
- Bernstein A. H.* Political strategies in coercive diplomacy and limited war // *Political warfare and psychological operations* / Eds C. Lord, F. R. Barnett. Washington, D. C.: National Defense University Press, 1989.
- Beek U.* The cosmopolitan society and its enemies // *Theory, Culture and Society*. 2002. V. 19 (1–2). P. 17–44.
- Bloor D.* Knowledge and social imagery. Chicago: The University of Chicago Press, 1991.
- Booth K., Wheeler N. J.* The security dilemma: Fear, cooperation and trust in world politics. N. Y.: Palgrave Macmillan, 2008.
- Bore I.-L. K., Reid G.* Laughing in the face of climate change? Satire as a device for engaging audiences // *Public Debate Science Communication*. 2014. V. 36 (4). P. 454–478.
- Borgatti S. P., Cross R. A.* Relational view of information seeking and learning in social networks // *Management Science*. 2003. V. 49 (4). P. 432–445.
- Bostrom N.* Existential risk prevention as global priority // *Global Policy*. 2013. V. 4. P. 15–31.
- Bostrom N., Cirkovic M. M.* Introduction // *Global catastrophic risks* / Ed N. Bostrom, M. M. Cirkovic. L.–N. Y.: Oxford University Press, 2008. P. 1–29.
- Bouquet C.* Building global mindsets: An attention-based perspective. N. Y.: Palgrave Macmillan, 2005.
- Brabham D. C.* Motivations for participation in a crowdsourcing application to improve public engagement in transit planning // *Journal of Applied Communication Research*. 2012. V. 40 (3). P. 307–328.
- Brams S. J.* Superpower games: Applying game theory to superpower conflict. New Haven, CT: Yale University Press, 1985.

- Brandon D. P., Hollingshead A. B.* Transactive memory systems in organizations: Matching tasks, expertise and people // *Organization Science*. 2004. V. 15 (6). P. 633–644.
- Brecher J., Costello T., Smith B.* Globalization from below: The power of solidarity. Cambridge, MA: South End Press, 2000.
- Brewer S.* Why America fights: Patriotism and war propaganda from the Philippines to Iraq. N. Y.: Oxford University Press, 2009.
- Brinton C.* The anatomy of revolution. N. Y.: Harper and Row, 1965.
- Broader Middle East and North Africa initiative. Office of the Press Secretary, the White House, Washington, D. C., 2004. June, 9.
- Brosnan M. J.* Technophobia: The psychological impact of information technology. L: Routledge, 1998.
- Brown W., Morgan M.* Living with nuclear hedging: the implications of Iran's nuclear strategy // *International Affairs*. 2015. July. V. 91 (4).
- Brown B. B., Lohr M. J.* Peer-group affiliation and adolescent self-esteem: An integration of ego-identity and symbolic-interaction theories // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1987. V. 52. P. 47–55.
- Brown B. B., Mory M. S., Kinney D.* Casting adolescent crowds in a relational perspective: Caricature, channel and context // *Personal relationships during adolescence* / Eds R. Montemayor, G. R. Adams, T. P. Gulotta. Thousand Oaks, CA: Sage, 1994. P. 123–167.
- Brown B. B., Mounts N., Lamborn S. D., Steinberg L.* Parenting practices and peer group affiliation // *Child Development*. 1993. V. 64. P. 467–482.
- Browning G.* Electronic democracy: Using the Internet to transform American politics. Medford, NJ: Cyber Agebooks, 2001.
- Buchan N. R., Brewer M. B., Grimalda G., Wilson R. K., Fatas E., Foddy M.* Global social identity and global cooperation // *Psychological Science*. 2011. V. 22. P. 821–828.
- Burt R. S.* The social capital of opinion leaders // *Annals*. 1999. V. 566. P. 37–54.
- Burt R. S.* Structural holes and good ideas // *American Journal of Sociology*. 2003. V. 110 (2). P. 349–399.
- Cabrera Á., Collins W. C., Salgado J. F.* Determinants of individual engagement in knowledge sharing // *International Journal of Human Resource Management*. 2006. V. 17 (2). P. 245–264.
- Callon M., Rabeharisoa V.* The growing engagement of emergent concerned groups in political and economic life: Lessons from the French association of neuromuscular disease patients // *Science, Technology and Human Values*. 2008. V. 33 (2). P. 230–261.
- Cannon H. M., Yaprak A.* Will the real-world citizen please stand up! The many faces of cosmopolitan consumer behavior // *Journal of International Marketing*. 2002. V. 10 (4). P. 30–52.

- Carmeli A.* Positive work relationship, vitality, and job performance // Research on emotion in organization. V. 5. Emotions in Groups, Organizations and Cultures / Eds Ch. E. J. Härtel, N. M. Ashkanasy, W. J. Zerbe. UK: Emerald Group Publishing, 2009. P. 44–71.
- Carmi N.* Caring about tomorrow: Future orientation, environmental attitudes and behaviors // Environmental Education Research. 2013. V. 19 (4). P. 430–444.
- Castells M.* The power of identity. Oxford: Blackwell, 2004.
- Castells M.* Communication power. Oxford University Press, 2009.
- Castells M.* et al. Electronic communication and socio-political mobilization: A new form of civil society // Global Civil Society 2005/6 / Eds A. Helmut, G. Marlies, K. Mary. Ch. 8. L.: Sage, 2006a.
- Castells M.* et al. Mobile communication and society: A global perspective. A project of the Annenberg research network on international communication. Cambridge, MA: MIT Press, 2006b.
- Castles S., Miller M. J.* The age of migration. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2003.
- Chakma B.* Pakistan's nuclear weapons. Oxon: Routledge, 2009.
- Choi I., Dalal R., Kim-Prieto C.* Information search in causal attribution: Analytic vs holistic. Urbana-Champaign: University of Illinois, 2000.
- Chow W. S., Chan L. Sh.* Social network, social trust and shared goals in organizational knowledge sharing // Information and Management. 2008. V. 45 (7). P. 458–465.
- Cinnirella M.* Exploring temporal aspects of social identity: the concept of possible social identities // European Journal of Social Psychology. 1998. V. 28. P. 227–248.
- Clasen D. R., Brown B. B.* The multidimensionality of peer pressure in adolescence // Journal of Youth and Adolescence. 1985. V. 14 (6). P. 451–468.
- Cleveland M., Laroche M., Papadopoulos N.* Cosmopolitanism, consumer ethnocentrism and materialism: An eight-country study of antecedents and outcomes // Journal of International Marketing. 2009. V. 17 (1). P. 116–146.
- Cleveland M., Laroche M., Takahashi I., Erdogan S.* Cross-linguistic validation of a unidimensional scale for cosmopolitanism // Journal of Business Research. 2014. V. 67. P. 268–277.
- Cohen A.* The worst kept secret: Israel's bargain with the bomb. Colombia University Press, 2013.
- Colby E. A., Denmark A. M.* Nuclear weapons and U. S.–China relation. A report of Poni working group. March 2013.
- Coleman S., Hall N.* Spinning on the web: E-campaigning and beyond // Ed. S. Coleman. 2001. Cyber Space Odyssey. The Internet in the UK Election – retrieved October 31, 2003 from www.hansardsociety.org.uk.

- Collins R.* Social movements and the focus of emotional attention // *Passionate politics: Emotions and social movements* / Eds J. Goodwin, M. J. James, F. Polletta. Chicago: University of Chicago Press, 2001. P. 27–44.
- Collins R.* Weberian sociological theory. N. Y.: Cambridge University Press, 1986.
- Corteen R. S., Williams T. M.* Television and reading skills // *The impact of television: A natural experiment in three communities* / Ed. by T. M. Williams. Orlando, FL: Academic Press, 1986. P. 39–86.
- Cross J. R.* The influence of family and peer socialization on adolescent beliefs about intergroup relations. Unpublished doctoral dissertation. Ball State University, Muncie, IN, 2008.
- Cross J. R., Fletcher K. L.* The challenge of adolescent crowd research: Defining the crowd // *Journal of Youth Adolescence*. 2009. V. 38. P. 747–764.
- Cseh M., Davis E. B., Khilji Sh. E.* Developing a global mindset: learning of global leaders // *European Journal of Training and Development*. 2013. V. 37 (5). P. 489–499.
- Cushman J. H.* Industrial group plans to battle climate treaty // *The New York Times*. 1998. April 26.
- Davis J.* Post Detonation Nuclear Forensics // *AIP Conference Proceedings*. 2014. V. 1596. P. 206–209.
- De Rivera J.* Emotional climate: Social structure and emotional dynamics // *International review of studies on emotion* / Ed. K. T. Strongman. Chichester, UK: Wiley, 1992. V. 2. P. 197–218.
- De Rivera J., Carson H. A.* Cultivating a global identity // *Journal of Social and Political Psychology*. 2015. V. 3 (2). P. 310–330.
- De Rivera J., Páez D.* Emotional climate, human security and culture of peace // *Journal of Social Issues*. 2007. V. 63. P. 233–253.
- Deetz S.* The micro-politics of identity formation in the workplace: The case of a knowledge-intensive firm // *Human Studies*. 1994. V. 17. P. 23–44.
- Delanty G., He B.* Cosmopolitan perspectives on European and Asian transnationalism // *International Sociology*. 2008. V. 23 (3). P. 323–344.
- Delsing M., TerBogt T., Engels R., Meeus W.* Adolescents' peer crowd identification in the Netherlands: Structure and associations with problem behaviors // *Journal of Research on Adolescence*. 2007. V. 17 (2). P. 467–480.
- Der-Karabetian A.* World-mindedness and the nuclear threat: A multinational study // *Journal of Social Behavior and Personality*. 1992. V. 7. P. 293–308.
- Der-Karabetian A., Michelle A.* Psychological predictors of sustainable behavior in college samples from the United States, Brazil and the Netherlands // *American International Journal of Social Science*. 2015. V. 4 (6). P. 29–39.

- Der-Karabetian A., Ruiz Y.* Affective bicultural and global-human identity scales for Mexican–American adolescents // *Psychological Reports*. 1997. V. 80. P. 1027–1039.
- Deutsch M.* The resolution of conflict. New Haven, CT: Yale University Press, 1973.
- Devos T., Silver L. A., Mackie D. M., Smith E. R.* Experiencing intergroup emotions // From prejudice to intergroup emotions: Differentiated reactions to social groups / Eds D. M. Mackie, E. R. Smith. Philadelphia, PA: Psychological Press, 2002. P. 111–133.
- Dinello D.* Technophobia! Science fiction visions of post-human technology. Austin: University of Texas Press, 2005.
- Dolan Th. M.* Unthinkable and tragic: The psychology of weapons taboos in war // *International Organization*. 2013. V. 67 (41). P. 37–63.
- Dolcini M. M., Adler N. E.* Perceived competencies, peer group affiliation and risk behavior among early adolescents // *Health Psychology*. 1994. V. 13 (6). P. 496–506.
- Dollard J.* et al. Frustration and aggression. New Haven: Yale University Press, 1939.
- Doosje B., Spears R., Ellemers N.* Social identity as both cause and effect: The development of group identification in response to anticipated and actual changes in the intergroup status hierarchy // *British Journal of Social Psychology*. 2002. V. 41. P. 57–76.
- Douglas M., Wildavsky A. B.* Risk and culture: An essay on the selection of technical and environmental dangers. Berkeley: University of California Press, 1982.
- Dower N., Williams J.* Global citizenship. A critical introduction. N. Y.: Routledge, 2002.
- Dretske F.* Knowledge and the Flow of Information. Cambridge, MA: MIT Press, 1981.
- Drury J.* When the mobs are looking for witches to burn nobody's safe: Talking about the reactionary crowd // *Discourse and Society*. 2002. V. 13. P. 41–72.
- Drury J., Cocking Ch., Reicher S.* Everyone for themselves? A comparative study of crowd solidarity among emergency survivors // *British Journal of Social Psychology*. 2009. V. 48. P. 487–506.
- Drury J., Reicher S.* Collective action and psychological change: The emergence of new social identities // *British Journal of Social Psychology*. 2000. V. 39. P. 579–604.
- Drury J., Reicher S.* Explaining enduring empowerment: A comparative study of collective action and psychological outcomes // *European Journal of Soc. Psychology*. 2005. V. 35. P. 35–58.

- Drury J., Stott C.* “Bias” as a research strategy in participant observation: The case of intergroup conflict // *Field Methods*. 2001. V. 13. P. 47–67.
- Drury J., Stott C. J., Farsides T.* The role of police perceptions and practices in the development of ‘public disorder’ // *Journal of Applied Social Psychology*. 2003. V. 33. P. 1480–1500.
- Dunphy D. C.* Cliques, crowds, and gangs. Melbourne, Australia: Cheshire, 1969.
- Dvery J., Reicher S.* Collective action and psychological change: The emergence of new social identities // *British Journal of Social Psychology*. 2000. V. 39. P. 579–604.
- Dye T. R.* The local-cosmopolitan dimension and the study of urban politics // *Social Forces*. 1963. V. 41. P. 239–246.
- Earle T. C., Cvetchkovich G.* Culture, cosmopolitanism, and risk management // *Risk Analysis*. 1997. V. 17 (1). P. 55–65.
- Edwards T.* Comined and uneven development. L.: New Left Books, 1982.
- Edwards T.* Contradictions of consumption: Concepts, practices and politics in consumer society. Buckingham: Open University press, 2000.
- Eidelson R. J.* How leaders promote war by exploiting our core concerns // *Peace Review*. 2013. V. 25 (2). P. 219–226.
- Emmett D., Nice G.* Understanding street drugs. A handbook of substance misuse for parents, teachers and other professionals. London and Philadelphia: Jessica Kingsley Publishers, 2006.
- Etheredge L. S.* Personality effects on American foreign policy, 1896–1968: A test of interpersonal generalization theory // *American Political Science Review*. 1978. V. 72 (2). P. 434–451.
- Exclusive interview with Usama Bin Ladin on 11 Sep. attacks in US // *Karachi. Ummat*. 28 September. 2001. P. 1–7.
- Fernández-Dols J. M., Carrera P., Hurtado de Mendoza A., Oceja L.* Emotional climate as emotion accessibility: How countries prime emotions // *Journal of Social Issues*. 2007. V. 63. P. 339–352.
- Fincher R.* Cosmopolitan or ethnically identified selves? Institutional expectations and the negotiated identities of international students // *Social and Cultural Geography*. 2011. V. 12 (8). P. 905–927.
- Fiske A. P.* Structures of Social Life: The four elementary forms of human relations. N. Y.: Free Press, 1991.
- Fiske S. T., Fischhoff B., Milburn M. A.* Images of nuclear war: An introduction // *Journal of Social Issues*. 1983. V. 39 (1). P. 1–6.
- Freedman L.* The evolution of nuclear strategy. Hampshire, 2003.
- Frenda S. J., Nichols R. M., Loftus E. F.* Current issues and advances in misinformation research // *Current Directions in Psychological Science*. 2011. V. 20 (1). P. 20–23.

- Friedman R. S., Förster J.* Effects of motivational cues on perceptual asymmetry: Implications for creativity and analytical problem solving // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2005. V. 88 (2). P. 263–275.
- Fuhrmann M.* Atomic Assistance: How «Atoms for Peace» Programs Cause Nuclear Insecurity. Ithaca and London: Cornell University Press, 2012.
- Funk J.* Video games // *Adolescent medicine: State of the Art Reviews*. 1993. V. 4. P. 589–598.
- Gaertner S. L., Dovidio J. F.* Reducing intergroup bias: The common ingroup identity model. Philadelphia, PA: Psychology Press / Taylor and Francis, 2000.
- Gagné M.* A model of knowledge-sharing motivation // *Human Resource Management*. 2009. V. 48 (4). P. 571–589.
- Galton J.* Vox populi // *Nature*. 1907. V. 75. March 7. 1949. P. 450–451.
- Gat A.* Is war declining – and why? // *Journal of Peace Research*. 2013. V. 50 (2). P. 149–157.
- George A. L.* Presidential decisionmaking in foreign policy: The effective use of informational and advice. Boulder: Westview Press, 1980.
- Giddens A.* Living in a post-traditional society // *Reflexive modernization. Politics, tradition and aesthetics in the modern social order* / Eds U. Beck, A. Giddens, S. Lash. Cambridge: Polity, 1994. P. 56–109.
- Gilbert D., Lee K. L., Barton M.* Technophobia, gender influences and consumer decision making for technology related products // *European Journal of Innovation Management*. 2009. V. 6 (4). P. 253–263.
- Giovanini E., Hall J., Morrone A., Rannuzi G. A.* Framework to measure the progress of societies. OECD Working Paper, 2009.
- Gjesme T.* Some factors influencing perceived goal distance in time: a preliminary check // *Perceptual and Motor Skills*. 1981. V. 53. P. 175–182.
- Gjesme T.* On the concept of future time orientation: considerations of some functions' and measurements' implications // *International Journal of Psychology*. 1983. V. 18. P. 443–461.
- Global Citizenship a growing sentiment among citizens of emerging economies: *Global Poll*. // BBC. World Service. 2016. April 27. URL: http://www.globescan.com/images/images/pressreleases/BBC2016-Identity/BBC_GlobeScan_Identity_Season_Press_Release_April%2026.pdf (дата обращения: 10.10.2017).
- Gollwitzer P. M., Heckhausen H., Steller B.* Deliberative and implemental mind-sets: Cognitive tuning toward congruous thoughts and information // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1990. V. 59 (6). P. 1119–1127.
- Gourlay S.* Conceptualizing knowledge creation: a critique of Nonaka's theory // *Journal of Management Studies*. 2006. V. 43 (7). P. 1415–1436.

- Graber D. A.* Mass media and American politics. Washington, D. C.: Congressional Quarterly Press, 1989.
- Gray C. S., Paine K.* Victory is possible // *Foreign Policy*. Summer 1980. P. 14–27.
- Greenberg J.* Understanding the vital human quest for self-esteem // *Perspectives on Psychological Science*. 2008. V. 3 (1). P. 48–55.
- Greenwald A. G., Carnot C. G., Beach R., Young B.* Increasing voting behavior by asking people if they expect to vote // *Journal of Applied Psychology*. 1987. V. 72. P. 315–318.
- Grimley N.* Identity 2016: «Global citizenship» rising, poll suggests // *BBC World*. 2016. 28 April. URL: <http://www.bbc.com/news/world-36139904> (дата обращения: 10.10.2017).
- Grinstein A., Riefler P.* Citizen of the (green) world? Cosmopolitan orientation and sustainability // *Journal of International Business Studies*. 2015. V. 46. P. 694–714.
- Guss D.* Planen und Kultur? Lengerich, Germany: Pabst, 2000.
- Hackett J. D., Omoto A. M., Matthews M.* Human rights: The role of psychological sense of global community // *Peace and Conflict: Journal of Peace Psychology*. 2015. V. 21. P. 47–67.
- Hackman J. R., Oldham G.* Work redesign. Reading, Mass.: Addison-Wesley, 1980.
- Haddon L.* Domestication analysis, objects of study and the centrality of technologies in everyday life // *Canadian Journal of Communication*. 2011. V. 36 (2). P. 311–323.
- Hafez M.* Manufacturing human bombs: The making of Palestinian suicide bombers. US institute of Peace: Washington, DC, 2006.
- Haichao Zh, Dahui L., Wenhua H.* Task design, motivation and participation in crowdsourcing contests // *International Journal of Electronic Commerce*. 2011. V. 15 (4). P. 57–88.
- Halbwachs M.* La memoire collective. Paris, 1950.
- Hamilton S. B., Chavez E. L., Keitlin W. G.* Thoughts of Armageddon: The relationship between nuclear threat attitudes and cognitive/emotional responses // *International Journal of Mental Health*. 1986. V. 15. P. 189–207.
- Hancock J. T.* The future of lying. Technology, education and design (TED), Winnipeg, MN, 2012. URL: http://www.ted.com/talks/jeff_hancock_3_types_of_digital_lies (дата обращения: 20.10.2017).
- Harris R. J. A.* Cognitive psychology of mass communication. Mahwah, N. J.–London: Lawrence Erlbaum associates publishers, 2004. P. 262–291.
- Hawkins E. N.* A tale of two systems: Co-occurring mental health and substance abuse disorders treatment for adolescents // *Annual Review of Psychology*. 2009. V. 60. P. 197–227.

- He B.* Transnational civil society and the national identity question in East Asia // *Global governance: A review of multilateralism and international organizations*. 2004. V. 10 (2). P. 227–246.
- He W., Fang Y., Wei K.-K.* The role of trust in promoting organizational knowledge seeking using knowledge management systems: An empirical investigation // *Journal of the American Society for Information Science and Technology*. 2009. V. 60 (3). P. 526–537.
- Health and Safety Executive: The event safety guide (A guide to health, safety and welfare at music and similar events). L: Her Majesty's Stationery Office, 1999.
- Heaven P., Ciarrochi J., Vialle W.* Self-nominated peer crowds, school achievement and psychological adjustment in adolescents: A longitudinal analysis // *Personality and Individual Differences*. 2008. V. 44. P. 977–988.
- Heaven P., Ciarrochi J., Vialle W., Cechavicuite I.* Adolescent peer crowd self-identification, attributional style and perceptions of parenting // *Journal of Community and Applied Social Psychology*. 2005. V. 15. P. 313–318.
- Heidenreich S., Wittkowski K., Handrich M., Falk T.* The dark side of customer co-creation: exploring the consequences of failed co-created services // *Journal of the Academy of Marketing Science*. 2015. V. 43 (3). P. 279–296.
- Helbing D., Farkas I., Vicsek T.* Simulating dynamical features of escape panic // *Nature*. 2000. V. 407. P. 487–490.
- Helbling M., Teney C.* The cosmopolitan elite in Germany: transnationalism and postmaterialism // *Global Networks*. 2015. P.73–82.
- Held D.* Democracy and the global order: From the modern state to cosmopolitan governance. Blackwell Publishers, 1995.
- Helgeson V.S., Reynolds K., Tomich P.* A meta-analytic review of benefit finding and growth // *Journal of Consulting and Clinical Psychology*. 2006. V. 5. P. 797–816.
- Herzberg F.* Work and the nature of man. L: Crosby Lockwood Staples, 1974.
- Hett E. J.* The development of an instrument to measure global-mindedness. Unpublished doctoral dissertation. University of San Diego, 1993.
- Hintze O.* The historical essays of Otto Hintze. N. Y.: Oxford University Press, 1975.
- Ho Sh. M., Hancock J. T., Booth Ch., Liu X.* Computer-mediated deception: Strategies revealed by language-action cues in spontaneous communication // *Journal of Management Information Systems*. 2016. V. 33 (2). P. 393–420.
- Hobsbaum E.* Inventing traditions // *The invention of tradition* / Eds E. J. Hobsbawm, T. O. Ranger. Cambridge, UK: Cambridge University Press, 1983. P. 1–14.

- Hoffer E.* The true believer: Thoughts on the nature of mass movements. N. Y.: Harper and Row, 1951.
- Hoffman A.* How culture shapes the climate change debate. Stanford: Stanford University Press, 2015.
- Hoffman J.* Social identity and intergroup conflict: An Israeli view // The social psychology of intergroup conflict / Eds W. Stroebe, A. Kruglanski, D. Bar-Tal, M. Hewstone. Berlin–Heidelberg: Springer-Verlag, 1988. P. 43–51.
- Hofstede G., Bond M. H.* The Confucius connection: From cultural roots to economic growth // Organizational Dynamics. 1988. V. 16 (4). P. 4–21.
- Holsti O. R.* Crisis decision making // Behavior, society and nuclear war. V. 1. N. Y.: Oxford University Press, 1989. P. 8–84.
- Homans G. S.* Social behavior: It's elementary forms. N. Y.: Harcourt: Brace and World, 1961.
- Hornik R.* Television access and the slowing of cognitive growth // American Educational Research Journal. 1978. V. 15. P. 1–15.
- Howe J.* The Rise of Crowdsourcing // Wired Magazine. 2006. June, Issue 14.06. P. 1–4.
- Huston A. C., Donnerstein E., Fairchild H. H., Feshbach N. D., Katz P.* et al. Big world, small screen: The role of television in American society. Washington, D. C.: American Psychological Association, 1992.
- Hymans J. E. C.* The psychology of nuclear proliferation: Identity, emotions and foreign policy. Cambridge: Cambridge University Press, 2006.
- Hymans J. E. C.* Achieving nuclear ambitions: Scientists, politicians and proliferation. N. Y.: Cambridge University Press, 2012.
- Hymans J. E. C.* The threat of nuclear proliferation: Perception and reality // Ethics and International Affairs. 2013. V. 27 (3). P. 281–298.
- I-Chieh H., Yi-Shun W.* A model of intraorganizational knowledge sharing: Development and initial test // Journal of Global Information Management. 2008. V. 16 (3). P. 45–73.
- Ilic I., Milic I., Arandelovic M.* Assessment quality of life: current approaches // Acta Medica Medianae. 2010. V. 49 (4). P. 52–60.
- Inglehart R., Norris P.* Sacred and secular: Religion and politics worldwide. Cambridge: Cambridge University Press, 2004.
- Inglehart R., Welzel C.* Modernization, cultural change and democracy. N. Y.: Cambridge University Press, 2005.
- Ishikawa Y.* Calls for deliberative democracy in Japan // Rhetoric and Politics. 2002. V. 5 (2). P. 331–345. P. 342.
- Janis I. L.* Victims of groupthink. N. Y.: Houghton Mifflin, 1972.
- Jarymowicz M., Bar-Tal D.* The dominance of fear over hope in the life of individuals and collectives // European Journal of Social Psychology. 2006. V. 36. P. 367–392.

- Javidan M., Bowen D.* The global mindset: A new source of competitive advantage // Rotman Management. Spring, 2015. P. 42–47.
- Jervis R.* Cooperation under the security dilemma // World Politics. 1978. V. 30 (2). P. 167–214.
- Jervis R.* Perception and misperception in international politics. Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1976.
- Joffe H.* Risk: From perception to social representation // British Journal of Social Psychology. 2003. V. 42. P. 55–73.
- Johnson D. G.* Reflections campaign politics. The Internet and ethics // The Civic Web: Online Politics and Democratic Values / Eds D. M. Anderson, M. Cornfield. Lanham, MD: Rowman and Littlefield, 2003. P. 9–18.
- Johnson D. P., Tierney D.* The Rubicon theory of war: How the path to conflict reaches the point of no return // International Security. 2011. V. 36. P. 7–40.
- Johnson N. R.* Fire in a crowd theatre: A descriptive investigation of the emergence of panic // International Journal of mass Emergencies and disaster. 1966. V. 6. P. 7–26.
- Joiner R., Gavin J., Brosnan M.* et al. Gender, Internet experience, Internet identification and Internet anxiety: A ten year follow up // Cyber Psychology, Behavior and Social Networking. 2012. V. 15 (7). P. 370–372.
- Joppke C.* Asylum and State Sovereignty. A comparison of the United States, Germany and Britain // Comparative Political Studies. 1997. V. 30. P. 25–29.
- Juris J. S.* Networked social movements: global movements for global justice // The Network Society: A cross-cultural perspective / Ed. M. Castells. Massachusetts: Edward Elgar Publishing Inc., 2004. P. 341–362.
- Kass L. R.* The problem of technology // Technology in the western political tradition / Eds A. M. Melzer, J. Weinberger, M. R. Zinman. Sage House: Cornell University, 1993. P. 1–25.
- Keck M. E., Sikkink K.* Activists beyond borders. Ithaca, N. Y.: Cornell University Press, 1998.
- Keenan M., Popper R.* Comparing foresight “style” in six world regions // Foresight. 2008. V. 10 (6). P. 16–38.
- Kemp C.* Public lecture: Safety and crowd management. Cultural, universal and partisan tensions in mass crowd gatherings. 2006. URL: http://www.acem.uts.edu.au/pdfs/chris_kemp_lecture.pdf (дата обращения: 15.11.2017).
- Kennedy B., Funk C.* Public interest in science and health linked to gender, age and personality. 2015. URL: <http://www.pewinternet.org/2015/12/11> (дата обращения: 05.11.2017).
- Kent A.* A critical look at risk assessments for global catastrophes // Risk Analysis. 2004. V. 24. P. 157–168.

- Kerr N. L., Tindale R. S.* Group performance and decision making // Annual Review of Psychology. 2004. V. 55. P. 623–655.
- Khagram S., Riker J. V., Sikkink K.* Restructuring world politics: Transnational social movements, networks and norms. Minneapolis: University of Minnesota Press, 2002.
- Khalid I.* Nuclear doctrine: Ramifications for South Asia // Research Journal of South Studies. 2012. July–December. V. 27 (2). P. 313–334.
- Khong Y.* Analogies at war: Korea, Munich, Dien Bien Phu and the Vietnam Decisions of 1965. Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1992.
- Kierulff S., Zippin D.* Knowledge, attitudes and beliefs regarding nuclear “Weapons”: a Survey of registered voters in Los Angeles in 1985 // The Annual convention of the American psychological association (93th, Los Angeles, August 23–27, 1985). URL: <http://files.eric.ed.gov/fulltext/ED267304.pdf> (дата обращения: 20.12.2016).
- Kilduff M., Krackhardt D.* Interpersonal networks in organizations: Cognition, personality, dynamics and culture. Cambridge, N. Y.: Cambridge University Press, 2008.
- Kimmel M. S.* Revolution: a sociological interpretation. Philadelphia: Temple University Press, 1990.
- King L. A., Walker L., Broyles S. J.* Creativity and the five-factor model // Journal of Research in Personality. 1996. V. 30. P. 189–203.
- Klein H. K., Kleinman D. L.* The social construction of technology: Structural considerations // Science, Technology, and Human Values. 2002. V. 27 (1). P. 28–52.
- Knopf J. W.* Nuclear disarmament and nonproliferation // International Security. 2012. V. 37 (3). P. 92–132.
- Kolb D.* Experimental learning. Englewood Cliffs, N.J.: Prentice-Hall, 1984.
- Krackhardt D.* The strength of strong ties: The importance of philos in organizations // Networks and organizations: Structure, form and action / Eds N. Nohria, R. G. Eccles. Boston: Harvard Business School Press, 1992. P. 216–239.
- Krebs R. R., Rapport A.* International relations and the psychology of time horizons // International Studies Quarterly. 2012 V. 56 (3). P. 530–543.
- Krosnick J. et al.* The origins and consequences of democratic citizens’ policy agendas: a study of popular concern about global warming // Climatic Change. 2006. V. 77. P. 7–43.
- Kugihara N.* Effects of aggressive behavior and group size on collective escape in an emergency: A test between a social identity model and de-individuation theory // British Journal of Social Psychology. 2001. V. 40. P. 575–598.

- Kuo F.-Y., Young M.-L.* A study of the intention–action gap in knowledge sharing practices // *Journal of the American Society for Information Science and Technology*. 2008. V. 59 (8). P. 1224–1237.
- Kuppens T., Yzerbyt V. Y.* Group-based emotions: The impact of social identity on appraisals, emotions and behaviors // *Basic and Applied Social Psychology*. 2012. V. 34. P. 20–33.
- Laden O. B.* Audio recording, posted to the Jihadist Web Site “Al-Quaida”. 2004. URL: www.qual3ah.net. December 16, 2004 (дата обращения: 10.10.2017 г.).
- Larson J. P.* The role of religious ideology in terrorist recruitment // *The making of terrorist*. V. 1. Recruitment / Ed. J. J. F. Forest. Westpoint, CT: Praeger Security International, 2005.
- Lash S., Lury C.* Global culture industry: The mediation of things. Cambridge: Polity Press, 2007.
- Latour B., Woolgar S.* Laboratory life: The construction of scientific facts. Princeton: Princeton University Press, 1986.
- Lavoy P. R.* Pakistan’s foreign relations // *South Asia in World Politics* / Ed. D. T. Hagerty. Boulder, Colorado: Rowman and Littlefield, 2005.
- Lawrence S. J.* Consumer xenocentrism and consumer cosmopolitanism: the development and validation of scales of constructs influencing attitudes towards foreign product consumption. Wayne State University Dissertations. Paper 606. Wayne State University, 2012.
- Lebow R. N.* Between peace and war: The nature of international crisis. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1981.
- Lebow R. N.* Nuclear crisis management. Ithaca, N. Y.: Cornell University Press, 1985.
- Lee S., Ramenzoni V. C., Holme P.* Emergence of collective memories // *PLoS ONE*. 2010. V. 5 (9). P. e12522.
- Leiden K., Schmitt K. M.* The politics of violence: Revolution in the modern world. Englewood Cliffs, N. J.: Prentice Hall, 1968.
- Leimeister J. M., Huber M., Bretschneider U., Krcmar H.* Lever-aging crowd-sourcing: Activation-supporting components for IT-based ideas competition // *Journal of management Information Systems*. 2009. V. 26 (1). P. 197–224.
- Lengnick-Hall M. L., Lengnick-Hall C. A.* Human resource management in the knowledge economy: New challenges, new roles, new capabilities. San Francisco: Berrett-Koehler, 2002.
- Letov P.* Strengthening the nuclear nonproliferation regime. Council Special Report № 54.
- Letter from O. B. Laden to American people. 2002. October 26. URL: <http://www.waaqiah.com> (дата обращения: 10.10.2017).

- Leung A. K. Y., Koh K., Tam K. P.* Being environmentally responsible: Cosmopolitan orientation predicts pro-environment behavior // *Journal of Environmental Psychology*. 2015. V. 43. P. 79–94.
- Levine P.* Online campaigning and the public interest // *The civic web: Online politics and democratic values* / Eds D. M. Anderson, M. Cornfield. Lanham, MD: Rowman and Littlefield, 2003. P. 47–62.
- Levinson P.* Toy, mirror and art: the metamorphosis of technological culture // *Philosophy, Technology and Human Affairs* / Ed. L. Hickman. College Station, TX: Ibis, 1985. P. 162–175.
- Levis B.* What went wrong? Western impact and Middle Eastern response. N. Y.: Oxford University Press, 2002.
- Levis P.* Iran and Nuclear Restraint // *Research Paper. Middle North Africa Program and International Security Department*. 2015. July. P. 7.
- Levy D., Sznaider N.* Erinnerung im globalen Zeitalter: Der Holocaust. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 2001.
- Levy J. S.* Psychology and foreign policy decision-making // *The Oxford handbook of political psychology* / Eds L. Huddy, D. O. Sears, J. S. Levy. Oxford: Oxford University Press, 2013.
- Levy O., Taylor S., Boyacigiller N. A., Beechler Sh.* Global mindset: A review and proposed extensions // *The Global mindset* / Eds M. Javidan, R. M. Steers, M. A. Hitt (*Advances in International Management*. V. 19). Amsterdam: Elsevier JAI, 2007. P. 11–47.
- Lewis K., Belliveau M., Herndon B., Keller J.* Group cognition, membership change, and performance: Investigating the benefits and detriments of collective knowledge // *Organizational Behavior and Human Decision Processes*. 2007. V. 103 (2). P. 159–178.
- Liebert R. M., Sprafkin J.* The early window: Effects of television on children and youth. N. Y.: Pergamon, 1988.
- Ling R.* *New Tech, New Ties. How mobile communication is reshaping social cohesion.* Cambridge, Massachusetts London, England. Massachusetts Institute of Technology, 2008.
- Liu J. H., Goldstein-Hawes R., Hilton D.* et al. Social representations of events and people in world history across 12 cultures // *Journal of Cross-Cultural Psychology*. 2005. V. 36. P. 171–191.
- Lodhi M.* Pakistan beyond the “crisis state”. N. Y.: Columbia University Press, 2011.
- Lorenz J., Rauhut H., Schweitzer F., Helbing D.* How social influence can undermine the wisdom of crowd effect // *Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America*, 5.31.2011. V. 108 (22). P. 9020–9025.
- Luhmann N.* *Risk: A sociological theory.* N. Y.: Walter de Gruyter, 1993.

- Lyon A., Chesebro J. L.* The politics of knowledge: A critical perspective on organizational knowledge // Communication and organizational knowledge: contemporary issues for theory and practice / Eds H. E. Canary, R. D. McPhee. N. Y.: Routledge, 2011.
- Macdonald S.* Propaganda and information warfare in the twenty-first century: Altered images and deception operations. L—N. Y.: Routledge, 2007.
- MacDonald Z.* What price drug use? The contribution of economics to an evidence-based drugs policy // Journal of Economic Surveys. 2004. V. 18 (2). P. 113–152.
- Malsch A.* Prosocial behavior beyond borders: Understanding a psychological sense of global community. Unpublished doctoral dissertation. Claremont, CA: Claremont Graduate University, 2005.
- Malsch A. M., Omoto A. M.* Prosocial behavior beyond borders: Understanding a psychological sense of global community. Claremont, CA: Unpublished manuscript, Department of Psychology, Claremont Graduate University, 2007.
- March J. G., Simon H. A.* Organizations. N. Y.: Wiley, 1958.
- Marquardt M.* Is it a learning organization? // The consultant's toolkit. High-impact questionnaires, activities and how-to guides for diagnosing and solving client problems / Ed. M. Silberman. N. Y.: McGraw-Hill, 2001. P. 20–23.
- Mares M.* The role of source confusions in television's cultivation of social reality judgments // Human Communication Research. 1996. V. 23. P. 278–297.
- Marshall J., Smith S., Buxton St.* Learning organizations and organizational learning: What have we learned? // Management Services. 2009. V. 53 (2). P. 36–44.
- Martinez-Sanchez F., Paez D., Pennebaker J. W., Rime B.* Revelar, compartir y expresar las emociones: efectos sobre la salud y el bienestar [Disclosing, sharing and expressing emotions: Effects on health and well-being] // Ansiedad y Estrés. 2001. V. 7. P. 151–174.
- Maslach C., Schaufeli W. B., Leiter M. P.* Job burnout // Annual Review of Psychology. 2001. V. 52. P. 397–422.
- Maslow A. H.* Motivation and personality. N. Y.: Harper, 1954.
- Matiuddin K.* The nuclearisation of South Asia. Karachi: Oxford University Press, 2002. P. 229.
- Maurer I., Bartsch V., Ebers M.* The value of intra-organizational social capital: How it fosters knowledge transfer, innovation performance and growth // Organization Studies. 2011. V. 32 (2). P. 157–185.
- Mawson A. R.* Understanding mass panic and other collective responses to threat and disaster // Psychiatry. 2005. V. 68. P. 95–113.

- Mc Phail C.* The myth of the madding crowd. N. Y.: Aldine De Gruyter, 1991.
- McCrae R. R.* Creativity, divergent thinking and openness to experience // Journal of Personality and Social Psychology. 1987. V. 52. P. 1258–1265.
- McFarland S., Brown D., Webb M.* Identification with all humanity as a moral concept and psychological construct // Current Directions in Psychological Science. 2013. V. 22 (3). P. 194–198.
- McFarland S., Hornsby W.* An analysis of five measures of global human citizenship // European Journal of Social Psychology. 2015. V. 45. P. 806–817.
- McFarland S., Webb M., Brown D.* All humanity is my ingroup: A measure and studies of identification with all humanity // Journal of Personality and Social Psychology. 2012. V. 103. P. 830–853.
- McGregor D.* The human side of enterprise. N. Y.: McGraw-Hill, 1960.
- McGuire W. J.* The myth of massive media impact: Savaging's and salvaging // Public Communication and Behavior / Ed. G. Comstock. N. Y.: Academic Press, 1986. P. 173–257.
- McKenna A. C.* Cognition and affect in perception of well-being // Social indicators research. 1978. V. 5 (4). P. 389–426.
- McQuail D.* Mass communication theory. L: Sage, 1994.
- Melucci A.* Nomads of the present: Social movements and individual needs in contemporary society. Philadelphia: Temple University Press, 1989. P. 75–76.
- Merton R. K.* Social theory and social structure. Toronto, 1957.
- Metag J., Marcinkowski F.* Technophobia towards emerging technologies? A comparative analysis of the media coverage of nanotechnology in Austria, Switzerland and Germany // Journalism. 2014. V. 15 (4). P. 463–481.
- Michailova S., Husted K.* Knowledge sharing hostility in Russian firms // Forthcoming in California Management Review. 2003. V. 45 (3). P. 59–77.
- Michalos A. C.* Optimism in thirty countries over a decade // Social Indicators Research. 1988. V. 20. P. 177–180.
- Migration and development: the question of migrant “Remittances” (Transfers) // A mapping study of eleven European countries and the European Commission, 2013. URL: http://www.diplomatie.gouv.fr/en/francepriorities_1/development_2108/immigration-migration_2396/migration-and-development-the-question-of-migrant-remittances-transfers_9619.html (дата обращения: 12.11.2017).
- Minhyung K., Young-Gul K.* A multilevel view on interpersonal knowledge transfer // Journal of the American Society for Information Science and Technology. 2010. V. 61 (3). P. 483–494.
- Mintz A.* Non-adaptive group behavior // Journal of Abnormal and Social Psychology. 1951. V. 46. P. 150–159.

- Mitchell K.* Educating the national citizen in neoliberal times: From the multicultural self to the strategic cosmopolitan // Transactions of the Institute of British Geographers. 2003. V. 28. P. 387–403.
- Mitchell K.* Geographies of identity: The intimate cosmopolitan // Progress in Human Geography. 2007. V. 31. P. 706–720.
- Monge P. R., Contractor N. S.* Theories of communication Networks. N. Y.: Oxword University Press, 2003.
- Monroe K.* The heart of altruism: Perception of a common humanity. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1996.
- Moreland R. L., Argote L.* Transactive memory in dynamic organizations // Understanding the Dynamic Organization / Eds R. Peterson, E. Mannix. Mahwah, N.J.: Erlbaum, 2003. P. 135–162.
- Morgan M., Shanahan J.* Two decades of cultivation research: An appraisal and meta-analysis // Ed. B. R. Burleson. Communication yearbook. V. 20. P. 1–45. Thousand Oaks, CA: Sage, 1997.
- Mount A.* The Strategic logic of nuclear restraints // Global politics and strategy. 2015. V. 57 (4). P. 53–76.
- Mousnier R.* The Fronde // Preconditions of revolution in early modern Europe / Eds R. Forster, P. Greene. MD: Johns Hopkins University Press, 1970.
- Muller E. N.* Economic determinants of democracy // American Sociological Review. 1995. V. 60 (6). P. 966–982.
- Murr A. E.* “Wisdom of crowds”? A decentralized election forecasting model that uses citizens’ local expectations // Electoral Studies. 2011. V. 30 (4). P. 771–783.
- Myers T., Nisbet M., Maibach E., Leiserowitz A.* A public health frame arouses hopeful emotions about climate change // Climatic Change. 2012. V. 113. P. 1105–1112.
- Neal A. G.* National trauma and collective memory. N. Y.: Sharpe, 1998.
- Nisbet M. C., Myers T.* The polls-trends: twenty years of public opinion about global warming // Public Opinion Quarterly. 2007. V. 71 (3). P. 444–470.
- Nistor N.* et al. Towards the integration of culture into the Unified Theory of Acceptance and Use of Technology// British Journal of Educational Technology. 2014. V. 45 (1). P. 36–55.
- Nolen-Hoeksema S., Davis C. G.* Positive responses to loss: Perceiving benefits and growth // Handbook of positive psychology / Eds C. R. Snyder, S. J. Lopez. N. Y.: Oxford University Press, 2005. P. 598–603.
- Nonaka I.* A dynamic theory of organizational knowledge creation // How Organizations Learn. Managing the Search for Knowledge / Eds K. Starkey, S. Tempest, Al. McKinlay. L.: Thomson, 2004. P. 165–201.

- Nonaka I., Toyama R., Byosiere Ph.* A theory of organizational knowledge creation: Understanding the dynamic process of creating knowledge // Handbook of organizational learning and knowledge / Eds M. Dierkes, A. B. Antal, J. Child, I. Nonaka. N. Y.: Oxford University Press, 2001. P. 491–517.
- Norris P.* A Virtuous Circle: Political communications in postindustrial societies. N. Y.: Cambridge University Press, 2000.
- Norris P.* Digital divide: Civic engagement, information poverty and the internet worldwide. Cambridge University Press, 2001.
- O'Neill S., Nicholson-Cole S.* “Fear won’t do it”: promoting positive engagement with climate change through visual and iconic representations // Science Communication. 2009. V. 30 (3). P. 355–279.
- O'Reilly K. P.* Leaders' perceptions and nuclear proliferation: A political psychology approach to proliferation // Political Psychology. 2012. V. 33 (6). P. 767–789.
- Oldham G., Cummings A.* Employee creativity: Personal and contextual factors at work // Academy of Management Journal. 1996. V. 39. P. 607–634.
- Oliner S., Oliner P.* The altruistic personality: Rescuers of Jews in Nazi Europe. N. Y.: Free Press, 1988.
- Olson M.* The logic of collective action. N. Y.: Schocken Books, 1965.
- Osiceanu M. E.* Psychological implications of modern technologies: “Technofobia” versus “Technophilia” // Procedia – Social and Behavioral Sciences. 2015. V. 180. P. 1137–1144.
- Paddock A. Jr.* Military psychological operations // Political warfare and psychological operations / Eds C. Lord, F. R. Barnett. Washington, D. C.: National Defense University Press, 1989.
- Paige J.* Agrarian Revolution. N. Y.: Free Press, 1975.
- Palazzolo E. T.* Transactive memory and organizational knowledge // Communication and organizational knowledge: contemporary issues for theory and practice / Eds H. E. Canary, R. D. McPhee. N. Y.: Routledge, 2011. P. 113–132.
- Pantzar M.* Domestication of everyday life technology: Dynamic views on the social histories of artifacts // Design Issues. 1997. V. 13 (3). P. 52–65.
- Parsons T.* The Social System. N. Y.: Free Press, 1955.
- Pennebaker J., Paez D., Rime B.* Collective memory of political events. Mahwah, N. J.: Erlbaum, 1997.
- Pennebaker J. W., Harber K. D.* A social stage model of collective coping: The Loma Prieta earthquake and the Persian Gulfwar // Journal of Social Issues. 2003. V. 49. P. 125–145.

- Pichler F.* Cosmopolitanism in a global perspective: An international comparison of open-minded orientations and identity in relation to globalization // *International Sociology*. 2012. V. 27 (1). P. 21–50.
- Pichler F.* “Down-to-Earth” Cosmopolitanism: Subjective and Objective Measurements of Cosmopolitanism in Survey Research // *Current Sociology*. 2009. V. 57 (5). P. 704–732.
- Pilisuk M.* Addictive Rewards in Nuclear Weapons Development // *Peace Review*. 1999. V. 11 (4). P. 597–600.
- Pinch T., Bijker W.* The social construction of fact and artifacts: Or how the sociology of science and the sociology of technology might benefit each other // *The social construction of technological systems: New directions in the sociology and history of technology* / Eds W. Bijker, T. Hughes, T. Pinch. Cambridge, MA: MIT Press, 1987. P. 17–50.
- Pines A., Maslach C.* *Experiencing Social Psychology*. N. Y.: McGraw-Hill, 1993.
- Plous S.* The nuclear arms race: Prisoner’s dilemma or perceptual dilemma? // *Journal of Peace Research*. V. 30 (2). 1993. P. 163–179.
- Post J.* Psychological operations and counterterrorism // *Joint Force Quarterly*. 2005. V. 37. Spring.
- Pozzi M., Marta E., Marzana D., Gozzolib C., Ruggieri R. A.* The effect of the psychological sense of community on the psychological well-being in older volunteers // *Europe’s Journal of Psychology*. 2014. V. 10 (4). P. 598–612.
- Prati G., Pietratoni L.* Elaborating the police perspective: The role of perceptions and experience in the explanation of crowd conflict // *European Journal of Social Psychology*. 2009. V. 39. P. 991–1001.
- President Bush calls for a “Forward Strategy of Freedom” to promote democracy in the Middle East. Office of the press secretary, the White House, Washington, D. C., 2003. 6 November.
- Preventing suicide: a global imperative. Geneva: World Health Organization, 2014.
- Provenzo E. F.* *Video kinds: Making sense of Nintendo*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1991.
- Pruitt D. G., Rubin J. Z.* *Social conflict escalation, stalemate, and settlement*. N. Y.: Random House, 1986.
- Pyszczynski T. A., Solomon S., Greenberg I.* In the wake of 9/11: The psychology of terror // Washington, DC: American Psychological Association. 2002. URL: <http://www.psychologicalscience.org/observer/fatal-attraction> (дата обращения: 12.12.2017).
- Qutb S.* *Milestones or sings along the road* / Transl. M. M. Siddiqui. Salimah, Kuwait: International Islamic Federation of Student Organizations, 1980.

- Ramaswamy V., Ozcan K.* The Co-creation paradigm. California: Stanford Business Books, 2014.
- Ramo L. G.* How can we make sense of emotional and social competences within organizational settings? // Research on emotion in organization. V. 5. Emotions in Groups, Organizations and Cultures / Eds C. E. J. Härtel, N. M. Ashkanasy, W. J. Zerbe. UK: Emerald Group Publishing, 2009. P. 1–23.
- Reagans R., McEvily B.* Network structure and knowledge transfer: The effects of cohesion and range // Administrative Science Quarterly. 2003. V. 48. P. 240–267.
- Reese G., Berthold A., Steffens M. C.* As high as it gets: Ingroup projection processes in the superordinate group humans // International Journal of Intercultural Relations. 2016. V. 50. P. 39–49.
- Reese G., Kohlmann F.* Feeling global, acting ethically: Global identification and Fairtrade consumption // The Journal of Social Psychology. 2015. V. 155 (2). P. 98–106.
- Reese G., Proch J., Cohrs J. C.* Individual differences in responses to global inequality // Analyses of Social Issues and Public Policy. V. 14. P. 217–238.
- Reese G., Proch J., Finn C.* Identification with all humanity: The role of self-investment and self-definition // European Journal of Social Psychology. 2015. V. 45. P. 426–440.
- Reicher S.* “The Crowd” century: Reconciling practical success with theoretical failure // British Journal of Social Psychology. 1996a. V. 35 (4). P. 535–553.
- Reicher S.* “The Battle of Westminster”: Developing the social identity model of crowd behavior in order to explain the initiation and development of collective conflict // European Journal of Social Psychology. 1996b. V. 26. P. 115–134.
- Reicher S.* The psychology of crowd dynamics // The Blackwell handbook of social psychology: Group processes / Eds M. Hogg, R. S. Tyndale. Oxford: Blackwell, 2001. P. 182–208.
- Reicher S., Potter J.* Psychological theory as intergroup perspective: A comparative analysis of “scientific” and “lay”: Accounts of crowd events // Human Relations. 1985. V. 38. P. 167–189.
- Religious Decree in Responce to the London Bombings // British Muslim Forum. 2005. July.
- Renzl B.* Trust in management and knowledge sharing: The mediating effects of fear and knowledge documentation // Omega. 2008. V. 36 (2). P. 206–220.
- The world turns out for World Wildlife Fund’s Earth Hour // Reuters. 2008. March 30.

- Reysen S., Katzarska-Miller I.* A model of global citizenship: Antecedents and outcomes // *International Journal of Psychology*. 2013. V. 48. P. 858–870.
- Rhinesmith S. H.* Global mindsets for global managers // *Training and Development*. 1992. V. 49 (5). P. 63–68.
- Riefler P., Diamantopoulos A.* Consumer cosmopolitanism: Review and replication of the CYMYC scale // *Journal of Business Research*. 2009. V. 62. P. 407–419.
- Rime B.* Emotion elicits the social sharing of emotion: Theory and empirical review // *Emotion Review*. 2009. V. 1. P. 60–85.
- Rime B.* The social sharing of emotion as an interface between individual and collective processes in the construction of emotional climates // *Journal of Social Issues*. 2007. V. 63 (2). P. 307–322.
- Rime B., Paez D.* et al. Social sharing of emotion, post-traumatic growth and emotional climate: Follow-up of Spanish citizen's response to the collective trauma of March 11-th terrorist attacks in Madrid // *European Journal of Social Psychology*. 2010. V. 40. P. 1029–1045.
- Robbins T. et al.* Neuroscience of drug and addiction // *Drugs and the Future: Brain Science, Addiction and Society* / Eds D. J. Nitt, T. W. Robbins, G. V. Stimson, M. Ince, A. L. Jackson. Academic Press, 2007. P. 12–15.
- Robertson R.* Globalization. L., 1998.
- Robins J. S.* Battlefronts in the war of ideas // *Countering terrorism and insurgency in the 21st century: International perspectives* / Eds J. F. Forrest, H. Mongershtern. V. 1–3. Westport, Connecticut–L.: Praeger Security International, 2007.
- Robinson H. M., Sigman M. R., Wilson J. P.* Duty-related stressors and PTSD symptoms in suburban police officers // *Psychological Reports*. 1997. V. 81. P. 835–845.
- Roman D.* Crowdsourcing and the question of expertise // *Communications of the ACM*. 2009. V. 52 (12). P. 14.
- Rosenthal E., Revkin A. C.* Science panel calls global warming “Unequivocal” // *New York Times*. 2007. February 2.
- Ruble M. R.* The nuclear threshold states: Challengers and opportunities posed by Brazil and Japan // *Nonproliferation Review*. 2010. V. 17 (1). March.
- Rublee M. R.* Nonproliferation norms: Why States choose nuclear restraint. Athens: University of Georgia Press, 2009.
- Rühle M.* Deterrence: what it can (and cannot) do // *NATO Review*. 2015. P. 1.
- Sakamoto T., Hoshiro H.* Simulating the process of policy making: The case of the Cuban missile crisis // *Conference Papers: International Studies Association, 2006 Annual Meeting*. P. 1–32.
- Sampson D., Smith H. P.* A scale to measure world-minded attitudes // *Journal of Social Psychology*. 1957. V. 45. P. 99–106.

- Sanderlands L. E., Stablein R. E.* The concept of organization mind // Research in the sociology of organizations / Eds S. Bachrach, N. DiTomaso. V. 5. Greenwich, CT: JAI Press, 1987. P. 135–162.
- Saran A., Kalliny M.* Cosmopolitanism: Concept and measurement // Journal of Global Marketing. 2012. V. 25 (5). P. 282–291.
- Sauermann H., Franzoni Ch.* Crowd science user contribution patterns and their implications (January 6, 2015) // Proceedings of the National Academy of Sciences (PNAS). 2015. January 20. V. 112 (3).
- Schippers M. C., Den Hartog D. N., Koopman P. L.* Reflexivity in teams: A measure and correlates // Applied Psychology: An International Review. 2007. V. 56 (2). P. 189–211.
- Schramm W.* Communication in crisis // The eeneedy assassination and the American public: Social communication in crisis / Eds B. S. Greenberg, E. B. Parker. Stanford, CA: Stanford University Press, 1965. P. 1–25.
- Schunk D., Winter J.* The relationship between risk attitudes and heuristics in search tasks: a laboratory experiment // Journal of Economic Behavior and Organization. 2009. V. 71. P. 347–360.
- Sey A., Castells M.* From media politics to networked politics: The Internet and the political process // The Network Society: A Cross-Cultural Perspective. Northampton, MA: Edward Elgar, 2004. P. 4.
- Shepard G. N.* Personality effects on American foreign policy // International Studies Quarterly. 1988. V. 32. P. 91–123.
- Silverstone R.* Domesticating domestication. Reflection on the life of a concept // Domestication of media and technology / Eds Th. Berker, M. Hartmann, Y. Punie, K. Ward. Maidenhead: Open University Press, 2006. P. 229–248.
- Simmons J. P., Nelson L. D., Galak J., Frederick Sh.* Intuitive biases in choice versus estimation: Implications for the wisdom of crowds // Journal of Consumer Research. 2011. V. 38 (1). P. 1–15.
- Skocpol T.* States and social revolutions. N. Y.: Cambridge University Press, 1979.
- Slaughter R. A.* Changing images of futures in the 20th century // Futures. 1991. V. 23 (5). P. 499–515.
- Slovic P.* The more who die, the less we care // Slovic P. The feeling of risk: New perspectives on risk perception (Earthscan risk in society). N. Y.: Earthscan, 2013. P. 57–68.
- Smalla C. T., Sage A. P.* Knowledge management and knowledge sharing: A review // Information Knowledge Systems Management. 2005/2006. № 5. P. 153–169.
- Smelger N. J.* Theory of collective behavior. L.: Routledge–Kegan Pau, 1962.

- Smith A. U. S.* Views of technology and the future: Science in the next 50 years. URL: <http://www.pewinternet.org/2014/04/17/usviewsoftechnologyandthefuture/> (дата обращения: 05.11.2017).
- Smith E. R.* Social identity and social emotions: Toward new conceptualization of prejudice // *Affect cognition and stereotyping: Interactive processes in group perception* / Eds D. M. Mackie, D. L. Hamilton. San Diego, CA: Academic Press, 1993. P. 297–315.
- Smith N., Leiserowitz A.* The role of emotion in global warming policy support and opposition // *Risk Analysis: An International Journal*. 2014. V. 34 (5). P. 937–948.
- Spitzer M.* Beware of the TV screen. 2012. Spring. P. 37–53. URL: <http://n-t.org/nv/2005/03042.htm> (дата обращения: 10.03.2014).
- Steel P., Onig C.* Integrating theories of motivation // *Academy of Management Review*. 2006. V. 31 (4). P. 889–913.
- Stein J. G.* Threat perception in international relations // *The Oxford Handbook of Political Psychology* / Eds L. Huddy, D. O. Sears, J. S. Levy. Oxford: Oxford University Press, 2013.
- Steinert H.* Unspeakable September 11-th: Taken-for-granted assumptions, selective reality constructions and populist politics // *International Journal of Urban and Regional Research*. 2003. V. 27. P. 651–665.
- Stephan W. G., Stephan C. W.* An integrated threat theory of prejudice // *Reducing prejudice and discrimination* / Ed. S. Oskamp. Hillsdale, N. J.: Erlbaum, 2000. P. 225–246.
- Stern E. K.* Crisis decisionmaking: A cognitive institutional approach. Stockholm: Swedish National Defence College, 2003.
- Sternberg R. J., Soriano L. J.* Styles of conflict resolution // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1984. V. 47 (1). P. 115–126.
- Stoknes P. E.* What we think about when we try not to think about global warming: Toward a new psychology of climate action. Vermont: Chelsea Green Publishing, 2015.
- Stoner J. A. F.* Risky and cautious shifts in group decisions: the influence of widely held values // *Journal of Experimental Social Psychology*. 1968. V. 4. P. 442–459.
- Stop Climate Chaos // Manifesto (retrieved July 1, 2008). URL: http://www.stopclimatechaos.org/about_us/8.asp (дата обращения: 15.10.2017).
- Story J. S. P., Barbuto J. E., Luthans F., Bovaird J. A.* Meeting the challenges of effective international HRM: Analysis of the antecedents of global mindset // *Human Resource Management*. 2014. V. 53 (1). P. 131–155.
- Stott C., Reicher S. D.* Crowd action as intergroup process: Introducing the police perspective // *European Journal of Social Psychology*. 1998. V. 28. P. 509–529.

- Stromquist N. P.* Theorizing global citizenship: Discourses, challenges, and implications for education // *International Journal of Education for Democracy*. 2009. V. 2 (1). P. 6–29.
- Strumpel B.* Economic well-being as an object of social measurement // *Subjective elements of well-being*. Paris: Organization for economic cooperation and development, 1974. P. 75–122.
- Suchy P., Thayer B. A.* Weapons as political symbolism: The role of US tactical nuclear weapons in Europe // *European Security*. 2014. V. 23 (4). P. 509–528.
- Surowiecki J.* *The wisdom of crowds*. N. Y.: Anchor Books, 2005.
- Sussman S., Dent C. W., McCullar W. J.* Group self-identification as a prospective predictor of drug use and violence in high-risk youth // *Psychology of Addictive Behaviors*. 2000. V. 14 (2). P. 192–196.
- Sussman S., Pokhrel P., Ashmore R. D., Brown B. B.* Adolescent peer group identification and characteristics: A review of the literature // *Addictive Behaviors*. 2007. V. 32. P. 1602–1627.
- Taggar S.* Individual creativity and group ability to utilize individual creative resources: a multilevel model // *Academy of Management Journal*. 2002. V. 45 (2). P. 315–330.
- Taliaferro J. W.* *Balancing risks: Great power intervention in the periphery*. Ithaca, N. Y.: Cornell University Press, 2004.
- Teney C., Lacewell O. P., De Wilde P.* Winners and losers of globalization in Europe: attitudes and ideologies // *European Political Science Review*. 2013. November. P. 1–21.
- Tetlock Ph. E., McGuire Ch. B., Mitchell G.* Psychological perspectives on nuclear deterrence // *Annual Review of Psychology*. 1991. V. 42. P. 239–276.
- Thorpe S., Brosnan M.* Does computer anxiety reach levels, which conform to DSM-IV criteria for specific phobia? // *Computers in Human Behavior*. 2007. V. 23. P. 1258–1272.
- Tilly Ch.* *From mobilization to revolution*. Reading, MA: Addison-Wesley, 1978.
- Tiryakian E., Beck U.* Cosmopolitanism as imagined communities of global risk // *American Behavioral Scientist*. 2011. V. 55 (10). P. 1346–1361.
- Tonna B., Hemrick A., Conrad F.* Cognitive representations of the future: Survey results // *Futures*. 2006. V. 38. P. 810–829.
- Toqueville A.* *The old regime and the French revolution*. N. Y.: Anchor, 1955.
- Trotsky L.* *The history of Russian revolution*. N. Y.: Doubleday, 1959.
- Tuomi I.* *Networks of innovation: Change and meaning in the age of the internet*. Oxford: Oxford University Press, 2002.

- Turner J. C., Oakes P. J., Haslam S. A., McGarty C. Self and collective: Cognition and social context // *Personality and Social Psychology Bulletin*. 1994. V. 20. P. 454–463.
- Tzu-Shian H., Hsu-Hsin Ch., Aihwa Ch. Employee participation in decision making, psychological ownership and knowledge sharing: Mediating role of organizational commitment in Taiwanese high-tech organizations // *International Journal of Human Resource Management*. 2010. V. 21 (12). P. 2218–2233.
- UNESCO science report 2010. The current status of science around the world. Paris: UNESCO Publ., 2010.
- Urry J. *Global Complexity*. Cambridge: Polity Press, 2002.
- Van Zomeren M., Spears R., Leach C. W. Exploring psychological mechanisms of collective action: Does relevance of group identity influence how people cope with collective disadvantage? // *British Journal of Social Psychology*. 2008. V. 47. P. 353–372.
- Vartanova E. The Russian network society // *The network society: A cross-cultural perspective* / Ed. by M. Castells. Northampton, MA: Edward Elgar, 2004. P. 84–98.
- Verleye K., Jaakkola D., Helkkula A., Aarikka Stenroos D. The correlation experience from the customer perspective: Its measurement and determinants // *Journal of Service Management*. 2015. V. 26 (2). P. 321–342.
- Vider S. Rethinking crowd violence: Self-categorization theory and the Woodstock, 1999 // *Journal for the Theory of Social Behavior*. 2004. V. 34. P. 141–166.
- Waddington D., Jones K., Critcher C. Flashpoints of public disorder // *The Crowd in Contemporary Britain* / Eds G. Gaskell, R. Benewick. L.: Sage Publications, 1987.
- Wallerstein I. *The modern world system*. V. 3. San Diego, SA: Academic Press, 1989.
- Walsh J. Lessons from past success: The NPT and the future of non-proliferation // The paper prepared for the Weapons of mass Destruction Commission. № 41. Stockholm. October, 2005. URL: <http://belfercenter.ksg.harvard.edu/files/wmdcno41.pdf> (дата обращения: 10.11.2017).
- Waltz E. *Information warfare: Principles and operations*. Boston–L.: Artech House, 1998.
- Weber E. U. Experience-based and description-based perceptions of long-term risk: Why global warming does not scare us (yet) // *Climatic Change*. 2006. V. 77 (1/2). P. 103–120.
- Wegner D. M. Transactive memory: A contemporary analysis of the group mind // *Theories of group behavior* / Eds B. Mullen, G. R. Goethals. N. Y.: Springer, 1987. P. 185–208.

- Weick K. E., Roberts K. H.* Collective mind in organizations: Heedful interrelating on flight decks // *Administrative Science Quarterly*. 1993. V. 38 (3). P. 357–331.
- Weil M. M., Rosen L. D.* A study of technological sophistication and technophobia in university students from 23 countries // *Computers in Human Behavior*. 1995. V. 11 (1). P. 95–133.
- Wenger D. E.* A few empirical observations concerning the relationship between the mass media and disaster knowledge: A research report // *Disasters and the mass media: Proceedings of the committee on disasters and the mass media workshop*. Washington, D. C.: National Academy of Sciences, 1980. P. 241–266.
- Wenger E.* *Communities of practice: Learning, meaning and identity*. Cambridge: Cambridge University Press, 1999.
- Wenger E., Synder W.* *Communities of practice: the organizational frontier* // *Harvard Business Review*. 2008. V. 21. P. 332–349.
- Westjohn S. A., Arnold M. J., Magnusson P., Zdravkovic S., Zhou J. X.* Technology readiness and usage: a global-identity perspective // *Journal of the Academy of Marketing Science*. 2009. V. 37 (3). P. 250–265.
- Wolfensberger D. R.* *Congress and the Internet: Democracy's uncertain link* // *Democracy and the Internet: Allies or Adversaries?* / Eds L. D. Simon, J. Corrales, D. R. Wolfensberger. Washington, D. C.: Woodrow Wilson Press, 2002. P. 67–102.
- Yeung A. K., Ulrich D. O., Nason S. W., Von Glinow M. A.* *Organizational learning capability*. Oxford–N. Y.: Oxford University Press, 1999.
- Young K.* Standard deviations: An update on North American sports crowd disorder // *Sociology Sport Journal*. 2002. V. 19. P. 237–275.
- Yudkowsky E.* Cognitive biases potentially affecting judgment of global risks // *Global Catastrophic Risks* / Eds N. Bostrom, M. M. Ćirković. N. Y.: Oxford University Press, 2008. P. 91–119.
- Zagorin P.* *Rebels and rulers*. V. 1. Cambridge: Cambridge University Press, 1982.
- Zakaria F.* Islam, democracy and constitutional liberalism // *Political Science Quarterly*. 2004. V. 1. P. 119.
- Zakour A. B.* Information technology acceptance across cultures // *Information resources management: Global challenges* / Ed. W. K. Law. Hershey, PA: Idea, 2007. P. 25–53.
- Zaleski Z.* Future anxiety: concept, measurement and preliminary research // *Personal Individual Difference*. 1996. V. 21 (2). P. 165–174.
- Zaleski Z.* Future orientation and anxiety // *Understanding behaviour in the context of time, theory, research and application* / Eds A. Strathman, J. Joireman. Mahwah, N. J.: Lawrence Erlbaum Associates, 2005. P. 125–141.

- Zandberg E., Meyers O., Neiger M.* Past continuous: Newsworthiness and the shaping of collective memory // *Critical Studies in Media Communication*. 2012. V. 29 (1). P. 65–79.
- Zawahiri A.* The emancipation of mankind and nations under the banner of the Koran, posted to Usamah's memo forum. 2005. 30 January. URL: <http://w/www.westminster-institute.org/articles/jihadist-ideology-the-core-texts-3> (дата обращения: 10.10.2017).
- Zeitz K., Bolton S., Dippy R., Dowling Y., Francis L., Thorne J., Butler T., Zeitz C.* Measuring emergency services workloads at mass gathering events // *Australian*. 2007. P. 23–30.
- Zeitz K. M., Tan H. M., Grief V., Zeitz Ch. J.* Crowd behavior at mass gatherings: A literature review // *Personal and Disaster Medicine*. 2009. V. 24 (1). P. 32–38.
- Zeitz K. M., Zeitz C. J., Arbon P.* Forecasting medical work at mass-gathering events: predictive model versus retrospective review // *Prehospital and Disaster Medicine*. 2005. V. 20. P. 164–168.
- Zeugner-Roth K. P., Žabkar V., Diamantopoulos A.* Consumer ethnocentrism, national identity, and consumer cosmopolitanism as drivers of consumer behavior: A social identity theory perspective // *Journal of International Marketing*. 2015. V. 23 (2). P. 25–54.
- Zhang J., Carpenter D., Ko M.* Online astroturfing: A theoretical perspective // *Proceedings of the Nineteenth Americas conference on information systems (Chicago, Illinois, August 15–17)*. 2013. URL: https://www.researchgate.net/profile/darrell_carpenter/publication/286729041 (дата обращения: 10.11.2017).
- Zimbardo Ph., Boyd J.* The time paradox: The new psychology of time that will change your life. N. Y.: Free Press, 2008.
- Zollo F., Novak P. K., Del Vicario M., Bessi A., Mozetič I., Scala A.* et al. Emotional Dynamics in the Age of Misinformation // *PLoS ONE*. 2015. V. 10 (9). P. 2047–2059.

Лицензия ЛР № 03726 от 12.01.01
Издательство «Институт психологии РАН»
129366, Москва, ул. Ярославская, д. 13
Тел.: +7 (495) 540-57-27
E-mail: vbelop@ipras.ru. <http://www.ipras.ru>

Сдано в набор 07.12.17. Подписано в печать 13.12.17
Формат 60×90/16. Бумага офсетная. Печать офсетная
Гарнитура NewtonС. Уч.-изд. л. 23,9; усл.-печ. л. 28,2
Тираж 200 экз. Заказ №

Отпечатано в типографии ООО «Паблит»
127282, Москва, ул. Полярная, д. 31в, стр. 1
Тел.: +7 (495) 685-93-18